

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 1 (672) • 2012

«ЮНОСТЬ» © С. Красавская. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

*Весь 2012 год
на обложках журнала «Юность»
иллюстрации Анны Дудяковой*

© Анна Дудякова, рисунок
на первой стр. обложки, 2012

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Валентина ЛАНЦЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом
духовного наследия
Марина РЫБАКИНА
заведующая отделом
публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ПОЭЗИЯ

Валерий СКОБЛО	3
Вячеслав ИВАНОВ	36
Борис РЯБУХИН	101

ПРОЗА

Елена САЗАНОВИЧ ГАЙДЕБУРОВСКИЙ СТАРИК Роман	17
Владимир СЕМЕНЧИК	

КОНСУЛЬТАНТ ПО ЛЮБЫМ

ВОПРОСАМ Повесть из жизни офисного планктона	44
---	-----------

Владимир ХОЛОДОВ МАРИМАН Рассказ	80
--	-----------

20-Я КОМНАТА / ТЕМА НОМЕРА

Михаил ДОБРИЯН, Кирилл МАЛКИН ВСЕЛЕННАЯ НАЧИНАЕТСЯ В ТАРУСЕ Беседа с Ириной АЛЕКСЕЕВОЙ	11
--	-----------

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ ВЕСТЬ	43
-------------------------------------	-----------

КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК!

Марианна ТАРАСЕНКО ГДЕ ВАША «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОВЕСТЬ»?	67
ПОЖАЛУЙСТА, ГОВОРите ПО-РУССКИ!	68

ИНОЗЕМНЫЙ СЮЖЕТ

Артур КОНАН ДОЙЛ КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО Перевод Евгения Никитина	71
---	-----------

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ УВИЖУ САМ Человекотекст, книга 3 (продолжение)	74
--	-----------

ПУТЕШЕСТВИЯ

Феликс ШВЕДОВСКИЙ ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК (продолжение)	107
---	------------

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Лейла КАФАРЗАДЕ г. Москва	111
Татьяна ЗЕМСКОВА г. Владимир	112
Сания ШАВАЛИЕВА г. Набережные Челны	113
Сергей ПЕТРОВ г. Москва	123
Александр ШЕМЕТОВ Крым	126
Олег ЛЕБЕДЕВ г. Москва	133

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// Детектив на ночь // Валерий ИЛЬИЧЕВ ПОХОЖДЕНИЯ «ПОДМИГИВАЮЩЕГО ПРИЗРАКА» Повесть (продолжение)	145
---	------------

// Зеленый портфель //

Валерий АНТОНОВ ВОСЕМНАДЦАТЬ ПРИЗНАКОВ ТОГО, ЧТО ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА НЕ ЗА ГОРАМИ	157
БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ. НАШИ ДНИ	158
«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» (совсем не по И. С. Тургеневу)	159

// «До востребования» //

Галка ГАЛКИНА ИНТЕРЕСНЕЕ ОБСУЖДАТЬ ПРОЧИТАННОЕ, ЧЕМ НА МИТИНГАХ ДУРЬЮ МАЯТЬСЯ	161
---	------------

// VERIORA VERIS //

Шалун ГЕО, человек у оркестра А КОГДА ПРИДЕТ ИЮНЬ, ВЫСУНЬ ПАСПОРТ И ЗАСУНЬ!	162
---	------------

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения

Ульяна ТКАЧЕНКО

Художник-иллюстратор

Анна ДУДЯКОВА

Дежурные по редакции

Аврора КОТОВА

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправок:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр

«Наука» РАН,
ОП «ПИК «ВИНИТИ-Наука»»

140014, Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр., 403

Тел. **+7 (495) 974-69-76**

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Родился в Ленинграде в 1947 году. Окончил математико-механический факультет Ленинградского университета. Работал научным сотрудником в НИИ Ленинграда-Петербурга. Автор научных трудов в области прикладной математики, радиофизики, оптики.

Первая публикация стихов — в ленинградском «Дне поэзии» (1973). Сборники стихов: «Взгляд в темноту» (СПб., 1992), «Записки вашего современника» (СПб., 2011). С 1993 года — член Союза писателей Санкт-Петербурга.

Стихи, проза, публицистика печатались в отечественных и зарубежных изданиях: «День поэзии», «Молодой Ленинград», «Нева», «Звезда», «Аврора», «Невский альбом», «Чиж и Еж», «Петербургский час пик», «Невское время», «Арион», «Литературная газета», «День и ночь», «Независимая русская газета», «Колокол» (Англия), «Горизонт», «Новое русское слово», «Слово/Word» (США), «Иерусалимский журнал» (Израиль), «Крещатик» (ФРГ) и др.; в неподцензурных изданиях (1982–1983): антологии «Острова», журнале «Молчание» и др.

Живет в Санкт-Петербурге.

ЧТО ТАКОЕ ПОЭЗИЯ

У меня всегда были сложные отношения с творчеством Александра Блока. В разные периоды моей жизни Блок был мне близок и чужд, дружественен и враждебен. Эти отношения не устоялись и сейчас. Но с первого мгновения, когда я полвека назад прочитал «О назначении поэта», его мысль о волнах гармонии, пронизывающих мировой эфир и улавливаемых поэтом, стала мне понятной и родной. Поймите меня правильно: я математик по образованию и с некоей профессиональной подозрительностью отношусь к метафизическим построениям. Я допускаю... почти уверен в том, что эта мысль, вероятно, не имеет отношения к миру физическому, к тому, что называется объективной реальностью, — тем верней и неопровержимей кажется мне ее применимость к внутреннему миру человеческой души. Теперь я понимаю, что волны эти улавливаются почти всеми, в том числе и теми «олухами», до которых Блок не надеялся «достучаться». Хотел сказать: сердце любого нормального человека доступно этим волнам гармонии, и понял, что это неверно — многие люди, которых принято считать не вполне нормальными психически, воспринимают эти волны острее

нормальных, а некоторые, абсолютно нормальные, столь же абсолютно глухи к этим волнам. Не все люди, воспринимающие колебания мирового эфира, могут преобразовать их в рационально доступные образы, и не только ритмически оформленное слово может быть формой этого преобразования. Так же, из того же источника, берет свое начало и музыка — вечная подруга и грозная соперница поэзии. Но гармонизированное слово, ближе всего лежащее к самой основе того, что сделало нас людьми, отделившее нас от остального мира живой природы, кажется мне тем яблоком райского сада, горькой ценой наделившим нас познанием добра и зла. Есть какая-то удивительная тайна в том непреодолимом рубеже, отделяющем рифмованные строчки от стихов. Рифмованные строчки могут быть и хороши, а стихи — слабы, беспомощны... и, тем не менее, стихи останутся стихами, а зарифмованные строки, как бы искусны они ни были, стихами не становятся. И этот таинственный водораздел, отделяющий одно от другого, снова и снова возвращает нас к никакими рациональными построениями не решаемому вопросу: что же такое поэзия?

Валерий Скобло

Из стихов 1972–1982 гг.

* * *

Я теперь узнаю, по цене по какой
Доставались мне воздух, и хлеб, и покой,

И виною какой удавалось сберечь
Неподслушанной и незаписанной речь.

...Темнота подступает к провалу окна,
Над глухим переулком плывет тишина,

Но, вернувшись, сбежав из-под стражи сюда,
Надо мною полночная бьется звезда,

И дрожит, и мерцает, боясь уколоть
Безысходной земли задремавшую плоть.

* * *

Я пройду мимо Дома культуры,
Там культура, и танцы, и смех.
За окном проплывают фигуры,
Музыканты играют для всех.

Эти девочки не прогадали,
Что собрались сегодня сюда.
В полутемном прокуренном зале
Они счастливы? Кажется, да.

Не пугает их дым коромыслом,
Сигареты в зубах у парней,
Матерок, не нагруженный смыслом,
Потому что другое важней.

Важно то, что предчувствие встречи
И любви, что тревожит давно,
В этом зале ложится на плечи,
Дай-то Бог, чтоб свершилось оно.

Пусть влюбляются здесь в одночасье,
Пусть танцуют, торопятся жить...
Вместо этой надежды на счастье
Что сумеешь ты им предложить?

РАЗРЫВ

Я такой и запомню тебя:
Незнакомой, еще не моею,
Как стоишь ты, платок теребя,
Вспоминаю — и плакать не смею.

Что за день был, какое число,
Солнце или осенняя слякоть,
Не припомню, но было светло...
Боже мой, только бы не заплакать.

А потом, словно черный провал,
Память кажется чистой тетрадкой...
Обернулась... Я что-то сказал...
Ты спускаешься лестницей шаткой.

Ты уходишь, но совесть бела
Или память чиста — я не знаю,
Повторяешь: «Такие дела...»
Я тебя уже не провожаю.

Но тогда — в синем платье простом —
Улыбалась так грустно и горько,
Будто знала, что все, что потом,
И не важно, не важно нисколько.

* * *

— Руки прочь, руки прочь!.. —
 повторяет девица, кому — неизвестно.
Упирается ночь
 в освещенный сигнал: НЕТ ПРОЕЗДА.
Крик, похожий на всхлип...
 Темнота поглощает сигнал и девицу.
Вечный визг, вечный скрип
 тормозов наполняет ночную столицу.
Переулок, а в нем —
 дом и лозунг, подвешенный косо.
Родились и умрем
 в бестолковое время,
 под знаком вопроса.
Здесь мы жили
 когда-то с тобой,
 даже память молчит, вот и верь ей!
Тянет жилы, пытается,
 не может смириться с потерей.
Жили страшно давно,

и не снято о нас киноленты.
В переулке темно,
и теперь ты не спросишь: «Зачем ты?..»
Если б только суметь
отмолчаться. — Что станется с нами?
И ведь это не смерть,
но язык присыхает к гортани.
Горький страх-переросток...
Уже и не страшно нисколько.
Ресторан, перекресток,
девица... О, если бы только...

Письмо из Литвы

Посв. В. Х.

Я не скажу, дружище,
Что я не верю в Бога.
Быть может, мы другими
Словами называем
Одни и те же вещи,
Одно и то же имя —
Мы этого не знаем.

Но дело и не в этом,
А в том... Прости мне, Боже,
Что не был в жизни смелым
И что любовь не вынес,
Как павшего героя
Выносит под обстрелом
Товарищ с поля боя.

А что еще печально,
Что мне не измениться.
И так мне одиноко
В толпе, в шумящей роще,
Что понимаю ясно:
Еще так жить — жестоко,
А умереть — нет проще.

О, как хотелось верить
Под сводами костела,
Но верить не могу я,
Назад дороги нету.
И потому, тоскуя,
Ненужная покуда,
Душа летит по свету.

* * *

Посв. А. Р. Ш.

Покуда за мною следит
недреманное око судьбы,
Мелькают в окне
полустанки, деревни, столбы.
Покуда качаются звезды,
сияют и меркнут к утру,
Я сплю, и мне снится,
что я никогда не умру.
Наш поезд ночной
догоняет мой хмурый, неласковый друг.
И мы говорим с ним...
И столько свободы вокруг.
Пробелы в судьбе оставляя,
к чему призывал Пастернак,
В ответ ощущаем
сигнал подтверждения, знак,
Что важно не выжить, но выстоять...
Или ценою потерь
Понять чью-то мысль...
Проводница стучит в нашу дверь.
Глаза открываю...
За шторкой, как водится, серый рассвет.
Попутчики наши
спешат в станционный буфет.
Тревогам ночным — грош цена...
Все же мне очевидно, что сон —
Лишь отблеск реальности,
слабо качнувшей вагон.
Я вижу, как к югу летит
пресловутый гусей караван.
На лес вдалеке наползает белесый туман.
Структура стиха не вмещает
пространство полей и лесов.
Я все же пишу, сознавая бессилие слов.
Мы вряд ли сумеем, дружище,
продолжить ночной разговор.
Он не был и прерван —
он длится с каких еще пор.
Душа преникает к стеклу,
и преграда душе нелегка.
За поездом тянется темною нитью река.
Над поездом рвется
отброшенный ветром и тающий звук.
Какая реальность у нас ускользает из рук,
Какая свобода...

И неудержимо летит впереди...
Наш вечный попутчик сжимает мне сердце
и властно твердит: «Погляди...»

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

О, как обреченно и ярко
Осенние листья горят...
Не нужно другого подарка —
Томите и радуйте взгляд.

Сбегая с пологого склона,
Их счастьем и мукой горя,
Ты видишь пылание клена
На жгучем ветру октября.

А дальше — весь лес, как застава,
Встает огневою стеной,
И слышится слева и справа
Их шорох почти жестяной.

Их шепот, знакомый до дрожи,
Подскажет слова и размер...
И самосожженье их тоже
Ты выбрал себе как пример.

Из стихов 1989–2011 гг.

* * *

На пути из варяг в греки
Я не помню, зачем был нужен
Этот путь... Воспаленные веки
Не оставят меня вчуже
От заплывших грязью обочин,
Перелесков из красной меди...
Я не помню, чем был озабочен,
Когда шел от победы к победе.
Но теперь, ощущение цели
Потеряв, вспоминать волен...
Помню, как в небесах пели
Облака над раскисшим полем,
Как кричали вороньи стаи...
Этот крик называется граем?
Как из белых черными стали
И коснулись нас тучи краем
Там, где ветер свистит на просторе

Все пронзительней с каждым годом...
А все реки текут в море,
Откуда мы все родом.

* * *

Если ты не умеешь
 прожить в этой нищей стране,
Чуть присыпанной снегом,
 вмерзающей в зимнюю стужу,
Если трудно дышать
 в обступившей тебя тишине,
Значит, время настало
 проситься отсюда наружу.

Если необратимо
 и жутко пустеет вокруг,
Так что вещи и те
 ждут — не могут дожидаться отправки,
И тебе не дано
 знать, чем жив твой уехавший друг,
Значит, нужно и вправду
 готовить анкеты и справки.

Если ты здесь чужой
 на последнем похмельном пиру
И сосчитаны все
 расставанья, обиды и вины...
Черт-те что ты бормочешь
 на высекшем слезы ветру,
В свой окопчик вгрызаясь
 среди вымерзшей русской равнины.

* * *

Ветер рвет облака, а точнее, тучи,
Такие, знаете, с чернотой с краю,
В такую погоду много лучше
Сидеть дома, а я вот гуляю.
Поссорился с женой, жизнью и миром,
Старые счета, и никак не сквитаться.
В этом положении сиротливом —
Одна мысль: пора расставаться.
Все к тому и идет: сердце ноет,
Не за державу в расцвете и блеске.
Как писал поэт, «нас (было) трое...»
А теперь выпить и покурить не с кем.

...Не за Россию болит, что обидно,
А само по себе — ничего такого,
Метафизического. Мне стыдно
Непоэтичности такого итога.
Декабрь, дождик, промок до нитки,
Какой уж зонтик в такой ветер?..
Пора, повторю, собирать пожитки,
Зажился, зажился на этом свете.
Такие нынче погоды, что прав ты:
Их пережить — не по нашим силам...
О своей-то жизни не знаю правды,
Всего и было, что жгла и томила,
Только о боли осталась память,
Синяки, ссадины, рваные связки...
Так получалось — все время падать.
...Вставать и снова тащить салазки.
О салазках — это так, фигурально,
Как говорится, пришлось к слову,
Все, что позже узнал, было банально,
Если детские знания взять за основу.
Полдекабря дождик — для меня круто,
Нет, не привыкнуть к такому чуду...
...Не знаю правды о себе, потому-то
О чужой жизни не пишу... И не буду.

Михаил ДОБРИЯН, Кирилл МАЛКИН

Михаил Добриян, директор СКБ космического приборостроения Института космических исследований РАН: «Занимаемся двумя перспективными проектами. Лунными! Это “Луна-глоб” и “Луна-ресурс”».

Кирилл Малкин, молодой ученый, переехавший на ПМЖ из Канады в Россию: «Фальшь пронизывает все западное общество!»

ВСЕЛЕННАЯ НАЧИНАЕТСЯ В ТАРУСЕ

Не потому ли именно в Калужской губернии возникли у Константина Эдуардовича Циолковского мечты о полетах во Вселенной, что примыкают эти земли каким-то загадочным образом к космосу? Вот уж Таруса — небольшой уютный городок на Оке — точно примыкает! А последние двадцать пять лет в городе даже существует и развивается СКБ космического приборостроения Института космических исследований РАН.

Тарусское космическое СКБ участвует во многих международных проектах, здесь создаются уникальные приборы для исследований Вселенной. И здесь, именно в этом инженерном сообществе, находят свое призвание молодые люди. Один из них просто удрал из Канады прямо в Тарусу — поближе к звездным просторам, чтобы работать в этом удивительном СКБ. Такое в наше время, согласитесь, случается нечасто.

Четверть века руководит тарусской «космической станцией» Михаил Борисович Добриян.

— Михаил Борисович, принято считать, что сегодня молодые обходят стороной инженерные специальности и выбирают для себя другие профессии.

— Проблема эта имеет место, и с молодежью на предприятиях ракетно-космической отрасли очень тяжело. Вернее, тяжело без нее. Молодые предпочитают юридическое или экономическое образование, позволяющее им делать карьеру в непроизводственной сфере.

Понимая, что нам обязательно нужна смена и надо передавать кому-то опыт, накопленный нашим поколением приборостроителей, мы внимательно относимся к вопросам работы с молодежью. У нас очень тесные связи с вузами. В Калуге есть замечательный филиал Бауманского университета. Мы уже десятилетия сотрудничаем с кафедрой систем управления: помогаем им оснащать лаборатории, регулярно устраиваем практику для студентов. Надеемся, что, придя к нам на практику, студенты заинтересуются нашими проектами и захотят у нас работать. И такие случаи есть.

Двух братьев Владимира и Льва Рожковых из Калуги мы приняли в позапрошлом году еще студентами, в прошлом году они окончили институт и пришли к нам вполне подготовленные. Ребята очень толковые, поступили в аспирантуру при РАН и совмещают учебу с работой у нас.

Основная проблема при наборе молодежи — отсутствие жилья. Конечно, многие с удовольствием пошли бы работать к нам, потому что работа интересная: приходится постоянно сталкиваться с новыми задачами, в КБ разрабатываются и изготавливаются уникальные приборы для научных космических исследований. Кроме того, есть и немало прикладных задач.

Мы организовали мини-общезитие, чтобы молодых инженеров можно было где-то разместить. Остался у нас после окончания института и Сергей Горбатов, очень хорошо работает. А Кирилл Малкин приехал к нам из Канады. Он прочитал в Интернете о нашем КБ и написал электронное письмо с рассказом о себе и просьбой взять его на работу. Мы ему ответили: «Приезжай!» На работу мы его приняли с испытательным сроком, который он успешно выдержал.

— *Как Вы думаете, почему молодежь отвернулась от инженерной профессии? Тут фактор материальный или у молодых разочарование в техническом будущем России?*

— Нельзя сказать, что у нас стало меньше технических вузов. Нельзя сказать, что они недобирают абитуриентов. Но, оканчивая даже технические вузы, молодежь предпочитает заниматься менеджментом, а не технической работой, которая требует значительных усилий. Ведь для того, чтобы стать специалистом после окончания института, надо поработать не менее пяти лет. Чтобы овладеть профессией. А на нас сегодня отовсюду сыплются примеры быстрых карьер и такого образа жизни, на который нужны деньги. Мне кажется, что мы проиграла в глобальном смысле некую пиар-кампанию, мы не пропагандируем инженерный труд, мы не говорим молодежи: «Да, вы потрудитесь, но займете достойное место в обществе». А как можно говорить о достойном месте в обществе, если в системе Академии наук зарплата доктора наук до недавнего времени была такой, как у охранника, например? Престиж научных и инженерных профессий сильно упал. В последнее время затеяли реформу, реорганизацию науки, реформу Российской академии наук, это немного изменило ситуацию к лучшему, но до конца всей проблемы не решило.

— *Михаил Борисович, если от земных проблем уйти и посмотреть на небо звездное... Как Вы оцениваете положение России в освоении космоса? Мы утратили приоритет или все-таки он удерживается?*

— Пока еще не утратили! Россия остается одной из ведущих космических держав. По количеству запусков наша страна находится сегодня на первом месте. Другой вопрос, что те процессы, которые происходят в ракетно-космической отрасли, не вну-

шают большого оптимизма. Не случайны неудачи, которые недавно имели место при запусках спутников. К сожалению, уровень потихоньку падает, и поэтому со стороны правительства нужны меры, касающиеся технического перевооружения предприятий.

Взять хотя бы наше КБ. Мы работаем сегодня на оборудовании 80-х годов прошлого века. Оно не только морально устарело, оно физически изношено, а мы делаем уникальную технику для специального применения — как для космических исследований, так и для прикладных проектов. Пока мы работаем только благодаря высочайшей квалификации своих специалистов, у которых уже наступил пенсионный возраст. Завтра они закончат свою трудовую деятельность, и некому будет делать эти тонкие вещи. Примерно такая же картина по многим предприятиям, во всяком случае в Академии наук. Я не буду говорить о ракетной отрасли вообще, а в системе РАН ситуация такая.

Хотелось бы, конечно, чтобы Россия сохранила свое лидерство. В свое время было столько вложено в эту отрасль, вся страна работала на это, и растерять все было бы непозволительной роскошью.

Где человечество в будущем будет черпать ресурсы? Все надежды возлагаются на освоение космического пространства, не случайно мы сейчас занимаемся двумя перспективными проектами. Лунными! Когда-то после неудачных запусков эту программу закрыли, а вот сейчас, слава богу, вернулись, и два научных проекта будут реализованы в ближайшее время. Это «Луна-глоб» и «Луна-ресурс». Луна — естественный спутник Земли — лучшая промежуточная база для проведения исследований и для подготовки межпланетных миссий, кроме того, там может быть немало полезных вещей, которые пригодятся нам здесь, на Земле.

— *Ваше КБ участвует в этом?*

— Да, мы делаем приборы для этих миссий.

После встречи с Михаилом Борисовичем я побеседовала с Кириллом Малкиным — молодым инженером, переехавшим в Тарусу из Канады. Случай, мягко говоря, уникальный. Наслушавшись сетований по поводу утечки мозгов на Запад и насмотревшись на молодых ученых, пакующих чемоданы в ожидании выгодных приглашений из-за океана, удивительно было узнать о решении Кирилла. И, конечно, вспомнилось из Горюхицкого:

Над Канадой небо синее,
Меж берез дожди косые...
Хоть похоже на Россию,
Только все же — не Россия.

— Кирилл, расскажите о себе, где Вы родились, в какой семье, как оказались в Канаде?

— Родился в славном городе Донецке на Украине в 82-м. Донецк — промышленный многонациональный город. Там всегда было много русских. И мои родители русские. Оба инженеры. Отец — горный инженер-буровик. Мама — инженер-электрик.

Родители решили эмигрировать, и мы уехали в начале 2001 года. В Канаде я прожил восемь с половиной лет. Школу окончил в Донецке, отучился три семестра на программиста в Донецком политехническом институте. Теперь он называется Донецкий национальный университет. Сам я еще не знал, чего хотел, и когда переехали в Канаду, учился год на программиста в университете Оттавы просто потому, что это было мне знакомо. Другая программа, другая система образования... Было, честно говоря, страшно начинать что-то новое.

— А язык?

— Мы в школе английский учили с первого класса. У нас был экспериментальный класс. По-английски мы говорили здорово, никаких проблем с пониманием не возникало. Там же для того, чтобы поступить в университет, нужно подтвердить знание государственного языка. Подтвердить это можно либо проучившись в школе, куда не хотелось возвращаться, либо сдав экзамен. Экзамены мы с братом сдали с успехом. Проучившись год на программиста, я понял, что это не для меня, что это насилие над собой. Я перевелся в Карлтонский университет Оттавы на авиакосмическую программу и окончил университет пусть с некоторым опозданием, но там, где мне было интересно.

— Вам предложили работу в Канаде?

— Я работал уже во время учебы, летом проходил практику в Национальном исследовательском институте, и после этого шансы на трудоустройство повысились: есть стаж, уже как-то себя показал... Но как раз когда выпускался, грянул кризис в отрасли авиастроения, кризис был системный, наверное, года с 2005-го. А я окончил университет в 2007-м. Канада большей частью страна сырьевая. Промышленность есть, но это филиалы крупных американских фирм, таких как «Боинг», которые занимаются только сборкой. А для этого нужен несколько другой профиль, и по профессии устроиться было тяжело. Я встречал ребят, с которыми учился. Только два-три человека что-то интересное нашли.

— А какая у Вас специализация?

— Как бы это перевести близко к тексту... Аэродинамика, двигатели и общие характеристики летательных аппаратов. Конструктор авиакосмической техники, как мне объяснили здесь.

— Вы успели поработать в Канаде?

— Поработать успел, только не по специальности. Я уже говорил, что работал, пока учился. Работал каждое лето, чтобы собрать деньги на следующий учебный год. Ведь высшее образование там платное. Для всех. Но есть ограниченное количество мест, за которые кто-то платит. Например, у человека в школе были выдающиеся спортивные достижения, и, допустим, ассоциация футбола хочет помочь ему получить высшее образование. Так вот она оплачивает полностью или выдает какую-то сумму в зачет образования. Но это случается редко.

За кого-то платят родители, кто-то берет заем у государства, кто-то платит сам. Например, с нами училась девочка, которая к моменту окончания владела собственным домом. Все своим трудом, она ни на кого не полагалась. Но таких — единицы. Стоимость оплаты некоторых программ значительно выше — это юриспруденция или медицина. Там цены отличаются, а вот все остальные примерно на одном уровне.

Суммы за обучение постоянно растут. Когда я начинал учиться, для граждан и резидентов это было около трех тысяч канадских долларов за семестр, то есть до шести тысяч в год. А к концу обучения плата выросла на полтысячи в год. Поэтому сразу после приезда я начал подрабатывать в магазинах, кафе, на заправках — там чаще всего дают работу студентам. Для иностранца стоимость обучения вдвое выше.

— А у Вас какой был статус?

— Резидент, то есть живущий в Канаде, но не имеющий гражданства.

— И как там протекает студенческая жизнь?

— Бросается в глаза, что нет сплоченности между студентами. Я сравниваю с Донецким политехническим институтом. Если у нас, к примеру, на носу была контрольная или серьезное испытание, то ребята вместе к этому готовились, помогали друг другу.

В Канаде отношения конкурентные. Причем это больше всего развито у канадцев, у эмигрантов это чувствуется меньше. Какие-то сообщества есть. Например, китайцы, индусы, арабы готовятся кучей к экзамену. А канадцы все по одному.

Учиться в Карлтоне, по сравнению с Донецким политехническим, было легче. В политехническом никто не контролировал уровень нашей подготовки в течение семестра, а в конце нужно было сдавать экзамен. А в Карлтоне все распределено на весь семестр: самостоятельные работы, домашние, которые проверяются и составляют часть финальной оценки. Допустим, пятьдесят процентов дает экзамен, остальные пятьдесят — работа в течение семестра. А в политехе предоставлялась полная свобода,

которая в сочетании с ленью большинства в конце семестра приводила к стрессу!

А вот нехорошее в канадском университете: экзамены проводили очень неравномерно. На Украине экзамены устраивались не чаще, чем раз в три дня. А в Карлтоне назначали три экзамена за двадцать четыре часа. Я сдавал два экзамена в один день, а мой товарищ уложил три экзамена в двадцать семь часов. При этом экзамены по абсолютно разным предметам.

— *Как вообще Вам жизнь в Канаде? Почему Вы в итоге решили уехать? Ведь многие, наоборот, мечтают выехать за рубеж, денег заработать, да и просто спастись из гибнущей России...*

— Миф о цветущем Западе до сих пор жив, хотя на самом деле реальность изменилась с 70-х годов. Как утверждают канадцы, с которыми я работал, в 60–70-е годы мужчина, работая сварщиком или слесарем, мог содержать семью (жена и двое детей) и при этом покупать машины и дома. Сейчас ситуация другая. Почему-то люди на территории бывшего СССР до сих пор в этот миф верят! В частности, мой отец верил, пока не увидел все своими глазами.

— *А сейчас разуверился?*

— Сейчас он планирует доработать до пенсии, потому что пенсию не успел заработать у нас в лихие 90-е. То есть чтобы хоть где-то какая-то пенсия была. Скорее всего, вернется назад.

— *Кирилл, Вы молодой человек и вряд ли задумываетесь о пенсии. Почему же Вы вернулись в Россию?*

— Попытаюсь сформулировать, хотя это трудно, конечно. Когда человек окунается в общество потребления, коим является, в частности, вся северная Америка, он становится частью этого общества. Он интересен только как потребитель. На самом деле благополучие там внешнее. Оно прикрывает фальшь, которая пронизывает все!

— *В чем же Вы увидели фальшь?*

— Да ничего настоящего нет, начиная от материальных вещей и заканчивая духовными. Например, такое возвышенное чувство, как любовь... Она заменена сексом.

Дело в том, что общество потребления строится на том, чтобы человек себя чувствовал одиноким. Внешне у него все хорошо, а внутри... По модели общества потребления, оберегаемой властью и имущими, человек должен быть один. Потому что тогда у него пробуждается чувство одиночества, и ему чего-то не хватает. Он начинает окружать себя материальными вещами, пытаясь заглушить в себе это чувство.

— *Но так человек обманывает самого себя, собственную душу?*

— Может быть. Еще такой пример. Кино распространено широко, в кинотеатры люди ходят часто.

Кино — это товар. А театр — настоящий театр — уже не товар. Интерес к театру есть у очень узкого круга людей.

То, что легко продать, — вот оно, напоказ, перед глазами. А то, что нельзя продать, чаще всего в тени или забыто. Массовый вкус решает судьбу и художника, и изобретателя. Это вкус толпы, который убивает подлинную личность. В этом смысле я не вижу своего будущего в том обществе. Оно чуждо мне по идеологии, по культуре. Многие с этим могут жить, мне с этим жить невозможно, несмотря на то, что у меня нет языкового барьера. Всю жизнь мириться с этой наполняющей все вокруг фальшью я не могу.

— *В чем же все-таки она выражается?*

— Ну вот, допустим, зайдете вы в супермаркет. Полки ломятся, товары разнообразные, а когда начинаешь присматриваться — одно и то же в разных упаковках. Я не говорю, что в России этого нет, что здесь что-то идеальное. Я просто уверен, что западное общество, как я его для себя понял, идет в тупик. Наше же общество, в каком бы плачевном состоянии оно ни находилось, имеет шанс развернуться в другую сторону.

Если говорить о личных отношениях... Может быть, и грубовато звучит, но через массовую культуру внушается: друзья — это те, с кем ты пьешь пиво, а любимый человек — это тот, с кем ты спишь. Полная примитивизация таких вещей, которые дают человеку внутреннее наполнение. Это можно сравнить с вездесущим «Макдоналдсом»: вроде бы и еда, но настолько она упрощена и фальшива, что-то совсем другое получается на самом деле. Конечно, я не о еде, а обо всем. Любое явление жизни — это красивая обертка, а что под ней — становится понятно позже.

— *В личных отношениях Вам там пришлось столкнуться с чем-то таким, чего в России Вы надеетесь никогда не встретить?*

— Несмотря на то, что знакомых у меня среди канадцев было много, друзей не было вообще. У меня за все это время выработалось такое представление, что если знакомые канадцы тебя зовут с собой, то это не просто «пошли погуляем». Им от тебя нужно что-то конкретное.

— *То есть бескорыстных отношений на Западе не осталось? А в России?*

— Бескорыстие еще в России сохранилось!..

У нас любят говорить о советской пропаганде. Могу сравнить ее с американской пропагандой, которая прижилась в Канаде. Так вот те, кто занимался советской пропагандой, просто дети по сравнению с американскими пропагандистами. Дело в том, что качество абсолютно разное. В пропаганде из Советского Союза (я застал его очень мало, но по кино, по

передачам, которые остались в памяти) бросается в глаза — вот партия, вот Ленин. Все на таком уровне, что люди это могут просто выделить из потока информации и не воспринимать. У западных пропагандистов все так перемешано, что без хорошей политической подготовки невозможно разделить. Мой лучший университетский друг попал в Канаду в детстве и учился в канадской школе с пятого класса. С его слов, у них до девятого класса идет тотальная промывка мозгов, практически не учат ничему, кроме того, как быть продуктом общества. И только с девятого класса начинают учить математике, физике.

— *Детей эмигрантов тоже обрабатывают?*

— Обрабатывают всех! Он говорит, что у него постоянно были конфликты с учителями, потому что он с ними спорил, а им нечем было ответить... В конце 2008 года до меня дошло, что больше я в американизированном обществе находиться не могу, потому что если я там останусь еще на чуть-чуть, то стану таким же «овощем», как и они.

— *Они все там «овощи»?*

— Да. Это мое убеждение! Человек, который утратил способность мыслить, уже не человек.

— *Чем же мыслящий человек отличается от «овоща»?*

— Человек, у которого есть желания, есть стремление.

— *Ведь у них тоже есть желания.*

— Ну, это чисто растительные желания. А чтобы оставаться человеком в полном смысле этого слова, нужно и чувствовать как человек, и думать.

В Советском Союзе меня восхищало, что, по сравнению с Америкой, человек стремился повысить свой культурный уровень. Не просто же так показывали по телевизору эти бесконечные балеты, это все же лучше, чем Голливуд.

А у них такая моральная доктрина, что человек — какой есть, такой он и есть, и поэтому мы попытаемся ему впихнуть в качестве продукта все, что только можно. А как-то развивать общество не нужно. И мне стало ясно, что если я и не стану таким «овощем», то мои дети станут такими. Дети наших эмигрантов, которых привезли в Канаду до десяти-двенадцати лет, очень быстро становятся неотличимыми. Быстро адаптируются в среде, в которой живут.

— *Вы вернулись в Россию, которая претерпела перестройку. Здесь создается капитализм. А ка-*

питализм — это всегда общество потребления, его основа. И чем наша жизнь отличается от канадско-американской? Здесь меньше фальши?

— Да, здесь больше настоящего. И здесь есть надежда на будущее. Это мое убеждение. В глобальном смысле. Никто еще не построил капитализма в России, и не факт, что его построят. Потому что капитализм не сам по себе возник, это продукт эпохи модерна, которая уже свое отживает. Это хорошо видно на примере кризисов экономик, кризисов социальных, я имею в виду США в первую очередь. Я убежден, что у нас в России шансов на будущее больше, какой бы плачевной ситуация ни выглядела сейчас.

Когда живущие здесь начинают хаять Россию и восхвалять Соединенные Штаты, я этим людям пытаюсь напомнить слова одного из американских президентов: «Не спрашивай, что Родина сделала для тебя, а сначала спроси, что ты сделал для Родины». Большая часть нашего населения живет, как в гостях: «Мне плохо, и я от вас уеду — от плохих». Они не относятся к России как к Родине, они как временные жители — приехали посмотреть, как здесь, и никак не связывают себя с будущим России.

Могу сказать о наших соотечественниках за рубежом: многие люди думают и переживают то же, что и я. Просто у абсолютного большинства не хватает смелости себе в этом признаться. Такое чувство, что, когда они начинают ругать Россию, они хотят себя убедить, что правильно поступили, покинув ее.

Для многих людей это была золотая мечта, которую они осуществили, потратив много сил и времени на переезд. Эмиграция — это же не просто приехать в гости. И признать, что все впустую, человеку очень тяжело. Один парень, с которым я учился в Оттаве, сейчас живет в Москве, другой вернулся в Киев. Пусть их мало, но все же такие люди есть. Они не превратились в «овощи»! Все зависит от самого человека! Если человек сломался, то где бы он ни жил — ему будет везде плохо. А стремиться к чему-то всегда надо.

— Вы считаете, что в России для молодого человека больше возможностей для реализации собственного потенциала?

— Я буду говорить о себе. Для меня как для инженера авиакосмической отрасли здесь неизмеримо больше возможностей в профессиональном смысле. Во всем мире с 2004–2005 годов кризис в этих отраслях. Новые проекты закрывают из-за финансовых неурядиц, но остаются крупные, которые жалко за-

крывать, потому что потрачено много денег. В России же в последнее время авиакосмические исследования начали финансироваться из бюджета. Нигде такого количества новых проектов нет.

— А как Вы попали в Тарусу?

— Я решил переехать в Россию по программе «Соотечественники». Это государственная программа. Предприятие в Тарусе — единственное напрямую связанное с космосом, на котором была вакансия инженера-конструктора.

— Не разочарованы?

— Работа очень интересная, я мечтал о такой. В плане быта живу, может быть, более аскетично, чем в Канаде, но меня это не пугает, поскольку я там в разных условиях жил. Студенческая жизнь проходила вдалеке от родителей, снимал жилье в другом городе, работал в разных организациях, в том числе в нефтегазовой отрасли полевым инженером на Севере. Не привыкать.

— Для общества, достигшего высокого технического уровня, стать обществом потребления — пожалуй, единственный выход. И это удел всех человеческих цивилизаций. Или Вы видите какой-то иной путь?

— А кто планировал эти пути цивилизаций? Неизвестно. И говорить о том, что капитализм в том виде, как он сейчас существует, — единственный путь, нельзя.

Россия, в моем понимании, двигалась несколько иным путем и всегда сопротивлялась западным стандартам. Хорошим примером этому служит Советский Союз. Пусть в нем было много того, что нужно было менять. Но в Советском Союзе нужно было менять гораздо меньше, чем в классическом западном обществе!

Если при техническом прогрессе мораль и нравственность общества остаются на прежнем уровне, более того, разрыв между уровнем технического прогресса и духовным развитием увеличивается, то в какой-то момент, по мнению философов, наступит кризис. В противовес этому развивался СССР. Наравне с техническим прогрессом он развивал и человека. А в западном обществе за это деньги не платят. Они не хотят вкладывать в развитие человека.

Нынешняя ситуация в России очень сложная, и я не думаю, что это финальное состояние. Что-то будет меняться, и, мне кажется, в ближайшее время будет меняться очень значительно.

Общество тоже меняется. Я не хочу оставаться в стороне. Россия — это моя Родина. В том числе и от меня зависит ее судьба.

Беседу вела Ирина Алексеева

Елена САЗАНОВИЧ

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008–2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк).

Окончила факультет журналистики Белорусского госуниверситета, затем сценарный факультет ВГИКа им. С. А. Герасимова. Автор более двадцати романов, повестей и пьес (многие из которых впервые увидели свет именно в «Юности»), а также десяти книг, изданных в России, Германии, Австрии, Швейцарии, Чехии и США. Ее произведения, аналитические статьи, эссе, общественно-политические комментарии публиковались во многих известных российских и зарубежных периодических изданиях. Это, в частности, «Роман-газета», «Российская Федерация сегодня», «Литературная газета», «Парламентская газета», «Подвиг», «Российский колокол», «Поэзия XXI век», «Венский литератор», «Пражский графоман», «Берегиня», «Родник», «Мега» и др. В 2004 и 2005 годах по повести «Я слушаю, Лина...» сняты два художественных фильма: «Неуправляемый занос» (московская киностудия «Центр национального фильма») и «Пока я с тобой» (Одесская киностудия). В 2007 году пьеса «Аукцион» вошла в десятку лучших драматургического конкурса «Действующие лица». Наряду с другими известными писателями и деятелями культуры в 2006 и 2007 годах была представлена в альбоме-ежегоднике «Женщины Москвы».

К ЧИТАТЕЛЯМ «ЮНОСТИ» И ПРОСТО ЧИТАТЕЛЯМ

Моя юность пришлась на «Юность». Моя юность совпала с «Юностью». Поэтому своей юности я благодарна вдвойне. Моя юность закончилась. Но «Юность» не дает ей закончиться...

Все мы — герои одного романа, который сочиняет жизнь. Так давайте постараемся быть умными, благородными и благодарными персонажами. И тогда наш общий роман получится... Ведь страна держится не на трех китах. Она держится на культуре. Вот поэтому сегодня страну так трудно удержать.

Писателей становится все больше и больше. Читателей — все меньше и меньше. Как ни парадоксально, писатели уже агрессивно уничтожают читателей. И читатели позволяют себя уничтожить. Писателем скоро станет каждый, кто просто умеет писать. И они скоро станут сочинять лишь для себя. И гениев уже не будет. И когда на земле останется один читатель — его и назовут гением... Раньше литературу и искусство поднимали деятели литературы и искусства. Сегодня

одна надежда на читателя и зрителя. Только они могут спасти нашу погибающую культуру. Настоящую культуру, которая пылится на полке, в темной запертой комнате, без единого окна. Другая культура блестит на полках книжных магазинов, двери которых всегда открыты и окна распахнуты. Неужели мы по-прежнему будем бросаться на блестящее, как вороны? Неужели не попытаемся отыскать ключ от двери или единственное окно? Хотя бы в своем сердце...

И тогда все станет просто и ясно. И кратковременность жизни, и ее вечность. И вечность смерти, и ее кратковременность. Что такое хорошо и что такое плохо. Где война и где мир. Где красное и где черное. Где блеск и где нищета. Где пепел и где алмаз. Где слоны и где москиты...

И если мы сделаем правильный выбор, то у нас появится шанс, что наша культура останется в живых. А значит — будет и будущее... И наша ЮНОСТЬ никогда не закончится!..

С любовью и всегда юной надеждой, Елена Сазанович

ГАЙДЕБУРОВСКИЙ СТАРИК

РОМАН

Рисунок Юлии Спасовской

У меня в детстве был мяч. Обычный, резиновый, по-моему, волейбольный. Такими мячами еще на пляже играют. Мы играли им во дворе, но могли бы и на пляже. Если бы пляж был рядом. И было рядом море. Но ничего такого не было. Только дома, магазины, машины и наш маленький дворик с волейбольной площадкой.

Я не помню, кто мне этот мяч подарил. Может, отец. Вполне возможно, двоюродный брат. Мяч был сделан в виде глобуса. И на нем умещался весь наш мир. Не такой уж большой целый мир. Который я вечерами рассматривал под тусклой настольной лампой. Забравшись с ногами на диван и уплетая мамины пирожки с кислой капустой. В этом мире было все, что душа пожелает. И горы, и леса, и джунгли, и даже пустыня. И, конечно, море, которое я никогда не видел. И на берегу которого вполне мог играть волейбол.

Но постепенно мир на мяче тускнел, стирался, становился нечетким и грязным.

Однажды мы играли миром на стройке, и он попал в гущу битого стекла. И сдулся. Быстро, за каких-то пару минут. Которые мне показались вечностью. Я завороженно наблюдал, как сдуваются моря, горы, города, страны и целые континенты. По-моему, именно в тот миг, когда на моих глазах сдулся целый мир, я почувствовал себя его частью. Маленькой частью. Но единственно выжившим на всей нашей планете.

Мне показалось, что и я что-то значу в этом мире. Во всяком случае, у меня оставался шанс что-то значить. Если я единственный выжил.

Я нес в руках помятую, выцветшую резину, когда-то называвшуюся мячом. Я нес ее важно, торжественно, словно держал в руках флаг победителя. Мне не важно было, что наш мир погиб.

Мне важно было, что я в нем умудрился выжить...

А вечером его окончательно разодрал наш кот. И мама выбросила его через форточку.

Утром, стоя босыми ногами на балконе, я наблюдал, как хромой дворник сжигает вместе с мусором и листвой жалкие остатки какого-то разодранного, потускневшего мира. Мира, который был когда-то и моим. И который я почему-то перестал жалеть.

Отрывки из детства пронесли минутным вихрем в моей голове, когда через стеклянную витрину я разглядывал мяч в виде глобуса. Он не был похож на

мой и не мог быть похож. Потому что продавался в антикварной лавке. Потому что очень дорого стоил. Хотя я сильно сомневался, что столько стоит наш мир, который вызывающе разместился на нем.

Ливень хлестал по моим щекам, резкие струи дождя протекали за ворот куртки, желтая листва прилипала к моим кроссовкам, угрожающе завывал ветер. Они тоже недорого стоили. Может быть, именно поэтому я в отчаянии распахнул двери антикварной лавки. Чтобы согреться. А не потому, чтобы вспомнить детство, которое сгорело вместе с моим первым мячом. Сгорело, как у всех, — я не исключение. Сгорело, как и всё. Неисключительное.

В лавке никого не было. Я стоял напротив мяча и, не прикасаясь, его разглядывал. Те же страны, горы, моря, океаны. В мире ничего не меняется. И вряд ли изменится. Если мир, конечно, однажды не сожжет хромой дворник вместе с мусором и листвой.

Позади меня послышался кашель. Так кашляют старики и продавцы, желающие привлечь внимание. Я резко оглянулся. И оказался вдвойне прав. Передо мной стоял и старик, и продавец в одном лице. Более того, он был типичным антикваром. Я даже удивился хрестоматийности образа. Высокий, сутулый, длинные седые волосы спадали на заостренные плечи. Седая борода аккуратно подстрижена. Черная фетровая беретка небрежно сдвинута на лоб. Из-под белых густых бровей настороженно выглядывали глаза болотного цвета. Одним словом, человек без лица. Просто антиквар. Похоже, не только мир неизменен, но и люди.

— Вас что-нибудь интересует, молодой человек? — низким густым голосом пропел он. Впрочем, я и не ожидал услышать другого.

— Сколько лет этому мячу? — спросил я, хотя мне было все равно. Мне нужно было дождаться, когда закончится буря.

— Более ста. Если вас интересует точная дата, я могу посмотреть документы.

— Нет, более столетия — это достаточно.

— Вас интересует история мяча?

— Нет, скорее его стоимость.

Меня не интересовало ни то ни другое.

Старик назвал сумму, от которой у меня подкатил ком к горлу. Короче, я этой стоимостью чуть не подавился. Но виду не подал. За окном потемнело, хотя

до вечера было еще далеко. А старик так и не зажег свет. Может быть, экономил. Ливень усилился, ветер так хлестал по деревьям, что они прогибались к земле. И целовали мокрую землю. Я не хотел оказаться на их месте. Слишком часто мне приходилось это делать. И сегодня мне нужно было оттянуть время.

— Понятно, — ответил я с достоинством, словно каждый день покупал подобные вещи.

— Этот мяч принадлежал самому Вильяму Моргану. — Старик гордо встряхнул седыми волосами.

Я поежился. Фамилия показалась довольно знакомой.

— Неужели самому? — я округлил глаза. И стукнул себя по лбу. Я вспомнил. — И как он к нему попал? К этому кровожадному пирату? Я и понятия не имел, что в перерывах между грабежами разбойники обожали на палубе играть в волейбол.

Старик сузил глаза. Он не понимал, я просто остряк или просто невежда. Впрочем, во мне всегда успешно совмещались и тот и другой.

— Знаете, молодой человек, в истории было два Моргана. А, скорее всего, три или четыре. А еще, что вероятно, их было гораздо больше. Верите, но люди с одинаковой фамилией встречаются чаще, чем вы можете предполагать. Вашего Моргана звали Генри. И изобрести волейбол он просто не мог. Поскольку между ними пролегают более чем два долгих столетия. Но, увы, человеческая память почему-то тяготеет к дурным примерам. Почему? Не потому ли, что нам проще совершать дурные поступки и фамилии дурных людей проще запоминаются? И мы помним пирата, а не изобретателя волейбола.

— Ну, с этим можно поспорить. Думаю, все проще. Мы помним тех, про кого больше сказано в истории. Или про кого больше рассказано историй. И интересней. И потом... Плохое лучше запоминать, чем повторять. — Мне стало неловко, и я осторожно провел пальцем по мячу. — Этим мячом Морган играл в волейбол?

Старик не мог скрыть улыбки. Хотя из-за густой бороды она плохо была видна. Но я ее угадал. По растянувшимся щекам.

— Это подарок. Он был сделан специально для него. В его, так сказать, честь. Им и чествовали этого замечательного изобретателя волейбола. Эксклюзивный вариант. А вы попробуйте им сыграть. Попробуйте подбросить мяч. Ну же, смелее.

Я осторожно взял мяч в руки. Он оказался невероятно тяжелым.словно сделан был из свинца. Ничего себе! Подарочек! Как он, бедный, домой тащил этот презент. Может, у Моргана было большое сердце и беднягу просто решили добить? Но эти предположения высказать вслух я не решился. Старик бы не понял.

Я опустил мяч на витрину. Перевел дух. И украдкой посмотрел за окно. За окном — сплошная пелена дождя. Завывание ветра. И вспышки молнии в темноте. Жуткое зрелище.

— А почему этот подарок был в форме глобуса? — я, как мог, поддерживал разговор. Мне нужно было оттянуть дождливое бурное время. — Или все же фамилия пирата наложила свой отпечаток? Тот наверняка хотел ограбить весь земной шар, шаря по морям-океанам.

— Забудьте вы о разбойниках и пиратах! Вам не шестнадцать! — старик раздраженно махнул рукой. — А глобус... Ну, это очень просто. Волейбол завоевал весь мир. Люди по наивности думают, что только они способны на завоевание мира. Но ни у одного из них это так и не получилось. Во всяком случае, надолго. В том числе и у вашего Моргана. Мир завоевывают вещи, понятия и слова. Причем без боя.

Старик, похоже, был философом. Но не по профессии. По призванию. Еще бы не философствовать, сидя среди старых вещей, пропитанных запахом ветхости минувших лет, от которого слегка мутило.

Я был философом по профессии, поскольку когда-то окончил философский факультет университета, самый бессмысленный факультет. Потому что ни один философ за все время на всей планете так и не ответил, в чем смысл нашего существования. По призванию я философом так и не стал. Мое призвание ограничилось работой в средненьком супермаркете, где я служил (именно служил, как сторожевая собака!) охранником. Там знание философии было не к месту. И выглядело бы скорее дурным тоном. Дурного тона я всегда избегал. Особенно если моими товарищами были продавщицы и грузчики...

— Ну-с, молодой человек, вы решились на покупку?

Вежливый тон старика меня почему-то взбесил. Я привык к другой тональности. Но поскольку дождь продолжал лить как из ведра, я, слегка припомнив, что учился в университете, ответил.

— Решился? — я изобразил на своем лице приветливую улыбку. — Почти. Сами понимаете... Решиться на такую дорогую вещь... Причем совершенно будучи равнодушным к волейболу. Более того, понятия не имея — кто такой Морган. И еще, более того, будучи равнодушным к планете, которая избражена на мяче...

Болотные глаза старика сузились. И мне показалось, он растерялся. Вновь кашлянул от неловкости. А, возможно, его философия была не столь уж глубока и философична.

— В таком случае, я не понимаю, — прохрипел он. Еще бы он понимал!

Я действительно был равнодушен. И не только к планете. Но и к месту, где я жил. И к тому, что меня окружало. В квартире. И за окном. Был равнодушен к своей работе. И к своим праздникам. И к своим друзьям. И своим недругам. И, наверное, к самой жизни. Может быть, я был не равнодушным к единственному существу на планете — к Тасе? Но я не знал, это много или мало для жизни.

Мы не могли друг друга не полюбить. Это было неизбежностью. Нет, не случайной встречей, не взрывом романтических чувств, не желанием наконец-то обрести любовь ради любви. Эти слова были пригодны для рая. Вряд ли и она, и я в этом раю жили. Все было проще. Мы работали бок о бок. Так уж получилось, что ее отдел товаров для быта, где она была продавщицей, находился рядом с выходом из универмага. Который я охранял, чтобы проницательные покупатели что-нибудь не стащили. Пачку творага, к примеру. Или кусок мыла. Мыло почему-то больше всего пользовалось спросом. Или его легче всего было унести. Не знаю точно. Статистикой воровства в супермаркете я не занимался.

К тому же Тася оказалась самой симпатичной продавщицей. А я — самым симпатичным охранником. Вариантов не было. Впрочем, я часто думал, что она меня полюбила не за внешность. Это большая роскошь. Любить красоту. Ни она, ни я этой роскоши себе не могли позволить. Она полюбила меня именно потому, что я когда-то учился в университете. Хотя я был и в меру красив, и в меру высок. За это она бы меня не посмела полюбить. Ей нужно было выживать не только в супермаркете, но и в этом мире. Она полюбила меня за образование. Смешно, но правда. Тася еще смела надеяться, что хорошее образование — залог если не успешной карьеры, то успешной порядочности и надежды на будущее. Впрочем, я тоже полюбил ее не за красоту. Только не это! Я полюбил ее, скорее всего, за необразованность. Хотя она была хороша собой. В меру круглое лицо, в меру синие глаза, в меру стройная фигура. Но я полюбил ее (стыдно признаться) за то, что она меня могла слушать с открытым ртом. Мне больше не перед кем было продемонстрировать свои философские измышления. Не перед покупателями же! Самые бесстыжие из которых таки умудрялись стащить кусок мыла. За который мне приходилось платить.

Впрочем, мы с Тасей неплохо ужились. Любовь это была или желание? Или желание, чтобы хоть кто-то любил? Это не важно. Хотя, не скрою, изначально я стал подсчитывать нашу любовь. Даже не подсчитывать, а считать дни любви. Зачем? Для кого? Знаете, как это бывает, когда считаешь будни до праздника. А какой у меня мог быть праздник? И с

кем? И по какому поводу? Если все праздники всегда оказываются чужими. Я сам не мог ответить на этот вопрос. И, тем не менее, почему-то торопил, торопил время нашей совместной жизни.

Впрочем, я ловил себя на мысли, что вся наша жизнь подобна счету вслух. Поначалу считаешь цифры медленно. Потом берет нетерпение, и отсчитываешь все быстрее и быстрее. То ли сдают нервы, то ли устаешь, то ли хочешь поскорее закончить считать. Так идут годы. Поначалу размеренно, потом все быстрее и быстрее. То ли сдают нервы, то ли устаешь, то ли хочешь побыстрее рассчитаться. Так и не дождавшись праздника...

— Значит, вы ничего не желаете приобрести? — перебил мои непраздничные мысли антиквар.

Я вздрогнул — от неожиданности — и с тоской посмотрел за окно. Дождь усилился. Ветер рвал плакаты на улицах. Потоки воды уносили листья в разные стороны.

— Вы намекаете, что пора и честь знать? — вздохнул я.

— Ну, честь не в почете, особенно когда за окном такое творится. Я бы мог предложить вам зонтик. — Он зашел за прилавок и снял с крючка черный, довольно потрепанный мужской зонт с костяной ручкой. — Но у меня остался единственный экземпляр. И стоит он недешево. Это вещь Ярослава Гашека. Вы знаете, он обожал зонты.

Антиквар с шумом раскрыл зонт. Он был весь в маленьких дырочках, словно съеденный мышью. А, возможно, Гашек просто гулял под дождем чаще, чем это следовало.

— Боюсь, что Ярослав Гашек мне не поможет.

Я решительно направился к выходу и с шумом распахнул дверь. Струи дождя ударили мне в лицо. Ветер чуть не сбил с ног.

— Погодите. — Антиквар со всей силы сжал мое плечо и захлопнул дверь. — Я откровенно вам скажу, молодой человек, я не люблю гостей. Покупатели мне гораздо милее. Но их так мало случается в моем бизнесе. Люди перестали ценить историю в деталях. К чему им зонтик Гашека или чемодан Менделеева? Кстати, к вашему сведению, великий ученый слыл и великим чемоданным мастером. Но, увы, наши милейшие покупатели порой понятия не имеют, кто владельцы этих вещей. Если владельцы забыты, то какова гарантия, что их же не забудет сама история через пару лет? Возможно, наши посетители где-то и правы. С их точки зрения, история в мелочах — невыгодный вклад капитала. Вот почему они предпочитают нечто глобальное, нечто масштабное. То, что заметно с первого взгляда. И чем можно воистину удивить. К примеру, бюро из крас-

ного дерева в стиле барокко либо комод с отделкой латунью в стиле жакоб. Им не важно, кому эти вещи принадлежали. Они не задумываются, что каждая вещь — хранительница чьих-то семейных тайн. Наши господа не размышляют, что история сама по себе довольно коварна, как и человеческая память. То, что забыто сегодня, завтра может всплыть на поверхность, и по баснословной цене.

— Но покупатели живут сегодня. Они вряд ли думают о вечности. И об играх истории. Вот поэтому и предпочитают надежность. То, что бесспорно.

— Вот поэтому у меня практически нет покупателей. — Старик гордо встряхнул седой шевелюрой. — Я сознательно на это пошел, уверяю. Главный принцип моего бизнеса — чтобы каждая вещь имела своего хозяина. И его помнила, даже если он не так знаменит. И каждая вещь имеет свою интереснейшую историю. Это не безликий материал, как бы красив и дорог он ни был. Это предмет, за которым стоят века, целые эпохи, целые судьбы. Не буду скромничать, но в некотором роде я бы свою антикварную лавку посмел сравнить с музеем. Разве

что в музее мы просто созерцаем историю. А здесь имеем право не только к ней прикоснуться, но и купить. Поэтому завсегда у меня немного. Но я не отчаиваюсь. Знаете ли — одна покупка в полгода — и я прекрасно эти полгода могу жить, ни в чем себе не отказывая. И, хочу заметить, не перетруждая себя.

— И на семью хватает?

— Мой дом, моя работа, моя семья, мои друзья, мои праздники и мои будни — вот они.

Старик обвел рукой комнату, в которой поселились сотни вещей. Столики и буфеты. Утюги и самовары. Патефоны и фотоаппараты. Подсвечники и сервизы. Книги и монеты. Драгоценности и булавки.

— Как много всего, — усмехнулся я. — И в то же время нет у вас ничего. Нет жены, нет детей, нет друзей, нет даже соседей. Только антикварная лавка. Это и есть ваша родина?

— Почему только моя? И только родина? Это целый земной шар, молодой человек. Он для всех. И здесь все века. Здесь цари и слуги. Палачи и жертвы. Гении и ничтожества. Злодеи и герои. По-

ражения и победы. В этих стенах умещаются все страны и все континенты. Я в некотором роде космополит. И почему весь мир не может быть родиной? А родина миром?

Я вдруг вспомнил, как год назад встретил своего однокурсника по университету Гарика Вышкина. Было так же дождливо и сыро. Так же по-осеннему муторно, монотонно и плаксиво. Все время хотелось пить, хныкать и жаловаться на судьбу и на страну. Мой однокурсник был свеж, толст, румян и весел. Словно в его мире всегда бушевало лето. И сезоны дождей его не касались. И смены времен года были где угодно, только не в его стране. В его стране возвышался огромный особняк с цветущим садом, были регулярные поездки за границу и в гараже стоял шикарный лимузин. В его стране, что самое противное, даже нашлось место для философии. Философию он тоже записал в каталог ценных приобретений. Хотя она слишком дешево стоила. Но Гарик об этом не знал. Он давно предпочитал только дорогие вещи. Похоже, и наш разговор он хотел сделать дорогим. И я совершил ошибку. Я это ему позволил. Мне все равно было кому плакать в жилетку. Тем более если такая перспектива была реальной. Гарик и впрямь носил жилетки, сколько его помню. Сначала он подражал философам-разночинцам. Теперь, похоже, банкирам. И в тон его стандартной, но высокопарной речи о сложности жизни я шмыгнул носом и так же стандартно, но высокопарно ответил:

— Понимаешь, Гарик, ну как бы тебе объяснить... Ну, словно когда-то я умел летать. А теперь у меня сломано крыло. Или два крыла. Если бы их было три или четыре, они все равно бы все сломались. Вот так.

Гарик почесал лысую голову.

— Знаешь... — Ему таки в лысую голову пришла гениальная идея. — ...может быть, тебе влюбиться в кого-нибудь?

— Ну, в общем, я уже люблю, как могу.

Гарик наморщил высокий лоб.

— М-да? Ну, тогда подружись с кем-нибудь.

— У меня есть друг. Это я сам. Мне больше не надо.

Гарик сокрушенно причмокнул толстыми губами. Похоже, мое дело было дрянью.

— Ну, тогда посмотри хороший фильм или почитай хорошую книгу. Ей-богу, помогает.

— Все что можно хорошего, я уже прочитал и посмотрел. Не помогло.

Гарик сложил руки за спину и медленно прошелся взад-вперед перед моим носом. Он думал, как можно украсить мою никчемную жизнь. Не деньги же взаймы дать! Это было бы мелко. Особенно для философа. А я так тогда нуждался в деньгах. Но Гарик мне не посмел их предложить. А я не посмел одолжить. Гарик резко притормозил. Неужели все

же решится материально помочь товарищу? У меня даже дух захватило. Ведь все было так просто. Ну, ладно, не денег дать. Это и впрямь мелко. Но какую-нибудь достойную работу. И наверняка бы я с другим настроением встретил следующий день. Даже если он будет в тысячу раз дождливее и плаксивее. Какая, к черту, любовь, дружба и творчество!

— А знаешь... — Гарик понизил голос, встряхнул гордо головой и принял важный вид. Хотя куда уж важнее. В такой жилетке. — Знаешь, вот можешь мне поверить на слово! Не в деньгах счастье! Это я тебе говорю! Я, у кого их много, очень много! Они счастливым не сделают. Ну вот скажи, что за них можно купить? По сути, по глобальной сути — ничего! Что? Любовь? — Гарик запнулся. — Ну ладно. Про любовь не будем. Возможно, это возможно.

Я знал, что у него молодая хорошенькая жена. Он провернул удачную сделку. И этого не скрывал.

— Дружбу? — Гарик развел пухлыми руками. И вновь себя перебил: — Ну ладно. И про дружбу не будем. Друзья обожают присоседиваться к деньгам.

Я знал, что у Гарика было много друзей. А вот был ли другом для них Гарик? Я сомневался. Но за дружбу он щедро платил.

— Черт! — Гарик начинал злиться. Он не мог вспомнить, чего нельзя купить за деньги. — Вот! Здоровье! Его не купишь! Ни за какие... — Он вновь себя перебил. И высморкался в носовой платок. — М-да. Конечно, если деньги хорошие...

Я знал, что у Гарика искусственная почка. Его вытащили буквально с того света. В старом свете. За огромные деньги. Он за свою жизнь заплатил высокую цену.

Гарик вновь прошелся взад-вперед перед моим носом. Но уже менее важно. Ему, бывшему студенту философского факультета, так не хотелось признаваться, что все на свете можно купить и продать. Что первична таки материя. Базис, а не надстройка. Гарик не хотел проигрывать как философ. Он готов был проиграть как банкир. Но он забыл, что банкиры редко проигрывают. В отличие от философов. И не сдавался. И с пафосом воскликнул, так громко, как на митинге:

— Вот! Ни за какие миллионы ты не купишь... Ты не купишь родину! Продать ее, пожалуй, можно. А вот купить... Знаешь, как другу говорю. Полюби по-настоящему родину! Ей сейчас не сладко. А дым отечества нам по-прежнему сладок и приятен. Мы должны думать о ней. А ты как-то совсем уж апатичен и не патриотичен. Это нехорошо. Неправильно это. Нужно любить родину. Полюби ее. Искренне полюби.

И тут я взбесился. Лозунги о родине в устах банкира Гарика переполнили чашу моего терпения.

Вспомнился в который раз Достоевский, плюнувший в последнее прибежище негодяев. Вот и Гарик передо мной. Такой толстый, румяный. Такой классный. В такой дорогой жилетке. И белый лимузин за углом. И трехэтажный особняк за городом. И двойное гражданство. Две родины в пиджаке. В каждом кармане по родине. А можно и три, и четыре, и пять. Сколько угодно для него можно иметь родин! Сколько карманов — столько и родин! И он, без пяти минут или пяти миллионов миллионер, и то позволяет себе думать о родине. Беспокоится за нее. Тревожится за ее судьбу. И судьбы опустошенного народа.

После проникновенной речи Гарика слово «родина» как-то для меня и вовсе утратило смысл.

— Родину?

Я вслед за Гариком почесал голову. Я не был лысым. Я не был толстым. Я был, можно сказать, хорош собой. Если о себе вообще такое говорят. Но, в отличие от Гарика, у меня были пустые карманы. И ни одной родины.

— Родина. Я вообще-то когда-то ее потерял. А на другую не хватает наличных. Но если ты имеешь в виду чердак, который я снимаю... И протекающий ржавый кран. И холодные батареи. Или дым от благополучно почившего завода за окном. Представляешь, уму непостижимо! Завод умер, а дым остался. Ну прямо как дым отечества. Или пень от березки, которую ни за что ни про что срубили. Или полуслепую старушку-соседку с хромой дворнягой, сидящую с протянутой рукой в переходе. Или даже супермаркет, где я служу. И где люди, как муравьи. И все они одинаковы. И все они какие-то безнадежно усталые. И все они не хотят уже ничего. Но покупают, покупают, хотя давно ничего не хотят. Одно и то же покупают. Их так много, много. И словно никого из них уже нет. Или вот-вот не будет. Или даже если ты имеешь в виду мою Тасю, хорошенькую, кудрявую, румяную. В цветастом халатике и тапочках с мордочкой синего мишки? Ах да, еще разбросанные бигуди на тумбочке и флакончик розового лака у трюмо... Она обожает шуршать по утрам жалкими десятками у моего уха... Конечно, нет повода, чтобы повеситься. Но не знаю, стоит ли это любить.

— Черт возьми! — Гарик отчаянно топнул остроносым ботинком с золотой пряжкой. — Ну тогда возненавидь что-нибудь!

Я с горечью усмехнулся. Не дал-таки, подлец, денег, не дал. Хотя бы чтобы купить один день. И разориться в этот день окончательно. Я вытер рукавом мокрое от дождя лицо.

— Для того чтобы уметь ненавидеть, нужно уметь любить. Я разучился. Давно...

Из воспоминаний меня осторожно вывел низкий голос антиквара. Я прослушал, что он говорил. Но

подумал, что какой он, к чертям, космополит. Если его родина умещалась в четыре стены. И до остального мира ему не было дела. Впрочем, не поэтому ли он так долго живет?

— Вещи не изменяют, не предадут, не уволят, — продолжал философствовать старик. — Они не упрекают, не требуют, не скандалят. Конечно, они не живые, но кто доказал, что быть живым лучше? Вы согласны? Вижу, не очень. Что ж, попробую доказать. Меня, слава богу, миновали муки любви, разочарований и нетерпение счастья. И войны проходили меня, и заключения мира. И землетрясения не сотрясали мой дом. И я не дрался на дуэлях. И никто не предавал меня, потому что я не познал дружбы. И мне предавать было некого. Но поверьте, возможно, я прожил самую яркую из всех возможных жизней. Именно потому, что я жил среди вещей, которые принадлежали другим. И именно эти вещи, вобравшие всю информацию, всю героину, все катаклизмы столетий, меня смогли защитить. А вы живете будущим. А оно так страшно, потому что так неизвестно. Я предпочитаю жить тем, что случилось вчера. Прошлое не боится будущего и настоящего. Прошлое вечно. Прошлое — это не надежда на счастье. Это само счастье, которое я могу выбирать.

Я огляделся. Да уж. Пожалуй, в этом он прав. О такой работенке можно только мечтать. Правда, склеп напоминает. Все какое-то мертвое, вычурное, затхлое. Даже если и ценное. И только вещи, вещи, вещи. Но с другой стороны, можно посмотреть на вещи проще. И чем эта антикварная лавка отличается от моего супермаркета? А супермаркет от обычного сельмага, где можно купить все? И зубную щетку, и одежду, и канцтовары. И чем работа старика отличается от моей? Мы охранники. Охранники безмолвных и бездушных предметов. Просто в том месте, где работаю я, мне приходится перетруждаться. Глохнуть от криков покупателей, слепнуть от разноцветных ярких упаковок, задыхаться от огромного пространства, в котором поместятся все. Но нет места для одного человека. И при этом еле сводить концы с концами. И от этого все чаще слышать упреки Таси, которая все реже открывала рот при моих философских измышлениях (а я все реже им предавался). И все больше провоцировала меня на скандалы. Где главной темой спора была не диалектика познания бытия (Тася все равно понятия не имела, что это такое), а методичность убывания денег. И, безусловно, неудобство квартирки, которую мы с грехом пополам снимали.

Часто мы работали в ночную смену. Добирались домой под утро, падая от усталости. И тут же засыпали. И просыпался я все чаще от навязчивого,

нарочито громкого бормотания Таси. Приоткрывал глаза и видел ее, словно в широкоформатном фильме. Она сидела за столом в распахнутом цветном халатике и считала деньги. Морщила узкий лобик, вспоминая, сколько мы задолжали за квартиру, сколько — за покупку холодильника. Ожидая от меня ответной реакции, стучала кулачком по столу, возмущаясь, что нет денег даже на туфли, а совсем скоро осень. Оборачивалась ко мне, и я тут же закрывал глаза. Она не выдерживала и уже громко орала, что самое страшное в жизни — это связать свою жизнь с бухгалтером и философом. До меня у Таси в друзьях состоял бухгалтер, чем она очень гордилась. И уже почти забыла, что он был пьяницей и без зазрения совести пропивал все ее деньги. В этом месте про бухгалтера и философа я не выдерживал и вступал в спор. Помня о своем спорном образовании. И приподнимался на локтях с кровати. Для уточнения вопроса.

— Точнее, Таська, ты связала свою жизнь не с бухгалтером и философом, а с пьяницей и охранником. Это разные вещи.

Таська обиженно надувала пухлые губы.

— Как ты все умеешь опустить, Гришка. Ведь на вещи можно смотреть по-разному. И я к тому же не соврала, назвала вещи своими именами. А зачем залезать в суть вещей? Это удел бухгалтеров и философов. А так...

— А так тебе придется искать третьего. Желательно бухгалтера и философа в одном лице. Тогда бы уж точно все твои мечты сбылись. — Я ненавязчиво, полушутя намекал, что нам пора расстаться. К тому же жить в одиночку гораздо легче.

— У меня нет времени на мечты! — Тася вскакивала с места и, подперев руки в боки, становилась напротив кровати, где по-прежнему возлежал я. — И не надейся, что так просто со мной разбежишься. К тому же выжить вдвоем легче!

У нас с Тасей были разные взгляды на жизнь. И мы были разные. И дело не в образовании, не в воспитании. Сейчас это, по большому счету, вообще не имеет значения. Более того, никого не удивит, что самые образованные и самые воспитанные барахтаются на дне. И никто недоуменно не пожмет плечами, увидев невежество и хамство на вершине олимпа. Ну, может, только олимпийские боги недоуменно почешут затылок.

Мы с Тасей не барахтались на дне. Слава олимпийским богам! И не были наверху, и не стремились к этому. Мы вынесли подобным стремлениям приговор. Мы с Тасей болтались где-то в невесомости, даже не посередине, это было бы большим счастьем. Нашупать середину и удержаться на ней, сохраняя равновесие. Это тоже нужно уметь. Мы не умели. Мы

просто бултыхались в невесомости. Иногда нас погонял ветер то в одну, то в другую сторону. И мы не сопротивлялись, жалко барахтаясь в воздухе. Сопротивлению мы тоже вынесли приговор. Но мы ужасно уставали. И от невесомости, и друг от друга. И понимали, что друг без друга не сможем. Не потому, что до беспамятства влюблены. Просто нам в одиночку некуда было деться. Тася в этом вопросе оказалась права. И удерживаться в невесомости нам помогло то, что мы держались крепко за руки. В одиночку каждый из нас бы медленно опустился на дно.

И все же мы уставали. И последнее время я стал уставать больше. Иногда мне даже хотелось хоть глазком увидеть дно. И я чаще стал заглядывать на дно рюмки. Таську это страшно злило. Когда я после ночной смены вместо того, чтобы упасть от усталости на кровать, находил в себе силы сидеть за столом и разглядывать пустой, в который раз, бокал. И сил становилось больше. И даже поднималось (как удивительно!) настроение. И даже хотелось (это невероятно!) пофилософствовать. А иногда (что вообще фантастично!) помечтать.

В такие минуты Тася становилась посередине нашей жалкой комнатухи, подперев руки в боки. Ее халатик непременно при этом распахивался (случайно?). Ее лицо искажала плаксивая гримаса (довольно правдоподобно), и ее голос повышался на два тона (халатик почему-то распахивался еще больше).

— Я не хочу жить с пьяницей! Слышишь, не хочу! Я уже это проходила!

И мне так хотелось послать ее к черту и ответить: ну и не живи! И громко хлопнуть на прощанье дверьми, как полагается.

— Если ты помнишь, если ты еще не забыл, он был пьяницей!

— Недавно ты еще говорила, что он был бухгалтером, — вяло защищался я. — У тебя двойные стандарты.

Тася при этом замечании морщила лобик и даже запахивала халатик. И чувство достоинства появлялось во всем ее простеньком облике. Она по-прежнему гордилась, что ее первый парень был счетоводом. Она вообще с трепетом относилась к тем, кто разбирался в разных науках. И я подозревал, что когда мы с ней все-таки разбежимся (быстрее бы!), третьему своему другу (возможно, он окажется бывшим геологом) она с гордостью будет рассказывать, как жила с настоящим философом. При этом избегая подробностей, что на поверку он был всего лишь охранником жалкого супермаркета.

Я по-настоящему стал уставать от Таси. И все чаще представлял жизнь без нее. Не думаю, что эта жизнь была бы лучше, вряд ли. Просто она бы была другой!

Вряд ли бы меня в этой другой жизни ждало избрание новой системы идей (которой я никогда не поделюсь!). Или покорение новой страны (в которую я никого не допущу!). Или случайно найденный клад (который я никогда не верну государству!). Или черноволосая девушка в длинной цветастой юбке с одухотворенным лицом, так похожая на цыганку. С ней мы тоже вряд ли внезапно столкнемся на лесной тропе, посреди бушующей стихии, грома и молний, где я укрою ее своим плащом от холодного ливня или предложу ей зонтик от Гашека. Но я бы непременно только с ней поделился и новыми идеями, и новыми странами, и старым кладом. Но я прагматик, и я философ. Я знаю, что этому не бывать. И все доказательства относительны, как и мечты.

Я прекрасно отдаю себе отчет, что моя жизнь без Таши станет пустой комнатой с голыми стенами и коллекцией пустых бутылок, которая будет все быстрее и быстрее пополняться с каждым днем. А еще унылым пейзажем за окном, в серых, непременно дождливых тонах, разбавленных дымом заводских труб. И только иногда, вечерами, как на выцветшей картине, покрытой в некоторых местах фосфорической краской, моя жизнь будет вспыхивать редкими огнями уличных фонарей и чужих окон. Но в любом случае это будет другая жизнь! И в любом случае я хочу на нее посмотреть.

Но я понятия тогда не имел, какой окажется моя другая жизнь. И как я прокляну в ней себя и свой случай. И вынесу нам приговор...

Из воспоминания меня вывел хриплый монотонный голос старика.

— Так на чем я остановился?

К счастью, спросил он себя, а не меня. Иначе бы я не ответил, поскольку не слышал ни единого слова из его высокопарной речи. Но на всякий случай сделал вид, что все помню.

— Кажется, вы сказали, что мертвым быть лучше, чем живым. Безопаснее, что ли.

— А кто вам сказал, что вещи мертвы? Может, это мы мертвы для них, молодой человек. Знаете ли, за свою немалую и не такую уж долгую жизнь (если жизнь вообще можно назвать долгой) я все-таки сумел, можно сказать, нашел мужество понять, что не вещи принадлежат людям, а люди вещам. Точно так же, как мы принадлежим природе, стране, Вселенной, если хотите. Я нашел мужество признать, что мы мало чем отличаемся от вещей. То же мучительное рождение, та же легкая или не очень жизнь и такая разная смерть. И мы одинаково изнашиваемся и одинаково любим или не любим вовсе. Одинаково приручаемся, теряемся в этом мире или просто уходим. Пожалуй, отличие в том, что вещи запросто

могут обойтись без людей. А вот люди... Да и жить, в отличие от нас, они могут вечно. И, как правило, переживают нас, вобрав всю информацию о нашей жизни. Наверное, это называется памятью об ушедших. И я храню эту память.

— И продаете память.

— Опять же, на память. Я, как и все, увы, не вечен, молодой человек. И даже не знаю, вечна ли душа, это уже религия. Но я нашел мужество знать, что есть душа у вещей. Это так же верно, как иметь сердце или не иметь. А сердце — это не обязательно, когда оно бьется.

Старик, сгорбившись, приблизился к старинным напольным часам с кукушкой. Я покорно последовал за ним, как отстающий ученик по истории.

— Слышите? Согласитесь, что удары секундных стрелок мало чем отличаются от сердечных ударов. Эти часы принадлежали матери известного в свое время писателя и революционера Виктора Сержа, кстати, родственника изобретателя Кибальчича, казненного за убийство царя. И сердце матери давно не бьется. Как и сердце самого Сержа. А часы стучат, возможно, даже лучше, звонче, чем прежде, поскольку их усовершенствовал новый век. Но для вас это пустой звук!

— Ну почему же, я помню улицу Кибальчича. — Я втянул голову в плечи. Не от старости. От неловкости.

— Безусловно! — торжествовал антиквар. — Вы понятия не имеете, кто такой Кибальчич, кто такой Серж. И уж тем более его бедная матушка! Что ж, цари все убиты. Революции проданы. Писатели отменены. Улицы переименованы. А часы живы! И они выживут! Клянусь! Даю слово чести! Даже если никто на земле не запомнит их знаменитых владельцев.

— Я запомню, — пообещал я. Меня начинал раздражать этот антикварный фанатик.

— Не сомневаюсь, — поверил он мне на слово. — И знаете, как много поживший и повидавший на своем веку... в основном, безусловно, не людей, а вещей... я все же смею предположить, что вы имеете образование, верно?

— Имею, — ответил я, невольно подражая его тону. — А как вы угадали? — Я невольно бросил взгляд на свои порванные кроссовки — еще один повод, чтобы не мокнуть под дождем.

Старик перехватил мой взгляд.

— Угадывают, молодой человек, только невежды и дети. Я себя к их классу не отношу. Я знаю. И дело не только в ваших грамотно выстроенных предложениях, в ненавязчивом умении поддержать разговор, хотя вы предпочитаете думать о другом. И даже не в вашем умном серьезном взгляде, в котором про-

читывается порой отчаяние. Возможно, все проще. Ваш шарф... Небрежно заброшенный через плечо...

Я невольно прикоснулся к мягкой ткани длинно-го старого шарфа.

— Он, скорее, говорит о вашей богемности или о желании таковой. И ваш блокнот, выглядывающий из кармана...

Я невольно прикоснулся к кожаному потрескавшемуся переплету.

— Он, скорее, говорит о том, что у вас много мыслей, которые вы не собираетесь хоронить в себе. Вы можете быть и писателем, и художником, и музыкантом. Но это менее правдоподобно. Скорее, вы хотели ими стать, но не получилось, поэтому вы выбрали другой путь. Тот, что поможет вникнуть в суть и мира, и творчества, и жизни. Соединить их и дать беспристрастную или, напротив, страстную оценку.

— Вы угадали. — Я тут же поправился: — Простите, вы правы. Я философ.

Старик гордо встряхнул седой шевелюрой. Он знал, что всегда прав.

— Не знаю, кем вы теперь служите...

Какое точное слово! Какой пронизательный старик! Именно служу — как сторожевая собака.

— Не знаю, но к философии это не имеет отношения, — продолжал антиквар. — Понимаю. Жестокое время, нежелание ему угодить, неумение с ним найти общий язык, верно?

— В общих чертах.

— Именно общие черты дают представление о целостности. Но я, впрочем, о другом. В любом случае, кем вы бы сегодня ни были, вы остаетесь образованным человеком. Образование, как и талант, никуда не исчезает. Это на всю жизнь. Безусловно, они могут на время притихнуть, потухнуть под влиянием обстоятельств. Могут, как характер, испортиться. Но и в любое время по желанию или под влиянием других обстоятельств в любой момент вновь проявят себя. Это действительно навсегда. Как характер. И все же вы со всей своей философией и образованностью понятия не имели, кто такой Кибальчич.

— К чему вы клоните? — Я нахмурился.

— Я просто пытаюсь вам объяснить бесперспективность и одновременно благородство моего труда. Если вы не знаете Моргана или Сержа, то как о таких могут знать покупатели, особенно те, кто имеет возможность купить? Какое им дело до... К примеру, до этой гитары.

Старик приблизился к гитаре, висящей на стене. И провел по ее струнам длинными пальцами. Одна струна беспомощно свисала вдоль стены. Гитара издала резкий фальшивый звук.

— Это инструмент гусара Федора Потапова, поэта и чудака. А струна лопнула в день его смерти. Ви-

дите, гитара знала о его гибели. Сердце ее хозяина лопнуло, стихи позабыты, но память... пусть и с оборванной струной. Старым гитарам идут оборванные струны, вы согласны?

— Пожалуй. — Я пожал плечами. Я был равнодушен к гитарам. И к оборванным струнам тем более. Я не очень-то верил в мистику.

— А вот это уже из новой истории. — Старик выдвинул ящик комода, которому было лет двести, не меньше. Это было видно с первого взгляда. Мне почему-то подумалось, что этим комодом вполне могла пользоваться Арина Родионовна. Как-то уж очень он был на нее похож своей уютностью. Впрочем, я не знал Арину Родионовну. Мне, в отличие от Пушкина, не повезло.

Старик вытащил из комода перьевую ручку цвета морской волны со стальным пером.

— И эта история пока не продается. История еще впереди. Этой ручкой писал сам Александр Георгиевич Ржешевский! Опять вижу по глазам, что вам эта фамилия ни о чем не говорит. А это был величайший изобретатель в своем роде. Он первый в мировом кинематографе придумал эмоциональный сценарий. Это было довольно смело! Этаким импрессионизм. Мимолетность чувств и движений. Дыхание и мгновение из-под пера. И, пожалуй, он оказался первым и последним «взволнованным» и фактически невозможным сценаристом. Поскольку эмоции неповторяемы. А в наш прагматичный век просто невозможны. Я мог его знать, но, увы, не знал. Но я бережно храню его память. Эта ручка была в некотором роде для него талисманом. Все написанное ею было воплощено. А вот сценарий «Бежин луг» сгорел во время войны. И догадываетесь, почему?

— Он написан был другим пером.

— Увы, но вы правы. Ржешевский потерял эту ручку. И она чудесным образом попала ко мне. Ею трудно, уверяю вас, очень трудно писать. Она непослушна! Это как орудовать китайскими палочками для непосвященного. Возможно, потому, что слушалась она только своего хозяина. Знаете, вещи ведь благодарно служат тем, кого любят. И непременно приносят счастье. А вот в чужих руках они либо молчат, либо могут принести беду. И нужно очень, очень постараться, чтобы вещь вновь заговорила и вы заслужили ее доверие.

Я перевел дух, словно пробежал стометровку в сорокаградусную жару. Избыток информации поднимает температуру, это я понял сегодня. А витиеватые речи с мистическим уклоном, на которые был горазд старик, нарушают ритм дыхания. Мне захотелось на улицу. Мне захотелось воздуха. Мне захотелось оказаться вне этого затхлого мира вещей. Мне захотелось, как никогда, свободы. Я уже начи-

нал понимать ее свежий смысл. Но на свободе по-прежнему бушевала бессмысленная стихия. Хотя воздух наверняка был свеж, как никогда.

И, словно из могилы, вновь раздался густой бас антиквара:

— Или какое дело этим расчетливым покупателям до... к примеру, до... — Он обвел взглядом свой храм из вещей. — ...допустим, к примеру, до этого парика.

Он поднялся на цыпочки и снял с гвоздя комплект для старости: седой парик, седые усы, седые брови.

— Какое им дело, что в этом камуфляже свою лучшую роль Старика в «Старике» Горького исполнил величайший артист Павел Гайдебуров. О, этот спектакль стал событием для всей страны! Вы только представьте, молодой человек, этот Старик — воплощение зла, ничтожности, корысти...

Антиквар сгорбился еще больше, в его болотных глазах появился хищный блеск, его губы скривились в презрительной усмешке. Он протянул дрожащие руки ко мне.

Я вздрогнул. И резко отпрянул. В комнате стало еще темнее. Но антиквар по-прежнему не включал свет.

— Этот старик испытывал истинное наслаждение от унижений других, — зловеще прошептал антиквар.

Я попятился к двери, шаря руками в поисках выключателя.

Антиквар неожиданно расхохотался.

— Бросьте! Это всего лишь игра! Но сыграть, как Гайдебуров, мне не под силу. Хотя я тоже старик. И не под силу никакому смертному. Через обнажение фанатичной злобы старика Гайдебуров-артист сумел утвердить добро и человечность. Он сумел! Артист победил своего персонажа! Но не раз повторял (антиквар понизил голос до шепота): «Будьте бдительны, люди! Среди вас бродит Старик в каком-то вам неведомом обличье, но непременно обманчивом и лживом!..»

Мне не на шутку надоела эта бессмысленная игра. Этот салютующий фарс. Этот театр мистического абсурда. Черт с ней, с бурей! Черт с моими промокшими кроссовками. Черт с моей простудой, которую я наверняка подхвачу. Черт с моим начальником, который наверняка этой простуды мне не простит и вышвырнет на улицу. Вновь под бурю. И черт с Тасей, которая меня запилит окончательно. Да, эти перспективы были незаманчивыми. Но они были реальными! А мне в этом загробном мире, который соорудил старик, так не хватало реальности. Даже если она была чертовски непривлекательна. Старик меня поймет. Похоже, про черта он все знает. И я решительно двинулся к выходу.

И меня остановил голос антиквара. На сей раз он был приторно-ласковым. Словно мне насильно запихнули в рот сладкую ириску в тот момент, когда я ожидал горькую пилюлю.

— Ну куда же вы, молодой человек! Ай-ай-ай! Как нехорошо получается. Грош цена мне как хозяину. И чаем не потчевал, и тульским пряником не угостил. А на улице-то, улице сыро и зябко. И одна вода. Под ногами вода, с неба вода, в лицо вода. А у меня-то тепло, уютно. И много чего интересного узнать можно. Вот хотя бы про того же гайдебуровского старика. Где вы еще про него узнаете? И разве у вас выпадет в жизни шанс перевоплотиться в него? Нет, не выпадет, уж мне-то поверьте. А шансы нельзя упускать, молодой человек. Шансы не повторяемы. Ну же, не бойтесь, подойдите поближе. Ну же...

Я, как околдованный, медленно приблизился к старику. Я отчетливо понимал, что его слова гипнотически воздействуют на мое сознание, на мою волю. Но почему-то не мог сопротивляться.

Старик опустил руку на мое плечо. И я машинально бухнулся на стул.

— Примерьте, примерьте, не смущайтесь. Вы почувствуете, вы должны почувствовать силу великого артиста, его мощь, его умение проживать десятки чужих жизней. И при этом оставаться собой.

Я не успел опомниться, как старик ловко натянул на мои стриженные волосы парик, приклеил усы и брови. И подвел меня к зеркалу.

— Вот, взгляните! — он торжественно взмахнул рукой. Словно был на сцене.

Я вздрогнул.

В зеркале отображался антиквар. Нет, все было гораздо невероятней и пугающе. В зеркале отображались похожих, как две капли воды, два человека. Два антиквара. Одного роста, одного телосложения, с абсолютно одинаковым лицом. Единственное отличие — я не сутулился. Но это такая мелочь. И я невольно сгорбил плечи. Вот и все. И как просто. Чтобы навсегда утратить свою индивидуальность. Как легко. Превратиться в другого человека. Которого встретил лишь час назад совершенно случайно. И сколько таких потенциальных двойников ходит по улицам, не подозревая о своей похожести, о своей одинаковости. Интересно, насколько похожи их судьбы? И интересно, этот актер, Гайдебуров, кажется?.. Какая сложная фамилия. Выговорить невозможно. Интересно, был ли он тоже похож на нас в этом гриме? Или все же ему удалось сохранить собственную неповторимость? В отличие от меня.

— Удивительно, — протянул антиквар. — Мы так похожи. Не хочу вас обижать, вы же гораздо моложе меня. Но все-таки... Знаете, если вы когда-нибудь

желали увидеть себя в старости, ваше желание сегодня сбылось.

— Я подобного никогда не желал, — резко ответил я. — Мне безразлично, каким я буду в старости. И будет ли у меня старость вообще. Но в любом случае, бороду я никогда не отпущу, это точно.

— Как можно быть точным на много лет вперед? — усмехнулся старик. — Старость, поверьте, молодой человек, не самое приятное состояние. Я это знаю, вернее, уже знаю. И в старости зачастую приходится выбирать: или лицо, исполосованное морщинами, или седая борода. И то и другое — показатель мудрости, но никак не шика. Я выбрал второе. И как знать, что выберете вы... Впрочем, вы правы в одном: нам не дано знать, станем ли мы вообще перед выбором.

Почему «мы»? Антиквар уже давно этот выбор сделал. Интересно, подумал я, а артисту это удалось? Если да, что он выбрал? И был ли он все-таки похож на нас в этом гриме?

— Гайдебуров был совсем другим, — ответил на мой немой вопрос старик, словно легко прочитал мои мысли. — И ростом ниже, и фигурой не так складен. Да и нос у него был орлиный. Парик и борода не дают гарантии похожести всех. Он совсем не был похожим на нас, он был менее красивым, что ли. Но более выразительным. У нас с вами стандартные лица. Классические, можно сказать. Но, поверьте, классические лица менее ценны. Потому что их сложно запомнить, во всяком случае, с первого взгляда. Госстандарт хорош только в быту.

Вообще меня начинал раздражать этот антиквар. И его мудрость, и его откровенность. И его похожесть на меня, и его умение читать не просто мысли, но и профессию, и характер. И я с надеждой бросил взгляд за окно.

Надежды разбились струи дождя, который только усилился. Он хлестал по окнам с такой силой, что казалось, разобьет их вдребезги. И потоки воды хлынут в антикварную лавку и затопят ее вместе с нами. Я даже представил, как старинные вещи будут плавать, словно детские игрушки в ванночке. И ничто их уже не спасет. Ни история, ни историки, ни попытки старика ее сохранить.

И я предпринял вторую попытку уйти. Я шел уверенно, бодро, словно сегодня тоже встал перед выбором. И мой выбор был мой в пользу дождя, чтобы спастись. От чего? На этот вопрос я не мог себе ответить. Как всегда, ответил старик. Мне нужно было уносить ноги, я это чувствовал. Мне нужно было не слушать, что он скажет, а сбежать, захлопнув плотно за собой дверь. Но я у двери притормозил. И прислушался к хриловатому голосу.

— Вы промочите ноги. В такой рваной обуви.

— Я могу пойти босиком, — решил я не сдаваться.

— Безусловно, я могу вам предложить сапоги самого Наполеона. Впрочем, возможно, и не Наполеона, а его слуги. Император терпеть не мог новую обувь. И поначалу ее снашивал слуга. Возможно, иногда и не возвращал. И такое бывало. Но какая разница? Император или слуга? Время уничтожает сословия. А история ценит рабов не меньше, чем их хозяев. В любом случае, сапоги вам не по карману. Ни императора, ни его слуги.

— Вы имеете привычку шарить в чужих карманах?

— Мне нет необходимости это делать. Сразу видно, что они пусты.

— А вы не допускаете, что я эксцентричный миллионер? Которого уже тошнит от дорогих шмоток. И стиль маленького бродяги милее.

— В нашей стране эксцентричных миллионеров не бывает. Игру в маленьких бродяг они не понимают. Они всегда будут предпочитать все по-царски дорогое и по-мещански безвкусное. Вот поэтому в мою лавку они и не заглядывают. К тому же вы не сняли парик.

Я машинально дернул себя за бороду. Но она надежно была укреплена, как и усы.

Не знаю, когда у меня мелькнула эта мысль. То ли когда я обернулся и посмотрел на старика. Мы смотрели друг на друга, словно в зеркало. И я не мог понять, кто из нас зеркало, я или он? И кто настоящий. И тогда я увидел в нем эксцентричного миллионера. В фетровой синей беретке, хлопковом мятом пиджаке и широких пожеванных штанах. У меня не было беретки, но пожеванные штаны и рубашка совпадали. Так почему же я все-таки не похож на эксцентричного миллионера? Не хватает уверенности в себе? Или слишком отчаянный взгляд?

А, возможно, эта мысль у меня промелькнула, когда я вновь обернулся на дождь. И со страхом подумал, что до дому мне так далеко. И денег на такси нет. И кроссовки мои дырявые. И где-то маячит начальник, размахивая кулаком. В любом случае, эта мысль молнией пронеслась у меня в голове. И раздался настоящий раскат грома. Я вздрогнул от неожиданности. И подумал, почему бы мне не одолжить денег у старика. Конечно, я быстро вернуть не смогу. Но... Почему бы старику их не дать мне надолго? В конце концов, за одну вещь он может прожить полгода. В худшем случае. В лучшем — гораздо дольше. И я загадал, если он мне их даст, все у меня будет хорошо. Если нет... Я не успел подумать, что будет в другом случае. Или побоялся. Но сознательно или бессознательно мои слова опередили мои мысли.

— Вы не могли бы мне одолжить некоторую сумму? — выпалил на одном дыхании я.

И вновь раздался грохот грома. И я не услышал ответ. И торопливо продолжил.

— Это ненадолго. К тому же я обязательно отдам. Я очень щепетилен в этом вопросе. И порядочен. И я сам ненавижу брать в долг и презираю людей, кто берет. Но сами понимаете, сейчас такие обстоятельства, что оставаться щепетильным и порядочным слишком большая роскошь, а в некотором роде и риск. Для жизни. А мне бы хотелось все же стать перед выбором: морщины или борода. Вы понимаете?

Я говорил торопливо, с каким-то то ли швейцарским, то ли лакейским акцентом, глотая слова. Руки слегка дрожали. Я чувствовал, как у меня поднималась температура. Какая ирония судьбы. Я спрятался здесь, чтобы не заболеть. Но, похоже, именно здесь заболеть начинаю. А лекарства нынче такие дорогие. Неизвестно, но возможно, что дождь пошел бы на пользу, словно холодный душ, и я бы смог только закалиться. Как мы несовершенны. Как не умеем делать правильный выбор. И, как правило, выбираем самое легкое и безопасное. И не угадываем, где поджидает нас опасность, а где спасение.

И третий раскат грома. Тишина. И внятный голос старика. Мне показалось, он даже не хрипел. Голос звонкий, ясный, почти молодой. Впрочем, это такое короткое слово, чтобы определить, какой голос...

— Нет.

— Но почему? Почему, черт побери?!

— Вы кстати упомянули черта, — усмехнулся старик. — Именно он теперь прыгает в ваших глазах. Еще маленький. Но все равно чертик.

— Почему? — Я попытался взять себя в руки. Но руки слишком дрожали, чтобы возможно было себя в руки взять.

— Вы должны успокоиться, молодой человек! О, я вижу, вы дрожите. Похоже, у вас поднимается температура. Как это дурно. В гостях — и заболеть. Неужели я такой нерадушный хозяин. Ну что ж, попытаюсь исправить эту ошибку. Знаете ли, я не люблю ошибаться. Горячий чай с медом, смею надеяться, спасет эту столь щепетильную ситуацию.

Старик скрылся в подсобке, там, где была его кухня. Я слышал какие-то шорохи, стуки, шипение, звон посуды. Я прикрыл глаза. Но ни о чем больше не думал. Мне было плохо. Моя голова была пуста, как волейбольный мяч. И в нее ударялись только посторонние звуки из кухни.

— Вот! — торжественный голос старика вывел меня из дремы.

Я открыл глаза и увидел перед собой толстый фаянсовый самовар. Из душничка размеренно и важно шел пар. Старик аккуратно взгромоздил на конфорку самовара маленький, расписанный золотом

чайничек. И поставил перед моим носом такую же золотистую чашку с блюдцем.

— Мы вас сейчас быстро вылечим, — уверенно заявил он. — Знаете ли, чаепитие — это не просто ритуал семейного быта. — Старик разлил ароматный чай по чашкам. — Это гораздо глубже. Это философия. Это гармония. И это нравственное здоровье. А вы пейте, пейте. Прямо из блюдца. Так вкуснее. И вы, возможно, тогда поймете меня. Кстати, именно этот самовар был изображен на картине Кустодиева «Купчиха за чаем».

Я нахмурился. Мне было не до Кустодиева и тем более до какой-то купчихи. Судя по ее румяной толстой здоровой физиономии, она в деньгах не нуждалась. В моей голове настойчиво крутилась, как белка в колесе, одна мысль. Во что бы то ни стало взять у старика в долг. Мне позарез были нужны деньги.

— Кстати, я тоже слишком щепетилен и порядочен, чтобы никому в долг не давать. — Старик шумно хлебнул из блюдца — Я живу прошлым. Я им дышу. Оно мое настоящее и мое будущее, как ни парадоксально это звучит. В моем прошлом презирают должников. Я не люблю презирать. Я слишком считаю себя порядочным человеком, чтобы во мне поселилось такое непорядочное чувство, как презрение. И я себя от подобного чувства оберегаю.

— А для чувства жалости тоже считаете себя слишком порядочным? — выпалил я, так и не приронувшись к чаю.

— Смотря к кому. К другим или себе? Себя жалеть — это уже не просто непорядочность, а невежество и падение. Вы же упасть не желаете? Вы для подобного желания слишком умны.

Умен. Я облизал пересохшие губы. Еще как умен. Дрожащими руками я попытался закурить сигарету, но, перехватив взгляд старика, тут же спрятал руки в карманы штанов. Лицо мое по-прежнему пылало. Ноги подкашивались. Перед глазами поплыли мутные круги. Мне казалось, что я сейчас рухну. Я все списал на температуру, на болезнь, которая меня настигла именно здесь, где не было дождя. Я не хотел признаваться себе, что физическое недомогание всего лишь самозащита, вернее, защита от моих преступных мыслей, подсознательных желаний. Или их результат.

И словно из sklepa раздался приглушенный голос антиквара.

— Что такое деньги, молодой человек? Жалкие бумажки, не более. А в моих руках вечность! Разве я вам могу одолжить вечность! И как вы мне ее будете возвращать? Днями, годами, веками? О, нет! Это просто невозможно! Я прожил не одну жизнь, молодой человек! Потому что в моих руках были эти вещи! Я мог с ними разговаривать, спорить. Мог вы-

бросить на помойку и сжечь. А мог просто продать! Все было в моей власти. Я создал общество этих вещей! И сам стал этим обществом! Его президентом и его народом. Его палачом и его благодетелем! Его преступником и его судьей! И идея этого общества — я сам! Великолепная идея...

Лицо старика исказилось, глазки сузились, голос понизился до зловещего шепота.

— Что такое люди? Ничто! Потенциальный прах! Существа, совершающие сделку с землей. Они пользуются благами земли в рассрочку. Пока живут. А потом их земля забирает. Превращает в удобрения. Для новых потенциальных смертников, разве не так? Даже гении, подумайте, даже гении! Кто они! Та же толпа! Пусть не такая многочисленная, ну и что? Удобрение для истории! Толпа гениев! Которые всего лишь являются инструментом для создания шедевров, орудием для сотворения вечности! Которой могу обладать лишь я! И только вещи ни от кого не зависят! И земля не в силах их уничтожить! Как и породить! Они творение рук человеческих, человеческого ума и таланта. И пусть не моего! Но я сумел возвыситься над людьми благодаря их вещам! Пусть я не написал ни одного стихотворения, не изобрел летательный аппарат и не совершил подвига! Мне это не нужно! Это сделали за меня другие! И неплохо, скажу я вам, сделали! Что ж. Слава им. И вечный покой им. Земля щедрая. Она нам еще подарит гениев и героев. Она хорошо удобрится.

В моих висках пульсировало. Мне казалось, удары слышны на всю комнату. Он просто сумасшедший. Просто сумасшедший. Нет, пожалуй, хуже. Сочетание безудержного безумия и рассчитанной логики. Это редко и это невероятно. А он утверждал, что не гений. Поторопился с выводами. Я не видел, как играл артист Гайдебуров. И возможно ли сыграть такое. Чем был этот сидящий передо мной старик.

— А вы пейте, пейте чаек. Ароматный, с листиком мяты, прямо от купчихи Кустодиева. — Голос старика резко изменился, стал ласковый, нежный, добрый. Не голос, а голосок. Не вой ветра, а журчание ручейка.

Я зажмурил глаза. И почему-то залпом выпил остывший чай, как водку. Только бы он от меня отделился. И вдруг почувствовал острую боль. От боли открыл глаза. Кровоточил палец. Видимо, я порезался о треснутую чашку. Даром ей столько лет! Но мутные пятна исчезли. И комната предстала в таком ярком, отчетливом цвете, словно только что здесь прошел дождь. И мне показалось, что все это ненастоящее. Это бутафория, декорации, сцена. И эти парики, и пистолеты, и ручки с позолочен-

ным пером, и пожелтевшие книги, и дырявые зонтики. Все это не история, а подделка под нее, и не стоит принимать это за истину, и не стоит воспринимать это серьезно. Если это — всего лишь кукольный театр, в котором вещи — всего лишь маленькие модели больших вещей. Мне показалась, что комната покачнулась, словно палуба корабля. И Ярослав Гашек резко хлопнул дырявым зонтиком и мне подмигнул. И я услышал скрип стального пера по бумаге — это записывал свои эмоции Ржешевский. И Виктор Серж старательно заводил ключом часы своей матери. И Наполеон шагал взад-вперед, разнося новые сапоги. И Кустодиев шумно прихлебывал чай из треснувшей чашки. И всхлинула гитара — гусар Потапов сыграл на оборванной струне. И Морган ловко подбросил мяч в виде глобуса в воздух, словно подбросил целый мир. Почему я решил, что это они? Ведь я не знал их в лицо, даже не видел на фотографии, даже не слышал их словесного описания.

Впрочем, это не важно, разве это всего лишь не кукольные персонажи, живущие в мире кукольных вещей, на сцене кукольного театра? Который, возможно, когда-нибудь назовут историей. И бородастый антиквар в центре лавки — всего лишь копия актера Гайдебурова, кукольный персонаж, сделанный наверняка из папье-маше. Стоит слегка на него надавить, он поломается или рассыплется, словно и не было старика. И мне вдруг захотелось это во что бы то ни стало доказать. Морган понял меня и как заправский волейболист подал мяч. Я ловко его поймал и запустил в старика. Больше я ничего не помнил. Вещи поплыли перед моими глазами. Палуба качнулась сильнее. И мне казалось, я тону в море вещей. Я стал размахивать руками, словно пытался удержаться на месте. Я не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как я потерял сознание. Наверное, очень мало. Какие-то доли минуты. Потому что когда я очнулся, я еще стоял на ногах. Ноги были ватными, и я слегка покачивался. Странно, я даже не упал. Возможно, меня поддержал антиквар?

Мой взгляд забегал в поисках старика. Но его нигде не было. Я сделал робкие шаги. Ноги дрожали. Я споткнулся о что-то тяжелое. И опустил глаза. И увидел его. Он лежал в неестественной позе, раскинув руки в стороны. В некоторых местах его седые волосы были окрашены в ярко-красный цвет. Это так пугающе выглядело, словно на черно-белом экране вдруг появились яркие краски. У его головы лежал мяч в виде глобуса, который когда-то подарили Моргану за выдающиеся заслуги. Мог ли Морган предположить, что этот мяч станет орудием убийства. Убийство. Это слово зазвенело у меня в ушах. И я вздрогнул. И оглянулся, словно хотел об-

ратиться за помощью к Моргану. Или, на худой конец, к Гашеку. Но комната была пуста. Только вещи. Все остальные были мертвы. В том числе и старик антиквар.

Я машинально поднял мяч с пола. Он был очень тяжелым. И на нем вмещалась вся наша планета. Неужели наша планета так тяжела? И неужели вот этими континентами, горами и реками можно убить человека? Еще как можно. На нашей планете ежедневно совершаются убийства. И наша планета уже сама представляет собой просто кладбище. Или удобрение для вечности. И на этом круглом мяче в виде глобуса не обозначаются могилы. И убийство старика тоже не будет отмечено. Потому что это никому не интересно. И потому что о нем никто не знает. Кроме меня. И, надеюсь, никто не узнает. Кроме меня. Ведь у меня не было даже мотивов для убийства.

Мотивы. О мотивах я подумал потом. Осознавал ли я их в момент убийства? Или это просто была высокая температура? Болезнь, которая внезапно свалилась на меня. И реальность, которую я уже никогда не смогу доказать. Потому что не было свидетелей. Кроме кукольных персонажей. Кроме вещей, принадлежавших истории. Кроме людей, принадлежавших истории, которые давно этой историей похоронены. Но история не свидетель, и актеры не свидетели тоже. И мертвецы подавно.

Безусловно, первая мысль, посетившая меня, была вполне благородна. Позвонить в милицию. И сдать на милость правосудия. Но почему я сразу не бросился к телефону? Почему лихорадочно в эту секунду не набираю номер? Почему я стою, как истукан, вглядываясь в безжизненное тело? И у меня хватает даже ума открыть шкаф и переодеться в старика. Неужели я играл в благородство перед самим собой, поскольку никогда не считал себя негодяем? Неблагородная игра. И судьба словно решила испытать меня на прочность. И дала шанс доказать, что я не законченный негодяй. И уж тем более не расчетливый убийца.

Раздался громкий стук в дверь. Я вздрогнул и успел подумать, почему стучат, разве дверь не открыта? И успел подумать, почему к старику так долго не шли посетители? Впрочем, так долго шел дождь. На полу валялась фетровая беретка. И я машинально ее нацепил на голову. Мне кажется, что машинально. Ну, не мог я тогда все продумать, просто не мог! Не в моих это правилах. Скорее всего, это была испуганная реакция на приход гостей. Чужих гостей. В чужой дом.

Я приблизился к выходу и за стеклянной дверью отчетливо увидел фигуру человека в милицейской форме. Странно, я ведь совсем недавно убил. И тело, еще не остывшее, со сгустками крови в седых воло-

сах, лежит за старинным дубовым столом. А милиционер уже на пороге. Это просто невероятно. Что ж. Я даже облегченно вздохнул. Мне останется только протянуть руки. И щелкнут наручники. Мне останется только выступить на суде. И рассказать про свою внезапную болезнь. Мне останется только провести оставшуюся жизнь за решеткой. Потому что в болезнь никто не поверит. Впрочем, все последнее время разве моя жизнь не была за решеткой? Просто не были заперты двери. И я в любой момент по доброй воле мог выйти. И все равно возвратиться за решетку. По доброй воле. Похоже, мне суждено умереть благородным. И я резко распахнул двери и протянул навстречу гостю руки. Для наручников.

— Здравствуйте, дорогой! — с порога весело закричал милиционер, крепко пожимая мои протянутые руки. — А я уже волновался. Думал, чего бы не случилось.

— А что должно было случиться, — машинально прохрипел осипшим голосом я. Все же, похоже, я умудрился простыть. Моя болезнь была вполне реальна.

— У вас так долго висела эта табличка! — он протянул мне табличку с надписью «закрыто». — Вы так надолго никогда не закрывались.

Только теперь до меня стало доходить, что меня приняли за антиквара. Приняли безапелляционно, наверняка. Я схватился за голову. Конечно, этот седой парик. Эта седая борода. Мне даже показалось, что мое лицо исполосовано морщинами. От прожитого шока.

Стоит только все снять с лица. И отшвырнуть в сторону. И протянуть руки для наручников. И рассказать про болезнь. Уже появился шанс, что мне поверят. Ведь мой голос изменен до неузнаваемости от простуды.

— Боже, вы простыли! — милиционер приложил холодную ладонь к моему лбу. — Да вы просто горите! Теперь все понятно! Вам срочно нужно в постель, дорогой Аристарх Модестович!

Ну вот. Наконец, я узнал, как зовут старика. И если сначала у меня были силы вот так, с ходу раскрыть все карты, то с приобретением имени антиквара свои карты я почему-то решил приберечь. Никогда не поздно признаться. Я действительно болен и просто не осило признание и тем более допрос. Хотя у меня появились шансы на смягчение приговора. Ведь я был болен. И есть даже свидетель этой болезни. Веселый курносый милиционер.

— Дорогой Аристарх Модестович, — не унимался милиционер, — давайте я вас уложу, что-нибудь приготовлю горяченького.

Он бережно взял меня под локоть и легонько подтолкнул вперед.

Милиционер действительно неплохо относился к антиквару. Видимо, они были давние друзья, что усложняло дело. Даже называл его «дорогой». Старое обращение, теперь уже такое редкое. Оно подчеркивало уважение к старику. Впрочем, этот парень в милицейской форме и так был вполне приятен и дружелюбен. Веснушчатый, лопухий, рыжеволосый. Он все время улыбался, и его светлые глаза лукаво светились. Но его дружелюбие было не в мою пользу. И уже не в пользу старика. И мне необходимо было срочно избавиться от непрошеного гостя. За противоположным углом стола лежало бездыханное тело антиквара. Я осторожно освободился из сильных рук милиционера.

— Спасибо, — пробормотал я. И чихнул. Вот теперь я должен решить. Правосудие само пришло ко мне в руки. И, возможно, это судьба. Мне даже не нужно звонить в милицию. Милиция есть. И если начинать признание, то лучше всего начинать с этого парня. Но я не знал, с чего начинать. Я ни разу не совершал преступление. И я уже собирался выложить карты на стол. Но милиционер меня опередил.

— Боже! — он всплеснул руками. — Мне нужно бежать. Я попросил подменить меня только на десять минут. Так за вас волновался! А на дороге такое движение!

— На дороге? — удивленно переспросил я.

— Ну да! Сегодня же пятница! Машин — как тараканов! И такие пробки, что пришлось отключить светофор! Вот и приходится лавировать между ними, как жонглер со своей палочкой. — Он ловко взмахнул полосатой палочкой регулировщика.

Ну конечно! Как я сразу не догадался! Это же просто регулировщик! Впрочем, откуда мне было знать. Я не сталкивался за свою жизнь ни с милиционерами, ни с регулировщиками. И с какой стати я должен признаваться перед ГАИ? Я правила уличного движения не нарушал. И я вновь проворно спрятал свои карты в рукав. Успокаивая себя тем, что в любой момент могу позвонить в милицию.

— И куда они все едут? — во весь рот улыбнулся лопухий регулировщик.

— На дачу, наверное, — уже более спокойно ответил я. И даже улыбнулся в ответ.

Я стал приходить в себя. И слово «дача» как-то возвратило меня на землю. Настолько все показалось бытовым, правильным, приземленным. Автомобилисты после работы спешат на дачу. А их жены, раздраженные и ворчливые, ругают пробки на дорогах, выглядывая из-за заполненных всякой провизией пакетов. Да, еще наверняка где-то на заднем сиденье примостилась болонка с красным бантом и мальчик, непременно с бутылкой лимонада в руках.

От этой простой, мещанской, прямо как у Кустодиева, картинке у меня даже упала температура.

— В такой-то дождь! Делать им больше нечего. Смотрели бы телевизор!

— Да там смотреть нечего. Вот они и едут. Но все равно будут смотреть телевизор на даче.

— И это верно! А я вижу, вам лучше, дорогой Аристарх Модестович! И слава богу! Только кончится моя смена — я к вам забегу! Может, лекарство какое купить? Сейчас так много новейших продуктивных препаратов...

— Нет, нет, не стоит беспокоиться! — слишком поспешно ответил я, подталкивая его ненавязчиво к двери. Так и не решив, как мне его называть, на «ты» или на «вы». И стараясь избегать местоимений. — Безмерное спасибо за заботу. Но, ей-богу, у меня все есть.

— Надеюсь, не с прошлого века! — хохотнул регулировщик, довольный своей шуткой.

Я, совсем осмелев, даже похлопал его дружески по плечу.

— Шутник. Но мне действительно лучше. Вот выпью аспирин, старое проверенное средство. И сразу — в постель. Мне понадобится много часов хорошего сна.

Мы пожали друг другу руки, и парень выскочил за дверь, плотно ее закрыв. И поправил табличку с надписью «закрыто».

Все. Я облегченно вдохнул. И повернул ключ в замке. Я закрыт для всех. В том числе и для дождя, который вновь усилился. И для молнии, которой меня не обжечь. Мне стало легче. Похоже, действительно спала температура. Я огляделся.

Тело по-прежнему лежало на полу. Впрочем, о чем я? Мертвые не уходят. И просто так не исчезают. Я побродил по комнате, заглядывая в каждый угол. Кухня. Полыхающий камин, в который я собрался бросить свою одежду. Маленькая комната с диваном. Да, скромно жил старичок. Хотя в самой лавке навязчиво пахло миллионами. И вечностью, которой он так бахвалился. Что же делать, что делать... Мне нужно избавиться от тела. Впрочем, сознательно я об этом не думал. Я просто надеялся на чудо. Если чудо не произойдет. Что ж...

Не успел я подумать, что же будет без чуда, как увидел в дальнем углу лавки пошарпанную, перекошенную дверь. Я осторожно ее приоткрыл. В ноздри ударил запах сырости и соленых огурцов. Похоже, подвал. Да, и длинная лестница. Глубокий, очень глубокий подвал. Вот все и решилось. У меня было такое ощущение, что мертвый старик сам побыстрее хочет туда, вниз, где пахнет кислой влажностью и вечной ночью. А может, я просто себя успокаивал. Мертвые уже ничего не хотят. И им все равно, где лежать.

Я потащил старика по лестнице. Как ни странно, мне не было тяжело. Наверное, страх придавал силы. Страх сильнее любой непосильной работы. И мне казалось, время пролетело легко и мгновенно. Наконец я опустил тело на бетонный пол. И только тогда отдышался. И вытер рукавом мокрый от пота лоб. И только тогда понял, что в подвале крошечный мрак. Я не знаю, что мог здесь прятать старик. И вряд ли он мариновал огурцы, хотя по-прежнему в нос бил кислый запах. Мне стало жутко. И я бросился вверх по лестнице. Но ноги меня плохо слушались. И подниматься было ужасно тяжело, хотя я был без груза. И время тянулось так медленно, словно кто-то нарочно все время переводил стрелки назад. Вот и все. А был ли мальчик? Так, кажется, написал Горький. И почему он не написал: «А был ли старик?» Которого когда-то сыграл Гайдебуров. Злой, злой старик со змеиными, вкрадчивыми жестами. И хитрым взглядом исподлобья. Так было бы справедливее, и точнее, и милосерднее. Когда-то умер и до сих пор — слава богу! О чем это я? Или это температура?

Наконец я выбрался на свет божий, и мне стало чуточку спокойнее. Хотя по-прежнему плохо сообщал. Единственной мыслью, занимавшей меня в эти мгновения, была мысль о собственном спасении. Меня даже не успели замучить угрызения совести. Поскольку об убийстве я не думал как о реальном, свершившемся факте. Мне снова и снова казалось — это всего лишь спектакль, в котором я играю роль безумца. Не умеющего контролировать свои действия. И не имевшего даже мотивов для убийства. Я играл свою роль почти по-гайдебуровски. А, возможно, и лучше, и натуральнее. Хотя еще утром понятия не имел, кто такой Гайдебуров. Да что утром. Я узнал о его существовании только несколько часов назад, когда сыпал проливной дождь и бушевал ветер.

Я машинально поправил фетровую черную беретку. И зачем он ее дома носил? Разве дома носят головные уборы? Мне это в новинку. Но почему-то решил берет не снимать. Я взглянул на себя в зеркало. Седой парик, приклеенные усы и борода. Я увидел лицо антиквара. Даже морщины проглядывали на лице, видимо, от шока. Я был копией старика. И беретка старика мне удивительно подходила. Причины убийства, как мозаика, сложились в единый мотив. Очень простой мотив, наверняка тысячу раз прописанный в учебниках по криминалистике и книжках Достоевского. Корыстный мотив. И все же, еще по инерции благородного человека, я пытался себе доказать, что не смогу скрывать долго убийство. Просто не сумею. Потому что меня замучают угрызения совести и по ночам мне будет являться седой

антиквар. Без беретки. И диалоги с чужими людьми будут мне причинять боль. И слова, предназначенные антиквару, будут бить по моей голове сильнее, чем удары мяча в виде глобуса. Я даже не смогу просто пить чай.

Впрочем, я настолько устал, что уже ни о чем не мог думать. Глаза слипались, ноги подкашивались. И хотя, как заученный мотив, я продолжал бубнить: убил человека, я убил человека, меня не покидало странное чувство, почти убеждение, что я никого не убивал. Потому что просто не мог убить! Иначе это был бы не я. Это всего лишь какое-то недоразумение, фарс, игра. Во время которой я просто сильнее, чем нужно, метнул волейбольным мечом. И попал... В кого угодно, но не в человека. В манекен, куклу, в худшем случае — пародию на человека или персонажа из давно забытой истории. С этим убеждением я уснул, как убитый, хотя это сравнение было не к месту. Правда, погружаясь в глубокий сон, я успел подумать, что, в отличие от убитого, мне придется проснуться. И я уже не знал, радоваться ли этому обстоятельству. А дождь и буря, похоже, утихли.

Проснулся я от громкого стука, словно стучали по моей голове. Это было бы справедливее. Но все было проще. Стучали в дверь. Схватившись за боковую голову, я пошел открывать. За этот маленький путь от кожаного дивана до двери, который я проделал неровным от слабости шагом, я успел вспомнить, что было вчера. И успел этому не поверить. Но успел сообразить, что это свершившийся факт.

Я распахнул двери. Вместе с солнечным прохладным утром и осенним прохладным ветром в антикварную лавку ворвалась маленькая старушка. Довольно экстравагантного вида. В черном просторном пальто до пят, черных остроносых ботинках. Ее седые волосы, уложенные в прическу каре, еле прикрывала косынка, завязанная на затылке. Гостя напоминала нечто среднее между старухой Шапокляк и бывшей нэпманшей из богемы. В целом я оказался прав. Она была приблизительно и то и другое.

Не дав мне раскрыть рот и едва взглянув в мою сторону, старушка живенько затараторила:

— Ох, Аристарх Модестович! Сколько я вас предупреждала! Сколько умоляла! Сколько беспрекословных доводов приводила! И все впустую! Все, все впустую! Вам хоть кол на голове теши! Осел вы, вот вы кто!

Я попытался что-то промычать, но это было бесполезно.

— Хорошо, что хоть Сенечку встретила. Он мне все и доложил. По полной программе!

Я понятия не имел, кто такой Сенечка. Но спрашивать не имело смысла. Это я сообразил сразу.

Старушка сама все должна выложить. Она не являлась приверженицей диалога. И это мне было на руку. Я мог безболезненно оставаться глухонемым. А она не просто произносила монолог, но по ходу дела чистила антикварные вещи, тут же ставила чайник на плиту, тут же подметала пол.

— Умница! Какой мальчик! А как палочкой дирижирует! Виртуоз! Еще жезлом ее называет. Ну прямо король! Или министр какой. А он и похлеще министра какого будет, разве не так? Одна ошибочка — и все, беды не миновать. А Сенечка всю ответственность понимает. Работенка у него, скажу вам, небезопасная! Я в ужасе, когда вижу, как он, горемычный, посреди дороги, словно в океане среди акул! Ан нет! Не боится! Они, эти железные монстры, носятся мимо него, кажется, вот-вот собьют! А он — как оловянный солдатик! Невозмутимо стоит и с палочкой играет. Знаете, Аристарх Модестович, в каждой работе есть свои гении. Так вот я собираюсь написать ему на работу, что, мол, Сенечка — гений! Не больше и не меньше! Подпишетесь?

Я уже собирался утвердительно кивнуть, что согласен подписать что угодно. Тем более этот парень, Сенечка, про которого говорила старушка и который посетил меня вчера, был вполне симпатичен. И действительно, почему бы не гений? Но старушка даже мне не позволила кивнуть головой, а продолжала тараторить. Ее не интересовало, подпишусь я или нет. Ей просто нужно было все время, не переставая, говорить, говорить, говорить. Словно замолкни она на минуту — и тут же на месте испустит дух. Слова, как я понял, у нее были что-то вроде жабр.

— И встречаю я Сенечку. Нос к носу столкнулись. Он мне все и выложи. Мол, плох Аристарх Модестович. Мол, лица на нем нет. Мол, совсем расхворался. Ну, меня при этих словах чуть удар не хватил.

Старушка для наглядности схватилась за сердце и покачнулась. Хотя я подозревал, что удар ее чуть не хватил по другой причине. Не она узнала новость первой, и ей пришлось (это совсем неммыслимо!) несколько минут выслушивать Сенечку.

— А я как предчувствовала! Так и говорю Сенечке! Мол, сон плохой накануне приснила. И рассказала ему, со всеми подробностями. Ну прямо к вашей болезни! А приснилось, что вы потеряли беретку! Ну, говорю Сенечке, не к добру это! Ох не к добру! А он мне — не волнуйтесь вы так, Элеонора Викентьевна, беретка, мол, на нем. Я сам вчера видел. Собственными глазами. А зрение у меня, говорит, отличное. И с гордостью так прибавляет — я же регулировщик! А я — как же мне не волноваться! Беретке-то сколько годков? Я еще на свет не появилась, а она уже в костюмерной Александринки лежала. Разве не так? Так, Аристарх Модестович!

Да вы без этой беретки, если честно, будто без головы! А если еще честнее — то я вас легче без головы представлю, чем без беретки!

Старушка топнула ногой, отбросила швабру в сторону и, наконец, удосужила меня взглядом. Сказать, что у нее был шок — ничего не сказать. Я даже испугался, что она меня узнала. Конечно, как не узнать человека, с которым она знакома по меньшей мере век? Но я ошибся. Я еще плохо знал Элеонору Викентьевну (хорошо, что еще хватило ума запомнить имя, вот выговорить, похоже, будет труднее). Я действительно ошибся. Не от моего вида у нее был шок, возможно, она даже в лицо плохо знала антиквара, несмотря на вековое знакомство, поскольку больше говорила, чем гладела по сторонам. Шок случился по случаю отсутствия беретки на моем седом парике. А беретку я, похоже, уронил, когда спал, что было вполне естественно, поскольку в беретках не спят. Что ж впредь нужно быть поосторожнее и беречь этот головной убор, словно голову.

— О боги! — старушка машинально схватилась за свою голову. — Сон в руку! Вы — и без берета! Непостижимо!

— При чем тут сон, Элеонора Вике... Викентьевна. — Я даже произнес ее имя отчество по слогам, чтобы не ошибиться. — Сон-то к болезни. А беретка на месте.

— Ну вы шутник! На каком таком месте! Ее место — на голове!

Мне пришлось проковылять к дивану, отыскать фетровую беретку и водрузить на голову. Элеонора Викентьевна мгновенно успокоилась и даже победоносно улыбнулась. Словно у меня на голове сияла корона.

— Вот так-то оно лучше. А то ишь чего выдумали! Ох, не нравитесь вы мне, миленький. Ох как не нравитесь. Не бережете вы себя. Коль уже и про беретку забыли. Хотя вам-то годков сколько? Я как пришла к вам работать, думала, что гораздо младше вас буду. А потом гляжу — уже мы ровесники. А теперь совсем я старая. А вы все тот же. Словно вы таким и родились. И не молодеете, и не стареете, всегда одинаковый.

— Хорошо это или плохо? — я, наконец, вставил свои скромные пять копеек.

— Когда были молодым — плохо, выглядели уж больно старо. Когда стали старым — хорошо. Выглядите молодым. Чего уж лучше? Не знаю. Все равно помрем. Все. И разве так уж важно, как мы выглядели в жизни? В могилке-то все одинаковы будем.

— Ну что вы о печальном. — Я попытался успокоить старушку, начисто забыв, что мы с ней с одного века.

— Поражаюсь я на вас, миленький. И смерти вы не боитесь. А зря. Конечно, бояться так сильно ее, подлую, не надобно. Но подумать следует. О жизни, к примеру. Помрем-то, помрем, а жизнь как текла, так течь и будет. Не спрашивая у нас. Не для нас. И без нас. Вот вы... Опять же, конечно, не думаю, что много уж накопили, но богатства у вас бесценные! Да вы и сами все знаете! Целая история у вас в руках. И кому же вы собираетесь эту историю передать? Чтобы не испоганили, не пропили, не разбазарили понапрасну. Ну же, кому?

Я молчал, и правильно делал. Я понятия не имел о жизни антиквара, которого вчера случайно впервые увидел (о том, что я его убил, как-то не успел подумать). Я понятия не имел, есть ли у него родственники, друзья и написал ли он вообще завещание. Хотя, по-моему, он говорил, что никого у него нет. Но это не означало, что их вообще не было. Может, он для них как раз очень даже был. И будет. Особенно мертвый. И я молчал. Зная, что ответит на все вопросы сама старушка. У нее по-прежнему все горело в руках. Она лихо орудовала тряпкой, шваброй, метлой.

— Вот завещание вы писать отказываетесь, мол, дурная примета. Хотя какой миллионщик верит в приметы? Миллионщиков они не касаются. А с другой стороны, и верно, кому вам все завещать? Всю жизнь один и прожили. Женщины я здесь ни разу не видела, не считая меня. Детей у вас нету. И друзей не заимели. Сколько помню — все один да один. Словно неприкаемый какой. Хотя и в этом вопросе, может, вы правы. Может, одиночки дольше живут. Я так думаю, стены родного дома защищают не только от беды, но и от старости, а может, и от самой смерти. Вот вы себя добровольно в эти стены и заключили. И друзьями вашими стали вещи. И это, может, верно. Заведи собаку — и то с ней сколько хлопот. А уж как жалко, когда она помирает! А вещи не поспорят, не обманут и не предадут. Но главное — не умрут. Получается, вам и плакать было не по кому. И волноваться не по ком. Сердце, получается, работает, как часы. Ни одного сбоя. Потому как ни одного стресса. Я так понимаю? Как и вы?

Я пожал плечами. Я этого не понимал. Но мне уже начинало казаться, что понимать начинаю. И стены родного дома, словно крепость. И одиночество, которое дает полную свободу. И отсутствие жалоб и причитаний от любимой девушки. И отсутствие семьи, за которую не нужно переживать. И отсутствие друзей, которые в любую минуту могут предать. Да, вольная воля. В добровольной неволе. Не в этом ли секрет счастья? И этот секрет я вот-вот открою. Более того, у меня есть все шансы им завладеть. Чтобы сердце работало, как часы. Ни одного сбоя. А уж

если ломается, то в один миг и сразу — я даже не успею заметить. Ну что ж, прости меня, старик! Я по-прежнему не хочу думать, что убил тебя. Впрочем, я могу дожить за тебя. Не хуже, чем ты. Возможно, не лучше. Но какое это имеет значение? Если лучше, чем ты, жить и не придумаешь.

— Философ вы, Аристарх Модестович, это я вам от сердца говорю. — Старушка прижала швабру к сердцу и тут же вновь принялась ею отчаянно орудовать, словно старые вещи извергают больше пыли. Еще одно заблуждение. — Как пить дать говорю, философ, каких мало сыщешь, а сейчас так и подавно! Вот теперь, к примеру, все чего-то мечутся, чего-то суетятся, просчитывают, примеривают, приобретают. И всего побольше от жизни норовят урвать! И побольше денег, и побольше домов, и побольше путешествий, даже друзей копят, не глядя на качество. Даже жен, законных и незаконных, и тех в копилку. Знаете, дорогой, я вот гляжу на этих копителей, и все кажется, что они в постоянном движении, все бегут, бегут, словно на каком спортивном соревновании. Только разница в том, что это не просто кросс, ведь по пути нужно еще в мешок успеть собрать дома, жен, друзей. Вот к финишу, все потные, с одышкой, тахикардией, с заплывшими глазенками и с огромным мешком на плечах, они приползают. А что в итоге получается? Кто первый прибежит? Тому, получается, первому и каюк. На финишной чемпион падает, мешок разрывается, и подбирают его содержимое другие. Еще благо, если добрым словом упомянут своего благодетеля. А скорее, тут же забывают, даже родные. Поскольку мешок дороже для них любой жизни становится. Мешок эту жизнь, получается, перевешивает, разве не так? Сама-то жизнь, поди, весит так мало. Легка, как перышко. Ветерок подует — и улетит. Мы-то с вами это понимаем, недаром столько годков вместе знаем. А они, поди, думают, что чем больше в жизни дается, тем больше и жизни дается. Мол, как же так, я столько имею, и разве жизнь посмеет вот так, просто так, ни с того ни с сего, оборваться! Эх, еще одно заблуждение. Может, еще как может. И шансов на такой конец больше. Ведь слишком много денег, друзей, любви... Это другим словом можно назвать — саморазрушение! Или разрушение другими, или разрушение самой жизнью. А я так, как и вы, понимаю. Только застывшая форма и есть долгая жизнь. Когда ни друзей, ни любви и в меру денег. И жизнь за стенами. Ведь за стенами — это то же самое, когда человек умирает. Мертвый человек не может вновь умереть. А мертвым человеком можно стать и в жизни. И у него много шансов отсрочить свою смерть.

Продолжение следует.

Вячеслав ИВАНОВ

Вячеслав Иванов родился в 1982 году в Смоленске в семье инженеров. С детских лет проявлял интерес к гуманитарным наукам. Первое стихотворение написал в пятнадцать лет.

В 1999 году окончил Смоленскую гимназию им. Пржевальского и поступил в Смоленский филиал Московского энергетического института. В институтские годы принимал активное участие в творческой самодеятельности, является автором слов гимна факультета. После окончания вуза жил в Москве. Основной вид деятельности в столице — редактирование научных статей, обработка и систематизация статистических данных для научных исследований. В 2009-м возвратился в Смоленск.

С 2009 года поэзия начинает занимать все большее место в жизни. Проявляется интерес не только к практике, но и к теории стихосложения. С 2010 года публикует стихи на различных интернет-ресурсах.

В 2011 году становится лауреатом межрегионального фестиваля «Рубикон» (Смоленск), публикуется в альманахе «Под часами» Смоленского отделения Союза российских писателей, готовит к выходу сборник стихов. Женат. Воспитывает сына.

ЧТО ТАКОЕ ПОЭЗИЯ

Когда-то в школьные годы на уроках литературы нам задавали учить наизусть стихи классиков, и мы, будучи совсем еще детьми, чтобы запомнить, многократно повторяли слово за словом, строку за строкой, не особенно вникая в смысл... Учили Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Есенина, Маяковского. Читали вслух, получали отметки. Но понимали ли? Конечно же, не всё и не всегда. Прав тот, кто сказал, что до поэзии нужно дорасти. Дорасти, прежде всего, духовно. Сейчас, по прошествии многих лет, когда мы перечитываем стихи из «обязательной школьной программы», воспринимаем их иначе, видим в них то, что не разглядели ранее.

Научиться понимать поэзию, на мой взгляд, можно, не иначе как пропустив через себя каждое прочитанное слово. А настоящая поэзия — это, прежде всего, магия слов, своего рода волшебство. Если задуматься над тем, сколько слов мы говорим друг другу ежедневно, и попытаться связать их рифмой, записать на бумагу, то вряд ли эти строки будут иметь хотя бы малейшее отношение к поэзии. Глубоко убежден, что только редкая выжимка ума,

обрамленная бриллиантовой оправой из слитых воедино точных и весомых слов, по праву может считаться поэзией. Но поэзия — это не только выражение своих мыслей и чувств, это выражение своей индивидуальности, поиск себя. Это долгий, порой извилистый путь для обретения своего стиля, своего слова... Поэзия живет внутри поэта, живет ежечасно, ежеминутно, ежесекундно... Она изредка вырывается «на поверхность» для того, чтобы воплотиться в стихотворение. Поэзия существует вне времени, вне политики, но всегда в душе народа.

Для автора, живущего, дышащего поэзией, она (поэзия) является не только неотъемлемой частью его личности, но и чем-то всепоглощающим, без чего существование становится невозможным. Когда происходит слияние автора с поэзией в неразделимое целое, тогда, на мой взгляд, начинаются стихи. Именно стихи. Те, которые становятся частью искусства и культуры, остаются в веках, воистину обретая бессмертие.

Вячеслав Иванов

В РЕАНИМАЦИИ

- Что с больным?
- Попытка суицида.
- Снимки дай! Похоже, не жилец...
- Сколько лет?
- Семнадцать.
- Да, обидно...
- Кто там, в коридоре, ждет?
- Отец.
- Ну, пойдй, скажи, что мы не в силах...
- Не пойду, я прошлый раз ходил.
- Мать тогда рыдала и просила,
Чтобы я ей сына воскресил.
- Он же дышит?!
- Это ненадолго.
- Знаю... Но еще надежда есть!
- Эх, коллега... Так угодно Богу.
- Но бывает...
- Не сейчас, не здесь.
- Ладно, сам скажу. Мне не впервые.
- Мы же на работе...
- Пульса нет...
- А глаза... Как будто бы живые...
- Что я говорил?! Пошли. Обед...

ДЕВОЧКА

Девочка с глазами-пустотами,
Некогда огромными синими,
Тянется к роялю за нотами,
С детства привыкая быть сильною.
Солнце заменяет ей музыка.
Пальцы наугад ищут клавиши.
Девочка устала быть узником
Вечной тьмы. В глубинах ее души
Сад вишневый, домик у озера,
В небе облака цвета белого.
Замечталась, клавиши бросила
И опять бесцветным все сделалось —
Осень, как и прежде, тоскливая,
Шум дождя, мурлыканье Мурзика.
Девочка, ты будешь счастливою.
Жизнь твоя, судьба твоя — музыка.

ЧЕЛОВЕК

Этот человек немного странный,
Носит старомодные очки.
Он слегка сутулый и в карманы
Руки прячет, сжав их в кулаки.
Он всегда одет во что попало —
Старый плащ, застиранный костюм,
Внешний вид его тревожит мало.
Весь в себе. Задумчив и угрюм.
Он не молод, но еще не старый.
Лет за тридцать. Может, тридцать пять.
Каждый вечер он по тротуару
Перед сном выходит погулять.
Если дождь, он зонтик раскрывает —
Длинную потрепанную трость.
Правда, иногда он забывает
Взять его, и, вымокши насквозь,
Про себя ворчит о чем-то, злится,
Протирая мокрые очки.
Он всегда прохожих сторонится.
У него друзей-то нет почти.
Но меня как издали заметит,
Сразу начинает делать вид,
Что в кармане ищет сигареты,
И, краснея, в сторону глядит.
Улыбнись. Он мне совсем не пара.
Странный, будто из других времен.
Но ему немного благодарна
Я за то, что он в меня влюблен.

* * *

Я променял любовь на пьяный бред,
На потные тела кабацких «леди».
Мы виделись с тобою в декабре
В последний раз. Наверное... в последний.
Сегодня, как обычно, до утра
По рюмкам да стаканам льется горечь.
Усну. И точно так же, как вчера,
Ты позовешь, потом опять прогонишь.
Нет-нет, я не виню тебя ни в чем.
Кто я? Ты для меня, пожалуй, слишком.
Не от любви, от перца горячо —
Залью, сожгу, убью в себе мальчишку.
И поделом. Никто не виноват,
В том, что, упав на дно, дойдя до края,
Я променял любовь на пьяный ад,
Так и не постучав в ворота рая.

Письмо

Ты спрашивала, как мои дела...
Все хорошо.
Волнуешься напрасно.
Вчера собрались тучи, дождь прошел.
Сегодня снова солнечно и ясно.
Я все твои стихи перечитал.
Не обо мне,
Но все равно прекрасны.
Ну а мои сгорели все в огне.
О них потом жалел, когда погасло.
Но ничего, другие напишу...
Забыл сказать —
Соседка тетя Лида
Похоронила сына год назад,
Сама в «Кресте» с попыткой суицида.
А Николай Сергеевич Петров,
Наш «обэжист»,
Состарился, седой весь.
Позавчера мне плакался на жизнь,
Подвез его (опаздывал на поезд).
Представь, он говорил, что до сих пор
Не сняли нас
С тобой с доски почета.
Я в школе сам-то был в последний раз...
В двухтысячном... в февральскую субботу.
А там, где раньше был наш старый парк,
Теперь пустырь,
Срубили все деревья.
А там, где находился «Богатырь»,
Уже лет десять как «Галантерея».
А бабу Машу помнишь из шестой?
Еще жива!
Сама таскает сумки!
А Мишка, что к тебе все приставал,
Женился, спился, умер от инсульта...
Я ж сам четыре года как женат.
И дочке вот
Уже почти три года.
Но жизнь моя семейная — не мед,
И все у нас, увы, идет к разводу.
Ну ладно, все. О грустном не хочу.
Ты мне пиши,
Прошу тебя, почаще.
О будущем пиши, о настоящем.
И, может быть, я снова
Буду жить.

Стихи

- Вам платят за стихи?
- Не платят.
- Зачем же пишете, коль нет за них грошей?
- Вот вы зачем купили это платье?
- Оно к лицу.
- А мне стихи к душе.

* * *

Не сытость чреву,
Не серебро —
Пошли мне Еву,
Возьми ребро.
А если надо,
Возьми и два.
С ней буду рядом,
Дыша едва.
Необходимо? —
Еще бери.
Мне для любимой
Не жалко — три.
Я за родную —
Бери хоть пять —
Всю кость грудную
Готов отдать.
В ладоши хлопни,
Твори, Господь,
Любовь из плоти
Вдыхая в плоть...

ВСТРЕЧА

- Привет! Я узнал тебя сразу!
- Ах, как же я рад нашей встрече!
- Привет... Мы знакомы разве?
- Ну, помнишь тот школьный вечер?
- Ты в платье была...
- Синем...
- Да! В синем! На пароходе!
- Потом ресторан в «России».
- Эх, лучшие были годы...
- Ну, что? Ты меня помнишь?
- Я роста был небольшого,
- Был Федька со мной, кореш,
- Смешной такой парень....
- Вова?!

Ах, сколько прошло лет-то,
Но воспоминанья остались!
— Да, жаркое было лето!
Ты помнишь, как мы целовались?
— Да, Вова, конечно, помню.
Я чуть не влюбилась даже.
Ты важным таким стал, полным...
— А ты для меня все та же!
— Спасибо!
Ну как? Жизнь устроил?
— Ну да. Я женат, есть дети...
— А сколько детей-то?
— Трое.
В июне родился третий...
— Ого! Ты, наверно, счастлив?
— Да так... Все нормально вроде...
Тебя вспоминаю часто...
А ты?
— Ну а я в разводе.
— А дети?
— Нет, не сложилось...
— Прости...
— Да за что? Все в норме...
Ну, просто так получилось.
Успею! Пока что в форме!
— Успеешь! А может, завтра
Здесь встретимся, у фонтана?!
— Зачем, Володя? Не надо...
— Ну, Ольга, как знать.
— Я Светлана...

* * *

Подставь ладонь для драгоценных камней.
Бери, пока не опустели карманы.
За пониманьем и поддержкой — ко мне.
За откровеньями — к Иоану.

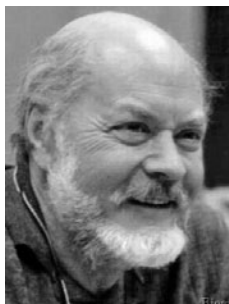

* * *

Барабанит ли дождь по крыше
Или снег заметает будни —
Кто-то любит тебя. Неслышно,
Незаметно, но все же любит.
Нервно курит, не спит ночами
И... себя беспощадно губит.
Кто-то любит тебя. Печально,
Безнадежно почти. Но любит.
Иногда, если крепко вмажет,
Он другую целует в губы.
Только любит тебя... Все так же.
Или даже сильнее. Любит.
Жить тобою он долго будет...
И смирится с судьбой однажды.
Но пока еще любит, любит...
Кто-то любит... А кто — не важно.

Лев АННИНСКИЙ

ВЕСТЬ

Шесть лет назад спектакль «Пропавшие без вести» по пьесе Константина Щербакова был поставлен в Липецке Владимиром Пахомовым и показан в Театре наций.

Теперь спектакль поставлен верной ученицей Пахомова Еленой Олениной и показан на московской сцене в Театре на Перовской у Кирилла Панченко.

Что изменилось за шесть лет?

Наблюдают рекламы при начале действия. «Железные заборы, стальные двери, немецкие окна, прерывание беременности, отсрочки и освобождение от призыва...» Вихрем действия эта муть отброшена с авансцены.

Загадочная современность возвращается к финалу киномонтажом терактов, бунтов, путчей...

Загадочность действия пьесы страшнее: оккупированное немцами Подмосковье, диверсионная группа (комсомольцы), глушь... Местные жители, зажатые между карателями и партизанами, стоят перед выбором: кому помогать? Во что верить?

Молодые актеры играют с огненным темпераментом и верой в самоотверженность героев.

Из засланной группы возвращается один. Доставляет ценные разведданные. Как герой представлен к награде. А остальные?

А остальные, если повезет, через линию фронта выбираются с задания кто как может. Их отправляют в «отстойник»: проверки, подозрения, сроки... И именуют до выяснения — «пропавшие без вести»...

Как меняется звучание этой формулы от эпохи к эпохе! Во время войны на все запросы о судьбе ушедшего на фронт отца моя мать получала ответ: «Пропал без вести»; это означало: в списке убитых не значится. После войны целое десятилетие эта формулировка тихо тлела, понемногу угасая в безнадежности.

Теперь она возвращается — как весть — о неугасшем смысле страданий, вынесенных людьми в ту страшную эпоху.

Владимир Семенчик — поэт, прозаик, журналист. Родился в 1962 году на Украине. Детские и юношеские годы прошли в Белоруссии. В 1984 году окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета, после чего уехал в Россию, на остров Сахалин. Работал корреспондентом областной газеты «Советский Сахалин», редактором художественной литературы Сахалинского книжного издательства, директором частных издательских компаний, главным редактором областных газет «Регион» и «Наши острова». Сейчас — директор государственного медиахолдинга «Губернские ведомости».

Стихи и рассказы публиковались в журналах «Неман», «Рабочая смена», «Парус», «Аврора», «Уральский следопыт», «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Рубеж», «Юность», в альманахе «Истоки», в антологии «Наше время», в ряде коллективных сборников, выходящих на Дальнем Востоке и в Москве. Лауреат премий журналов «Парус» и «Дальний Восток», премии Сахалинского фонда культуры. Автор поэтических книг «Первое дыхание» (1988), «Инкогнито» (1990), «На вольную тему» (1991), книг прозы «Город на колесах» (2004) и «Супер-мупер» (2005). Рассказы переведены на сербский и украинский языки.

Член Союза писателей России (с 1992 г.), Международного ПЕН-клуба (с 2008 г.).

КОНСУЛЬТАНТ ПО ЛЮБЫМ ВОПРОСАМ

Повесть из жизни офисного планктона

Рисунки Анны Дудяковой

Глава 1. Это не моя тайна

Наверное, не всякий из нас достоин любви, но каждый заслуживает снисхождения.

Увы, это сказано не про Женьку Грошина. Его в нашей конторе на дух не выносят, причем все без исключения. Начальники смотрят мимо, даже когда дают ему указания. Равные по чину коллеги частенько над ним прикальваются: к примеру, возьмут да и унесут какую-нибудь нужную бумажку у него со стола; Женька впадает в тихую панику, а они потом ржут в курилке. Даже добрейшая уборщица Нелли Викторовна, в прошлом учительница русской литературы, и та не вытирает пыль с его монитора и не вытряхивает у него из-под стола урну, пока от туда мусор не начнет сам вываливаться.

Странно это и необъяснимо, потому что Женька такого отношения ну никак не заслуживает. Тише и вежливее человечка захочешь — не придумаешь.

— Сергей Игоревич, можно вас на секундочку? — окликает он меня на лестнице, воровато оглядываясь. — Извините, я только хотел спросить, не знаете ли вы, когда нам повысят зарплату?

Глазки его при этом лихорадочно блестят, на лице — восторг предвкушения. Скажи я ему, что жалование будет повышено завтра, и он, похоже, бросится целовать мне руки.

— А почему я должен это знать? — пожимаю я плечами, продолжая неторопливо спускаться в столовую. Женька быстро семенит вдоль перил, забе-

©Дудякова Анна, 2012 г.

гает вперед и снизу, по-собачьи, заглядывает мне в глаза.

— Ну как же, вы ведь не кто-нибудь, а консултант мэра! — благоговейно произносит он.

— Именно поэтому ваш вопрос, молодой человек, неуместен и даже опасен, — перехожу я на шпионский шепот. — Это не только моя тайна.

Женька понимающе кивает и бежит занимать для меня очередь. Мы часто обедаем вместе: другие с ним за стол садятся крайне неохотно, а мне, в принципе, все равно, кто будет сдабривать болтовней процесс пережевывания пищи.

Допив компот, он все-таки не выдерживает:

— Ну Сергей Игоревич, ну пожалуйста... Я не расскажу никому, честное-пречестное слово, вы ведь знаете!

— Ладно... Сколько ты сейчас получаешь?

— Тридцать тысяч сто двадцать шесть рублей.

— Ого! Не слабо. А сколько хотел бы?

— Тридцать пять хотя бы...

Он опускает ресницы и краснеет, как барышня. Будь моя воля, я бы ему и десять тысяч не положил. А еще лучше — отправил бы на какую-нибудь полезную для общества работу. Официантом, например, швейцаром или гардеробщиком. Кстати, гардеробщик из него получился бы просто идеальный, честное слово! Внимательный, аккуратный и вежливый.

Глава 2. Объект научного эксперимента

Подожди, одергиваю я себя с укоризной, а сам ты чего полезного для державы тут совершил? Какие бесценные советы преподнес градоначальнику? Может, помог найти фирму, которая, наконец, людски заасфальтирует наши улицы, чтобы народ не гробил машины на колдобинах? Или подсказал, что пора установить на водохранилище новые фильтры, а то из кранов течет сплошная ржавчина? Или, может, отважно вручил шефу досье на всех взяточников в мэрии и потребовал, чтобы их если не отдали под суд, так хотя бы уволили?

Хвастаться, увы, нечем... Должность моя хоть и называется «консультант», но никаких консультаций Владлену Степановичу от меня давно не требуется. Он досиживает в мэрском кресле последний год, успел прикупить две просторные квартиры в Москве (одну для себя, другую для любимой дочери), ловко распродал из городской недвижимости самые лакомые куски, денег теперь хватит до смерти не только ему, но и, пожалуй, внучатам. Я не осуждаю его — кто бы, оказавшись на таком хлебном месте, не подворовывал? Такие идиоты в нашей стране пока не рождаются.

В его банду, или, если угодно, команду, я попал непреднамеренно (надеюсь, это когда-нибудь мне зачтется). Почти четыре года назад, когда Владлен Степанович переизбирался на второй срок, один приятель свел меня с его пиарщиками — и те предложили поработать на них райтером. Обещали вполне приличные деньги, а я в тот период своей биографии, будучи временно свободным художником, успел нахватать долгов и не знал, как расплатиться. Работа была несложная: надо было срочно написать десяток-другой хвалебных статей для газет. В итоге я пришелся ко двору, более того — несколько моих идей помогли удачно выстроить завершающий этап предвыборной пиар-кампании, и доверчивые горожане отдали нам почти семьдесят процентов голосов.

Странно, что я и сегодня говорю «нам»... Наверное, для мужика на первом месте все-таки азарт борьбы — сам по себе, в чистом виде. А цель и смысл ее — дело второстепенное.

Человека, которому я так старательно помогал остаться у власти, в нашем городе прозвали немножко странно: Зеленый. Нет, он вовсе не ярый борец за экологию — просто он принимает исключительно в баксах «личный налог», которым обложил городских бизнесменов. Есть у него и еще одно прозвище, менее известное: Веник. Приклеилось оно к нему в баньке, где Владлен Степанович с некоторых пор полюбил обсуждать самые важные дела, предварительно хорошо пропарившись. Баньку эту, огороженную высоким забором из красного кирпича, знают только серьезные люди — банкиры, крупные торгаша, директора муниципальных предприятий, милицееское начальство и, конечно, самые крутые бандюки. Правда, клубничных радостей там нет: на девушек наш градоначальник не падок, видно, годы уже не те, а может, весь пыл растратил в политических баталиях.

Зачем он держит меня при своей особе, я, хоть убейте, понять не могу. Ну не из благодарности же за прошлые заслуги! Раньше, правда, частенько зывал к себе в кабинет — точнее, в комнату отдыха, скрытую от посторонних глаз за скромной дверью в простенке. В комнатке этой имеется авангардный диван оранжевого цвета, такие же кресла, зеркальный столик, бар, холодильник, микроволновка, электрокамин и даже — представьте! — гамак. Правда, он обычно висит на крюке у дальней стенки, напоминая неведомый экзотический плод внушительных размеров, а в расправленном положении, говорят, его никто так и не видел.

Так вот, усадит меня, бывало, шеф в оранжевое кресло, нальет коньячку, улыбнется своей известной на весь город лисей улыбкой — и давай спрашивать. Сначала — о настроениях в народе, что, мол,

людей беспокоит, о чем говорят, чего ждут от властей... А потом, как бы мельком, следуют вопросы о сослуживцах. Не кажется ли мне, что начальница управления торговли Алевтина Михайловна, чей кабинет аккурат напротив моего, слишком часто стала приглашать к себе директоров крупных вино-водочных магазинов? Не заметил ли я, что начальник отдела международных отношений Виктор Николаевич давно не посещает столовую для сотрудников мэрии, а предпочитает ходить на обед в японский ресторан «Карафуту», открывшийся неподалеку?

Ну и так далее в том же духе...

Отвечал я, видимо, без должного энтузиазма, и доверительные беседы довольно быстро прекратились. Первое время я все ждал, чем же мне прикажут заняться. Даже волновался слегка. По должностной инструкции мне следовало выполнять исключительно поручения мэра, но он ничего не поручал — то есть вообще ничего! Я пунктуально являлся на работу к 9:00, просматривал газеты, часами плутал в дебрях Интернета, иногда с озабоченным видом прогуливался по коридорам, заходил в курилку — узнать свежие сплетни: кто под кого копает, кто с кем спит, кого куда собираются пересадить, а кого вот-вот с треском выгонят. В обеденный перерыв неторопливо шел в нашу столовую, где кормят до безобразия дешево и вкусно, между делом разглядывал симпатичных сотрудниц, потом отправлялся подышать воздухом в ближний скверик. Ровно в 18:00 запирал кабинет и сдавал ключи, желая вахтеру на прощанье спокойного дежурства. Месяцами от меня здесь никому ничего не было нужно, только кассирша регулярно заставляла расписываться в ведомости. А позже, когда нам зарплату стали перечислять на пластиковые карточки, даже она перестала мною интересоваться.

Вы, наверное, думаете, что о такой работе можно лишь мечтать? Может быть, может быть... Но сначала сами попробуйте так пожить хотя бы полгода — и не свихнуться! Да еще ведь надо постоянно изображать перед коллегами страшную занятость. Так что свою нехилую зарплату я получал, не испытывая ни малейших угрызений совести. Иногда мне даже казалось, что все это неспроста, что я — объект уникального научного эксперимента по исследованию таинственных глубин человеческой психики.

Глава 3. Начинать надо с себя

— Куда же вы, Сергей Игоревич?

Я обнаруживаю, что стою в проходе с подносом в руках, а Женька глядит мне вслед обиженно, как пятнадцатилетний пацан, которому папа обещал рассказать

перед сном сказку, а сам напился с друзьями и уходит в магазин за добавкой. Кажется, еще один мой шаг — и он заплачет. Я киваю ему с видом заговорщика: мол, двигай за мной. Мы ставим подносы с грязной посудой на стол возле двери и спустя три минуты уже сидим в скверике на скамейке. Густая шевелюра клена заслоняет нас от жаркого полдневного солнца. Обстановка вполне подходящая для секретного разговора: вокруг никого, только юная мамаша на соседней аллее покачивает коляску с младенцем да прыгают по газону вездесущие воробы.

Я не спеша достаю сигареты, закуриваю и протягиваю пачку Женьке. Он испуганно отмахивается. Конечно, я знаю, что он никогда даже не пробовал курить, просто тяну время. Надо ведь что-то ему сказать, чтобы отвязался...

Издалека доносится радостный возглас: мы видим, как юная мамаша бросается на шею долговязому парню в строгом темном костюме. Они замирают в продолжительном поцелуе. Женька тоже замирает, с откровенной завистью наблюдая за счастливой парочкой. Из состояния анабиоза его выводит мой бодрый голос:

— Так вот, с прибавкой жалованья в этом году все будет не так, как обычно...

При этих словах он всем корпусом разворачивается ко мне и аккуратно кладет руки на колени; ни дать ни взять примерный студент на лекции.

— Ты ведь слышал, что в стране демографический кризис? — сурово спрашиваю я. — Каждый год население уменьшается почти на миллион!

Женька кивает, глядя на меня с восхищением и стараясь не пропустить ни звука. Правда, он так слушает любого, кто хотя бы чуть-чуть выше по должности. И выражение глуповатой, восторженной преданности на его физиономии тем сильнее, чем значительнее пост человека, которому он внимает. Меня он, похоже, ставит чрезвычайно высоко в своей табели о рангах — где-то на уровне вице-мэра. Возможно, на него магическим образом действует само название моей должности. В этом слове и правда есть что-то дьявольски значительное, ведь не случайно булгаковского Воланда тоже все принимали за консультанта...

— В общем, к нам пришел секретный документ из правительства, — продолжаю я, а Женька вздрагивает и косит по сторонам. — Требуют срочно обеспечить в городе рост рождаемости. Мы посоветовались с Владлен Степаньчем и решили, что начинать надо с самих себя.

Женька изумленно приподнимает брови.

— Ты неправильно понял, «с себя» — значит, со всех сотрудников мэрии. И нам придется стимулировать это дело.

— Как это? — Он смущенно хихикнул.

— Зря веселишься. Тебе-то как раз радоваться нечему. Принято такое решение: зарплату повышать только семейным. А если кто ждет ребенка — сразу двойная прибавка. Не совсем законно, конечно, но другого выхода нет. Если рождаемость в городе не вырастет хотя бы на двадцать процентов, мэру на следующий срок даже двинуться не дадут. Такие вот пироги с котятками!

Женька побледнел. Я видел, что он не хотел мне верить — но чем больше не хотел, тем меньше у него оставалось сомнений, что я говорю чистую правду. Весь его недолгий опыт чиновника подтверждал: *такое вполне может быть*. Известный закон нашей аппаратной системы — чем абсурднее приказ сверху, тем старательнее внизу его выполняют.

— А как же вы сами, Сергей Игоревич? Вы же, я слышал, с женой развелись? — ухватился он за последнюю соломинку.

— Не развелись, а разошлись по разным квартирам! Зато юридически состоим в браке. А что не живем вместе, никого не колышет.

С минуту Женька переваривал информацию, растерянно моргая. А потом спросил чуть не плача:

— Что же мне делать?

— Да ничего. Просто имей в виду: зарплату тебе вряд ли подымут. Ну, может, подкинут сотню-другую. Это максимум. Да чего ты так расстроился? На жену все равно никакой прибавки не хватит! Тряпки, духи, новые сережки, всякая кухонная дребедень... А дети — вообще сплошное разорение. Так что наслаждайся жизнью, пока цел.

— Вы честно так думаете? — пролепетал Женька.

— Уж поверь моему опыту многоженца! Плюсы в семейной жизни, безусловно, тоже есть, но они тонут в океане минусов. Ладно, потопали назад, уже без пяти два. Мне опаздывать нельзя, Владлен Степаныч может в любую минуту вызвать.

Глава 4. Ощущения второго сорта

Нет, человечество никогда не достигнет гармонии, думаю я, возвращаясь в свой опостылевший кабинет. Гармония требует внутренней логики в любых поступках, а мы к этому в принципе не способны. Ну чего ради, спрашивается, я напелл Женьке с три короба? Посмеяться — так и в мыслях не было; ему и так несладко в нашей конторе... Самоутвердиться в роли «всезнающего консультанта»? Господи, было бы перед кем!

На крыльце я останавливаюсь и вижу в дверном стекле, как Женька спешит вслед за мной своей буратинской походкой и, даже глядя мне в спину, заискивающе улыбается. Он сегодня в модном темно-

синем костюме, галстук подобран идеально, туфли до блеска вычищены, стрижка умеренно молодежная, гладко выбритое лицо без единой морщинки — а все равно чем-то неуловимо похож на старика, пожираемого тяжким недугом.

Глаза! — догадываюсь я. В глазах нет искорки, никогда не мелькает в них беспечная радость жизни, азарт погони, ненависть к обидчику или хотя бы элементарная похоть при появлении красивой женщины. Они, конечно, умеют выражать почти-тельность, административный восторг, испуг, сытое спокойствие... ну и тому подобные ощущения второго сорта. Именно ощущения — а не страсти. Или, может быть, он так на работе маскируется, зато за стенами мэрии становится отчаянным парнем и лихо предаётся разнообразным порокам?

Впрочем, что мне до него? Ему двадцать семь, мне почти сорок, хотя дело, конечно, не в возрасте. Просто мы живем в разных измерениях, нам, в сущности, ничего не нужно друг от друга и даже особо не о чем разговаривать. Его интересую вовсе не я — а только моя должность, точнее, моя аппаратная близость к нашему общему работодателю. Если меня завтра попрут из мэрии, он даже не кивнет, случайно встретив меня на улице, да и я вряд ли брошусь ему на шею.

А кого мне вообще будет приятно повстречать из людей, сидящих в этом здании, после того, как меня турнут отсюда, задумываюсь я, отпирая дверь в кабинет. И с удивлением отмечаю, что все же есть такие! И не так уж мало их, человек пять-шесть, пожалуй, наберется. Первым, конечно, приходит на ум Василий Иванович Лиховцев по прозвищу Чапай — чернявый, шустрый, быстроглазый шеголь, большой любитель погудеть в компании с дамами. На всех праздничных посиделках, которые случаются в нашем коридоре, он неизменный тамада. Из него так и сыплются тосты, шутки, анекдоты — большей частью вполне дурацкие, но он так их умеет преподнести, что все хохочут, как сумасшедшие. Наши аппаратные дамы души в нем не чают и даже однажды не побоялись целой делегацией пойти заступиться за него к мэру, когда Чапая хотели уволить... Главным их аргументом был такой: нельзя выгонять человека за рыцарское поведение.

А случай был вполне скандальный. Лиховцев после очередной гулянки возвращался ночью домой. Естественно, слегка пошатывался. И вдруг увидел гаишников, которые тормознули машину и докапывались к симпатичной ее хозяйке. Василий Иванович подошел, извлек из кармана служебное удостоверение — пухлую красную книжечку — и, утверждая, что он полковник ФСБ, попытался освободить даму от разборок. Номер не прошел: у него выхватили корочку, посветили фонариком, разгля-

дели, что он за птица, и поначалу предложили уйти по-хорошему. Но Чапай полез в бутылку, стал махать руками, и, как он потом утверждал, один гаишник глазом ударился прямо об его кулак...

Ночевал он, естественно, в «обезьяннике», а рано утром «телега» с описанием его подвигов лежала на столе у мэра. И если бы не заступничество прекрасной половины нашего коллектива, вылетел бы Василий Иванович с теплого места в тот же день.

Да, мужик он хороший, резюмирую я. И вспоминаю еще один недавний факт из его биографии: как Чапай куда-то пропал на несколько дней, а потом вдруг пришел ко мне в кабинет — вдрызг пьяный, тихо заплакал и долго не мог ничего объяснить. Только повторял: «Какой артист был! Какой артист...» С большим трудом я понял, что он ушел в запой из-за гибели Михаила Евдокимова — ну да, того самого, который с эстрады сумел перебраться в кресло губернатора Алтая, а потом разбился на служебной машине. Оказывается, в какой-то из командировок наш Василий Иванович умудрился с ним мимоходом познакомиться и даже, по его словам, чокался на банкете. С тех пор и заужал артиста-губернатора сверх всякой меры. И плакал в моем кабинете хоть и пьяными, но совершенно искренними слезами. Это сразу видно, между прочим.

Помню, когда я только пришел сюда работать, мы с ним скорешились, едва разглядев друг друга в курилке. Дело шло уже к вечеру, и Василий Иванович, догнав меня в коридоре, вдруг предложил:

— Коллега, а не желаете ли вы после службы заглянуть в читальный зал областной научной библиотеки?

Я обернулся с недоумением.

— В смысле, чтобы глаза стали начитанными-начитанными, — пояснил он, — ну, как в том анекдоте...

Мы потом хорошо посидели в ближайшем баре, уговорили литров пять пива и выяснили, что любим одни и те же книги, фильмы, музыку, а главное — женщины нам нравятся примерно одного типа. В женском вопросе Василий Иванович проявил необыкновенную эрудицию и оригинальность взглядов. В частности, он всерьез утверждал, что интеллекта у женщин в принципе не существует, они способны накапливать в своем жалком мозгу только поверхностные знания. Но даже вызубрив наизусть десяток энциклопедий, наши слабые подруги все равно не в состоянии постичь глубинную суть вещей, поэтому о серьезных материях с ними лучше вообще не заводить разговор... Руководствуясь этой доктриной, Чапай долго выбирал себе четвертую жену и выбрал, по его словам, самую идеальную: очень симпатичную, но совершенно тупую кореянку. В ответ на мое пренебрежительное пожа-

тие плечами он горячо стал доказывать, что восточные женщины — лучшие жены в мире, поскольку не испорчены эмансипацией. И похвастался, что жена безоговорочно подчиняется ему буквально во всем.

— Понимаешь, прихожу я домой на бровях, жрать вообще не хочу, она мне на стол ставит, допустим, котлеты. А я тарелку — хрясь об пол: на фига мне, мол, твои котлеты, в гробу я их видал! Думаешь, что она делает?

— Моя бывшая в морду мне кинула бы этой котлетой...

— То-то же! А моя молчком все подметает и ставит, допустим, варить пельмени!

— Класс! Вот это воспитание!

— А еще я из дома сваливаю, когда захочу, хоть на день, хоть на неделю. Она только просит предупредить заранее, что я не буду ночевать.

— Волнуется?

— Не-а, просто боится одна. Когда меня нету, уезжает спать к родителям.

— А ты уверен, что именно к ним? — невинным голосом спросил я.

— Ну а к кому же еще! — возмутился Василий Иванович.

Глава 5. Помогите мне найти жену!

Вспоминая все это, я успеваю совершить множество разнообразных действий. Сначала наливаю себе кофе, потом открываю сейф и извлекаю из-за стопки папок и разрозненных бумаг бутылку «Хеннесси». Свинчиваю пробку, вдыхаю благородный аромат и, с сожалением заметив, что жидкости осталось лишь на доньшке, добавляю в кофе одну-единственную чайную ложку. Потом кладу на журнальный столик кипу свежих постановлений мэра, которые мне зачем-то регулярно приносит курьерша, и произвольно наклеиваю на страницы разноцветные бумажки-закладки. На верхнем листе подчеркиваю красной ручкой несколько строк, а еще ставлю на полях пару птичек: теперь каждый случайно зашедший коллега сразу увидит, что с этим судьбоносным документом хозяин кабинета успел детально познакомиться. На столе, справа от монитора, я располагаю свежие газеты, предварительно развернув их — чтобы казалось, будто они все как минимум просмотрены. Что еще? Осталось положить на видное место распечатку сегодняшнего мониторинга СМИ — и рабочая обстановка будет выглядеть вполне соответствующей моему должностному положению. Только куда же, блин, заделась эта проклятая распечатка?! Кофе стынет, а я, как полный идиот, шарю по ящикам стола, роюсь в тумбочке...

И тут кто-то скребется в дверь. Сначала едва слышно, потом чуть громче.

— Войдите!

На пороге — Женька Грошин. На его пунцовом лице натужная улыбка, пальцы теребят узел галстука. Похоже, он пережил настоящий стресс, прежде чем осмелился нарушить мой таинственный трудовой распорядок.

Можно, конечно, встать ему навстречу, усадить в кресло, предложить чаю, но... никак нельзя. Ведь мой рабочий день насыщен до предела, минутки свободной нет! Поэтому я хмуро смотрю на непрошеного гостя, всем видом показывая, что он отрываю меня от дел государственной важности. Женька еще больше робеет и даже делает полшага назад, но все же невероятным усилием воли заставляет себя приблизиться ко мне и пролепетать:

— У меня к вам огромная просьба, Сергей Игоревич...

Он набирает воздух, как перед прыжком в омут:

— ...помогите мне найти жену!

И, обессилев, падает в кресло. И смотрит на меня так, словно я — гениальный хирург, от которого зависит, помрет он завтра на операционном столе или будет жить долго и счастливо.

Ну что, придурок, мысленно говорю я себе, доигрался? Что теперь делать, а? Ведь он не шутит, черт бы его побрал вместе с его идиотской доверчивостью!

Тут, слава богу, распахивается дверь и в кабинет влетает Чапай. Глаза его азартно блестят — явный признак того, что в нашем коридоре намечается очередная сабантуй: видимо, у кого-то день рождения.

Заметив Женьку, Чапай притормаживает. На лице у него — неподдельное изумление. Оно вполне объяснимо: легче увидеть шаровую молнию, нежели Грошина, который осмелился в рабочее время оторвать задницу от своего стула. Обычно он сидит на нем, как намертво прикованный к веслу раб на галере.

— У вас что, ремонт затеяли в кабинете? — белозубо скалится Чапай.

Женька испуганно молчит: с Василием Ивановичем отношения у него более чем прохладные. Если от других соседей по коридору Женьке приходится терпеть подначки и насмешки лишь иногда, то от Чапая — почти каждый день. Буквально на прошлой неделе наш неугомонный коллега придумал такой веселый трюк: изготовил на компьютере бланк военкомата, написал на нем, что «гр. Евгений Викторович Грошин обязан явиться 6 мая, в 7:00, для прохождения среднесрочных сборов на территории Северокавказского военного округа», распечатал, поставил снизу неразборчивую подпись — и отпра-

вил по факсу непосредственной Женькиной начальнице. Та, конечно, купилась и сдуру позвонила Ирме Витальевне — мамочке «призывника», женщине властной, грозной, с обширными деловыми связями. Она, кстати, возглавляет у нас в мэрии один из самых влиятельных департаментов (какой, уж извините, не скажу — из соображений безопасности).

Прежде, чем сам Женька узнал о «повестке», весь городской военкомат уже стоял на ушах. Военкому даже позвонили из штаба армии и ехидно поинтересовались, не поступала ли к нему шифровка о начале атомной войны с Грузией? Ах нет... Тогда с какого, блин, перепуга ответственного сотрудника мэрии, освобожденного от воинской повинности по причине редкой хронической болезни, вдруг направляют на сборы в горячую точку?! Что-что? Никого не вызывали ни на какие сборы? Ну ладно, разберемся, смотрите там — чтобы без дурацких шуток...

Конечно же, эта история быстро разлетелась по всей нашей конторе. Женьке на следующий день не давали проходу. Каждый считал своим долгом спросить, почему это он до сих пор не улетел сражаться с боевиками. А самые озорные сотрудницы, томно закатывая глаза, говорили ему, что теперь не смогут уснуть — до тех пор, пока он не отправится на Кавказ, чтобы героически охранять мирный сон наших сограждан.

Поэтому сейчас Женька и смотрит на Василия Ивановича, как кролик на удава (лучшего сравнения тут, честное слово, не придумаешь!). Но Чапай сегодня в мирном настроении. Он лишь требует у Грошина двести рублей — на подарок скромному труженику сельскохозяйственного управления Ивану Михайловичу Корнееву, будущему юбиляру, одному из ветеранов нашего коридора.

— А между прочим, Василий Иванович, у нас тут серьезное дело, — говорю я небрежно, предвкушая небывалый сценический эффект. — Евгений Викторович жениться решил.

Чапай ведет себя как провинциальный трагик: закатывает глаза, хватается за сердце, смахивает с моего стола какую-то папку и падает на стул. Но вскоре «приходит в себя», берет телефон, быстро набирает номер и орет в трубку:

— Психбольница?! Приезжайте скорей, у нас тут у сотрудника острый приступ шизофрении! Что?! Адрес? Записывайте...

Женька вскакивает и рывком распахивает дверь. Когда он поворачивается, чтобы ее захлопнуть, у него в глазах — или это мне кажется? — блестят слезы.

— Зря ты с ним так, Василий Иванович, — говорю я. — Он уже давно не мальчик, а у нас вон сколько деvушек незамужних, надо же им за кого-то выходить.

— Ты бы сначала спросил его: Женечка, а мама тебе разрешила хотя бы думать о женитьбе? Он же без мамы даже пукнуть не смеет! Вчера захожу к ним в кабинет, а он с ней по телефону базарит: мамочка, ну можно я уже буду летние туфли носить, ну пожалуйста... Я глянул под стол — а он в зимних ботинках! Середина мая, жара на улице, блин-компот!

Чапай, конечно, прав. Если о ком-то можно сказать, что он стопроцентный маменькин сынок, так это о Женьке Грошине. Живи его мамаша в Израиле, где женщин наравне с мужчинами призывают на военную службу, она бы запросто стала министром обороны. Маниакальная страсть командовать стоила Ирме Витальевне трех или четырех разводов: мужья попросту сбежали от нее, оставляя все совместно нажитое имущество (жизнь дороже!). Женька, сын от первого брака, наблюдая трусоватое поведение кратковременных отчимов, быстро усвоил, что маму следует слушаться беспрекословно.

— Была бы у тебя такая мамаша, как Ирма, — поглядел бы я на тебя!

Чапай в ответ на эту реплику вдруг хлопает в ладоши и радостно орет:

— Эврика!!! Слушай, это будет такая хохма!

Чтобы он смог внятно растолковать свою идею, мне приходится угостить его остатками «Хеннеси». Я давно заметил, что как только он начинает изъясняться восторженными междометиями, то уже не способен перейти на нормальный язык, пока не примет хотя бы рюмку. Полезное, однако, качество, размышляю я, с сожалением пряча в сейф пустую бутылку; неплохо бы и мне так научиться — глядишь, тоже иногда удавалось бы выпить на дармовщинку...

Идея у Чапая оказалась изящна и проста, как все гениальное. Понятно, что мамаша-фельдфебель ни за что не отдаст своего драгоценного мальчика в хищные руки какой-нибудь смазливой вертихвостки, рассуждал Василий Иванович. И надо еще найти идиотку, которая бы польстилась на этого недоросля. Даже при нынешнем дефиците женихов Грошин вызывает у наших образованных конторских невест в лучшем случае жалостливое любопытство: мол, надо же, какой уникальный экземпляр, помесь древнегреческого Нарцисса, грибоедовского Молчалина и фонвизинского Митрофанушки! Поэтому задача усложняется: чтобы насолить нелюбимой нами Ирме Витальевне и женить-таки Женьку, надо преодолеть тройное сопротивление. Мамаши — раз, потенциальной невесты — два и три — самого Женьки, который, скорее всего, ляпнул мне о желании сочетаться законным браком под влиянием минуты, а как дойдет до дела, наверняка струсит и сбежит из-под венца, как еще один знаменитый литературный герой — гоголевский Подколесин.

— Логично, — согласился я. — Но нам до всего этого какое дело? Мы же не в брачном агентстве работаем, и Грошин не наш клиент.

— Да прикольно же, как ты не понимаешь! Такая хохма получится, если он вдруг женихаться станет! Тебе что, не остохренело тут сутками сидеть, как кроту в норе?

На это замечание возразить мне абсолютно нечего. За годы работы в мэрии я неоднократно испытывал острейшие приступы депрессии. С одной стороны, все вроде бы идеально (статус, зарплата, минимум трудового напряжения, да еще и дешевые обеды в столовке), а с другой — тоска смертная, будто и не живешь вовсе!

Впрочем, я отвлекся от изложения гениального Чапаевского плана. Мой приятель предлагал старое, как мир, но эффективное решение: чтобы разбудить у девушек интерес к Женьке, надо представить его богатым женихом. Например, пустить слух, что он — единственный наследник американского дедушки-миллионера.

— Лучше австралийского, — поправил я. — Американский уж как-то сильно по-книжному получится, могут не поверить...

— Да хоть новозеландского! — не стал спорить Василий Иванович.

Глава 6. Первобытные люди были не дураки

В тот же день Чапай развил бурную деятельность. Надо сказать, у него есть приятели в самых неожиданных структурах — даже в инспекции, отвечающей за прививки от коровьего бешенства. Нашлась у него знакомая дама и в местном подразделении МИДа. Она подробно рассказала Василию Ивановичу, каким образом разыскивают богатых наследников, как эти баловни судьбы вступают во владение собственностью и даже о том, какие сумасшедшие налоги приходится им платить за неожиданно свалившееся богатство в казну нашей любимой и вечно нуждающейся в деньгах Родины.

Все это было, конечно, очень познавательно — неясным оставалось главное: где взять иностранного «дядюшку», готового содействовать нашим планам?

Чапай с ходу предложил свой излюбленный вариант: давай состряпаем липовые бумаги, а пока их будут проверять, от души повеселимся.

— А если нас спялят? — спросил я. — Ирма Витальевна точно накапает мэру, и он нам яйца оторвет.

— Ну да, — кисло согласился Василий Иванович. — Так что же делать, а? Такой план гениальный, а сыплется из-за ерунды!

В бесплодных раздумьях прошло два дня. Мы уже собирались плюнуть на эту затею и даже начали

прикидывать другие варианты развлечений. Но тут Чапай познакомился в баре с девушками-бильярдистками, яркими фанатками этой, в общем-то, мужской игры. Девушки, кстати, были преимущественно иностранки (что вовсе не удивительно: в нашем городе граждан из дальнего зарубежья полным-полно, они уже лет десять активно осваивают здесь залежи редчайшего металла рения, обнаруженные в соседних горах). Так вот, мой приятель, проиграв одной из бильярдисток треть зарплаты, тут же придумал, как свои потери компенсировать — и предложил новым знакомым устроить городской женский чемпионат по бильярду. За плодотворную идею и услуги по организации мероприятия он соглашался на скромные двадцать процентов от суммы проданных билетов.

Во время обсуждения своего гениального проекта Чапай и спросил как бы ненароком: нельзя ли у кого-нибудь «арендовать» на время богатого иностранного дедушку? Бильярдистки недоуменно переглянулись. Дело в том, печально продолжил Чапай, что мой лучший друг никак не может жениться на горячо любимой девушке. Хапуги-родители поставили жениху условие: если будет у тебя капитал хотя бы в сто тысяч баксов, так и быть, отдадим за тебя дочь, а иначе даже не суйся! Семья мусульманская, дочка послушаться не смеет, плачет, страдает, уже таблетками пробовала травиться, слава Аллаху, откачали...

— Какой ужас! — всплеснули руками сердобольные девушки, о чем-то пошебетали на своем языке — и пообещали Василию Ивановичу обязательно что-нибудь придумать, чтобы трогательная любовная история не завершилась трагично.

И ведь не соврали! Вскоре одна из них — голландка Кристина — притащила Чапаю прямо в мэрию распечатку электронного письма от своей подруги, проживающей (вы не поверите!) именно в Новой Зеландии. Та уговорила своего семидесятипятилетнего дедулю, между прочим, выходца из России, помочь несчастным влюбленным. Он написал Кристине, что согласен сыграть роль одинокого миллионера, мечтающего найти хоть кого-нибудь из дальних родственников. Но самое невероятное, что у сердобольного дедушки фамилия оказалась — Грошефф! Ну да, почти Грошин, и это созвучие само по себе делало версию о родственных связях с потенциальным наследником изумительно правдоподобной.

От новозеландского дедушки требовалось совсем немного: чтобы он прислал в нужные органы официальную просьбу разыскать в нашем городе троюродного внучатого племянника, которому он намерен оставить половину своего состояния, ис-

числяемого семизначной цифрой. Нам с Чапаем оставалось только узнать максимально подробные данные о генеалогическом древе Грошиных — чтобы в своем письме дедуля привел какие-нибудь исторические детали, подтверждающие, что его наследником вполне может оказаться наш Женька.

— Фигня это все, — остудил я Василия Ивановича, который аж приплясывал возле моего стола, пока я читал неумело переведенное письмо дедушки-миллионера. — Тебе не приходила в голову простая мысль: если Женька поверит этому бреду, зачем ему жену искать? Жениться-то он хотел не потому, что в одном месте зачесалось, а чтобы ему зарплату повысили. Я ж тебе рассказывал, с чего все началось — забыл, что ли? А с такими бабками можно вообще работу бросить да и уехать в ту же Новую Зеландию. Я бы так и сделал, между прочим.

— Что ж ты, елы-палы, сразу об этом не сказал!

— Ну вот, я еще и виноват! Да это ты мне совсем голову задурил со своей идеей!

— И что я теперь Кристинке должен говорить? Она же суетилась, письма подружкам разослала по всему миру. Я что, должен теперь сказать: пардон, дорогая, ваш дедуля может помирать спокойно?! Да они меня пошлют подальше — и правильно сделают. А я уже бильярдный чемпионат им почти подготовил!

— Слушай, Василий Иванович, ты забыл, что я сразу тебе говорил: мы не брачное агентство. А ты уперся: прикольно будет, прикольно... Сам ведь все замутил, теперь и расхлебывай!

— Ну и пошел ты! — Чапай махнул рукой и вышел. Да еще и дверью хлопнул так, что со шкафа свалилась стопка старых газет.

Он такой всегда: психованный, зато отходчивый. Через час-другой позвонит или зайдет и, как ни в чем не бывало, предложит после работы «заглянуть в библиотеку» — эта шутка уже стала у нас кодовой фразой, означающей сами понимаете что... Хорошо, однако, быть неженатым, думаю я ни с того ни с сего. А то пришлось бы вечером неотвратимо тащиться домой, по дороге закупаая для семейства целые пакеты жратвы и всяких необходимых в быту предметов ширпотреба. Помнится, если очередная супруга милостиво разрешала мне уйти из дома на дружескую пирушку, я никогда не получал от этого настоящего кайфа. Какой может быть кайф, если ты вынужден все время себя контролировать — чтобы не перебрать лишнего, не опоздать к оговоренному часу, не посмотреть слишком интимно на симпатичную соседку (а то ведь какая-нибудь сволочь обязательно доложит!). Жизнь на коротком поводке — вот что такое супружество для мужчины. Везет тем, кому именно это по вкусу: уютный диван, сытный

©Дудякова Анна, 2012 г.

ужин, чистые носки и глаженные рубашки, щебетание детишек, регулярный секс после вечернего сериала, ну и прочие милые домашние радости. А если хочется настоящего праздника, погружения в бездну и воспарения в небеса — как быть? Если ты с величайшим трудом выдержишь крепостное право на работе, а тебе вместо заслуженной кратковременной свободы предлагается «вечерняя смена» — может ли нормальный человек выдержать такое надругательство над своей природой? И не это ли является истинной причиной всех разводов, хотя внешние их поводы могут быть сколь угодно разнообразными?

Все-таки первобытные люди были не дураки, продолжаю размышлять я, двигаясь по коридору в курилку. Они не создавали idiotских «ячеек общества», спаривались с тем, кто ближе лег в пещере, а отцами детей считали сразу всех мужчин племени. И наверняка у них не было ревности, а если мужчина уходил охотиться на саблезубого тигра, никто не говорил ему: «Смотри, чтобы вернулся не позже одиннадцати!» Золотая была эпоха! И какому idiotу пришлось в голову все испоганить, придумав многогамную семью? Зуб даю, это была женщина, они ведь все собственницы — «мой очаг, моя шкура, мои дети, мой муж». Тем более тогда как раз матриархат был, если верить археологам...

— Сергей Игоревич, здравствуйте!

Кто это — ага, естественно, Женька Грошин, собственной персоной, здрас-сте, давно не виделись. Стоит, хлопает ресницами, улыбается — как всегда, немного виновато и подобострастно. Был бы у него хвост, он бы им наверняка сейчас вилял — осторожно так, с почтением.

— Если вы сомневаетесь, что мне мама разрешит жениться, то я уже решил с ней этот вопрос, — выдает он явно заранее приготовленную и хорошо отрепетированную фразу, и уши у него при этом краснеют, как у невинной барышни при слове «жопа». — Мама одобрила мое намерение, когда узнала, кому у нас будут повышать зарплату. Сначала, правда, возмущалась и даже хотела уточнить все у самого Владлена Степановича, но я упрямил ее молчать, чтобы вас не выдать. Это ведь было бы крайне непорядочно, правда, Сергей Игоревич?

— Да... конечно, ты молодец... но мне сейчас некогда... давай потом поговорим, ладно? — только это я и могу пробормотать и вместо курилки стремглав несусь вниз, в туалет. Ну все, доигрался, теперь мне хана при любом раскладе, отчаянно думаю я, сидя на голубом унитаза. Не сегодня, так завтра Женьки на маман пойдет к мэру и затеет скандал (а уж это она умеет!) из-за того, что ее сынулю подвергают дискриминации по причине отсутствия штампа в паспорте. И Владлен Сергеевич за такие шуточки

вытурит меня в один день без выходного пособия! Впрочем, можно немного оттянуть час расплаты, продолжаю я размышлять, моя рука над голубым умывальником и ощущая вполне естественное облегчение в животе. Если прямо сейчас начать активный поиск кандидаток на руку и сердце Женьки Грошина, это на некоторое время отвлечет Ирму Витальевну. Она ведь наверняка устроит для каждой из них смотрины, а угодить ей — задача невыполнимая, значит... Да, это, похоже, единственный вариант! Пока сынуля будет с нашей помощью выбирать подругу жизни, глядишь, все как-то само собой и рассосется. Тем более что и Владлену Степанычу совсем недолго осталось рулить нашим городом, в октябре — выборы, а шансов у него ноль целых шиш десятых.

Вечером, задергивая шторы в кабинете, я увидел, что Женька занял стратегическую позицию на скамейке перед главным входом и не сводит глаз с крыльца. Явно поджидает меня: не терпится человеку начать жизнь, полную страстей. Ничего, пусть до завтра помучается, решил я. И вышел через подсобку во внутренний двор, а оттуда — на улицу героя революции Сергея Лазо. Оттуда, кстати, гораздо ближе до бара «Новый поворот», куда после напряженного трудового дня любил заглядывать мой приятель, получивший при рождении имя-отчество другого, еще более знаменитого героя революции.

Глава 7. А чего тут думать!

— Так и быть, придется тебя выручать. — В мутноватых от пива и скуки глазах Василия Ивановича проклюнулась азартная искорка. — Хорошо, что я Кристинке не успел еще отбой дать.

— Хорошо, — согласился я, чувствуя, что на физиономии сама собой расплзается такая подхалимская улыбочка. Конечно, хорошо, да что там говорить — просто здорово! — что есть у меня такой понимающий друг, всегда готовый подставить плечо в трудную минуту. Можно, конечно, было бы и в одиночку поискать выход из дурацкой ситуации, в которую я сам себя нечаянно загнал, но с Чапаем наверняка все будет быстрее и проще. Надо сказать, что, несмотря на довольно солидный опыт общения с женщинами (пять штампов в паспорте: три — о вступлении в брак и два — о разводе), я по-прежнему с ними робок. Нет, не со всеми, конечно. Когда это деловое общение — например, по работе, в магазине с продавщицей, или с официанткой, медсестрой и т. д., — никакой робости я не чувствую, язык у меня говорит все, что положено, жесты адекватные, рефлексy вполне предсказуемые. А вот на дружеских посиделках уже похуже: стоит мне пару-

тройку рюмок принять на грудь и увидеть, как сидящие вокруг дамы небесно похорошели, стали загадочнее и воздушнее — я вдруг ни с того ни с сего начинаю паниковать. И если вдруг заводят танцы, сразу убегаю курить. Бывает, дымлю целых полчаса и еще столько же прячусь в туалете. Черт его знает, что со мной происходит! Чем больше мне по пьянке начинает нравиться какая-нибудь смазливая хохотушка, чем мрачнее я становлюсь; и не дай бог она меня приглашает на танец — я делаюсь как деревянный, туповато молчу, а если ляпну что-нибудь, то именно ляпну, так, что вместо комплимента получается хамство или в лучшем случае жуткая банальность. Мне и самому непонятно, как при этом я ухитряюсь регулярно заводить новые романы. Видимо, женщины, к которым меня тянет, все-таки особенного сорта. Они реагируют не на слова и не на залихватские ужимки, а на мое внутреннее напряжение, на огонь, который грозно гудит внутри, когда я прижимаю к себе в танце стройную фигурку, невпопад передвигая ноги, или просто плетусь рядом, провожая даму, и так многозначительно молчу, словно мне известны все тайны Вселенной.

Но для выполнения свалившейся на меня задачи — сделать из вялого Женьки Грошина хотя бы отдаленное подобие донжуана — такая тактика абсолютно не годится. Тут, скорее, нужен именно чапаевский амурный опыт: умение сыпать комплиментами, картинно закатывать глаза и прижимать руки к сердцу, беззаботно трепаться на интересные девушкам темы, а в нужный момент — применять быстрый, оглушительный натиск, не оставляющий бедной жертве ни единого шанса увильнуть от расплаты. Да, Чапай — это Чапай. Он способен очаровать сразу всех женщин в компании независимо от их возраста, образования и моральных принципов. Правда, его успех, как правило, недолог — буквально после нескольких бурных свиданий очередная пассия уже норовит с ним распрощаться. Чапай, естественно, упорствует и даже иногда приходит на службу с расцарапанной мордой, но все равно — с гордой осанкой победителя.

— Ладно, давай конкретно: с чего начнем? — говорю я, а сам прикидываю, хватит ли у меня денег на такое количество пива, которое необходимо Василию Иванычу, чтобы его мыслительный процесс пошел в нужном направлении и у нас появился план действий, пусть самый приблизительный.

— А чего тут думать! — беззаботно говорит мой приятель, зажевывая очередной глоток сморщенной оливкой, причем не безвкусно-маслянистой, из консервной банки, а вымоченной по классическому греческому рецепту (кстати, здесь, в «Новом повороте», все закуски такие — с претензией, а потому

и стоят втрое дороже, чем в других заведениях). Он специально очень долго мусолит во рту косточку, делая вид, что наслаждается божественным вкусом, наконец, сплевывает ее на салфетку и произносит тоном гениального полководца, которому всегда заранее известны любые козни противника: — Ты, брат, очевидно, забыл, что на нас неумолимо навигается любимый праздник всей нашей конторы — очередной день города?

— Да вроде помню... И что?

— А то, что неизбежно будет грандиозный сабантуй. Ну, сначала как обычно: Зеленый соберет всех в большом зале, поздравит, скажет соответствующие слова — как, дескать, он счастлив работать с такими добрыми молодцами и умницами-красавицами, как он всех нас ценит за наш неоценимый вклад в общее дело, мол, без нас вообще ничего бы никогда не получалось, и даже птички бы в городе не чирикали и цветочки не расцветали... Особо отличившимся всучит грамоты и букеты, мужики будут хлопать, а тетки, которым букетов не досталось, только делать вид, что хлопают. Ну, потом, конечно, от профсоюза Матвей Израилевич вперед вылезет, тоже речугу толкнет, тоже грамотки раздаст — но уже с одним цветочком в придачу.

— Да знаю я, как это бывает, — нетерпеливо говорю я. — Можешь не продолжать. Но Женька-то тут при чем?

— Слушай, Серега, ты бы хоть иногда подшипники в голове подкручивал, — весело хамит Чапай, прекрасно понимая, что обижаться я сегодня не стану, ну никак мне не резон с ним из-за пустяков ссориться. — Ладно, объясняю для особо сообразительных: после всего этого действия народ разбежится по кабинетам, и начнется генеральная пьянка, правильно?

— Само собой!

— И мужики станут говорить всякие тосты, в том числе «за прекрасных дам», а наши тетки, разряженные в пух и прах, будут слушать, пить, млеть и терять бдительность.

— Допустим...

— Так вот, именно в этот день мы устроим для нашего девственника первый настоящий выход в свет. Первый бал Евгения Грошина!

— Погоди-погоди, а толку-то? Он же будет сидеть, как мышонок, или свалит через полчаса. Даже вина не выпьет — мамы боится, ты же знаешь.

— Ну, Ирму я беру на себя. Как-нибудь уболтаю, тем более она в этот день сама поддавши будет. А чтобы он не сидел как пень — это уже твоя забота. Ты же у нас вроде консультант? Вот и научи, как мужчина должен вести себя с девушками, если хочет добиться от них чего-то более интимного, чем воздушный поцелуй.

Глава 8. Штраф за прицельное попадание

Больше мы в тот вечер ничего обсудить не успели: Василий Иваныч быстро захорошел, подсел к двум симпатичным барышням за соседний столик — и вскоре оттуда уже раздавались взрывы хохота. Потом одна из них — сероглазая блондинка, губы сердечком, нежная шейка, изящно вылепленное ушко с изумрудной капелькой в мочке — повернулась ко мне и томным голосом попросила сигарету. Как в этом случае поступил бы нормальный мужик моего возраста, которому не нужно спешить домой к драгоценной супруге и сопливым отпрыскам? Он подсел бы к девушке поближе и как минимум завязал бы непринужденное, ни к чему не обязывающее знакомство. Обронил бы между делом несколько дежурных комплиментов, угостил дополнительной порцией спиртного, а там — по обстоятельствам, глядишь, удалось бы в этот же вечер выполнить и программу максимум... А что сделал я? Сказать стыдно: бросил девушке через стол пачку сигарет! Она от неожиданности инстинктивно дернулась в сторону, пачка шлепнулась прямо в бокал с пивом. Я вскочил и, бормоча что-то несвязное, выхватил из бокала мокрые сигареты и стоял, растерянно глядя, как с пальцев медленно стекают прямо на скатерть янтарные капли.

— Вы всегда такой меткий? — спросила она, весело глянув мне в глаза.

— Ага, Серега у нас по всем вопросам снайпер! — заржал Василий Иванович. — Да сядь ты уже, не маячь, — ободряющим тоном бросил он мне. — И закажи Галочке пива, два бокала. Это тебе штраф за прицельное попадание.

Я тупо кивнул, достал из кармана платок и попытался снять белое пятнышко пены с ее блузки.

— Давайте я лучше сама. — Она взяла у меня платок, наши пальцы соприкоснулись, меня словно током ударило, я отдернул руку и машинально сунул ее в карман брюк. — Да вы не бойтесь, я сегодня добрая, у меня праздник.

— Спорим, не угадаешь, какой! — радостно подхватил Чапай.

— День рождения? — вяло предположил я, только чтобы не показаться совсем уж остолопом, не умеющим разговаривать.

— Мимо, — сказал Чапай. — Вторая попытка, предпоследняя.

Черт, ну какие еще у такой шикарной девушки могут быть праздники, растерянно думал я, двигаясь к барной стойке за пивом. Может, ей сегодня сделали предложение? Но тогда она отмечала бы это событие не с подругой, а с женихом. Или она учебу закончила, диплом получила? Тоже вряд ли, это

обычно летом бывает. А может, квартиру ей родители купили — чем не повод? Нет, сомнительно, но воссели обычно в новом доме устраивают... В конце концов, в голову мне пришло одно оригинальное предположение, его я и высказал, вернувшись за столик:

— Наверное, вы в лотерею машину выиграли.

— Неплохо, но вы опять не угадали, — улыбнулась подруга Галочки, худенькая, рыжеволосая, носик как у синички, с тремя серебряными колечками в каждом ухе.

— Да ладно, не парься, — не выдержал Чапай. — Галчонок сегодня отмечает первый рабочий день на новом месте. Будешь угадывать, кем она устроилась?

— Если Галочка не против, — сказал я, удивляясь сам себе, — то могу попробовать.

— Ну, рискните. — В ее глазах мелькнуло любопытство.

— У меня, правда, только два варианта. Или вы прошли кастинг в модельное агентство, или вас утвердили на главную роль в фильме «Красотка-2».

Чапай изумленно уставился на меня. Рыженькая, которую он уже приобнимал за плечи, наклонилась к нему и громко шепнула: «А он не такой уж и валенок».

Я поставил бокалы на стол перед Галей и сел рядом. Затем достал из кармана авторучку и протянул Чапаю.

— Зачем это? — удивился он.

— Ты же коллекционируешь удачные комплименты. Запиши и этот, пригодится.

Девушки прыснули, а Василий Иваныч — впервые за время нашего знакомства! — смутился и даже протер глаза, словно сомневался, что перед ним именно я.

Глава 9. Восстановим последовательность событий

Черт его знает, как и почему это происходит! Сто раз это случалось со мной, триллионы раз — с теми, кто жил раньше и живет сейчас на нашей планете. Сотни тысяч талантливых людей пытались описать это всевозможными словами, запечатлеть в мелодиях, изобразить красками, воспеть в танце, навеки зафиксировать в камне, бронзе или золоте... И все равно никто не в силах предсказать, когда и где тебя это настигнет, кто для тебя внезапно станет на какое-то время самым желанным и близким человеком. И невозможно понять, почему вы только вчера познакомились, а уже сегодня вам друг без друга тошно с самого утра.

— Простите, Галину можно? — Трубка в моей руке почему-то сразу делается влажной.

— Какую Галину? Вы ошиблись, здесь такой нет.

— Она новенькая, только вчера к вам в отдел пришла.

— А, понятно. Светленькая такая, да? В синем костюмчике? — Женский голос в трубке зазвучал оценивающе и немного ревниво. — А вы, мужчина, ей кто будете?

— Ей никто, а Владлену Степановичу — консультант. Кириллов моя фамилия, слышали, надеюсь?

— Ой, извините! Сейчас позову.

Трубка с деревянным стуком легла на стол. Я утер пот со лба и с тоской поглядел на часы. Черт, до вечера еще целая вечность! Если она не сможет пойти со мной на обед, я просто сдохну.

— Доброе утро, Сергей Игоревич!

— Привет, солнышко мое! Ты не представляешь, как я соскучился! Мы не виделись целых четыре часа и двадцать восемь минут!

— Да, я понимаю... Все правильно, Сергей Игоревич.

— Что, все ваши тетки уши навестили? Твои акции растут: не успела устроиться, а уже консультант мэра тебе звонит. У вас там телефон параллельный есть?

— Есть, даже два. Один за стенкой, у заместителя...

— Черт, могут подслушать! Придется тебя в отдельный кабинет пересаживать.

— Спасибо, Сергей Игоревич! Извините, но у меня срочная работа.

— Понятно. Слушай, забегай ко мне, как обед начнется. Сходим куда-нибудь перекусить.

— Я постараюсь, Сергей Игоревич.

Уф, слава богу, значит, есть шанс увидеть ее до вечера! Спасибо тебе, Господи, что вчера Ты привел меня в это кафе, посадил рядом с ней, а главное — развязал мне язык, послал редчайший, бесценнейший дар: делать все по наитию, по вдохновению. Только так наши поступки и слова оказываются единственно правильными в ключевые моменты жизни. Даже дурацкая пачка сигарет шлепнулась в ее бокал очень кстати: благодаря этой глупости она меня выделила из остального мужского стада и запомнила.

И как гениально совпало, что ее взяли именно к нам, в мэрию, где у меня такая звучная и загадочная должность... «Стоп! — холодею я. — А не это ли стало настоящей причиной стремительного нашего сближения?» Так-так, давай-ка, доверчивый ты наш Сергей Игоревич, восстановим последовательность событий. Значит, сначала ее подружка Леночка выдала мне «военную тайну»: Галю сегодня официально оформили, и с завтрашнего дня она не кто-нибудь, а ведущий специалист отдела социального мониторинга в администрации нашего города-героя; она

почти год ждала, когда откроется эта вакансия, и ее сразу взяли, потому что она, оканчивая факультет государственного и муниципального управления, проходила в этом отделе практику и даже писала дипломную работу, что-то вроде «Влияние регулярно проводимых анализов социокультурного пространства муниципальной территории на эффективность управленческих решений и скорость развития предпринимательской активности». А еще, добавила Леночка, они с Галкой теперь смогут снять на двоих отдельную квартиру где-нибудь на окраине и начнут искать прямо завтра, потому что жить в одной комнате у вредной старухи, которая не позволяет вообще никаких гостей, осточертело до жути.

Ну конечно, именно тут я и встрял! Дурацкая привычка предлагать помощь, о которой тебя не просят... А вы знаете, Галочка, сказал я, у нас в мэрии некоторым молодым специалистам частично компенсируют аренду жилплощади. Вам разве не говорили в отделе кадров?

Нет, она об этом не слышала. Еще бы: кто про такое будет языком трепать! Ведь на самом деле из троих счастливиц, которым по специально принятой программе поддержки молодых специалистов наша контора реально оплачивает съемное жилье, двое — племянники вице-мэров. А третий — московский пиарщик, которого Владлен Степаныч недавно на всякий случай притащил к нам в город отслеживать ситуацию перед выборами. И чтобы сократить на него личные расходы, принял в штат мэрии, а заодно обеспечил жильем за счет конторы.

Этот секретный расклад мне отлично известен, и все же я зачем-то ляпнул, что мог бы замолвить словечко кое-кому, и даже сделал красноречивый жест: указал пальцем на потолок. После чего, входя в роль значительной персоны, добавил: посмотрим, может быть, и нашу новую симпатичную сотрудницу тоже удастся включить в список тех, кому городские власти помогают решать квартирный вопрос. Девушки переглянулись недоверчиво, но тут Василий Иванович, уже вполне пьяненький, рванул на себе рубашку. Мол, вы не смотрите, что Серега на вид такой скромняга, он у нашего градоначальника — особо доверенное лицо! Тяжелая боевая фигура! Да без него, если хотите знать, ни одно серьезное решение в городе не принимается! И стал требовать, гад, чтобы я показал девчонкам свою «корочку». Леночка тоже присоединилась, отнекиваться было неудобно, да и пиво уже ударило в голову. В общем, я расколосился, удостоверение достал, позволил девчонкам рассмотреть его во всех подробностях и даже с удовольствием выслушал их восторги по поводу удачной фотографии.

Ага, вспоминаю я, именно тут она и придвинулась поближе, и начала поглядывать на меня с нескрываемым восхищением, и слушала мои бредни, ахая и поддакивая чуть ли не после каждого слова! А у меня почему-то начался острый приступ словесного, пардон, поноса. То ли оттого, что Чапай уже поклеивал носом, то ли из-за ее сияющих глаз, но я трепался уже и не помню о чем. В общем, как мог, показывал свою эрудицию — начиная от сведений о том, какие ингредиенты отличают настоящий ирландский эль от темных сортов банального пива, и заканчивая проблемами разведения страусов в зоне вечной мерзлоты. И самое странное, по всем вопросам у меня было железобетонно-правильное мнение, основанное на личном опыте и исчерпывающей научной информации.

Девушки слушали, забыв про коктейли, которые им заказал Чапай (за мой счет, разумеется).

А потом как-то само собой получилось, что Василий Иваныч с рыженькой хохотушкой исчезли. Мы остались вдвоем в опустевшем баре, и я вдруг почувствовал, что не могу говорить, а больше всего хочу прижать ее голову к груди и погладить — нежно-нежно, как пятилетнюю девочку, обиженную мальчишками во дворе и прибежавшую в слезах домой.

— Тебе, наверное, уже пора? — спросила она, как мне показалось, с тревогой и горечью. — На работу завтра рано, и дома ждут...

Что-то она еще, кажется, говорила, пока я гладил ее по светлым, удивительно мягким волосам, слегка ерошил завитки на шее, и смотрел, смотрел в ее глаза, и не мог оторваться, и молчал, потому что слов никаких в эту минуту просто не помнил. Да если бы они и нашлись, то все бы только испортили.

Хорошо, что и потом, уже у меня дома, все случилось тоже без слов. Дверь захлопнулась, я даже не успел включить свет, как она обхватила меня за голову и стала целовать щеки, подбородок, лоб, глаза, губы, и как-то незаметно выскользнула из платья, и мы, не отрываясь друг от друга, провалились куда-то, а когда очнулись, то обнаружили себя лежащими на ковре, а вокруг валялась наша скомканная одежда и яблоки, скатившиеся с журнального столика. Она взяла одно яблоко, с хрустом откусила огромный кусок, а оставшуюся половинку протянула мне.

— Хочешь?

— Хочу, только кое-что другое. — Я приподнялся на локте, широко раскрыл рот, словно собирался откусить такой же кусок от ее груди. Она рассмеялась, прикрываясь ладонью.

— Обжора! Ты всегда такой ненасытный?

— Нет, только с тобой.

— Ага, так я и поверила. Слыхала я про мужиков твоего типа...

— Какого?

— Ну, про вечных пионеров. У которых лозунг «Всегда готов!».

— А ты? Не пионерка разве?

— Между прочим, если для мужчины это комплимент, то для девушки вряд ли.

— Ладно, замнем для ясности. Я могу разложить диван, хочешь?

— Ну вот, я же говорила! Ты маньяк, это точно. Мне вообще-то домой уезжать надо.

— Зачем? Оставайся до утра! Если не хочешь больше, я буду вести себя не по-пионерски, а по-пензионерски.

— Дурачок... У меня же завтра первый рабочий день на новом месте. Одеться надо прилично, поспать хоть немного. А то представляешь, какая я буду: вся опухшая, мятая!

— Платье можно погладить, уют у меня есть.

— Нет, Сережа, я поеду. Только не обижайся, ладно?

Конечно, я понимал, что она абсолютно права, но отпускать ее жутко не хотелось! На часах было почти три, и мне вдруг пришло на ум, что в бар вчера я пришел сразу после работы, значит, в моей жизни Галя появилась каких-то восемь часов назад — а уже заняла столько места, что расстаться с ней до вечера нет никаких сил. За окном залаяла собака, ей отозвалась другая, и вскоре целый хор визгливых шавок всколыхнул сонный воздух двора. Господи, да в который же раз я так обманываюсь! — одернул я себя и резко встал с пола. И только тогда почувствовал, что горло дерет, как наждачкой: все-таки изрядное количество ледяного пива и бурные упражнения на холодном ковре сделали свое дело. Я пошел на кухню и включил чайник. Когда вернулся, Галя уже стояла одетая и поправляла волосы. Свет мы так и не зажигали, сидели на диване и пили чай, пока не приехало такси.

Странно, вспомнил я, перед уходом она не поцеловала меня, только коснулась рукой плеча.

Значит... Да нет же, ничего это не значит, что я вообще могу знать о ее привычках, может, она вообще на дух не переносит телячьих нежностей при расставании! И с чего это я решил, что у нее ко мне меркантильный интерес? Что я такая за птица особая, чтобы девушке вдруг захотелось через постель завоевать мое расположение? Зарплата — смешно, у какого-нибудь оборотистого индивидуального предпринимателя, торгующего колбасой на рынке, доход в пять раз больше. Связи — ну, допустим... Если я к первому вице-мэру приду с какой-нибудь проблемкой, он примет участие, да и сам Владлен Степанович, пожалуй, не откажет, только просьбишка должна быть мелкой, житейской: к примеру, ребенка в хороший садик пристроить или близкого

родственника в муниципальном санатории по льготной путевке подлечить. Но если просьба касается бизнеса — ну там, дешевая площадь под магазин нужна или выгодный строительный подряд — тут соваться бессмысленно; эти дела решаются совершенно иначе — по определенной таксе за каждый вид услуг. К этой кормушке подпускают только самый ближний круг, в который я, слава богу, не допущен, и вряд ли в обозримом будущем в него попаду.

Значит... Черт возьми, да и это ничего не значит, и вообще не хочу я ни о чем таком думать сегодня! Чепуха это все, а вдруг она просто влюбилась, вот и все причины? Я вскочил с кресла, глянул за окошко, там деревья шелестели юной листвой, воробьи весело скакали на ветках, по проспекту лениво ползла нескончаемая вереница машин, тормозя на ближнем перекрестке. А что, разве я уже не могу просто так понравиться девушке, подумал я, глядя на блеклое отражение в оконном стекле. Ну, почти сорок лет, но никто не дает больше тридцати пяти. Не мачо, конечно, но и не урод какой-нибудь прыщавый. А то, что со всеми женами у меня в итоге не складывалось, так тут дело не во внешности и не в сексе, конечно. И даже не в том, что я почти сразу начинал бегать налево: с этим как раз большинство женщин в конце концов как-то примиряются. Наверное, все-таки причина в том, что я в принципе не способен быть семьянином — и мои жены очень быстро начинали понимать сию печальную для них истину.

Они видели, например, что я неожиданно и совсем не вовремя над чем-то очень глубоко задумываюсь. Моя вторая, Катюха, до сих пор всем рассказывает историю о том, как я однажды выносил мусор, и всегда имеет потрясающий успех. Дело было так: лежу я вечером на диване, никого не трогаю, читаю какую-то фантастику. Катюха меня достает: вынеси да вынеси мусор, а то ведро жуть как воняет. И главное, на самом интересном месте! Ага, говорю, сейчас вынесу, а сам оторваться не могу. Ну и дождался: она меня шлепнула мокрой тряпкой по животу, ведро держит в вытянутой руке, а у самой глаза — белые от бешенства, находило на нее такое иногда. Делать нечего, встаю с дивана, принимаю драгоценный груз, книгу под мышку, сигареты в карман, и выхожу в подъезд. Спускаюсь на третий этаж, там есть уютный коридорчик, общий на две квартиры, соседи даже скамеечку поставили. Сажусь на нее — ну, дочитать тот самый, жутко увлекательный эпизод. Потом честно пытаюсь вспомнить: а куда это меня Катюха послала? Ну и натурально иду в магазин за хлебом, потому что ведро-то я нечаянно под скамейку задвинул. В общем, когда вернулся домой с буханкой бородинского и без ведра, супруга моя целый час по полу каталась от хохота...

Глава 10. Курс молодого бойца

Были и другие похожие случаи, но рассказать их вам придется как-нибудь в другой раз, потому что сейчас на моем столе внезапно дребезжит телефон. Звонки короткие, значит, кто-то домогается меня по внутренней связи.

— Сергей Игоревич, добрый день! — слышу я в трубке знакомый бархатистый голос, и в моем животе образуется урчащая пустота. — Алло, Сергей Игоревич, вы меня слушаете?!

— Да-да, Ирма Витальевна, конечно...

— Я была бы вам очень признательна, если бы вы нашли возможность заглянуть сейчас ко мне. Буквально на пять минут.

— Обязательно загляну, только это... отчет закончу.

— Сергей Игоревич! — сквозь бархат прорезаются стальные коготки. — Отчет ваш пять минут подождет, а у меня после обеда совершенно не будет времени.

— Хорошо, Ирма Витальевна, я иду.

Вот, блин, чего ей от меня понадобилось?! Неужели все-таки будет расспрашивать, почему это Владлен Степаныч решил поднять зарплату только женатым чиновникам? Если так, мне крышка, расколет она меня лучше Малыты Скуратова. Это же не женщина, а стерва в квадрате, от нее что-то скрывать бессмысленно, только глянет — и уже мурашки по коже. Будто облако злобы и ненависти вокруг нее, честное слово! Я знаком с несколькими ребятами из ее департамента, они мечтают только об одном: чтобы Ирму Витальевну поскорее на пенсию спровадили. По возрасту уже можно, но мэр ее сам, говорят, побаивается.

Перед дверью в приемную я пытаюсь натянуть на физиономию максимально почтительное выражение, типа «чего изволите». Получается, наверное, не очень, потому что затурканная секретарша Милочка, бледная, как спирохета, смотрит на меня с плохо скрываемой жалостью.

— Заходите, Ирма Витальевна вас ждет, — лепечет она.

Захожу, конечно, куда уж я теперь денусь. Грозная мадам Грошина уже наготове — сидит за низким чайным столиком, ее монументальный зад, обтянутый блестящим сиреневым платьем, занимает половину дивана. Увидев меня, она раздвигает густо накрашенные губы, над которыми явственно пробиваются черные усики, и делает приглашающий жест — мол, садитесь в кресло напротив. Значит, беседа затянется — обычно Ирма Витальевна предпочитает слушать посетителей, держа их перед собой по стойке смирно.

— Чай? Кофе? Может, с коньяком?

Ого! Чтобы эта железная леди предложила кому-то кофе, да еще с коньяком! Ни в коем случае нельзя соглашаться, может, она отравить меня хочет, опасно думаю я, и... неожиданно для себя киваю, как дурачок.

— Спасибо! А еще лучше и с коньяком, и с лимонном.

— У вас неплохой вкус. — Она нажимает какой-то рычажок под столешницей, и через минуту запыхавшаяся Милочка вносит в кабинет серебристый поднос с дымящимися фарфоровыми чашечками, сахарницей, пузатеньким графинчиком и тарелочкой, на которой в форме ромашки разложены тонко нарезанные ломтики лимона.

Пока я бережно добавляю в кофе коньяк и аккуратно размешиваю сахар, Ирма Витальевна разглядывает меня так, словно я — жареный поросенок на блюде, и она примеривается, какой бы кусок отрезать сначала, а какой оставить под занавес пиршества. Вот черт, умеет же человек нагнать страху — а ведь ничего такого не делает, ну пригласила поговорить, вежливо предложила кофе. И чего я дергаюсь?

— А правда, Сергей Игоревич, что вы были три раза женаты? — вдруг спрашивает она тоном следователя, который уже выяснил все обстоятельства преступления, и ему только остается дожать обвиняемого, чтобы тот не сходя с места написал чистосердечное признание.

— Виноват, — киваю я покаянно. — Так получилось... Я нечаянно.

— Речь не о вас, это, в конце концов, ваше личное дело, — прерывает она. — Я только хотела удостовериться, что вы, с учетом вашего столь солидного опыта, способны оценить, какими качествами должна обладать будущая супруга Женечки, чтобы их брак не закончился разводом. Ведь вы, как он утверждает, из дружеских побуждений взялись помочь ему в выборе достойной невесты.

— Ну, мы недавно говорили об этом, чисто теоретически, но...

— Что значит «но»?! — в глазах Ирмы Витальевны вспыхивают черные молнии. — Уж не хотите ли вы сказать, что Женечка мне солгал? Так вы ему обещали помочь или не обещали?

— Нет, я постараюсь, конечно, Ирма Витальевна, просто, понимаете, это ведь такой тонкий... как бы это выразиться... деликатный момент... точнее, вопрос... Ну, со стороны может показаться, что парень и девушка друг другу вроде бы подходят, а им самим это почему-то не кажется. Или сначала они друг другу могут очень даже понравиться, а потом что-то вдруг пойдет не так... В общем, как бы это поточнее выразиться, тут нельзя дать никаких гарантий.

— А я вот могу дать гарантию, что Женечка будет идеальным мужем, — отрезала Ирма Витальевна. — Он добрый, положительный, прекрасно образован, знает цену деньгам, не курит и не пьет, и — что очень важно! — не станет заглядываться на каждую смазливую вертихвостку. А ваши сомнения насчет странностей любви, конечно, имеют право на существование, но не для семейной жизни. В семье главное — четко исполнять социальные роли. Муж должен нести свою нагрузку, жена — свою. И всякие там пылкие чувства, если разобраться, только мешают.

Возражать ей бессмысленно, с тоской думаю я. Только интересно, почему собственные ошибки со сбежавшими мужьями ее ничему не научили? Или людям такого типа вообще не свойственно сомневаться? Ну и ладно, чего я парюсь — раз приспичило ей женить сынулю, пускай он сам потом и мучается, мне-то что! Главное сейчас — сделать вид, что я искренне готов участвовать в этой затее, а там, глядишь, все как-нибудь само собой разрулится.

— Извините, Ирма Витальевна, мне пора. Отчет для Владлена Степановича надо сегодня закончить.

— Но мы еще ни о чем не договорились!

— Я вам обещаю, что сделаю все возможное, чтобы предостеречь Женю от поспешных шагов. У него ведь в амурных делах мало опыта?

— Почти никакого. Школьные увлечения не в счет.

— Ну вот. Значит, для начала ему нужно пройти «курс молодого бойца». Пусть раз-другой-пятый сходит со мной вечером в ресторан, осмотрится, попробует познакомиться с кем-нибудь — вы ведь не будете возражать?

— Только без спиртного!

— Ирма Витальевна, но ведь он будет там, как белая ворона. Бокал красного вина хотя бы разрешите! Врачи говорят, что это даже полезно для здоровья.

— Хорошо, но только один бокал. Сухого. И еще: давайте условимся, что вы мне будете все-все рассказывать.

— Обязательно! Ну что, я пойду?

— Идите. Евгению я сама сообщу о нашей договоренности.

Глава 11. Это не анекдот! Это пасквиль!

А что, думаю я, топя в свою конуру, пока все складывается не так уж плохо. Глядишь, как-нибудь и удастся выкрутиться. И вообще, кто знает, вдруг этот чудик действительно на кого-нибудь западет? Ему, в общем-то, полезно встряхнуться. У него за годы воздержания, наверное, столько энергии накопилось! Может быть, в наш век ранней импотенции

это окажется для какой-нибудь многоопытной хищницы решающим аргументом в Женькину пользу.

— Сергей Игоревич, вы куда так спешите?

Это прерывает мои размышления Павел Викторович Бобышкин, самый уникальный бездельник в нашей конторе (не считая меня, разумеется). Как всегда, он выглядит на миллион долларов: одет с иголки, идеально подстрижен, пахнет дорогущим одеколоном, на лацкане — золотой значок члена-корреспондента Муниципальной академии; редкая, надо сказать, вещица, потому что где это учреждение находится и чем занимается, никому из моих знакомых сослуживцев выяснить пока не удалось. Таких странных знаков отличия у Павла Викторовича несколько. Например, есть еще бирюзовая заколка для галстука с эмблемой в виде контура земного шара; она означает, что ее владелец является членом таинственной международной ассоциации «Океаны планеты». Эти коллекционные аксессуары Бобышкин, по-моему, меняет в зависимости от цвета костюма, и они у него всегда бросаются в глаза, вызывая у незнакомых людей дополнительный интерес к его персоне. Пока Павел Викторович молчит, его еще можно терпеть, он даже выглядит значительным и солидным человеком, но если заговорит — убегайте сразу, если не хотите через пять минут зевать от скуки. Максимум, что он способен произнести — это грамотно изложенную банальность, а обычно несет полную чушь, какую-то дикую смесь информации, почерпнутой из телешоу и самых тупых зарубежных сериалов. При этом он еще ужасно любопытен и мгновенно разносит по конторе сплетни, поэтому откровенничать с ним ни в коем случае не следует.

Памятуя об этом, я отзываюсь приветливо, но односложно:

— Дела, дорогой, и весьма срочные! Как говорится: служенье, блин, не терпит... и тэ дэ...

— Вы ведь у Ирмы Витальевны были, верно?

Тут я настораживаюсь, вспоминая, что Бобышкин числится как раз по ее департаменту главным специалистом какого-то отдела. Говорят, Ирма Витальевна его особо отличает, правда, за какие заслуги — непонятно. А Чапай как-то разнес слух, будто эта сладкая парочка состоит в любовной связи; он якобы видел, как Бобышкин выскочил из ее кабинета, зажимая раскровявленный нос платком. «Ну и что?» — спросил я. А то, объяснил мой приятель, что рукоприкладство Ирма позволяет себе только с самыми близкими людьми, всем остальным для безоговорочного подчинения достаточно одного ее взгляда.

— Ну да, забегал к ней уточнить кое-какие данные по вашему департаменту, — озабоченной скороговоркой вру я Бобышкину. — Готовлю срочный отчет для Владлен Степаныча.

При упоминании нашего градоначальника на лице у Бобышкина почему-то появляется плутоватое выражение.

— А вы еще не читали сегодня «Городской вестник»? Там — такое! Весь город смеется. Похоже, редактору крышка.

Газетку я утром от скуки пролистал. Обычный номер: бодренькое интервью первого вице-мэра о небывалом росте производства, репортаж со строящегося горнолыжного комплекса, куча стандартных заметок — в основном о бурной деятельности органов власти, направленной на благо горожан, рецензия на очередную премьеру местного драмтеатра, что-то еще о спорте, о новой выставке в музее, кроссворд, реклама... В общем, ничего крамольного.

— Вы обратите внимание на колонку анекдотов, — тоном заговорщика советует Бобышкин. И я замечаю, что он едва сдерживается, чтобы не захихикать.

Подгоняемый любопытством, я спешу к себе и уже из коридора слышу, как в кабинете раздраженно дребезжит телефон. Звонки короткие: опять кто-то ищет меня по внутренней связи.

— Сергей Игоревич, вы куда исчезли?! — В трубке панический голос секретарши мэра Магдалины Алексеевны, дамы абсолютно флегматичной и непрошибаемой, как танк. Чтобы она так возбудилась, должно произойти нечто чрезвычайное.

— Извините, меня вызывала...

— Вас срочно мэр требует! — не дает она мне договорить. — Бегом, пожалуйста!

Машинально схватив со стола какую-то папку и номер «Городского вестника», я мчусь на третий этаж. В приемной пунцовая Магдалина Алексеевна брезгливо держит телефонную трубку в некотором отдалении от уха — словно боится, что оттуда вылезет клоп и ее укусит. Она отчаянно машет мне рукой на дверь мэрского кабинета, мол, заходите скорее, а сама буквально кричит невидимому собеседнику:

— Прекратите хулиганить, слышите?! Я вам десятый раз повторяю: никакой пересадки Владлену Степановичу не делали! Это чья-то глупая шутка. Еще раз позвоните — я в милицию сообщу!

Тяжелая дубовая дверь на удивление легко подается вперед — и вот я уже в святая святых нашей конторы. Мэра за столом нет, но приоткрыта панель в простенке, и оттуда доносится тяжелое сопение. Да, давненько мне не доводилось бывать в комнате релаксации, где наш драгоценный босс любит принимать особо доверенных лиц. Что же, черт побери, случилось?!

Тук-тук — я вежливо барабаню костяшками пальцев по панели и осторожно переступаю порог. Ого! Да тут революционные перемены! Вместо

огромного дивана и пышных кресел — четыре вычурных табуретки, расставленных вокруг ажурного столика под бронзу, а весь угол возле окна занят спортивными тренажерами. Есть даже дорожка для спортивной ходьбы — на ней и сопит хозяин всего этого великолепия, держась за поручни и обливаясь потом. Он в шортах и легкой футболке, костюм небрежно брошен на соседний тренажер — со сложной системой блестящих рычагов, пружинки и гири, подвешенных на цепочки.

— Садись, — роняет он вместо приветствия, а сам продолжает мерно переставлять ноги на ерзающей под ним резиновой ленте. — Что, читал уже? — замечает он газету у меня в руке. — Ну, что делать будем? Предложения есть?

— Пока нет, Владлен Степанович... в смысле, я газету, конечно, читал, но ничего такого не заметил.

— Вот такие, елы-палы, у меня помощники! — Мой патрон даже останавливается от изумления. — Весь город сразу заметил, а он — не заметил!

Мэр сходит с тренажера, выхватывает у меня газету, яростно ее разворачивает и тычет пальцем в анекдот, размещенный по соседству с аляповатой карикатурой, явно скачанной дизайнером из Интернета.

«На международном симпозиуме, — с трудом разбираю я прыгающие перед глазами строчки, — хирурги хвастаются своими достижениями.

— Мы одному пациенту, который остался без рук, пересадили лапы обезьяны, — говорит француз. — Так он теперь работает в цирке жонглером!

— А у нас одному пациенту поезд отрезал ноги, так мы пришили ему задние лапы кенгуру, — хвастается австралиец. — Он после этого поставил мировой рекорд по прыжкам с шестом.

— Это все ерунда, — машет рукой русский. — Когда мэру нашего города сосулькой проломило голову, мы ему пересадили его собственную жопу. Так он теперь ей соображает даже лучше, чем раньше думал головой!»

Спокойно, только спокойно... Я стискиваю зубы и незаметно щипаю себя за бок свободной рукой. Владлен Степанович пристально следит за моей реакцией.

— Дурацкий какой-то анекдот. Для дебилов, — выдавливаю я, пожимая плечами.

— Это не анекдот! — взвизгивает мэр. — Это па-сквиль! Я, бляха-муха, разберусь, какая сука это устроила!

Отреагировать я не успеваю, потому что в кабинете раздаётся мелодичная трель: так секретарша извещает мэра, что к нему явился кто-то, срочно вызванный на ковер. Владлен Степанович убегает к столу, и я слышу загадочный монолог:

— Кто? А, этот мудозвон! Как выглядит? Глаза бегают? Хорошо, шас он у меня сам тут побегаёт, сукин кот! Помаринуй его минут десять, только смотри, чтоб не обоссался, а потом запускай.

Что бы это все значило, теряюсь в догадках я, пока мэр, вернувшись в комнату отдыха, переодевается в костюм. Невольно замечаю, что он слегка похудел: живот, еще недавно похожий на мини-дирижабль, теперь свободно зажимается ремнем на предпоследнюю дырочку. Судя по всему, тренажеры дают-таки эффект.

— Пойдем, будешь свидетелем, — приказывает Владлен Степанович, и я послушно перебираюсь в кабинет, по-прежнему ничего не понимая.

Мэр занимает стандартную позицию в своем кресле, придвигает к себе номер «Городского вестника» и красным маркером подчеркивает в том самом анекдоте какие-то слова. Потом нажимает кнопку на телефоне:

— Как он? Ерзает? Ну, пусть поерзает еще. Скажи пресс-службе — мне срочно диктофон нужен, пусть принесут.

Он поворачивается ко мне:

— Запись сделать сумеешь? Чтобы он не заметил?

— Постараюсь, Владлен Степанович... Да вы бы ска-зали, я бы свой принес.

— Ладно, сиди. Подумай лучше пока, как из этого дерьма вылезать будем.

Черт, о чем я должен думать?! Неужели он эту фигню принял на свой счет, доходит вдруг до меня... Да нет, ерунда, он, конечно, не блещет интеллектом, но с чувством юмора у него вроде бы все нормально; во всяком случае, когда мы на выборах готовили «черные» листовки о его конкурентах, на разные хохмы он соглашался легко, убеждать особо не приходилось. Помню, я родил тогда идею для карикатуры на его главного соперника, отставного генерала милиции Ивана Моргунова, который, надеясь завоевать любовь избирателей, прыгнул с парашютом на учебном аэродроме. Этот героический сюжет долго крутили в агитационных телероликах, фотки мужественного парашютиста напечатали во всех газетах и расклеили на каждом столбе. Женская часть электората поддалась на этот нехитрый прием: рейтинг генерала стал расти как на дрожжах. Пиарщики в нашем предвыборном штабе скрипели зубами от бессилия.

И тогда я предложил: а давайте сделаем коллаж — возьмем эту же намозолившую всем глаза фотку Моргунова, только вместо парашюта у него за спиной будут развеваться мужские трусы с дамскими кружавчиками. Подпись мы придумали какую-то отвязную, с прозрачным намеком: дескать, не случайно наш герой так любит голубое небо. После

Анна

©Дуджева Анна, 2012 г.

того, как эта листовка была разбросана по почтовым ящикам, избиратели на встречах начали ехидно спрашивать генерала о его сексуальной ориентации. Рейтинг Моргунова стал неудержимо падать, а руководитель его избирательного штаба даже в сердцах сказал, что этого кандидата теперь проще было бы раскрутить, если бы парашют вообще не раскрылся.

От этих ностальгических воспоминаний меня отвлекает вошедшая в кабинет секретарша. Она кладет на стол диктофон и вопросительно смотрит на мэра.

— Запускай! — приказывает он.

На пороге появляется Николай Михайлович Кравченко — главный редактор «Городского вестника», еще крепкий шестидесятилетний мужик с серебристой шевелюрой и благородно лоснящейся физиономией, на которой сейчас даже слепой прочитал бы явное замешательство. Судя по всему, он не догадывается, с чего это вдруг его из суеты напряженного трудового дня так спешно выдернули на ковер к градоначальнику.

Жалко, у меня был только диктофон, а не видеокамера! А то я запросто выиграл бы главный приз в популярной передаче «Сам себе режиссер».

— Смотри! — заорал мэр, взмывая над столом как коршун, приметивший в степи долгожданную добычу. — Смотри, сука, смотри! — он звонко хлопнул себя ладонью по лбу. — Это что у меня, по-твоему: жопа?! Или пока еще голова?! Что молчишь, отвечай!

Николай Михайлович мгновенно побледнел, как покойник, прислонился к стене и стал шарить в кармане пиджака — похоже, искал таблетки. Владлен Степаныч, не обращая на это внимания, выскочил из-за стола, смахнул на пол злополучную газету и стал злобно топтать ногами, приговаривая:

— Вот что будет с твоим паршивым листком, вот что, вот что, понял, сволочь продажная!!!

— Владле-ен... м-м-м... Степа-анович, я ничего такого...

— Ты мне, сука, все сейчас расскажешь! Кто тебе заплатил, сколько, и что вы там еще задумали! Я вам самим вместо голов жопы пришью!

— Извините, я не понимаю... Какая голова, какая, извините... попа?

— Не придуривайся! Ты этот анекдот напечатал? — мэр поднял с пола измызганную, местами разорванную газету и ткнул ее в нос редактору.

Кравченко преданно понюхал страницу, на которой отпечатался ботинок градоначальника.

— Это же просто юмор, — жалобно пролепетал он. — Мы же должны как-то поднимать тираж, привлекать читателей. Тут никто конкретно не имелся в виду, честное слово!

— Ты это Расскажи своей покойной бабушке! А почему тогда у тебя тут напечатано: «мэру нашего го-

рода»? *Нашего*, чтобы всем было понятно! И про сосульку — тоже юмор у тебя, без бл...ких намеков, да?! Или ты уже забыл, что у нас зимой рядом с мэрией одного мужика сосулькой насмерть убило?!

— Не знаю, это роковое совпадение... честное слово... это из какого-то сборника случайно перепечатали, я даже не читаю никогда эту страницу, — с отчаянием приговоренного к расстрелу бормотал Кравченко. — Владлен Степанович, вы же знаете, как я вас уважаю, да разве бы я позволил себе хоть что-нибудь против вас, хоть какой-то намек...

— Ладно, не стони. — На лице мэра я замечаю явное замешательство. — Может, ты сам тут и ни при чем, значит, какая-то крыса у тебя завелась в редакции! Я ведь тоже не сразу въехал, только когда стали в приемную каждые пять минут звонить и спрашивать: мол, правда ли, что мэру нашего города вместо головы пришпандорили жопу... Магдалина сначала не поняла, так ей все популярно объяснили, даже страницу подсказали, где это напечатано. И звонят целый день, юмористы, так их растак! Весь город сегодня не работает, только об этом и треплются.

— Владлен Степанович, простите меня, виноват: проглядел, замотался!

— Да не дергайся ты! Думай лучше, какое завтра будешь опровержение давать.

Тут, наконец, я сгибаюсь пополам от хохота, приотпываю, хлопаю ладонью по колену и даже не пытаюсь сдерживаться, хотя ясно понимаю при этом, что наверняка ставлю жирный крест на своей чиновничьей карьере. Мэр и редактор ошалело смотрят на меня.

— Представьте себе... ик... это опровержение, — утирая слезы, наконец, выдавливаю я: — «В анекдоте о хирургах, опубликованном в предыдущем номере, по техническим причинам допущена ошибка. Вместо слов «мэру *нашего* города» следует читать «мэру *не нашего* города».

— Ну, примерно так... — соглашается Владлен Степаныч, но в голосе его уже нет маниакальной уверенности в своей правоте.

— Вы хотите, чтобы весь город еще сутки над этим потешался? — говорю я, сумев, наконец, взять нужный, серьезно-иронический тон. — Конечно, сегодня все целый день будут зубоскалить. Еще бы: жизнь скучная, а тут такая пилюля! Но уже завтра начнут потихоньку забывать, а через неделю, если кому в голову придет эту хохму рассказать, ему будут рожу бить — как за бородатый анекдот, который всем надоел. Надо быть выше этого, Владлен Степанович! Есть такой закон психологии: если оправдываешься — значит, виноват. Давно проверено на практике.

Произнося этот монолог, я исподтишка наблюдаю за шефом. Слава богу, сегодня он вроде спосо-

бен воспринимать логичные аргументы. Во всяком случае, праведный гнев и жажда мести сходят с его лица, он удобно разваливается в кресле и прекращает терзать пуговицу на рукаве.

— Думаешь? — с надеждой спрашивает он. — Забудут за неделю? Ну, поглядим, может, и так, значит, и раздувать не надо. А ты все-таки проведи служебное расследование, — сердито смотрит он на редактора. — Завтра же доложи, какая сволочь подсунула эту дрянь в печать, и гони его в шею. Вдруг у тебя в редакции засланный казачок? Может, его Леха Фролов купил, он на мое место давно нацелился.

— Обязательно, Владлен Степанович!.. Сегодня же разберусь... и вам доложу, — запинаясь, бормочет Кравченко и задом пятится к выходу.

Мы остаемся с мэром одни. Но напрасно я надеюсь, что он меня так просто отпустит на свободу.

— Как считаешь, кто ему забашлял — Фролов или, может, Борька Веселовский? — вдруг спрашивает он, насупившись.

Я искренне пожимаю плечами. Надо быть полным дураком, чтобы подозревать тут происки потенциальных конкурентов на нескорых еще осенних выборах, но убедить в этом Владлена Степановича явно не получится — если уж он что-то вбил себе в голову, то и молотком оттуда не вышибешь. Поэтому, вспомнив, как именуется моя должность, я выдаю следующий экспромт:

— Дело, Владлен Степанович, по-моему, серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Редактор, скорее всего, не врет: он и правда был не в курсе. Но что у него в газете крыса завелась, очень даже возможно. Доказать только трудновато будет. Допустим даже, мы выясним, кто из дизайнеров поставил в полосу этот анекдот, и что? Да ничего: они ими дырки на страницах затыкают — ну, если рекламу какую-то снимать приходится или еще что... Скачивают из Интернета всякую лабуду, только корректор и читает перед выпуском. А с корректора какой спрос? В общем, усилия на расследование тратить нет смысла: все равно отопрут. Да и какой дурак сознался бы, а, Владлен Степанович?

Мэр задумчиво кивает: мол, пока все правильно, продолжай.

— А вот кто вам эту подлянку подстроил, проверить есть резон. Чтобы иметь в виду: если, допустим, это Фролов, значит, он точно собрался выставляться на выборах.

— Проверить неплохо бы, только как? Я, конечно, попробую по своим каналам... В общем, черт его знает...

— А может, их спровоцировать на следующий ход, а, Владлен Степанович? — Я вскакиваю как бы в озарении от великолепной идеи (осталось только

крикнуть «Эврика!»). — Ну, тому же Фролову взять и перекрыть маленько кислород в бизнесе!

Мой патрон смотрит на меня, как будто я бандит какой-то. Якобы не понимает, о чем я. Ладно, давай играть дальше: ты — начальник, я — консультант, «мы посоветовались, и ты решил».

— Ведь Фролов у города арендует торговую базу на Никольской улице? — полувопросительно продолжаю я. — Не меньше трети доходов с нее имеет, да? Так можно ему из департамента недвижимости письмо направить: мол, так и так, готовьтесь освободить территорию по не зависящим от нас причинам. Ну, написать, допустим, что на месте базы скоро начнется какая-нибудь социально важная стройка. Какое-нибудь овощехранилище для дачного урожая ветеранов Бородинской битвы.

Владлен Степанович милостиво улыбается этой шутке, но глаза у него — пустые. И вообще он похож на сдувшийся воздушный шарик: весь какой-то вялый, расслабленный, даже жалкий... А я ведь помню, какой он был боец, когда воевал на выборах четыре года назад! Носился по городу, как угорелый, по три часа подряд мог разговаривать во дворе с толпой разгневанных бабулек, недовольных буквально всем и в первую очередь — своим возрастом. И ведь умудрялся как-то их обаять, обещал и ремонт крыши, и дешевые муниципальные магазины, и новый телеканал, где будут показывать только советские фильмы без всякой рекламы... Цель была у человека: остаться у власти, а теперь, похоже, он сам не знает, нужна ли ему еще на четыре года вся эта суета.

— Ну, как вам идея, Владлен Степанович? — бодро спрашиваю я.

— Вообще, неплохо... Ты, это, составь мне проект. Все конкретно — такой, э-э... развернутый планчик поэтапных действий. За неделю управишься?

Через неделю он, конечно, об этом и не вспомнит. Нахлынут другие дела, новые заботы, да мало ли что.

— Легко! — Я картинно беру под козырек, накрывая голову ладонью (к пустой башке руку не прикладывают). — Разрешите идти?

— Кругом шаго-ом... а-арш! — вполне по уставному командует он. Я поворачиваюсь на каблуках, стараясь соответствовать команде, но в дверях торможу и нахально интересуюсь:

— Владлен Степанович, давно хочу спросить: когда нам зарплату будут повышать?

— Тебе что, на девок не хватает?

Я вежливо улыбаюсь, думая, что все-таки есть у него столь необходимые политику актерские задатки: вошел в роль солдафона и держит ее.

— Так точно, не хватает!

— Значит, подружись с Дунькой Кулаковой, — ухмыляется он.

— Есть подружиться!

— Ладно... х-ха... Если серьезно, то пока денег нету на повышение... Сам понимаешь: скоро выборы, каждая копейка на счету. Да вы у меня и так не голодуйте, а?

Он пристально смотрит мне в глаза. Что тут сказать: он прав, с голоду мы не пухнем, скорее — от обжорства. Но все равно — денег никогда много не бывает. Такое уж у них странное свойство. Об этом я и напоминаю Владлену Степанычу нахально-вежливым тоном.

— Ну, напиши заявление на матпомощь, я подпишу, — милостиво соглашается он. И отворачивается к окну, давая понять, что аудиенция окончена.

Покидаю я кабинет со смешанным чувством: с одной стороны, хорошо, что повышения окладов пока не предвидится — значит, Женьку можно водить за нос еще долго. А с другой — и мне бы не помешали пара-тройка дополнительных тысконок

в месяц. Сводил бы лишний раз Галку в ресторан — чем плохо?

Надо же! При воспоминании о ней внутри как-то сразу все напрягается. Похоже, зацепило меня серьезно, мрачней я, и прибавляю шаг, чтобы как можно скорее добраться до телефона и ей позвонить. Потом соображаю, что время-то уже обеденное — значит, вряд ли она у себя в кабинете. Может, даже заходила ко мне... ведь обещала. Что ж, если не получилось вместе пообедать, то от ужина ей теперь откосить точно не удастся!

Да, денек сегодня выдался насыщенный, поглядим, каким окажется вечер, думаю я, спускаясь по лестнице к главному входу. Неохота что-то тащить в нашу столовку — прогуляюсь лучше к привокзальному кафе, там недавно расставили столики прямо на тротуаре, подают вполне съедобный шашлык, музыка играет, приезжий люд расслабляется в ожидании поезда, можно погреться на майском солнышке, не спеша покурить, полистать газету или перекинуться парой фраз с соседом по столику.

Продолжение следует.

От редакции

Дорогие друзья! Наша рубрика о русском языке продолжает развиваться, что вселяет надежду на светлое будущее языка межнационального общения. К нам на чай заглянула эстонский филолог, выпускница Тартуского университета (о, чудная школа!) Марианна Тарасенко. Заглянула на часок, а осталась на годок с подрубрикой «Пожалуйста, говорите по-русски!». Надеемся, вам будет интересно. Присылайте вопросы, ищите ответы, участвуйте в обсуждении. Язык-то, чай, нам все-таки не чужой! Куда ж мы без него?! А он без нас?!

Кое-что о Марианне

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске, в младенческом возрасте эмигрировала в Таллин, где благополучно выросла и прожила всю свою сознательную жизнь. По свидетельствам очевидцев, как только научилась говорить, сразу начала всех поправлять и поучать и так допекла этим родителей, что по окончании школы была принудительно отправлена ими на филологический факультет Тартуского университета.

Получив диплом по специальности «филолог-русист, преподаватель», продолжала удовлетворять пагубное пристрастие к поучениям, работая сначала учителем в школе, а затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После того, как в начале 1990-х кафедру — за ненадобностью «языка оккупантов» — ликвидировали, еще пять лет проработала в школе. Распрощавшись с педагогической деятельностью, занялась журналистикой, по-прежнему продолжая поправлять и поучать все и вся уже со страниц газет, а в устной форме — коллег, которые относятся к этому снисходительно: как к неизлечимой, но не особо опасной форме душевного заболевания.

В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

Где ваша «лингвистическая совесть»?

Рубрику «Пожалуйста, говорите по-русски!» я придумала лет пятнадцать назад для газеты «Вести недели плюс». В силу определенных причин грамотный русский язык (горбачевская гласность нанесла по

нему удар, по сравнению с которым померкли даже залпы «Авроры» со всеми вытекающими из них последствиями) стремительно сдавал свои позиции, и надо было с этим что-то делать.

Наивно и смешно было полагать, что газета с очень небольшим по российским меркам тиражом, да еще издающаяся не в России, остановит процесс разрушения, но я рассудила так: если каждый русский филолог

сумеет пробудить «лингвистическую совесть» хотя бы в нескольких собратях по языку, то и это будет хорошо. То есть делай что должно, и будь что будет. Необходимо сказать, что автору очень помогли читатели, предлагая темы для очередных выпусков. Рубрика — признаюсь со свойственной мне скромностью — имела неожиданный успех. И довольно скоро, сначала в Эстонии, а в 2003 году — и в России (СПб.) вышла книга под тем же названием с подзаголовком «Пособие для тех, кто не желает быть смешным».

В рейтинге продаж за апрель 2003 года в петербургском «Доме книги» она заняла седьмую строчку: обогнали ее Коэльо, Мураками, Сэлинджер, Акунин, Зюскинд и Донцова, а замкнули десятку Кундера,

Маринина и опять же Мураками, уже с другим произведением. Компания пестрая и неравнозначная, но против популярности не попрешь. В июне «Пожалуйста, говорите по-русски» уже перескочила на пятое место при, например, Ахматовой и Задорнове на девятом и десятом соответственно, а в рейтинге «Известий», который открывал Арсений Тарковский, заняла восьмую строчку. На «Пособие для не желающих быть смешными» неоднократно ссылались в передаче, посвященной русскому языку, и радиостанция «Эхо Москвы». Это весьма приличные показатели — при обилии книг на аналогичную тему, выходящих в России. Значит, и зарубежная газета тоже кое-что может. А вот помогло ли это многострадальному русскому языку — отдельный вопрос.

Во всяком случае, если к книге был проявлен интерес, значит, она была нужна.

Сейчас кое-что изменилось. В частности, неправильные ударения в некоторых словах, о которых я писала, стали нормой. И дело не в том, хорошо это или плохо: язык постоянно меняется и развивается, и сколько бы мы ни выдирали волос, изменить этого нельзя. С другой стороны, появились новые неправильности, которых еще не было в конце 90-х годов теперь уже прошлого века. И пока горячие головы из инстанций, отвечающих за нашу родную речь, не признали за литературную норму и их, наверное, стоит снова попытаться что-то сделать. И если это поможет хоть кому-то, уже будет неплохо.

ПОЖАЛУЙСТА, ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ!

О правах и обязанностях

Когда дурак хочет сойти за умного, а малообразованный — за образованного, он начинает изъясняться высоким штилем. Обратите внимание, например, на то, каким популярным в СМИ вдруг сделался союз «ибо»: на уровне «во дворе было грязно, ибо контейнеры распотрошили бомжи».

Не правда ли, замечательный образец смеси французского с нижегородским? Но есть и другие примеры, более печальные. Это, в частности, и путаница, которая произошла с выражениями «*чем обязан*» и «*чему обязан*».

Оба эти выражения вернулись в нашу речь из далекого дореволюционного прошлого, когда благовоспитанные дамы и господа изъяснялись не только велеречиво, но и грамотно. И мы вдруг решили к велеречивости вернуться, да только — вот беда — с грамотностью у нас дела обстоят не вполне благополучно.

А началось все, как это теперь водится, с сериалов, причем не только исторических. Вот, приходит, допустим, милиция-полиция в дом к матерому аферисту или продажному чиновнику (или нечистому на руку антиквару), а тот встречает гостей вопросом «чем обязан?» и эдак иронически приподнимает бровь. И представители силовой структуры вместо того, чтобы тут же арестовать его за циничное издевательство над языком, бодро докладывают о цели визита — обыск у вас будет, гражданин хороший. И это означает, что неправильный вопрос был правильно понят. Ах, был бы на месте афериста бьющий качок, он бы просто буркнул «че надо?», а тут аферист-чиновник-антиквар, человек гнусный, но тонкий: на висках седина, на теле бархатный халат, на пояске кисточки... Ноблесс облич, однако.

Но дело в том, что в приснопамятные времена предки некоторых из нас, желая узнать цель чье-

го-либо визита, спрашивали иначе — «*чему обязан?*». А означало это приблизительно следующее: «какое счастливое стечение обстоятельств я должен благодарить за удовольствие вас лицезреть?», проще — «благодаря чему, то есть какому событию, я вас вижу?».

А вот вопрос «*чем я вам буду обязан?*» обычно звучал, если человеку оказывали какую-либо услугу, и расшифровывался так: «какую услугу я должен оказать вам в обмен на вашу любезность?» Сравним: «обязан (чем?) жизнью, здоровьем, благополучием» и «обязан (чему?) случайности, открытию, возникновению» и т. д. По-моему, разница существенная. Вопросы «*чему?*» и «*чем?*» относятся к разным падежам — дательному и творительному соответственно, и одна маленькая буква здесь играет немаленькую роль. Ведь не спутаем же мы в похожей ситуации вопросы «*кому?*» и «*кем?*». И снова сравним: «я многим обязан (кому?) соседу» (он помогал мне всю жизнь) и «соседу я обязан (кем?) котенком» (сосед принес мне котенка).

А еще внезапно вошло в моду слово «*нелицеприятно*».

На протяжении многих лет это хорошее русское слово было несправедливо забыто. То есть оно встречалось в литературе и в речи отдельных эстетов, но не более того. Теперь же трудно услышать

публичное выступление, в котором бы не прозвучала угроза: «А вот я вам всем нелицеприятно скажу». Семантический спектр неширок — от «наговору гадостей» до «ужо покритикую». Более того, на страницах различных изданий появляются сообщения на уровне «со мной произошла нелицеприятная история» (имеется в виду неприятная).

Можно только гадать, был ли в курсе значения слова «нелицеприятный» человек, породивший на него бум, и правильно ли его употребил. Но то, что подавляющее большинство людей понятия не имеют, о чем говорят, — факт. А между тем «*нелицеприятный*» означает «*беспристрастный*», «*справедливый*», а вовсе не «*неприятное, сказанное в лицо*». «*Лицеприятный*» же — это «*благоприятно-пристрастный*». Следовательно, нелицеприятно сообщить можно и очень приятные вещи, если они, с точки зрения говорящего, соответствуют действительности, а нелицеприятная история — вообще нонсенс.

Поэтому хочется призвать всех пишущих и говорящих либо вообще не употреблять «модных», недавно услышанных ими слов, о значении которых приходится (не всегда верно) догадываться из контекста, либо перед употреблением точно узнавать их значение.

Артур КОНАН ДОЙЛ

В разное время в нашем журнале уже предпринимались попытки знакомить читателя с художественными поисками зарубежных литераторов. Традиционным поэтическим жанрам повезло больше. Периодически они появляются на страницах «Юности», а вот иностранная новеллистика, не говоря уже о целом ряде историй с динамичным сюжетом, перерастающих в целый роман, — большая редкость.

Евгений НИКИТИН

Цель нового раздела — исправить ситуацию. Более того! Нас часто спрашивают о том, есть ли у зарубежных классиков произведения, не известные российскому читателю. Есть ли вообще неведомые нашим любителям литературы зарубежные писатели-классики, которые заслуживают пристального внимания и обсуждения?

Такие вопросы — предтеча большого и занимательного разговора о загадках и открытиях иностранной прозы разных эпох. Так давайте такой разговор и начнем. А поможет нам в этом Евгений Никитин — молодой и пытливым ведущий данного раздела.

Обращаюсь к «Юности»... с просьбой — расскажите, пожалуйста, о неизвестных нам гранях таланта моего любимого писателя Конан Дойла...

Илья Стоматологов, Казань

Евгений Никитин:

Уважаемый Илья! Специально для Вас — необычный для создателя вечного сыщика рассказ. Наслаждайтесь! Но сначала — информативный минимум, который, надеюсь, не слишком обременит читательское сознание.

Сэр Артур Конан Дойл (1859–1930) — знаменитый шотландский и английский писатель. Всемирную славу ему принесли детективные произведения (о Шерлоке Холмсе), приключенческие и научно-фантастические (о профессоре Челленджере), юмористические (о бригадире Жераре), а также исторические романы («Белый отряд» и др.). Однако малоизвестно, что Конан Дойл также увлекался мистикой и написал немало рассказов о сверхъестественных явлениях. Один из таких — перед вами.

Рисунок Анны Дудяковой

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО

Она была медиумом. Вот одна из ее записей: «Часть произошедших тем вечером событий я помню очень отчетливо; другие же похожи на смутные, оборванные сны. Именно поэтому так трудно рассказать эту историю связно. Понятия не имею, что заставило меня в тот день поехать в Лондон и вернуться так поздно. Та поездка просто сливается с прочими посещениями Лондона. Однако все произошло начиная с той минуты, когда я вышел из поезда на маленькой станции, свежо в памяти. Я даже могу мысленно пережить все заново — каждое мгновение.

Хорошо помню, как спустился с платформы и посмотрел на светящиеся часы, показавшие половину двенадцатого. Помню, как прикидывал, успею ли вернуться домой до полуночи. Большой автомобиль с горящими фарами, сверкающий медной полировкой, ждал у станции. Это был мой новенький “Робур” мощностью в тридцать лошадиных сил. Его привезли как раз в тот день. Помню, спросил у моего шофера Перкинса, что он думает о машине, и получил ответ: “Превосходна”.

— Я сам поведу, — сказал я, забираясь на сиденье водителя.

— Тут другая передача, — предупредил он. — Мне кажется, сэр, будет лучше, если я сяду за руль.

— Нет, мне хочется проверить ее лично, — настоял я.

Так началась наша поездка. До дома было пять миль.

В моем старом автомобиле была стандартная передача, находящаяся в выемке на панели. В этом же для повышения скорости нужно нажать на верхний рычаг. Научиться оказалось совсем нетрудно, и вскоре я решил, что освоил все. Безусловно, глупо изучать новую систему управления в темноте, но все мы иногда делаем глупости, за которые не всегда расплачиваемся сполна. Все шло хорошо, пока я не доехал до холма Клейстелл. Это один из самых трудных для автомобилей холмов в Англии — длиной в полторы мили и с тремя довольно крутыми поворотами. Ворота моего гаража находятся у самого его подножия и выходят на главное Лондонское шоссе.

Как только мы миновали выступ холма (где самый крутой подъем), начались проблемы. Я ехал на максимальной скорости и хотел сбросить газ, однако механизм внезапно заклинило, и мне пришлось снова прибавить газу. Машина уже мчалась на бешеной скорости, поэтому я резко дернул тормоза — и оба отказали. Сначала я не слишком обеспокоился, так как мог управлять педальным тормозом; но когда навалился на него всей тяжестью и услышал лязг рычага, за которым не последовало никакого результата, то покрылся холодным потом. Мы мчались под откос. Фары горели ослепительно ярко; мне удалось провести машину через первый поворот. Миновали и второй, чуть не съехав в кювет. Осталась миля по прямой и третий поворот, за которым находились ворота. Если я смогу добраться до них, дальше все будет в порядке: крутой подъем к дому заставит машину остановиться.

Хочу, чтобы все знали: Перкинс вел себя превосходно. Он был бдителен и совершенно спокоен. В самом начале я подумал, не въехать ли в насыпь, но он словно прочел мои мысли.

— Я не стал бы делать этого на вашем месте, сэр, — посоветовал он. — Здесь разворот не выйдет, и машина может просто перевернуться.

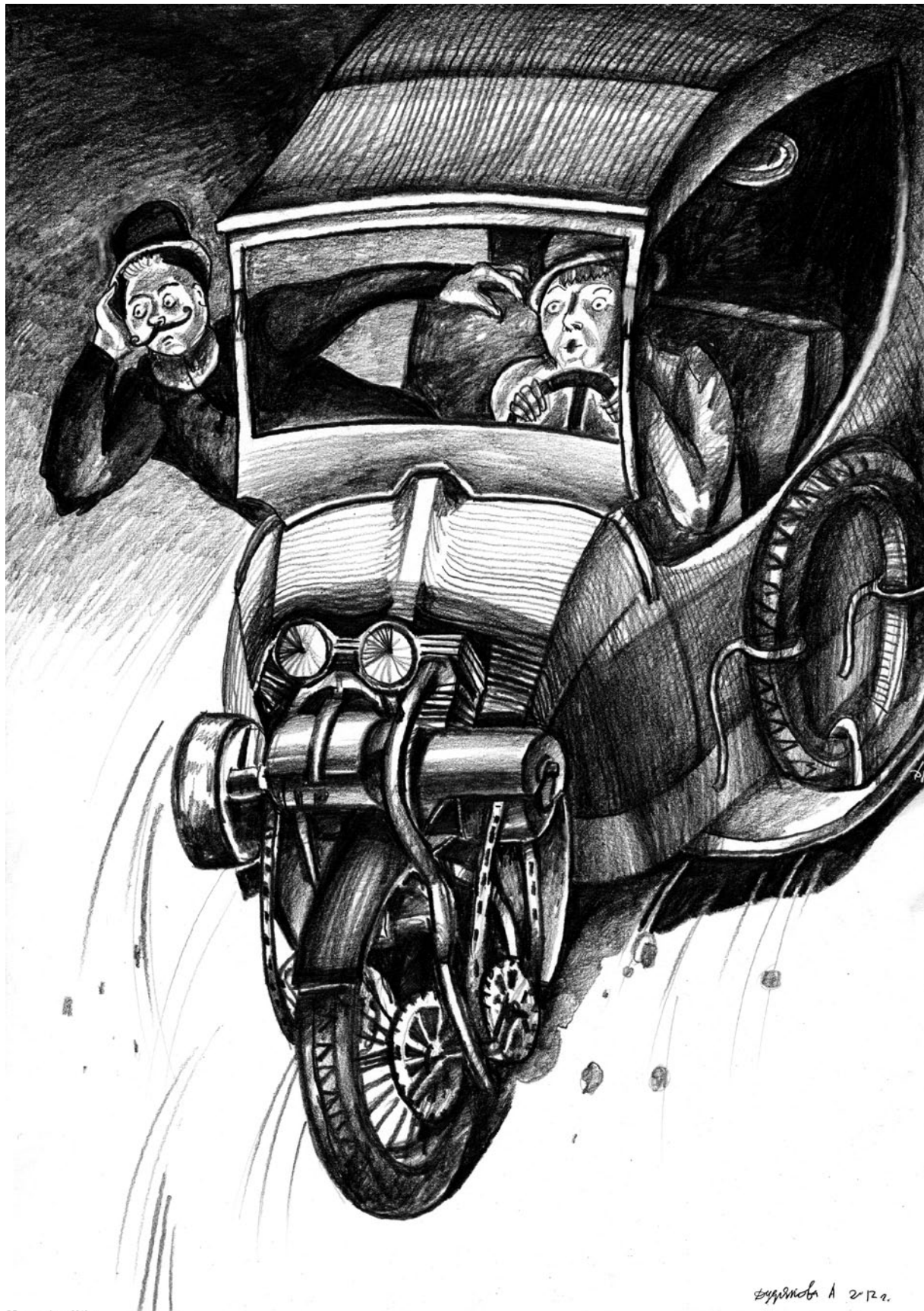
Конечно, шофер был прав. Он дотянулся до электрического переключателя и повернул его; теперь машина ехала свободнее, но все еще на угрожающей скорости. Он взялся за руль.

— Я постараюсь удержать ее, — сказал он, — вам же стоит рискнуть и прыгнуть. Мы можем не пройти тот поворот. Лучше прыгайте, сэр.

— Нет, я останусь. Но ты прыгай, если хочешь.

— Я буду с вами, сэр, — ответил Перкинс.

Будь это старый автомобиль, я бы дернул назад рычаг переключения скорости и посмотрел, что получится. Вероятно, машина сбросила бы скорость или все же разбилась, но шанс был. Теперь же я оказался беспомощен. Перкинс попытался придвинуться ко мне, но ничего не смог сделать из-за ужасающей скорости. Колеса шумели, издавая звуки, похожие на порывы сильного ветра; весь корпус скрипел и стонал от напряжения. Однако фары свер-

©Дудянова Анна, 2012 г.

Дудянова А 2012.

кали, и машина следовала заданным курсом с точностью до дюйма. Помню, тогда я представил себе, какое ужасное и величественное зрелище являем мы для случайного наблюдателя — узкая дорога, по которой мчится громадная, ревущая золотистая смерть.

Мы вписались в поворот; одно из колес приподнялось над насыпью почти на три фута. Мне показалось, что нам конец, однако, покачнувшись на мгновение, машина восстановила равновесие и ринулась вперед. Это был третий и последний поворот. Теперь оставались лишь ворота парка. Они виднелись впереди, но, к счастью, не прямо перед нами, а приблизительно в двадцати ярдах слева от главной дороги, по которой мы мчались. Быть может, у меня бы получилось проехать, однако рулевой механизм, по-видимому, был поврежден после удара, когда мы ехали по насыпи, — так что руль проворачивался с трудом. Мы буквально вылетели на узкую дорогу; я увидел слева открытые ворота и изо всех сил навалился на руль. Перкинс и я повалились, а в следующее мгновение на скорости пятьдесят миль в час правое колесо врезалось в штангу ворот с громким треском. Я почувствовал, что лечу, а затем — о, затем!..

Придя в себя, я осознал, что лежу среди зарослей в тени дубов возле домика у дороги. Рядом стоял какой-то человек. Сначала я подумал, что это Перкинс, но, всмотревшись, узнал Стэнли, с которым познакомился во время учебы в колледже и к которому был искренне привязан. Не знаю, почему я всегда симпатизировал ему и с гордостью считал, что имею на него влияние. Его появление удивило меня, однако я был как во сне, дрожа и испытывая головокружение, — а потому воспринимал все как должное, не сомневаясь в реальности происходящего.

— Ну и удар! — сказал я. — Боже мой, какой ужасный удар!

Он кивнул, и даже во мраке я увидел его обычную мягкую задумчивую улыбку.

Я не мог пошевелиться; впрочем, у меня не было ни малейшего желания сдвинуться с места. Но все чувства чрезвычайно обострились. В свете движущихся фонарей я видел освещенные останки двигателя. Видел маленькую группу людей и слышал разговоры шепотом. Там стояли сторож с женой и еще один или два человека. Они не замечали меня, суеются возле машины. Затем я внезапно услышал чей-то вопль:

— Его придавило! Поднимайте с осторожностью!

— Только ногу, — ответил другой. Я признал в нем Перкинса. — Где хозяин? — взволнованно спросил он.

— Здесь, — ответил я, но они, похоже, не услышали, склонившись над чем-то лежащим перед автомобилем.

Стэнли положил руку мне на плечо, и его прикосновение оказалось невероятно успокаивающим. Я почувствовал легкость и счастье, несмотря на случившееся.

— Разумеется, ты не чувствуешь боли? — поинтересовался он.

— Нет, — подтвердил я.

— И больше никогда не почувствуешь, — сказал он.

Изумление накатило волной. Стэнли! Стэнли! Ведь Стэнли умер от брюшного тифа в Блумфонтейне во время англо-бурской войны!

— Стэнли! — воскликнул я; слова застряли в горле. — Стэнли, ты ведь мертв...

Стэнли посмотрел на меня с прежней улыбкой.

— Как и ты, — ответил он».

Перевод Евгения Никитина

Евгений Никитин — студент четвертого курса Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Переводил стихотворения Шеймаса Джастина Хини («Юность» № 2, 2010) и Кристины Россетти («Юность» № 1, 2011), биографию и эссе Наима Арайди («Юность» № 5, 2011), стихотворения Александра Четатьяну («Юность» № 10, 2011).

Дмитрий БОБЫШЕВ

*Продолжение.
Начало в № 7–12 за 2009 г.,
№ 1–12 за 2010 г., № 1–6, 7–8, 9, 10, 12 за 2011 г.*

УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3

Лауреат всея Земли

В октябре 87-го года стало известно, что Бродскому присудили Нобелевскую премию по литературе. Эмиграция это восприняла взрывом энтузиазма, напомнившим тот советский (но для многих искренний) восторг после полета Гагарина в космос. Дело к премии шло уже давно и весьма определенно, будто на Иосифа работала какая-то машина, гул от которой перекрывался порой иными информационными шумами, но когда они примолкали, слышно было, что она-то работает непрерывно. Конечно, прежде всего это был его мощный творческий движок, или, как сам он выразился в ранних разговорах, «телеграфный столб, гудящий в тональности ре-минор». Однако помимо «столба» резонировали и провода, и другие средства коммуникации, и прочие беспроводные связи... Талант, большой талант, но ведь этого мало! Лучшие переводчики перелагают его стихи на английский, критика только комплиментарна, а если что-то там не так, выражено неуклюже или неясно, то это значит «потеряно в переводе». Но надо ж и самому поработать на образ: выступления в престижных местах, интервью, хлесткие высказывания. «Польшу погубят не танки, а банки». Или о великих Достоевском и Толстом с их обязательными дилеммами — добро или зло? Нет, сегодня выбор другой, между злым и ужасным! Читай: мы и похле-

ще будем — не только ровня, но и еще равней, потому что посовременней.

Уже в 81-м году Макартуровский фонд дает ему «премию гениев», о чем сообщает NY Times с портретом на первой странице. Главное слово произнесено, а в эмигрантской прессе иначе о нем не мыслят уже давно. Странно было наблюдать за нарастанием культа: вот, казалось бы, уже большей похвалы не бывает — нет, находится еще высшая. Какой-то период времени комплименты накапливались, их предсказуемость вырабатывала даже пародийный эффект: когда пресса (особенно довлатовская) посылала Бродскому очередную «розу в бокале», ясна была его реакция — мол, «и этот влюблен». Однако напрашивалось сравнение не с блоковской, а скорей с брюсовской славой: пассы гипнотизера, вознесенность над рукоплещущей толпой и — холод, холод, холод...

Как бы я обрадовал сейчас поклонников Бродского, если б наконец написал: да, братцы, признаюсь, я его завистник. Но увы, не могу, потому что это не так. Пользуясь выражением критика Топорова, который мало кого жалует, Бродский — просто «не мой поэт» и более того — он для меня «немой поэт»: то есть, несмотря на его фирменное многословие, он ничего не говорит мне (или говорит не

мне). При этом я ценю его достижения — например, стихи, написанные в ссылке, а также ряд предсмертных, трагических.

Когда вышла книга его эссе, добротной изданная, — толстым, но не тяжелым томом, я понял, что это делается под премию, ибо, судя по награждениям последнего десятилетия, для шведских академиков слово «поэт» без слова «эссеист» звучало недостаточно весомо. А с такой книгой он приобрел безусловный облик лауреата.

Это и случилось. Мы с Ольгой сидели утром в нашей столовой за раскладным столом с такими же стульями. Румынский походный гарнитур, удачная Ольгина покупка, сопровождал нас от самого начала совместной жизни.

— Смотри, Бродский получил Нобелевскую премию! — сказала она, протягивая газету.

Я схватился за голову. Как оно ни ожидалось, а все равно известие было ошеломляющим. И в то же время оно разом отодвигало меня в сторону, вглубь, как бы обрекая вечно сидеть на неудобном стулье.

— Ты что ж, не рад? Это ведь хорошо для всех вас.

— Для него — да, конечно. И для некоторых славистов. А для Третьей волны это вообще оправдание эмиграции. Но для меня — ничего хорошего.

— Почему же? — Она взглянула на меня с недоумением, даже с мелькнувшим подозрением.

— Потому что теперь будет как на Олимпиаде — чемпион мира по поэзии!

— Так добейся этого сам!

— Э, нет... Знай, что мне никогда не быть лауреатом.

— Но почему?!

В этом возгласе как будто прозвенела ее разбившаяся надежда, о которой я и не догадывался.

— Дело же не только в таланте, в свой я верю. Не мне, конечно, судить, но есть авторитетные подтверждения... И силы есть, и мысли, и фантазия, это я чувствую сам. А лезть из кожи ради успеха, жизнь на то положить, быть маниаком тщеславия — это не для меня. Главное же — нужна поддержка, воля влиятельных людей, нужны заинтересованные силы, а этого нету... Э, да что говорить!

И я почувствовал серьезную трещину между нами, мы перестали быть одной командой в игре, в борьбе или даже войне — как бы ни называлось это заединство: семейной жизнью или совместным выживанием.

Как я узнал позднее, не на ура встретил это же сообщение Виктор Кривулин. Он тоже чувствовал себя задвинутым в угол. Юрий Динабург, свободный «сайгонский» философ, успел это засвидетельствовать в сборнике воспоминаний «Сумерки “Сайгона”» (СПб., 2009): «Кривулин к тому времени уже

окончил факультет и устроился работать. У него был период творческой депрессии, вызванной отчасти неожиданной популярностью Бродского. К нему Кривулин относился свысока, и вдруг совершенно неожиданно тот стал нобелевским лауреатом, как бы вместо него. Кривулин на этом совершенно помешался. Он сжег почти все свои стихи... Я с ним из-за этого поссорился, стал ему возражать, доказывать, что он вполне вправе игнорировать Бродского и всю славу его, что это искушение».

Что ж, мои реакции не были такими нервными, но и они были замечены окружающими. Позвонил Морис Фридберг:

— Дима, славянское отделение собирается чествовать Бродского. Вы ведь с ним знакомы? Расскажите о нем, почитайте его стихи.

— Нет, Морис, я не приду. Чествуйте без меня.

— Но вы нам нужны. Я, наконец, говорю это как глава отделения.

— Поверьте, Морис, не могу. Хоть увольте, хоть расстреляйте!

— Ну тогда объясните, в чем дело.

— Как вы думаете, стал бы Бродский читать мои стихи?

Он помолчал и честно ответил:

— Думаю, что нет.

— Вот и я не буду.

Что ж, показал начальству характер, это неплохо. А в принципе, с чего я так заупрямился? Мог бы ведь и прийти, и почитать его стихи, посвященные мне, и свои, посвященные ему. И рассказать кое-что о культе личности — например, байку о колдунах, появившихся в Ленинграде. Сидит такой в комнате и начинает раздуваться, раздуваться, раздуваться, пока всех не вытеснит. Вот, мол, Бродский и нас всех эдак...

Однако вежливость и ахматовские «добрые литературные нравы» требовали миролюбивого заявления, и я позвонил в «Русскую мысль», продиктовав им свое поздравление лауреату — что-то в таком духе: «Нобелевская премия нередко становится пышным надгробием для писателя. К счастью, она досталась в этом году еще молодому, полному творческих сил человеку. Я желаю ему многих свершений в литературе или на любом ином поприще, даже если он захочет его сменить, добившись конечных высот в поэзии».

Через минуту оттуда позвонила Арина Гинзбург:

— Что ты имеешь в виду под пышным надгробием, Дима?

— Как что? Эта премия достается обычно в конце творческого пути. А тут — наоборот. Наш оказался самым молодым лауреатом по литературе.

— А ты не намекаешь на Солженицына?

— Ну что ты, Арина, как можно! Я горячий приверженец Александра Исаевича, многая ему лета... К тому же он получил премию в самый разгар своей геройской борьбы.

Поздравление было напечатано. Солженицын пережил и век, и ненавистный строй, и даже старое тысячелетие, а Бродскому после премии оставалось жить лишь восемь лет с небольшим...

Мой некролог о нем под названием «Вослед уходящему» был помещен в «Новом журнале» — это было поминальное слово, приличествующее скорби о бывшем друге и поэте, а ровно через сорок дней после кончины он явился мне во сне — оживленный, дружественный и, увы, не закончивший очень важной фразы о... О чем? Не знаю...

Путешествие по обломкам

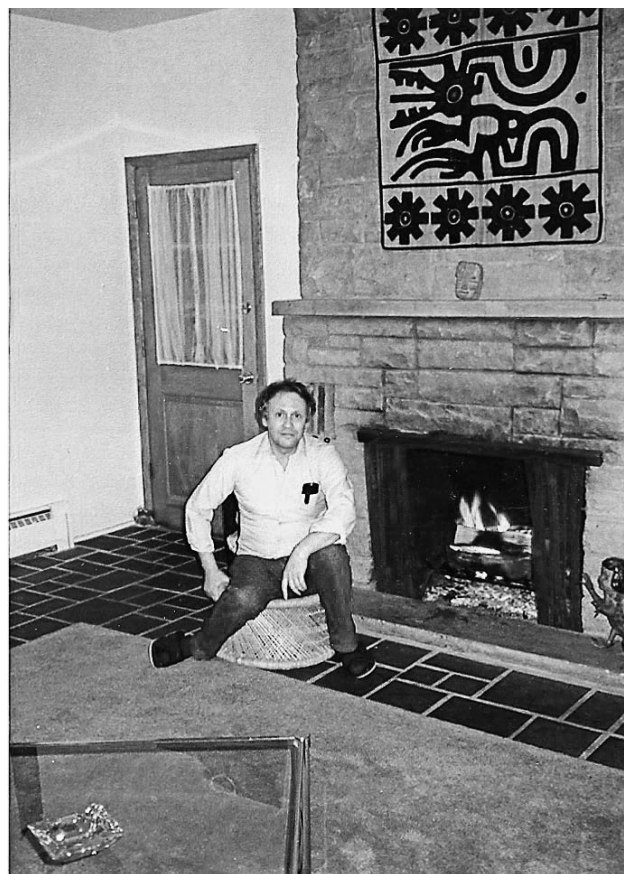
Но еще скорей понадобилось надгробие для моего американского счастья. Своих детей за двенадцать лет совместной жизни мы не завели, да и дети ведь не такое уж препятствие для развода. Наоборот, падчерица подросла и, не желая учиться, укатила в Калифорнию — да не куда-нибудь, а прямо в Голливуд, на фабрику грез, где у мамы имела для нее протекция. В последнее время своевольная девушка хорошо-таки пополировала мне кровь, тем более что на меня были навешены полицейские функции в доме: запрещать, ограничивать... Именно я имел дело с ее первой сигаретой, первой бутылкой пива, выдавал ключи, пока она не разбила автомобиль. Понятно, что это не способствовало добрым отношениям... Но вот Маша уехала, и, казалось бы, исчезли поводы многих конфликтов и раздражений. И вдруг — от Ольги — нож в сердце:

— Я с тобой развожусь!

— Убийца! — крикнул я хрипло, но даже не стал спрашивать о причине.

Женились-то мы по-русски: на доверии и взаимном чувстве, безо всяких контрактов. А вот для развода она уже подготовила с помощью «нашего» адвоката соглашение: дом — ее, машина — ее, долги — мои. Желтый «ниссан» с перекрученным пробегом, купленный у жулика, мне удалось выпросить обратно, и мы потом уже с Галей проехали на нем через всю Америку, побывав и у заледенелой Ниагары, и в пустынном мареве Невады, и среди марсианских скал Юты, докатив до Тихого океана и обратно к Великим озерам, где наша геройская канарейка с ручной передачей и помятым бортом была успешно продана какому-то чудаку, даже не заглянувшему под ее заржавевшие крылья.

Развод в Америке — дело небыстрое, и происходит он поэтапно. Это окрутиться можно без промед-

У домашнего очага

лений, надо лишь слетать в веселый город Лас-Вегас. Первый этап — существование с жизнями врозь, но все еще одним хозяйством. Бессонные ночи бок о бок, но без близости породили «Три малых ноктюрна», а «Три больших» были уже написаны. Чем хуже становилось в жизни, тем лучше получались стихи. Мне даже предложено было вместе попутешествовать по Восточной Европе, и результатом поездки было не то, на что я надеялся, а «Города» — стихотворение, красоту которого я бы не отдал и за примирение.

Мы прилетели в Мюнхен и остановились у Кублановского, который был тогда с Ниной Бодровой, в ее квартирке с кожаными пухлыми диванами и со стенами, завешенными несколько плакатной живописью от ее отчима Гавриила Гликмана. Свой развод с Ольгой мы не афишировали, и нам уступили супружеское ложе в спальне. Получилась вполне водевильная ситуация, выставленная, однако, глубокой печалью. Напрасными показались красоты Пинакотеки, Английский сад прозял отсутствием нудисток из-за прохладной погоды, а прозрачно-зеленые воды Изара убавили силы своего потока, стремящегося выпрыгнуть из-под моста...

Однако была достойна описаний (но так и не описана) велосипедная прогулка с Кублановским через темный, почти черный еловый лес, заслоняющий небо, передышка у деревянной часовни и — далее в открывшийся пригород с громадным пивным павильоном и башенного размера кружками...

Ольга тем временем взяла напрокат «опель-кадет» для нашей дальнейшей поездки, и я не нарадовался этому ладному четырехколесному скакуну, созданному как раз для двух взаимно недовольных путешественников с зонтиками на заднем сиденье и двумя чемоданами в багажнике.

Наш конек наскоро просквозил мимо луковичных куполов баварских церквей, зато предальпийские красоты задержали нас в одном из открыточно-нарядных городков (горное озеро, островерхий собор, дома и ресторанчики в геранях), откуда я послал изображение иконы «Обрезание Иисуса» в Ленинград Вене Иофе — сюжет, которого до сих пор стесняется православная церковь.

Ухоженная равнина Словении нас не задержала, и к вечеру мы обозревали с холма черепичные крыши Загреба. Башня с часами, площадь с величественным всадником — вполне нестыдное место, подходящее и для столицы суверенной Хорватии. Это был год накануне гражданской войны в Югославии, когда семья народов трещала и разваливалась. В пустых фонтанах ветер шевелил синими бумажками динаров с портретом Тито, гнал их, обесцененные и ненужные, по тротуарам и прилеплял к лужам.

По связям от нашей славянской кафедры образовались у меня зацепки с местными поэтами. Они говорили с искренним ужасом:

— Вы в Сербию? На немецкой машине? Вас же там убьют! Они такие звери...

Интересы и амбиции сторонних империй когда-то сошлись в этих краях: Австро-Венгерской, Российской и Османской... Но их уже нет, а грызня народов осталась. О чем? Зачем? И ведь язык один (только алфавиты разные), и этнически их не различить, и национальная кухня та же самая: вкуснейшие «ягня на раштиле» да вонючая ракия из слив, долмы в виноградных листьях, жареные «лигни»-кальмары. Только Тито и удерживал силой их всех вместе, взаимоненавистников...

А какие места! Горные леса с медведями, тысячефонтанные водопады в Плитвице — журчащие, шепчущие о любовном примирении (временное, оно там и произошло), стройнейшие кипарисы при приближении к морю... И, наконец, Сплит: дворец римского императора Диоклетиана, пальмы, пыльный променада, важно фланирующие бездельники с серебряными висками... Во дворце поселен пролетариат, в античных окнах цветет герань, сушится дет-

ское белье. В пальмах — дупла, используемые как пепельницы. И во всем городе — характерное для социализма полное отсутствие уборных.

По ослепительному берегу Адриатики «опель» промчал нас в картинный Дубровник с его пустовой крепостью и далее — аж до Черногории, где козы на крутых склонах питались лаврами. Повсюду у домиков висели зазывные знаки: *zimmer, zimmer* — это сдавались комнаты для немецких туристов, которые прежде, не доезжая до Италии, оседали здесь на более дешевых курортах. Но в этом сезоне угроза междоусобицы сдерживала благоразумных. Впрочем, на дорогах попадались контрастные сочетания двух немецких конкурирующих миров: на легком выдохе пролетающий черно-хромированный «мерседес» из ФРГ и тархтящий, весь окутанный выхлопными газами жалкий «трабант», уродливое порождение ГДР.

В дороге мы менялись, но чаще вела машину Ольга. Однако она уступила мне руль, когда мы переваливали через хребет по пути в Боснию. Я притормозил на спуске перед крутым поворотом: там навстречу выруливал лесовоз с громадными бревнами. Чтобы разъехаться, мне пришлось подать назад, а это значило: с ногой на тормозе отжать сцепление и, переведя на реверс, отпустить тормоз, одновременно нажимая на газ. «Опелек» рывкнул, рванул чуть назад и вверх, и лесовоз обогнул нас, показав в одобрение то ли мне, то ли машине большой палец!

Персты минаретов показались в Мостаре, главном городе Герцеговины. Его мусульманская и православная половины делились по реке Неретве и соединялись мостом еще римской постройки. Каменная дуга над головокругительным ущельем использовалась молодежью для вымогания денег у туристов. Раздетые парни делали вид, что они прыгают с этой убийственной кручи в реку — старинный промысел: один академик-вулканолог из знакомых подрабатывал им когда-то в Крыму. Но совсем не забавно было узнать через несколько месяцев, что мост этот взорван...

Голод заставил нас остановиться на мусульманской окраине и зайти в харчевню, где клубился местный народ, — хороший признак для подобных заведений. Однако подойти и обслужить нас никто не собирався; наоборот, мы ловили на себе косые взгляды. Кругом были одни мужчины, при этом весьма дюжие... Вдруг по какой-то короткой команде харчевня опустела. Тут только мы сообразили, что это время намаза, и вместо обеда надо нам, неверным, сматывать удочки, пока не поздно.

Под вечер мы спустились с окружающих гор в Сараево, который встретил нас огромным портретом маршала Тито, вывешенным во весь фасад дома на

пересечении главных улиц. Туристское агентство было закрыто, но какие-то типы околачивались перед дверью. У одного из них, менее подозрительно, мы сговорились переночевать. Утром, к своему удивлению никем не зарезанные и не ограбленные, мы прошли по городу. В центральной мечети шла служба, и магометанки льнули друг к дружке, толпясь снаружи. Вероятно, внутри не было для них места. Странно было видеть славянские кареглазые и даже голубоокие лица девушек под хиджабами — так же странно, как и угадывать общеславянские слова в распеваемых сурах Корана.

Некоторые улицы упирались в холмы, откуда мы прибыли. Вскоре там разместятся сербские снайперы и поведут прицельный отстрел прохожих. По огневым точкам будет бегать с автоматом наш Эдуард Лимонов, а военный преступник Радован Караджич с красиво уложенными волосами (серебро с чернью, чернь с серебром) еще и подначит: «Пульни, Эдичка. Пуцни, братушка. Эти ж — нелюди...» Французские журналисты станут показывать исподтишка средний палец позорнику.

Но пока все это не началось, к историческому и роковому перекрестку, расположенному у моста через речку, патриоты подвозили школьников, и они читали развращающий текст мемориальной доски: «Со овога мјеста 28 јуна 1914 године Гаврило Принцип својим пуцнеем изобрази народни протест против тираније и влековне тежњу народа за слободом».

Здесь злодеяния века начались, и здесь они закончат век. Прочь отсюда!

В Белграде мы поселились в отеле «Таж», полном аналоге советских молодежно-спортивных гостиниц. У меня было выступление в Союзе писателей, устроенное Сашей Петровым (ударение на первом слоге), который считался там «сербским Вознесенским». Устроено было хорошо, заранее объявлено в газете «Политика», только сам Саша укатил на это время в Японию, пользуясь привилегиями своего писательства, увы, ускользящими.

Узнав, что я прибыл к ним, проехав через Хорватию и Боснию, поэты-писатели ужаснулись:

- Вас могли убить!
- Как видите, я жив.
- Там опасно, ведь они такие звери...

Тут их внимание переключилось на поэтессу, только что вернувшуюся из Косова. Это уже тогда было горячей точкой.

- Ну как там? — спрашивали поэтессу.
- Стррррашно! — отвечала она одним словом.

Для Ольги приезд в Белград имел сентиментальный смысл — ведь она родилась в этом городе. Мы побывали там, где жила семья, где была их собствен-

ность, отобранная социалистическим маршалом, — все было поломано, разрушено и так брошено, причем незадолго до нас. Я даже пожалел предавшую меня бедняжку: она в буквальном смысле посетила отчее пепелище...

Побывали мы и в Свято-Троицкой церкви, где ее крестили. Был жив даже тот священник, отец Виталий, когда-то участник Белого движения, но он уже тяжело болел. Новый батюшка отец Василий Тарасов оказался его сыном и преемником. В церкви было пусто, тихо — только мы да он. Как-то конспиративно держась, зашли туда двое молодых людей, заговорили по-русски. Один из них желал принять крещение. За этим ли только они сюда приехали? Совершив обряд, отец Василий напутствовал их, будто новобранцев перед сражением:

— Мусульмане — нелюди...

Уж не воевать ли за веру они собираются? Я спросил риторически:

— А что бы сказал Спаситель по этому поводу?

Мне никто не ответил.

Юго-восточная Европа — это почти повсеместный Дунай. Удивительно, как он умудряется заглянуть в каждую из многих стран своего ареала, вернуться и блеснуть еще и еще раз под колесами пересекающих границы путешественников, чтобы, наконец, остаться в их памяти широким сверкающим разворотом. От Дуная белградского мы докатили до будапештского и, взобравшись на крепость над распахнувшимся видом, вбирали в себя красоты, прошитые крупнокалиберными пулями 56-го года, следы от которых оставались на штукатурках в память о советском вторжении. Сама Венгрия, однако, дышала уже свободой и коммерцией, к которым примешивались запахи кофе-оле, свежих булочек и салами. Между тем цены были еще социалистические. Мы купили два копченых дрына пахучей колбасы и до конца путешествия прикончили один из них, а второй я провез через американскую чуткую на запахи таможду, и он еще долго скрашивал мои одинокие трапезы.

Наше путешествие, так симметрично противоположное свадебному, просто обязано было обернуться чем-то нехорошим... И, конечно, такой случай произошел.

Ночевали мы по той же схеме, что и раньше, в будуаре престарелой актрисы, пропахшем нафталином и пылью. Шифоньерки и полочки были заставлены фотографиями эпозет, мундиров, шляп и перьев. Но квартирка была расположена удобно-близко к выезду из города. Собрались рано. Надо было только развернуть коня в противоположном направлении. Ничего не мешало мне совершить этот несложный маневр, улица была пуста. Только

сзади с остановками и рывками приближалась мусороуборочная машина, которая стала заслонять вид в зеркало. Я поспешил сделать разворот, из-за мусорщиков выскочило такси и вцепилось мне в левое крыло. Звон стекла, скрежет, шок. Водитель такси с кучерскими усами выскочил из советской «Волги» в перепуге: мол, иностранцы, с ними теперь хлопот не оберешься. Прибыла полиция, никто ни аза по-английски, а по-русски лучше было не заговаривать. Действительно, вскоре нас отпустили, а кучера оставили для любимого полицейского дела — разбирательства.

Но наш конь, хоть об одном глазу, а все-таки бегал. Ольга села за руль, и мы рванули по направлению к Вене. Прощально мелькнула бронзовая скульптура фонтана... Только выехали за город — пробка на километр! Увозили в морг мотоциклиста, столкнувшегося в лоб с «мерседесом». А ведь это могли быть мы, если б не задержались... Гибельно проложенная, ухарская дорога — две полосы и одна лишь обочина; обгоняют по встречке, а на обочину выезжают, чтоб уступить обгоняющим — тем и другим — сзади и спереди!

Страховку мы купили по полной, так что в Венском аэропорту нам обменяли машину без лишних слов. Впрочем, подробности я опускаю, потому что это все-таки не дорожные заметки, а записи того, что мелькало и соображалось у меня в голове, где как раз в это время крутились строфы из «Городов». Вот они.

...Но старосветские милей мне будут кручи:
 Дунай-Денеб, из Буды вид на Пешт,
 и вид обратно... Вдруг — мадьярский кучер,
 и «опелю» капут; я снова буду пеш.
 Мы, впрочем, с городом помиримся в июне:
 одетая водой, глядела дева вслед...
 Расстрелянный фасад с балконом — наша юность,
 сочувственный мятеж, плащ, автомат, берет.
 Фасад в избоинах, раздавленные жесты —
 такие города встречаешь, как себя,
 как сверстника тех лет, самосожженца:
 — И свет сильнее жизни возлюбя,
 ты, Прага, все горюшь, свечами оплывая
 на площади среди других святых!
 А нищий лебедь кланчит каравая,

и острой на всех замахиваясь, Тынь
 торчит... Пора — отдав поклон великий
 мостам и рыцарям с Марининой горы, —
 туда, где Вена взбила каменные сливки,
 гульнуть, где столь крылаты алтари.
 Нам путь укажет каменный философ,
 заметь: не полководец — верный путь,
 но я устал. Домой...

А дома-то уже и не было. Адрес еще существовал, и путь к нему оказался петлистым. Он то исчезал с поверхности земли и проваливался в карстовые пещеры со сталактитами и сталагмитами, то петлял по лабиринту регулярного парка с павлинами, то превращался в авангардную киноленту «Прошлым летом в Мариенбаде» (это мы посетили Марианске-Лазне), то переходил в измерения истории и литературы, как бы оказавшись ненароком на страницах «Войны и мира». О последнем я уже рассказал, забегая вперед во втором томе «Человекотекста», теперь лишь напомним. Это был Аустерлиц, а по-чешски город Славков, где по старому стилю 20 ноября 1805 года произошло памятное и очень красочное убиение солдат и лошадей. В память о погибших австрийцах, французах, чехах и русских воздвигнут странного вида монумент с музеем внутри — Могила миру. По-чешски это означает «памятник», но по-русски получается точнее — именно «могила». На бронзовых округлых досках, вделанных в стены, — надписи на трех языках, поминающие своих воинов, их союзников и врагов, а на четвертом, русском языке, поминаются только свои... Но их и погибло-то всех больше!

От Брно до Праги преследовали нас политические страсти: шли демократические выборы, лозунги голосили каждый о своем со стен и заборов по сторонам дороги и даже сваливались в виде листовок с неба. В Праге напряжение сменилось праздничным взрывом. На Тыньской площади дирижер Рафаэль Кубелик, чех из Чикаго, играл с оркестром патриотическую увертюру *Ma vlast* Сметаны (что по-чешски значит «Мое отечество», а по-русски звучит как «власть»), на сцене показался новоизбранный Гавел, толпа ликовала, и я, чужестранец, безбашенно и бесшабашно праздновал вместе с ней, потому что праздновать мне было больше нечего.

Продолжение следует.

О себе. Зачат в Москве, родился в Иркутске в 1969 году, куда маму распределили после окончания мединститута. В 1970-м был привезен в Москву, с тех пор и живу здесь постоянно, если не считать нескольких лет, проведенных в США. В детстве активно занимался спортом и едва не стал профессиональным футболистом — карьера оборвалась на подступах к дублю «Спартака». После школы поступил на экономический факультет МГУ, хотя уже тогда понимал, что это не мое. На третьем курсе — просто для того, чтобы проверить себя, — подал свои ученические работы на творческий конкурс в Литературный институт (поэзия) и во ВГИК (сценарный факультет). К огромному своему удивлению, получил вызов на вступительные экзамены в оба вуза. Выбрал ВГИК, поскольку стихи у меня рождались трудно, от случая к случаю, а значит, профессиональным поэтом я не мог стать в принципе. Во ВГИК поступил легко, но долгое время относился к этому не очень серьезно, продолжая совмещать учебу в обоих вузах. Когда появились успехи — первая короткометражка, победа на конкурсе, договор на «Мосфильме», — пришлось определяться: из университета ушел на пятом курсе, за три месяца до диплома.

После ВГИКа сначала был на вольных хлебах, потом работал редактором и штатным сценаристом в кино и на телевидении. Принимал участие в коммерческих издательских проектах (под общим коллективным псевдонимом). Некоторое время занимался бизнесом. Прозу под собственным именем начал публиковать только в этом году — ждал, когда, наконец, закончу роман («Экстрим для избранных»), работа над которым продолжалась почти пятнадцать лет. Сейчас постоянно живу в Москве. Женат, есть сын.

МАРИМАН

Рисунки Анны Дудяковой

РАССКАЗ

Женщинам он нравился всегда. В детстве это казалось банальным и утомительным. В юности уже льстило, к тому же помогло избежать комплексов — он-то всегда критически относился к своей внешности, а в этот период жизни особенно остро переживал собственную некрасивость, нескладность, стеснительность. А вот после двадцати стало просто раздражать. Во-первых, пришло понимание, что женщинам верить нельзя, у них глаза устроены по-другому: в любом человеке они, прежде всего, видят собственное отражение. Во-вторых, нравиться всем нельзя, это просто опасно! Потому что накладывает обязательства, которые ты не можешь, да и не хочешь оплатить. Если человек тебе не интересен, то

с какой, собственно, стати тебя должны волновать эмоции, которые ты в этом человеке вызываешь? Впрочем, если бы дело ограничивалось девицами юными, стройными и красивыми, он бы, пожалуй, особенно протестовать не стал, хотя и в этом случае из отношений уходит интрига, что делает проблемным и гипотетическим кайф: ну какой смысл в охоте, если грациозные косули сами лезут на ствол твоего карабина? Когда же «зверь» на тебя прет крупный, голодный, зрелый — то тут уже не охотником себя чувствуешь, а дичью, которой только бы ноги унести.

Природная мягкость и стремление не обидеть человека несколько раз приводили к тому, что он позволял увлечь себя туда, куда идти совершенно

не хотелось. Итог был всегда один — опустошение, чувство брезгливости, презрение к самому себе и к своей случайной подруге. Все это со временем вылилось в подспудный страх перед дамами бальзаковского возраста: ты еще не ел это харчо, ты даже его не заказывал, ты всего лишь прочел это слово в меню, но тебя уже подташнивает.

«Ты просто классический нарцисс! — сказала ему как-то одна из несостоявшихся подруг. — Тьфу, терпеть не могу таких мужиков!»

Ну да, если тобой пренебрегли, не захотели, указали на дверь, то теперь уже можно говорить что угодно. Чего ж ты, дура, так долго и настойчиво себя предлагала тому, кого по определению терпеть не можешь?.. Нет, не нарцисс он, а гордый и брезгливый сорняк, избегающий прикосновений случайных и ложных, — отсюда и все эти колючки.

Сергей всегда выглядел моложе своих лет и даже сейчас, в тридцать семь, благодаря хорошей наследственности, постоянному тренингу и не сходящему загару скорее походил на юношу, чем на зрелого мужа. Его предпочтения отводили потенциальным возлюбленным узкий возрастной коридор — от семнадцати до двадцати семи. Впрочем, если барышня благополучная, ухоженная, следящая за собой, то планку можно было бы приподнять, но года так на два-три, не больше! Глаз еще обмануть можно, тактильные ощущения никогда — тираж он и есть тираж.

Кстати, и с женой они расстались, когда она приблизилась к этому рубежу. Года за два до этого она, дурочка, к врачу ему советовала сходить, поскольку причину его охлаждения видела не в себе, а в его мифической импотенции. Справедливости ради следует признать, что врач бы не помешал: другие же мужики как-то спят со своими старыми, толстыми, обрюзгшими женами. Да и куда деваться, когда тебе стукнет пятьдесят, шестьдесят, семьдесят?.. Проблема была далека, думать о ней не хотелось. На самый крайний случай оставалась не иссякающая шеренга девиц на обочине Ленинградки, которую он видел только что по дороге в «шарик», — эти за столы зеленю отдадутся и рябому, и хромоту, и старому.

Пожилые девушки, вкусившие в юности солидную порцию вполне заслуженных комплиментов, долгие годы продолжают считать, что мир по-прежнему вращается вокруг них. Интересно, что они видят, когда смотрят на себя в зеркало? Откуда в них эта тупая и растущая с годами вера в собственную неотразимость?.. Ну вот чего, спрашивается, в очередной раз пялится на него эта «тумбочка» в брючном костюме? Здесь курилка, мадам, здесь люди кайф ловят, не надо этих пристальных взглядов, прошу вас. Это сейчас он может сразу послать куда подальше, раньше щадил чужие чувства, мотивировки искал, косил то под ду-

рачка, то под примерного семьянина, а то и под голубого — это было, кстати, самым эффективным, но чреватым последствием, если тетя входит в круг общих знакомых... Когда «тумбочка» в очередной раз на него посмотрела, он не стал отводить взгляд. И это было истолковано как приглашение к разговору.

«Простите, вас случайно не Сергей зовут?»

«Ну разве что случайно, — сухо ответил он. — А мы что, знакомы?»

«Тумбочка» оказалась натурой тонкой и язвительной.

«Да как вам сказать: и да и нет... Видимо, все же нет», — и, загасив сигарету, вышла из курилки.

В переводе на нормальный человеческий язык это должно было означать примерно следующее: «Если бы ты, козел, вспомнил ту институтскую вечеринку (родительскую дачу, случайный подъезд, скамейку в парке — тут возможны варианты), где я подарила тебе свою любовь, — тогда да! Но уж коль ты забыл, скотина, или сделал вид, что забыл, — тогда и я тебя знать не знаю!»

Сергей закурил новую сигарету и достал из сумки коньяк. Обычно он начинал пить в самолете сразу же после взлета. Это был закрепленный доброй сотней поездок ритуал — только в аэропортовых дьютиках продается настоящий, а не левый коньяк, и только пары «Арарата» способны подготовить душу к празднику, которым, собственно, и является каждая встреча с морем.

Объявили часовую задержку рейса. Жаль, конечно, но праздник это испортить уже не могло. А вот то, что невольно обидел женщину, сознавать было горестно: что тут поделаешь, женщины стареют быстро. Ну, не узнал он ее, действительно не узнал! Вчера — девочка, сегодня — тумбочка... С его бывшей женой произошло то же самое — за каких-то четыре года совместной жизни из наивной, стройной, тоненькой девочки она превратилась в отяжелевшую, скучную, сварливую тетку. Было жалко и ее, и себя, и того, что его связывало с этой женщиной. Он никогда бы не смог забыть их первой, почти случайной встречи в институтском коридоре и той искры, которая между ними тогда пробежала; ее удивленной, несколько испуганной улыбки и немое «да» в тот же вечер; ее страстных слов на третий день любовного загула, когда он разбудил в ней женщину, а себя чуть ли не в первый раз в жизни почувствовал — и в прямом, и в переносном смысле — настоящим мужчиной, мачо, суперменом.

Не смог бы он забыть и ее горьких слез в турецком Сиде, когда он вошел в море, а вернулся лишь через три часа. Она была уверена, что он утонул. Поставила на уши спасателей, полицию, администрацию отеля; да, он предупредил ее, что плавать долго, что в морской воде теряет ощущение времени, что

контролировать себя в этом не может и не хочет, но она и представить себе не могла, насколько все это отдает клиникой. «Мариман несчастный!» — она была его по щекам, потом исступленно целовала, просила прощения и снова заходила в истерику.

Ни одна женщина так его не любила. Ни одна так панически не боялась его потерять. Да и счастлив, пожалуй, он больше ни с кем не был... Господи, куда же все это делось, думал он, когда стало ясно, что жить вместе они уже не будут.

С потерей товарных кондиций еще как-то можно было смириться, ибо сам виноват — если теща способна пройти в дверной проем только боком, то с какой стати ждать вечной стройности от ее дочери? Тещу от него никто не прятал, а с генетикой спорить глупо. Но главная беда была в том, что тонкость исчезла не только из фигуры жены, но и из ее человеческой сути и, следовательно, из их отношений. Раньше она понимала и принимала тот непреложный факт, что без моря он жить не может, что хотя бы раз в два месяца и хотя бы на недельку он непременно должен смотаться в любое соответствующее сезону место, будь то Ялта, Анталия, Шарм или Пукет. Он охотно брал ее с собой, но, во-первых, ездить столь часто ей не позволяла работа, во-вторых, ее уже просто тошнило от одного слова «море» — загорать она не любила, плавала плохо, да и вкусы выработались принципиально иные, ее больше тянуло во всякие там парижи, вены, праги и прочий отстой. Сергей все чаще ходил налево, уже почти не прибегая к конспирации. Он хотел, чтобы инициатором развода была жена, начинать самому эту бодягу и неизбежные склоки просто не хотелось. Но тут случилось неожиданное — жена забеременела. Это было действительно «вдруг», ибо не предохранялись они никогда, но то, что не случилось за годы страстной и ежедневной любви, произошло при контактах эпизодических и случайных. Отношение к возможным собственным детям у Сергея было подвижным: сначала он очень хотел, потом хотел не очень, потом и думать об этом забыл. Неожиданное известие его не то что обрадовало — воодушевило, ибо наполнило смыслом то, что смысла давно не имело. И жена его неожиданно изменилась в лучшую сторону, стала терпимее, мягче, и у них даже снова возникло нечто похожее на любовь; разумеется, не ту, прежнюю, страстную, самоотверженную, но какую-то совсем иную, новую — до этого они были просто мужем и женой, а теперь становились родственниками, кровными.

В конце октября он в очередной раз намылился к морю, на сей раз на Кипр.

— Как? — всплеснула она руками в неподдельном отчаянии. — И ты можешь оставить меня в таком положении?

— Ну, в каком таком? — пробовал увещевать Сергей. — Ты всего лишь на третьем месяце, беременность протекает нормально, из-за чего весь этот сыр-бор?

— Ты не понимаешь! — она едва сдерживала слезы. — Ты вообще ничего не понимаешь, — и хлопнула дверью.

Он был прав, за неделю ровным счетом ничего не изменилось и ничего не произошло. Еще через неделю они помирились. А через два месяца УЗИ показало, что у них будет девочка. Хотел сына, но и будущей девочке очень обрадовался и даже придумал ей имя, которое жена приняла сразу.

Весь ноябрь, декабрь и даже первую половину января Сергей терпел, но потом его так заколбасило, что хоть вой.

— Ты никуда не поедешь! — твердо сказала жена. — Все разговоры по этому поводу бесполезны.

Он мучился день, два, неделю, потом просто пошел в ближайшее агентство и взял билет в Бангкок.

— Сережа, я никогда тебе этого не говорила, а сейчас скажу: ты просто нелюдь! Ты нравственный урод, — неожиданно тихо и как-то обреченно сказала жена. — Когда ты будешь плавать в вонючей паттайской луже и трахать не менее вонючих таек, я скажу нашей Дашеньке, которая уже бьется у меня в животе: твой папа урод!

Ну да, все верно, думал Сергей. Если вы скажете наркоману, что он урод и нелюдь, он с вами охотно согласится, но денег на очередную дозу все равно попросит. А если вы не дадите, он пойдет на улицу, продаст за бесценок часы, куртку, кольцо обручальное, а если всего этого уже нет, то украдет, ограбит, убьет случайного прохожего, но дозу себе все равно вколет!

В Тае он много плавал, на женщин принципиально не смотрел, хотя день так на пятый, когда восстановились силы и желания, он, как юнец прыщавый, вынужден был прибегнуть к ручной дойке, чем хоть на время снял напряжение. Жене звонил каждый день. Первые три дня она молча бросала трубку, все оставшиеся дни телефон уже не отвечал. Вернувшись в Москву, он узнал, что назло ему она избавилась от ребенка. Естественно, подпольно, поскольку срок был большой. Открылось сильное кровотечение, ее едва спасли и сейчас она находится в больнице.

Зияющая пустота, которая образовалась в душе в тот самый момент, не заросла до сих пор. Бывшую жену ему не было жалко совсем — дур с садистскими наклонностями жалеть нельзя. Себя было жалко, но за два месяца боль залил водкой. Ни в чем неповинную Дашку жалко до сих пор. Прошло десять лет, но боль не утихает, она лишь принимает новые формы.

Свою бывшую Сергей изредка встречает на бульваре — она выгуливает двух племянников, кото-

рых ей подкинула сестра, уехавшая к новому мужу в Америку и родившая там третьего. У него до сих пор звенят в ушах ее слова перед тем злополучным Таем: «Ты пожалеешь!.. Ты очень об этом пожалеешь, обещаю тебе!» Она хотела наказать его, наказала себя. Убить собственного ребенка и пытаться обрести смысл жизни в воспитании чужих — разве это не патология? Он бы еще понял и даже заранее был готов простить, если бы она наняла киллера и тот бы замочил его — козла, изменщика, наркомана морского — по дороге в аэропорт, но ребенок-то тут при чем?.. Нет, что бы там ни говорили, женщины существа иррациональные, примитивные и абсолютно непредсказуемые — любить их можно, понимать — никогда!

Сергей всегда был равнодушен к чужим детям, но с того печального случая появилось одно исключение — очень болезненное, маниакальное, почти шизофреническое. Сначала он не мог пройти мимо любой коляски с ребенком, а когда узнавал, что это девочка, то непременно просил разрешения на нее взглянуть. Потом мог долго стоять у детской песочницы во дворе, а позже у соседней школы. Дичь, конечно, но со временем ему стало казаться, что на самом деле его Дашеньку вовсе не убили столь варварским образом, она родилась в положенный срок, но как бы не сама, а растворившись в других девочках, ее сверстницах... Вот сейчас, например, она бежит по залу ожидания аэропорта, у нее смешные косички, озорной взгляд и обаяние, от которого сердце проваливается и душа холодеет. Дети существа удивительные: любовь и доброту человеческую они нутром чувствуют, как животные и растения, пусть даже эти чувства как бы перенесенные от не родившейся Дашки, но ведь направлены эти чувства именно на них! И они неизменно откликались — младенец ли в коляске на бульваре, трехлетка в песочнице или первоклашка на школьном дворе. Эта девочка в аэропорту исключением не являлась. Женщина всегда чувствует, когда на нее смотрят с интересом. Даже если этой женщине десять лет и стоит она к тебе спиной.

— А мы в Египет летим, — радостно сообщили ему.

— Не может быть!

— А вот и может... Знаете, какие там рыбки? Ручные! Их даже погладить можно.

— Ты думаешь, им это понравится? Все же рыбка не кошка.

Вопрос поставил его юную собеседницу в тупик.

— Не знаю, я пока не пробовала...

Через пять минут он уже знал о ней практически все: как зовут, где живет, в какой класс ходит, где купали маску с трубкой и большую красивую книжку о фауне Красного моря. Еще через пять минут девочку позвали встревоженные родители. Это тоже было

не ново и в практике Сергея встречалось много раз — в стране, где педофил на педофиле, интерес взрослого мужика к юной девочке всегда вызывает подозрение.

Юляшка оказалась человеком принципиальным: она взяла Сергея за руку, подвела к скамейке, где сидела семья — папа, мама и старшая сестра, вполне сложившаяся девушка лет шестнадцати.

— Это Марик, — представила она. — Он тоже летит в Египет, где был уже сто раз... Мы с ним подружились. Можно? — последнее прозвучало как характеристика: типа, вы что, не видите, какой это хороший, интересный и добрый человек.

— Ну конечно же можно, почему нет, — сказал папа, лысый дяденька с брюшком, лет пятидесяти. — Я так понимаю, вас нам сама судьба послала. — Он протянул Сергею ваучер. — Об этом отеле что-нибудь сказать можете?

Слева от него сидела Юляшка, справа ее сестра, штудирующая арабско-русский разговорник, напротив — их мама, которой оказалась та самая тумбочка из курилки. Было очень неловко, хотелось уйти, но от него ждали ответа.

— Хороший отель, — дипломатично сказал Сергей. — Но с детьми я бы туда не поехал.

Мама и старшая дочь выразительно переглянулись. Папа заметно скис, но все же попросил:

— Марк, конкретизируйте, пожалуйста. По пунктам, если можно.

— Папа, его зовут не Марк, а Мариман, — поправила дочка. — Сокращенно Марик.

— Фамилии в русском языке не сокращают, — строго сказала сестра. — И на «ты» к взрослым людям не обращаются.

— Это совсем не фамилия, — протестовала Юляшка. — И потом, он мне разрешил... Правда, Марик?

— Конечно, правда. Но если взрослые против, называй меня Сергей Александрович.

— Не буду, — заупрямилась девочка и обиженно поджала губки. — Так нашего физрука зовут, противный он.

— Сергей, не уклоняйтесь, пожалуйста, от ответа, — наконец подала голос мама. — Я понимаю, что сто раз — это гипербола, но все же.

Пришлось объяснять азбуку: отель на отшибе, моря фактически нет — длинный понтон, потом еще метров двести по мелководью и кораллам: место открытое, постоянный сильный ветер и большая волна.

— Ну что, и после этого будешь спорить? — старшая дочь с раздражением захлопнула разговорник. — Мы-то, положим, и бассейном перебежмся, а Юлька что будет делать?

Сергей понял, что явился невольным катализатором давнего конфликта и что пора спасать мужи-

©Дудякова Анна, 2012 г.

ка, на котором уже и лица не было, даже лысина потом покрывалась.

— Не стоит переживать по этому поводу, — попробовал он разрядить ситуацию. — Не понравится — на месте переиграете.

— А как это делается? — с надеждой спросил он. — Что для этого нужно?

— Только ваше желание и деньги, за которые в Египте можно сделать практически все... Причем деньги по московским меркам пустяшные.

— Дохлый номер, — хмыкнула мама и, доставая сигареты, с укором посмотрела на мужа. — Бараном упираться мы можем, а вот кого-нибудь о чем-нибудь попросить, на лапу дать, наконец, — тут нам слабо, у нас принципы.

После ее ухода возникла неловкая пауза.

— Марик, помоги нам, пожалуйста, — заняла Юляшка, — я не хочу в отель без моря!

Сергей после некоторого размышления достал из кармана визитку, написал на ней номер своей египетской симки, протянул совсем уж закисшему мужику.

— Если гид не поможет, звоните мне, придумаем что-нибудь.

И тут боковым зрением он заметил, что старшая девочка очень пристально и странно на него смотрит. Впрочем, почему же странно? Нормальный взгляд нормальной созревшей девушки: кто-то примеряет на себя Тома Круза, кто-то Павла Буре, эта решила примерить его — да ради бога, ему не жалко. И все же надо держаться от этой семейки подальше, подумал Сергей. С мамой вроде бы ситуация прояснилась: явно никакого секса у них не было, видимо, пересекались по работе, причем очень давно, а вот старшая дочь... Сергей перевел на нее взгляд, она сильно смутилась и сделала вид, что продолжает изучать разговорник.

Объявили посадку. Самолет был заполнен едва наполовину: туроператоры опять не угадали с перевозкой, да и опасаются наши люди в Рамадан в исламские страны ездить; особенно те, кто любит выпить на халяву, — soft all не для русского человека.

Места у них оказались в разных рядах, но Юляшка попросила, чтобы он сел где-нибудь рядом. Пришлось обосноваться в неудобном среднем ряду, и весь полет он поочередно сидел то с младшей, то со старшей, — Юлька была ребенком непоседливым, да и в окошко ей хотелось посмотреть.

Старшую звали Вика — барышня интересная, с весьма развитыми формами, но очень уж серьезная, неразговорчивая, погруженная в себя. Разговорник был проштудирован уже до половины.

— Зря вы это делаете, — сказал Сергей. — Там практически все говорят не только по-английски, но и по-русски.

— Я знаю, — ответила она с непонятым вызовом, — но в арабской стране я буду говорить по-арабски.

— Только не делайте это в лавках, — предупредил он.

— Почему? — Она подняла на него свои большие удивленные глаза.

Вот эти глаза он действительно где-то раньше видел. И эту родинку на шее тоже.

— Цена будет выше, и торговаться вы не сможете. Когда человек нагибается, ему охотно идут навстречу, тем более на Востоке, — и тут же, без паузы и перехода: — Напомните, как вашу маму зовут?

— Лидия Николаевна, а что? — удивленно сказала Вика.

Она еще что-то говорила, но Сергей уже поплыл. Это казалось невысказанным, невозможным... Да, забыть можно многое, но как он мог забыть *это*? Наверное, произошло вытеснение — уж очень сильно болело, жить с этим было нельзя, и все пережитое тогда, в далекой юности, его психика в целях самосохранения отправила в самый дальний угол подкорки.

Лидия была его первая любовь, которая началась в пятом классе, а завершилась, едва не растоптав его жизнь, на первом курсе института. Глупо описывать все это подробно — у всех была первая любовь, у всех она полна банальностей. Но это сейчас легко говорить, а тогда крушение первой любви казалось полным крушением жизни. В свои восемнадцать Сергей был мальчиком чистым и верным — только ее волосы он гладил, только ее губы целовал, только ее груди касался осторожно и робко. Настоящей близости между ними так и не произошло. Не столько потому, что она не хотела или боялась, — он не мог. Сергей был тогда в этом вопросе полный невежда; впрочем, и Лидочка тоже. Оба полагали, что все должно произойти как-то само собой, но само собой упорно не получалось.

Первая любовь телесной быть не должна. Не только в силу своей изначальной чистоты, но и по причине полной бесперспективности. Ну, кто же женится на своей первой любви? Кто избежал разочарования после первой близости (уж коль она случилась)? Кто, наконец, решил дилемму: аборт или брак, когда, в сущности, сами еще дети и к взрослой жизни совершенно не готовы?

Заканчивается первая любовь у всех по-разному, у Сергея это выглядело так — в один из дождливых осенних дней Лидия сказала, что у них все кончено: она полюбила другого.

— Но этого не может быть! — не поверил он.

— Может, — ответила она. — Ты прости меня, пожалуйста. Я сама не ожидала — это как ураган: за-

©Дудимова Анна | 2012 г.

хватило, закружило, понесло... Если хочешь, мы останемся друзьями.

Друзьями он не хотел. И верить отказывался, предполагая какие-то иные причины; продолжал звонить, унижаться, ходить следом. Ведь они скоро собирались пожениться! Они в любви друг другу поклялись — вечной, до гроба. Да, именно в таких пошлых и вульгарных формулировках — странно и стыдно это вспоминать, но ведь все так и было!

Потом он узнал, что она уехала на несколько дней в Сочи. Причем не одна, а с тем, на кого его променяла. Сергей тупо продолжал не верить — Лида и раньше из женской кокетливости пыталась порой вызвать в нем чувство ревности, возможно, и сейчас она просто проверяет, насколько крепки его чувства? Сергей собрал по друзьям и знакомым деньги и помчался следом. Он понятия не имел, как и где будет ее искать, но почему-то был уверен, что найдет непременно.

И он действительно ее нашел, причем почти сразу. Сочи город небольшой, к тому же осенью он стремительно пустеет, да и приезжих от аборигенов отличить легко — они никуда не спешат... Море штормило, но день выдался удивительно тихий, теплый, безмятежно-спокойный. В воздухе медленно кружили опадающие с платанов листья, пахло жареными каштанами и шашлыком, на каждом углу продавали гранаты, хурму, молодое вино. Почему-то все это его безумно раздражало, казалось несправедливым, неправильным. Всем вокруг хорошо, одному ему плохо! Да так плохо, что хоть вой... Буря в душе не только не улеглась, она усиливалась. Сергей уже не мог ни бежать, ни идти, он просто сел на скамейку и тупо ждал, когда все кончится, потому что не может же эта нестерпимая мука быть вечной.

Сначала он услышал смех — тот единственный, неповторимый, который мог принадлежать только одному человеку на свете. Этот смех объяснил все и сразу. Не надо было вставать, не надо было смотреть, не надо было идти следом... Больше всего, конечно, добило ее веселье. Ну как она может, думал он, радоваться и смеяться в то время, как он не просто места себе не находит, на атомы рассыпается?! Ну, дурачок он тогда был, что поделаться... Это сейчас он понимает, что ожидать от женщин, даже проверенных и близких, можно любой подлянки и в любой момент, тогда же ее вероломство показалось чудовищным, все прежние чувства, слова, клятвы — заведомой и сознательной ложью, да и есть ли вообще на этом свете любовь?.. Но нет, он чувствовал, что вопреки всему по-прежнему ее любит и жить без нее не может.

У ее нового избранника лысины тогда еще не было и большого пуза тоже, он вообще тогда Сергею понравился. Даже возникло нечто вроде легкой зависти: ну почему он сам столь неприлично юн, худ,

угловат? Почему не умеет вести себя столь же уверенно и солидно?.. Парочка тем временем ела мороженое, кормила голубей, а потом, обогнув площадь, скрылась в арке гостиницы «Москва».

Сергей некоторое время неподвижно стоял у входа, сам не зная, чего он ждет и, главное, зачем? Ведь все теперь ясно, ситуация обратного хода не имеет. Он долго слонялся по городу, а уже вечером, когда совсем стемнело, вышел к морю. Набережная была пуста, огромные волны с шумом накатывались на берег, оставляя на гальке щепки, коряги, мусор. Сергей ощущал себя таким же мусором, который выбросили за ненадобностью. Ну и как же теперь жить, думал он. Нет, не без Лиды, с ней все понятно, — как вообще жить? Он зачем-то поднялся на длинный, выходящий в море причал. Деревянный настил был мокрым и скользким, ветер усилился, пенные языки то и дело залетали наверх, оставляя после себя грязные лужи. Включили прожектора, и море сразу преобразилось, заиграло красками, стало казаться еще более грозным. «Ты не сможешь, — говорил он себе. — Ты трус... Ты за женщину свою цепляешься до последнего, будешь цепляться и за жизнь».

Самолет тем временем давно уже набрал высоту, стюардессы везли тележку с едой и напитками. Какое все же счастье, думал он, что она тогда его бросила! Представил на секунду, что тумбочка Лида его жена — и тут же перевернуло... Ужас какой!

Коньяк до, коньяк между, коньяк в завершение — после обеда его сморило, он сбросил туфли, вытянул ноги и отрубился. Причем спал настолько крепко, что проснулся, лишь когда в его плечо вцепились маленькие детские ручонки. Самолет резко падал вниз.

— Не бойся, Юляша, мы просто снижаемся, — сонно сказал Сергей.

— Мы давно уже снизились, — испуганно произнес ребенок. — Марик, почему мы так прыгаем?

Самолет опять набрал высоту и снова стал резко снижаться. В салоне уже царил настоящая паника, многих рвало. По лицам стюардесс он понял, что дело серьезное. Где-то плакали дети, кто-то матерился, через ряд впереди истерично рыдала женщина.

— Мы разобьемся? — тихо спросила Юля.

— Ну что ты, нет, конечно, — успокаивал ее Сергей. — Сейчас вытряхнем из брюха шасси и сядем.

— А почему эти противные шасси не выходят?

— Заело, наверное... Это бывает.

Рвало маму, рвало папу, лишь Вика сидела неподвижно — бледная, с закрытыми глазами.

— Марик, они не вытряхиваются, — сказала девочка после очередной попытки. — Мы разобьемся, Марик, я не хочу!..

Он погладил ее по голове, прижал к своему плечу.

— Ты в Бога веришь?

— А что, уже пора молиться? — серьезно спросила девочка.

— Ну, можно и помолиться для полной гарантии, но я тебе твердо обещаю: мы не разобьемся, — сказал Сергей, стараясь придать своему голосу как можно больше уверенности. — Так что давай без слез, хорошо?

— Ты меня обманываешь, ты не можешь этого знать.

— Нет, я это знаю твердо.

— Марик, откуда ты это знаешь? — Она цеплялась за его слова как за соломинку, что, впрочем, было естественно.

— Ну подумай сама: как я могу погибнуть над Красным морем, если мне сказали, что я утону в Черном?!.

Информацию она переваривала долго, потом спросила.

— Кто сказал, Бог?

— Этого я не знаю. Может быть, Бог. Может быть, ангел. Может быть, дьявол или Нептун какой-нибудь, я же его не видел... Но голос слышал точно!

Она как-то сразу поверила, успокоилась, теперь ее интересовали подробности.

— Я не верю в Нептуна, это все сказки.

— Ну, некоторые считают, что и Бог — сказка.

— Нет, Бог точно есть, я знаю... Марик, а тебе не сказали, когда?

— Этого не сказали, врать не стану.

— И ты поэтому теперь едешь только на Красное море?

— Почему же, ездю и на Черное, минимум два раза в год — Бога обманывать нельзя, ты же знаешь.

В паузе между пике девочку позвали родители — видимо, попрощаться. За этим действием Сергей наблюдать не стал, но голос услышал: «Мамочка, не плачь! Марик сказал, мы не разобьемся». «О Господи, — раздраженно ответила та. — Твоему Марику сейчас море по колено». Она решила, что он просто пьяный. Это естественно, подумал Сергей, других причин для смелости не бывает. Тут самолет опять сильно трянуло — и раздался наконец столь вожделенный скрежет выпускаемых шасси. Люди в салоне сначала затихли, потом облегченно захлопали — все худшее осталось позади.

«Мамочка, ну я же тебе говорила, — донесся радостный голос Юляшки. — Не плачь, мамочка!»

Самое забавное, что, успокаивая ребенка, Сергей не врал... Тогда, в Сочи, во время шторма он действительно хотел свести счеты с жизнью — придурок, дебил, неврастеник влюбленный. Долго собирался духом и все-таки прыгнул с причала — в одежде, в куртке и тя-

желых ботинках. Он помнил, как над ним сомкнулись волны, как свет прожекторов стремительно ушел вверх, как в глаза что-то попало и он их закрыл, как глотнул воды и помутилось сознание. И тут он услышал или ему показалось, что услышал, но слова запомнил: «Ты слишком молод, я возьму твою жизнь, но потом».

Плавал тогда Сергей очень плохо, но ему помогли — огромные волны бережно вынесли его к берегу, поставили на волнорез и отступили. Он растерянно шел по набережной, с одежды стекала вода, но холодно ему не было. Мысли о самоубийстве и даже о любимой его больше не тревожили, он чувствовал себя не просто другим человеком, а как бы заново родившимся. Та жизнь, та любовь, те страдания, переживания, ревность, отчаяние не имели теперь к нему, нынешнему, ровным счетом никакого отношения. Все это было с другим человеком, не с ним. Тот человек был обречен, поэтому он и умер. А этот, новый, жизнь свою только начинает... Впрочем, осмысление произошедшего и формулировки появились значительно позже, тогда же просто была эйфория и ощущение безмерного и всеобъемлющего счастья, которым, собственно, и является жизнь, которую ему подарило Море. Именно так, с большой буквы.

«И где же ты, милоч, воду нашел? — спросила бабушка, у которой он снимал комнату. — Дождя уже неделю как нет».

Пассажиры по трапу спускались зеленые, ослабевшие, на подкашивающихся ногах; стюардессы, впрочем, выглядели не лучше, хотя и пытались натушно улыбаться.

Во время прохождения контроля Сергей своих спутников потерял. Было неудобно уходить, не простившись, но у Сергея был индивидуальный трансфер, а им еще предстояло автобус ждать.

Разместившись в отеле, он тут же завалился спать, а рано утром, еще до завтрака, уже был на море; долго и в охотку плавал, и море его как всегда не обмануло — смыло все ложное и случайное, сиюминутное, вздорное. Из этого, увы, и состоит жизнь, но его жизнью уже давно было море.

После обеда на отдыхе он всегда спал, но в этот раз ему этого сделать не удалось, разбудил телефон.

«Сергей Александрович, выручайте: не получилось у меня ничего. — Он даже голос не сразу узнал, поскольку это все казалось далеким, забытым. — Мои женщины меня уже заклевали, Юленька плачет... Вы были правы, увы!»

Сергей сказал, что перезвонит через десять минут. Оделся, нашел гида, обрисовал ситуацию, пообещал бакшиш. Потом они вместе набросали список из пяти-шести отелей, Сергей набрал номер, передал трубку гиду. Ну все, благотворительность закончилась, подумал он.

И снова было море, потом партия в теннис с упорным итальянцем, потом душ, ужин, прогулка перед сном. И тут снова зазвонил телефон. Включать его не хотелось: благодарностей он не жаждал, продолжения отношений тоже, а если опять какие-то проблемы, то это уже без него. Через пять минут звонок повторился, и он понял, что от него не отстанут.

«Марик, ты где? — раздался в трубке звонкий и радостный голосочек. — Мы тебя везде ищем!»

Вот этого уж он никак не ожидал. Его отеля в списке не было, да и не подходил он им, поскольку не работал по системе «все включено». Теперь же они соседи и приглашали в гости — оба их номера были этажом ниже.

Юляшка еще с порога стала возбужденно рассказывать, что уже плавала с маской, что видела рыбу-попугая, рыбу-флейту и даже мурену, правда, издалека. Пригласили к столу. Благодарный и успокоившийся наконец папа разлил по стаканчикам коньяк и сок гуавы.

— Чем вам другие отели не приглянулись? — спросил Сергей.

— Да мы никуда и не ездили, — ответил тот. — Юляшка сказала: поедem к Марику, он в плохом отеле ни в жизнь не остановится... И ведь она была права! Ну что, друзья, все хорошо, что хорошо кончается, за это и выпьем!

Потом Сергея долго и дружно благодарили, делились подробностями общения с гидом, радовались, смеялись, подтрунивали друг над другом.

— Может, все же коньяк? — еще раз предложил папа. — Или вы пьете исключительно армянский?

— Я пью любой, — усмехнулся Сергей. — Но только не на море.

— Удивительно! И кто бы мог подумать?! — съязвила старшая.

— Викуся, ну что ты такое говоришь? — пристыдила мама.

Юляшка была уже сонная, порозовевший папа налегал на коньяк, мама ушла курить. Сергей достал сигареты, вышел на балкон.

— Извините, нехорошо получилось, — сказал он. — Я ведь действительно вас не сразу вас узнал.

— Так ведь и я не сразу, — рассмеялась она. — А почему на «вы»?

— Но ведь той девочки уже нет, а этой... этой я не знаю.

— Ну да, а мальчик жив, — съязвила она. — Все так же юн и строен... Нет, правда, хорошо выглядишь, молодец!

Переходить на «ты» и отвечать комплиментом на комплимент — тем более не совсем искренним — не хотелось.

— Мальчик тоже умер, — ответил Сергей. — Он был обречен, такие не выживают.

— Все не можешь простить? — тихо спросила Лида, пуская замысловатые колечки дыма, как героиня в американском боевике.

— Бог с вами, столько лет прошло... Все забылось, былем поросло.

Было заметно, что ей не понравились его последнее слова. Любая женщина, даже если сама бросила, хочет, чтобы ее помнили и любили вечно.

— У вас чудесные девочки, — сказал Сергей, чтобы прервать паузу. — В Юляшку я просто влюбился.

— О, если бы знали, как она — в вас! — усмехнулась Лида. — Ловелас вы, Сережа, раньше таким не были.

— Это правда, — согласился он.

Потом Лида спросила, как сложилась его жизнь. Нет, сейчас не женат. И детей нет. Да уж, конечно, плохо, кто бы спорил.

Утром они встретились на пляже, но Сергей тут же ушел плавать, а когда вернулся, то застал одну Вику. Родители обгорели, а у Юляши живот прихватило, пояснила она.

Некоторое время лежали молча: Сергей на солнце, Вика под тентом.

— А почему вы один приехали, без жены? — спросила она.

— У меня нет жены.

— И не было?

— Ну почему же, была. — Он чуть приподнялся на локте, спросил насмешливо: — А почему тебя это интересует?

— Я просто подумала, что одному должно быть скучно.

— Мне не бывает скучно.

Разговор выдохся: девочка свой интерес удовлетворила, у Сергея к ней интереса не было вообще, к тому же уж слишком сексапильно Вика выглядела в своем открытом купальнике, а несовершеннолетних Сергей всегда выводил за скобки. Невольно сравнил ее с мамой, когда та находилась в этом же возрасте: Вика победила за явным преимуществом — ножки и длиннее, и стройнее, талия уже, грудь выше, мордашка симпатичнее; сознавать это почему-то было немножко обидно. Интересно, она тоже превратится в тумбочку лет так через пятнадцать-двадцать?.. Впрочем, вопрос праздный, куда ж она денется?!

Вечером Сергей выступал в роли экскурсовода, показывал город. Старшее поколение стало зависать в сувенирных лавках, младшее жаждало зрелищ — пришлось разделить. Покатали Юляшку на аттракционах, поднялись к маяку, откуда открывался прекрасный вид на бухту, потом зашли на восточное шоу, где всех особенно впечатлил мужской танец с юбками — местная фишка. Потом девчонки захотели пить, и они зашли в бар.

«Красивая у тебя жена, — сказал бармен, делая фруктовые коктейли. — Продай! Сто верблюдов за нее дам!»

Это был дежурный арабский прикол, но Вика почему-то очень смутилась.

«Я подумаю, — ответил Сергей, забирая напитки. — Копи деньги, нищеброд».

Юляшку эта сцена очень развеселила.

— Марик, а почему он решил, что Вика — твоя жена?

— Наверное, по взгляду, — пошутил Сергей, — преданному и нежному.

— Я на бутылки смотрела, — возразила та. — Красивые они, но пустые.

«Да, девочке палец в рот не клади, — подумал Сергей. — Язва еще та».

— Марик, а Вика красивая?

— Очень!

— А я?

— А ты вообще лучше всех.

— Опять обманываешь? — не поверила она. — Скажи, а вот если бы я была взрослая, ты бы женился на мне?

— Ни за что!

— Почему?

— Потому что ты балаболка.

— Да ну тебя! — И Юляшка убежала к немецким сверстникам, которые играли то ли в салочки, то ли в прятки.

В баре звучала негромкая музыка, на пятячке танцевало несколько пар. Вика с отсутствующим взглядом жевала трубочку коктейля, смотреть на него избегала.

«Разрешите пригласить вашу девушку?» — перед их столиком стоял молодой и довольно смазливый араб с блестящими от геля волосами. Впрочем, его согласия не потребовалось — Вика демонстративно встала раньше, чем Сергей на нее посмотрел. Это было не следствие дурного воспитания, а всего лишь ответная реакция на его шутку у барной стойки: типа, я не его девушка, я сама по себе!

Надо признать, смотрелись они хорошо — юные, симпатичные, стройные. И общий язык быстро нашли, и танцевали красиво. Ну вот и славно, подумал Сергей, одной проблемой меньше.

Официант принес мороженое. Юляшка, которая до этого носилась по площадке, используя сестру как столб, за которым можно спрятаться или резко изменить направление движения, тут же примчалась, плюхнулась за стол. Сергей смотрел, как она ест, курил и думал о своей Дашке — вот так же она могла сейчас сидеть напротив, так же смешно облизывать ложку и сплевывать вишневые косточки в блюдец. И снова навалилась эта неизбывная тоска.

Музыка закончилась. Вика вернулась возбужденная, с порозовевшими щеками. Мороженое ее не интересовало, свою порцию она отдала Юляшке.

— Он уже сказал, что его папа итальянец?

— А вы знаете Марио? — удивилась Вика.

— Он такой же Марио, как я Абдулла, — продолжал ее подкалывать Сергей. — Тут каждый второй хаускипер учится в университете или имеет свой бизнес, ну а папы у всех исключительно итальянцы, это без вариантов.

Вика передернуло. Возбуждение прошло, щеки остыли.

— Марик, а кто такой хаускипер? — спросила Юляшка, лениво доедая вторую порцию.

— Уборщик в отеле.

— Нашего зовут Ахмед. Он нам лебедей из полотенец сделал — такие прикольные, я даже их сфоткала.

Снова заиграла музыка, и окрыленный первым успехом «итальянец Марио» тут же появился у их столика. Разрешения у Сергея он уже не спрашивал, наклонился к Вике, что-то шепнул ей на ухо, фамильярно положил руку на плечо, но она посмотрела на него с такой злостью и так гневно сказала «нет!», что он тут же осекся, смутился и поспешно ретировался.

— Марик, ты поступил нехорошо, — сказала Юляшка, переняв его стеб. — Ну пусть бы Вика думала, что он итальянец, — тебе что, жалко?!

— Да, я был не прав, — согласился Сергей.

— Дело не в национальности, — вспыхнула Вика. — Просто я не люблю, когда врут! Да еще с непонятными целями.

— Ну почему же непонятными? — возразил Сергей. — Рыбу ловят на блесну, глупеньких девочек — на понты, главное, чтобы блестело.

— Вы тоже так поступаете? — спросила Вика.

— Разумеется. Только у меня понты другие... Ну что, барышни, пора закругляться, родители наверняка уже волнуются.

По дороге в отель Сергей рассказывал девочкам об исламе, об арабской ментальности, о том, почему в этой стране работают одни мужчины и как трудно, почти невозможно молодому человеку скопить деньги для того, чтобы иметь право жениться. Квартира и килограмм золота для большинства проблема нерешаемая. Вот поэтому у одних по четыре жены, а у других лишь призрачные шансы сорвать банк или окрутить европейскую дурочку и слинять из этого кораллового, но столь проблемного рая.

Когда Юляшка ушла чуть вперед, Вика сказала, понизив голос:

— Признайтесь, вам было неприятно, что я пошла танцевать с этим арабом, ведь так?

— Да не то чтобы неприятно, просто я несколько опасался, — не сразу ответил Сергей.

— Чего? — не поняла она.

— Того, что он станет тебя лапать, ты начнешь визжать, мне придется бить ему морду... Зачем мне эти приключения? Да еще в такой чудный вечер.

— Какие ужасы вы рассказываете! С чего бы это он стал меня лапать?

— Так ведь в этой стране кроме туристок и лапать некого... Да и чем ты хуже других?

— Вы просто не любите арабов, — теперь уже стебалась она. — Расист вы, Сережа.

— Ты не права, — возразил он. — Мне их очень жалко. А это больше, чем любовь.

Они, наконец, догнали Юляшку.

— Марик, а килограмм золота это сколько рублей? — спросила она.

То ли тоже сочувствовала бедным арабам, то ли примеряла ситуацию на себя.

С того давнего случая на ночном сочинском пляже неузнаваемо изменился не только сам Сергей, но и его жизнь. Во-первых, исчезла внутренняя неуверенность, нервозность, закомплексованность, он стал легко сходить с девушками и так же легко расходиться. Во-вторых, он стал настоящим спортсменом — сначала плавание, потом гимнастика, кроссы, немного отягощений. Фигура приобрела стройность, мышцы — красивый рельеф и силу, он стал вынослив, мобилен, работоспособен, что сразу сказалось и на учебе, и на дальнейшей карьере. И наконец, в-третьих: дарованная жизнь позволяла считать себя не одним из, а словно избранныком божьим, как ни кощунственно и высокопарно это звучит. Кому-то Бог является в небе, кому-то в храме, для него же он вышел из пены морской, и уже хотя бы поэтому море и все, что с ним связано, приобрело для Сергея такой же культовый смысл, как для других молитва, икона или нательный крест. Он никому, даже самому себе, не смог бы объяснить, почему одно слово «море» пробуждает в нем священный трепет, почему ему становится хорошо, легко, спокойно, когда он погружается в морскую воду и плывет, забывая о времени, о себе, о том, что оставил на берегу в другой, мирской жизни.

«Ты язычник, — как-то сказала ему жена. — Природа — это материя, а Бог — это дух, ты не тому поклоняешься».

Ее слова поставили в тупик и погрузили в сомнения. Правда, недолгие... Разве Бог не везде? И можем ли мы, простые смертные, определять за него, когда и где ему нам явить себя.

В своих поездках Сергей обычно избегал случайных знакомств и поверхностного общения (а каким оно еще может быть на отдыхе?), но тут поймал себя на том, что без девчонок ему явно скучно. Они

сейчас осваивали обширную экскурсионную программу, в отель возвращались уставшими, на море практически не появлялись. Правда, на вечерней прогулке он постоянно встречал Вику, которая будто бы тоже блюла моцион, но он был почти уверен, что этих встреч она ищет... Сергей предпочел бы общество Юляшки — с ней было веселее, свободнее, интереснее, но ребенка укладывали рано.

Вика же его напрягала. Он понимал желание юной девы покрутить попкой перед взрослым и упорно не желающим поддаваться ее чарам мужиком, но тут уже, что называется, нашла коса на камень. При этом разговоры были, как фехтование на шпагах.

— Сергей, у вас постоянная женщина есть?

— Нет, у меня все временные.

— Она красивая?

— Кто она?.. Я же употребил множественное число.

— А много — это сколько?

— Тебе-то зачем? Квота выбрана, вакансий нет.

— Вы думаете, я вам навязываюсь?.. Ну и на смешили!

— Правильно. Ты не навязываешься, ты просто погулять вышла, воздухом подышать.

— Сережа, ну вы же прекрасно знаете, что одной здесь особо не разгуляешься.

— Что, пристают?

— Не то слово... Все почему-то уверены, что если девушка одна, то она непременно приключений ищет.

— А разве со мной ты их не ищешь?

— Ну что вы, как можно. Вы же сами сказали, что квота выбрана... К тому же я не гожусь во временные, я слишком эгоистична.

— Да ты вообще пока ни на что не годишься, подрасти сначала.

— Тут расти, не расти, вас все равно не догонишь... Вам ведь уже тридцать семь?

— Да, девочка, я уже старый и меня на мякине не проведешь.

— Мякина — это я?

Он взял ее за плечи, посмотрел в глаза.

— Зачем ты меня дразнишь?

— А вы до сих пор не поняли?

От нее пахло юностью, морем, свежескошенной травой, обещанием счастья — словом, всем тем, что он любил в этой жизни. Вдруг безумно захотелось во всем этом раствориться, прямо здесь и сейчас. Они стояли на темной глухой аллее, почти прижавшись друг к другу. Вику била нервная дрожь, глаза ее были закрыты, губы тянулись, искали и вот уже, казалось бы, нашли...

— Нет, девочка, нет... Нельзя! — Сергей чуть оттолкнул ее, отошел в сторону. — И давай договоримся: больше мы вместе не гуляем.

Вика промолчала. Ни слова не проронила она и по дороге в отель. А Сергей думал о том, что вся наша жизнь, хотим мы того или нет, — всего лишь череда бесконечных табу. Иногда они кажутся уставшими и чрезмерными, но без них человек превращается в скотину.

— На горе Моисея уже были? — спросил он уже перед дверью.

— Завтра едем.

— Куртку захвати, холодно там.

— Я знаю, Сережа, спасибо. Спокойной ночи!

— Спокойно ночи.

На душе было муторно. Доблестное следование пресловутым скрижалям не вдохновляло. Надо бы завтра нагрузку увеличить, подумал он.

Увы, этого не случилось: не хотелось ни плавать, ни ракеткой махать, ни перебрасывать мяч через сетку — тупо пролежал весь день на пляже, плескался у берега с пенсионерами и детьми, дремал под тентом, добирая остатки сна.

Ближе к вечеру он все же сумел взять себя в руки и проплыл дистанцию вдвое больше обычной. Тоска ушла вместе с последними силами. Аппетит за ужином был зверский, вечернюю прогулку он пропустил.

Сон был крепкий и долгий. Настолько долгий, что едва не опоздал к завтраку.

На пляже он хотел обосноваться подальше от веселой семейки, но Юляшка заняла для него лежак, и отказаться было просто неудобно. Выслушав ради приличия порцию банальных экскурсионных восторгов, Сергей ушел плавать, рассчитывая по возвращении своих соседей уже не застать, — что-то стала тяготить его эта компания, ни к чему это, лишнее.

Увы, все были на месте. Родители, утомленные тяжелым восхождением к святыням, дремали, Виктория, как всегда, читала что-то умное, а Юляшка тут же прибежала сплетничать.

— Марик, а это правда, что Викуська в тебя втрескалась? — прошептала она ему на ухо.

— С чего ты решила?

— Мама сказала, что это и так видно, — и тут же добавила удивленно: — Ей почему-то видно, а мне нет.

«Плохо дело», — подумал Сергей.

— А по мне видно, что я в тебя втрескался? — тем же тоном и тоже шепотом спросил он.

— Нет, в меня нельзя втрескаться, — печально ответила она. — Маленькая я еще, — и машинально поправила чашечки своего купальника, которыми и прикрывать было еще нечего.

— Ну, так я в будущее смотрю: через каких-то пять-шесть лет ты станешь такой красавицей, что

Викуська обзавидуется, а все ребята шеи себе свернут, на тебя оглядываясь!

Она, видимо, представила себе и этих ребят, и свернутые шеи... По ее озорному курносому личику проползла мечтательная и трогательная улыбка.

Мама ошибаются редко. Да и симптомы налицо — странные взгляды, странные позы и полный расколбас в поведении: то ангелом смотрелась — тихим, покорным, молчаливым, то вдруг начинала язвить и даже хамить, порой же вела себя просто вызывающе. Так, например, стоило родителям уйти с пляжа, как она по примеру пожилых немок с отвисшей грудью тут же отстегнула верх купальника и стала загорать с таким невозмутимым видом, словно делала это всегда. Сергей понимал, разумеется, что этот спектакль для одного зрителя, причем зрителя неблагодарного; во-первых, он уже разделял ее взглядом, так что ничего нового для себя не открыл, во-вторых, малолетки для него не существовали, даже если они выглядели как вполне зрелые женщины, а их аппетитные формы вызывали желание вполне определенное.

Сначала возле Вики вился предлагающий свои услуги массажист, потом какой-то дебил-коротышка, впаривающий экскурсии, когда же на горизонте появился третий, Сергей не выдержал, подошел к ее лежаку и бросил на обнаженную грудь свое полотенце.

— Ты бы еще трусы сняла, — сказал он, — тогда уж точно все дрочеры сбегутся!

— Но другие же загорают, — изобразила она полную наивность. — И вообще, вам-то какое до этого дело?

— Да, в общем-то, никакого, ты права. — Он забрал свое полотенце и пристально посмотрел на то, что ему так настойчиво хотели показать.

И вот тут уж она смутилась и руками прикрылась — его она стеснялась, других нет.

На следующий день ближе к обеду к отелю причалу пришвартовалась небольшая изящная яхта. Шумная молодежная компания выгрузилась на пляж.

— Смотри, Панаево! — восторженно сказала Юляшка.

— Да нет, это не она, — возразила Вика. — Что ей здесь делать?

— Она, точно она!

Сергей тоже ее заметил, но если для девчонок это была восходящая и уже очень популярная поп-звезда, то для него это была просто Ксюха. Пять лет назад она приехала завоевывать столицу, он приютил ее в своей бутовской квартире и даже денег не взял: сначала потому, что сам с ней спал, потом, когда она уже была с другими и разными, — просто из чувства личной симпатии. К тому же квартира эта была на вы-

держке, он не хотел ее продавать, пока метро не дотянут. Кстати, именно в этой полупустой «двушке» и родились все ее нынешние шлягеры. Порой там собирались и даже ночевали по десять-пятнадцать человек — все молодые, талантливые, жаждущие успеха и славы. Сергею было интересно в их компании, и люди нравились. Соседи же придерживались прямо противоположного мнения, на него даже в суд подавали за нарушение общественного порядка и тишины.

Компания тем временем приближалась. Сергей полагал, что они здесь случайно, и не считал для себя возможным окликнуть ее или пойти навстречу — ну неудобно как-то. Яхта была чужой, люди незнакомыми. Панаева его наверняка уже забыла, да и пошлое это занятие — греться в лучах чужой славы. Но тут они встретились взглядами, Ксюха расплылась в своей обворожительной, растиражированной ящиком улыбке и, на ходу импровизируя, запела чуть ли не в полный голос, смешно притоптывая и разводя руками:

А я милого узнаю по бандане!
Оранжевой, как ясная луна.
А плавочки он носит от Армани,
А шлепанцы он носит мариман.

Тут уже подхватили все вместе, а Ксюха бросилась ему на шею, облобызала.

— Марик, как же я рада тебя видеть!

— Особенно здорового и невредимого, — хохотнул кто-то сзади.

— Ну да, мы ж тебя сегодня чуть не переехали: Машке дали порулить, я ей говорю: осторожно, буюк, а она мне: ну и хрен с ним!.. Вот был бы номер.

— Да ладно, видел я вас, — отмахнулся Сергей. — Успел бы увернуться и поднырнуть, не вы одни тут поддатыми гоняете.

— Марик, собирайся, мы за тобой! — сказала Ксюха тоном, не допускающим возражений.

— Подружек с собой взять можно? — спросил Сергей.

— Конечно, о чем разговор!

— Юляшка, быстренько сбегай к маме, попроси разрешения, — сказал Сергей младшей, а у старшей спросил: — Тебе, надеюсь, можно и без?

— Спасибо, Сережа, я не поеду, — ответила она. — Укачивает меня.

Врала, конечно, ну да ладно. Ксюша тем временем участливо поинтересовалась:

— Беременная, что ли?.. Так мы тебя на нос посадим и таблеточку дадим.

— Вы мне лучше автограф дайте, — улыбнулась Вика.

— Марик, это ты нахулиганил? — спросила Ксюха, расписываясь на отельной визитке. — Ну, боец!

— Окстись, она еще ребенок.

— Да? — внимательно оглядела Вику, заметила не без горечи: — Я бы у этого ребенка грудь в лизинг взяла... Ну что, поехали?

Юляшку выгрузили на берег через пару часов — с дисками, автографами, буклетами и даже фоткой из полароида — более счастливой Сергей ее еще не видел. Сам же он завис на яхте почти на сутки. Обстановка там была кайфовая, нравы свободные, так что и оттянулся, и оторвался, и загорел дочерна, уснув на палубе, утомленный утехами определенного рода, — не с Панаевой, разумеется, а с будущими звездочками, которые еще предстояло зажечь.

После возвращения в отель его акции резко поднялись: ну ладно девчонки, даже папа Арнольд Аскольдович (ну и имечко!) с интересом расспрашивал его о шоу-бизнесе; что знал, рассказал, но тот явно знал больше, потому что, оказывается, следит за всей этой показываемой по ящику ерундой. Не могла не подпустить яду и мама.

— Сережа, я не удивлюсь, если скоро и вы запоете! Внешность у вас яркая, а голос, как я понимаю, там не очень-то и нужен.

— Вы угадали, я уже начал, — он охотно ей подыграл. — Пока, правда, на бэк-вокале.

— Ничего, главное сделать первый шаг... Ну, какие ваши годы?!

Да, она явно мстила. Господи, но за что? За то, что сама его бросила? За то, что он все еще в форме, а она подурнела, постарела, расплзлась?.. За то, что ее дочка в него втрескалась?.. Даже Юляшку пыталась от него отвадить, но та сопротивлялась отчаянно, поскольку сильно к нему привязалась. Как, впрочем, и он к ней.

Вику отваживать не пришлось, она отдалилась и замкнулась сама. Впрочем, это было вполне объяснимо: она понимала, видимо, что конкуренцию с неизвестными девицами выдержит легко, но тягаться с Панаевой ей уже было явно не под силу.

Все это, конечно же, было смешно и воспринималось отстраненно, как в кино. На следующий день он уже улетал домой, а они оставались — вместе со своими придуманными чувствами, ревностью, мстостью.

Простились они на пляже. Аскольдыч еще раз поблагодарил, Лида пожелала мягкой посадки, а вот Юляшка едва не расплакалась. Вика же просто молча кивнула, но позже подсторожила его у ресепшена.

— Можно я вам в Москве позвоню? — спросила она.

— Нет, это лишнее, — сухо и твердо ответил он.

Звонками она его действительно не беспокоила, но где-то пару недель спустя он увидел ее в собственном дворе, под деревьями у детской площадки. На улице шел противный осенний дождь, было хо-

лодно. Вика выглядела промокшей и замерзшей — видимо, ждала давно. Сергей из машины выходить не стал, просто открыл дверцу.

Она села, поздоровалась, посмотрела на него затравленно, как побитый щенок.

— Я тебя слушаю, — сказал Сергей.

— Да мне и сказать нечего, — шмыгнула она простуженным носом. — Просто я без вас жить не могу и не знаю, что с этим делать.

Это называется: здравствуйте, я ваша тетя... Что может быть чудовищнее ситуации, когда ты ни в чем не виноват, никому ничего не должен, ничего не обещал, наконец, и все же вынужден искать слова, объясняющие, почему ты не можешь дать того, чего у тебя нет и в принципе быть не может. Будь это взрослая женщина, а у них порой тоже крыша едет, Сергей не стал бы, разумеется, долго искать слова и щадить чужие вздорные чувства, блажь — она и есть блажь... Но это была девочка, подросток, любое неосторожное, равнодушное слово может ее больно ранить, и рубцы этих ран она будет нести в душе долгие годы. Собственно, так и вырастают из светлых, чистых, нежных девочек противные, истеричные, сварливые тетки. Сергей в этом процессе участвовать не хотел — пусть ее жизнь ломает и корежит, он не станет.

— Ты просто придумала меня, — наконец сказал он и погладил по голове, как ребенка. — Я совсем другой — циник, эгоист, к тому же наркоман со стажем.

Вика удивленно посмотрела на него, потом сказала убежденно:

— Я вас вылечу. Сейчас все лечится, было бы желание.

— У меня нет такого желания, — рассмеялся Сергей, поняв, что именно она сейчас подумала. — Я ведь не простой наркоман, морской.

— Мы вместе будем плавать, — улыбнулась она.

— Ну да, только тебя мне там и не хватало, — усмехнулся он. — Наркоман от жизни бежит, от людей — я в этом смысле не исключение.

Вика прильнула к его плечу, глаза ее были полны нежности, обожания, любви; она была готова вот-вот расплакаться.

— Сереженька, миленький мой, родной, единственный, я для тебя сделаю все, что ты...

— Все! Слышишь, все! — Он отстранился, взял ее за плечи, усадил в прежнюю позу. — Ну неужели не понятно, что у нас с тобой в принципе ничего не может быть, я тебе в отцы гожусь! Да возьми ты себя в руки, наконец! Иначе выброшу под дождь, как щенка глупого.

Сергей понимал, что доводы приводит банальные и тупые, но других не было. Впрочем, подействовали и эти: Вика заметно успокоилась, целоваться

больше не лезла, но глаза все еще были влажные, и губки обиженно дрожали.

— Говори адрес, девочка, я тебя домой отвезу, — сказал Сергей.

— Я не хочу домой, — ответила Вика. — И я вам не девочка!

— Хорошо, ты мальчик... Адрес диктуй: времени у меня больше нет, а под дождь я тебя не пущу, заболеешь.

— Сережа, не надо разговаривать со мной, как с ребенком, — попросила Вика. — Я взрослая и почти самостоятельная девушка, мне скоро девятнадцать будет.

— Вот только врать не надо, — поморщился Сергей. — И сопли вытри.

Она достала платок.

— Ну что, мне вам паспорт показать?

— Показывай!

Ну до девятнадцати, конечно, было еще далеко, но восемнадцать ей действительно уже исполнилось, и получалось так, что зачали это несчастное, замерзшее и влюбленное существо примерно в то время, когда он с жизнью прощался на скользком сочинском причале. Ну, может быть, неделей раньше, это уже детали.

— Пойдем, я тебя чаем с малиной напою, — предложил он.

В квартире Сергей заставил ее надеть теплые носки, положить ноги на батарею, налил рюмку коньяка, напоил чаем.

— У тебя парень-то есть? — спросил он. — Ну, никогда не поверю, что на такую красавицу никто внимания не обращает.

— Обращают — не то слово. Косяками ходят, — и тут же не удержалась от шпильки: — Ну, естественно, кроме старых, побитых молью наркоманов — им не до женщин типа, их от другого колбасит.

— Вот такой ты мне нравишься! — рассмеялся Сергей. — А то взбила пену, соплей напускала, как пэтэушница прыщавая... Ты, кстати, где учишься?

— Иняз, романо-германское отделение.

— Ну, тогда понятно: одни девчонки и два ботана на весь курс.

— Сережа, у вас очень странные и неверные представления, мне придется еще раз вас огорчить, — сказала она тем же ерническим тоном. — Я девушка современная и даже, как считают мои дражайшие родители, развратная: у меня не только парень, у меня и мужчины были.

— С ума сойти! И много? — спросил он, все еще полагая, что она просто прикалывается.

— Пока два.

А ведь действительно огорчила, хотя, казалось бы, что ему до ее парней и мужчин? Впрочем, Сергей лишь косил под циника, женщин он идеализировал всег-

да. И вовсе не потому, что плохо в них разбирался и не мог разглядеть суть, — он хотел их идеализировать, ибо это всегда придавало не только дополнительные краски к портрету, но и несколько возвышало то, что, в сущности, своей являлось не более чем нормальным проявлением нормального животного инстинкта. Поиски идеала на пустом месте чреваты всегда: когда милая, симпатичная и, казалось бы, интеллигентная девушка из хорошей семьи начинала вдруг материться или рассказывать грязные и пошлые анекдоты, желание ею обладать исчезало мгновенно — тогда уж действительно лучше глупая пэтэушница или случайная бл...душка из кафе. Вика, разумеется, материться не станет. Рассказывать анекдоты про гинеколога, Вовочку и ширинку Чапаева — тоже. И все же разговаривать с ней теперь можно и нужно иначе.

— Ну, ничего, ты еще наверстаешь. В любом случае, я рад за тебя, поэтому...

— Вы врете, — перебила она. — Вы вовсе не рады, это у вас на лице написано, печатными буквами.

— Ну, тогда, как вполне взрослая и опытная женщина, ты должна прочесть и другое: никаких чувств к тебе у меня не было, нет и быть не может.

— И опять вы врете!.. Я видела, как вы на меня смотрели — ну тогда, на пляже.

Ну естественно, он врет. Мужчина не просто должен врать женщинам, он обязан... А уж если в благих целях — тем более.

— Да? И как же я смотрел?

— Вы меня раздевали. Взглядом. И вам нравилось это делать... — Вот теперь это была действительно не девчонка, а женщина — тонкая, умная, все понимающая. — Что, скажете, нет?!

— Не скажу... Это нормальная вещь для любого нормального мужчины — слава богу, не в Америке живем.

— А что, там этого делать нельзя?

— Нельзя, там за это в тюрьму угодить можно. Впрочем, и здесь надо быть осторожнее: если бы я знал, что ты такая взрослая, опытная и развратная, я бы на тебя так откровенно не смотрел, — подколот он.

— Ну да, а на юную глупенькую девочку типа можно... Забавная логика.

— Юные девочки подобных взглядов не читают. А ты не просто хотела, чтоб тебя раздевали взглядом, ты просила, ты даже сама раздеваться начала.

— Вы правы, я хотела. С вами я почему-то хочу этого всегда... Сереж, неужели я тебе совсем не нравлюсь?

Ну вот, уже и на «ты» перешла. Еще немного, и раздеваться начнет, сама... И устоять будет тяжело, это правда. А устоять надо.

— Вот что, девочка, давай подводите черту, — как можно более строго сказал он. — Ты мне действительно нравишься, отрицать это глупо. Но ни в мужья, ни в любовники я тебе не гожусь, поэтому давай договоримся так...

Договорить он не успел, отвлек телефонный звонок, деловой — долгий и нудный. Вика все это время сидела неподвижно, даже про чай свой забыла.

— Ну, так на чем мы остановились? — спросил Сергей, повесив трубку.

— На том, что вы говорили неправду. И я даже догадываюсь, почему вы ее говорили... Точнее, я знаю почему.

— Послушайте, барышня, выражайтесь проще, не люблю я этих загадок на пустом месте... Что ты знаешь?

Она некоторое время молчала.

— Мама сказала, что в юности вы были знакомы, это правда?

— Ну, если мама сказала, значит, правда, — согласился он.

— И вы действительно были в нее влюблены?

Ох, как же не хотелось ему влезать в эту тему! Впрочем, и врать не хотелось, не видел в этом нужды.

— Это твоя мама была в меня влюблена, а я ее любил — сильно, по-настоящему... И уже хотя бы по этой причине мы с тобой больше никогда видеться не должны. Надеюсь, теперь все понятно?

— Мне давно понятно, — ответила она. — Мама категорически против, у вас принципы, а что делать мне?.. Я ведь почему там, в Египте, так глупо над вами подшучивала, дерзила, говорила всякие обидные слова — я сама на себя злилась, потому что ведь не бывает так, не должно быть: первый раз видишь человека — и он сразу же кажется тебе близким, родным, единственным.

От этого взволнованного, искреннего, срывающегося голоса вдруг сладко и томительно засосало под ложечкой... Что мама против, это понятно — перспектива стать тещей своего первого возлюбленного не устроит любую женщину. Что же касается его личного табу, то оно практически снято: если бы знал, что она совершеннолетняя, то вел бы себя по-другому; во всяком случае, дразнить и провоцировать себя не дал. Не ответить на чувства взрослой женщины, которая тебе нравится (тут одинаково важны оба слова: и то, что взрослая, и то, что нравится), просто глупо. Ну, было бы в ее жизни мужчин не двое, а трое — что бы это принципиально изменило? К тому же это его типаж, он от таких больше всего и балдеет. Что же касается мамы, то ее дело десятое — девочка выросла, у нее своя жизнь и свое право на ошибки.

А вот с принципами сложнее. Когда его бывшие подруги начинали употреблять слова типа «люби-

мый», «родной», «единственный», Сергея тут же стопорило, ибо он понимал, что идет обычная женская разводка. Каждый мужчина хочет услышать эти слова, и женщины, прекрасно это понимая и нутом чувствуя подходящий момент, охотно идут им навстречу, но вот только любовь здесь совершенно ни при чем! В случае же с Викой все было принципиально иначе. Была бы разводка, он бы охотно ей подыграл и взял бы ее легко, в этот же вечер. Но она пришла и сказала: я твоя, я ничего от тебя не прошу, делай со мной что хочешь, я на все согласна. И вот тут начинаются принципы. Потому что любовь и слова о любви — это разное. И когда тебя называют родным и единственным до, а не после, ты уже не потащишь девчонку в койку, не задумываясь о последствиях.

А может, действительно взять и жениться на этой чудесной девчонке? Ну где он еще такую найдет? И кто еще так самоотверженно полюбит и бросит к его ногам свою молодость, красоту, судьбу, наконец? Да и сколько можно кобелиться?.. И тут вспомнилось, что все это уже было. И любовь, и иллюзии, и глупые надежды. Причем было уже дважды... Впрочем, здесь и любви-то нет; по крайней мере, с его стороны. А может, и хорошо, что нет? Во всяком случае, старыми граблями по башке не стукнет.

Вика исчезла на неделю, потом вдруг позвонила.

— Извини, что я нарушила уговор, но я просто должна тебя предупредить: мама наверняка будет меня искать, ты должен быть к этому готов.

— Да что случилось-то? — спросил он, теряясь в догадках.

— Ничего особенного. Я сказала маме, что люблю тебя, она на меня наорала, обозвала грязными словами, после этого я ушла из дома.

— У тебя есть где жить? — после паузы спросил он.

— Пока у девочек в общежитии, но мне обещали помочь снять комнату.

Сергей за ней заехал, отвез на пустующую квартиру, где должны были делать ремонт и даже часть мебели вывезли; хотел дать денег, но она отказалась.

— Спасибо, у меня есть. Я ведь еще со школы подрабатываю: и переводы, и репетиторство — мне вполне хватает.

Держалась она с достоинством, выглядела спокойной и уверенной, о чувствах своих больше не говорила и даже задержаться его не попросила.

Ее прогноз оказался верен, Лида позвонила на следующий день.

— Вика у тебя? — спросила сухо.

— И да и нет, — ответил Сергей.

— Формулируй, пожалуйста, точнее.

— Она сейчас живет в моей квартире, но я живу в другой.

— Надеюсь, у вас ничего с ней не было?

— Пока нет.

— Сережа, я тебя прошу, я тебя умоляю: не делай этого! Ты ломаешь жизнь не только ей, но и мне, и даже себе. Дай мне слово, что ты...

— Не дам я тебе никакого слова! — перебил он. — Я поступлю так, как сочту нужным. И прекрати над дочерью издеваться, она ни в чем перед тобой не виновата!

Из трубки доносились всхлипывания, потом связь прервалась.

Через день Сергей позвонил Вике узнать, как дела и не нужно ли чего.

— Все хорошо, спасибо, вот только...

— Что только? — насторожился он.

— Да пустяки: у мамочки моей, кажется, совсем крыша поехала — за мной постоянно следят: везде, даже в метро... Видимо, наняла филеров — я уже чувствую себя Матой Хари, не меньше!

Сергей постоянно ловил себя на мысли, что его тянет к этой девочке, как не тянуло уже давно и ни к кому. Причем тяга эта была совершенно лишена сексуального подтекста, ему просто хотелось быть рядом с ней. Чувство было новое, незнакомое, несколько странное... Но тут навалились неотложные дела, они и отвлекли от этих приятных, но нездоровых мыслей.

По институтской специальности Сергей давно не работал. У него был свой небольшой бизнес — ремонтно-строительная фирма на двадцать человек. Но это был лишь довесок к главному — игре на рынке недвижимости. Начинать он с того, что покупал новостройку на нулевом цикле. Через год-полтора уже готовую коробку приводил в божеский вид по евростандарту, продавал, потом снова вкладывался на нулевку, но уже на две квартиры. Со временем квартир в обороте становилось все больше, он стал брать и убитый неликвид на вторичке, потом прибавилось Подмосковье, Питер, а сейчас он впервые выходил на черноморское побережье. Пока лишь Сочи, но планы были обширные, поскольку рынок здесь находился в зачаточном состоянии, цены прыгали в зависимости от сезона, что давало возможность дополнительного маневра. И сейчас как раз пришел тот момент, когда пора брать: с потенциальными продавцами он начал работать еще летом, опустить их удалось достаточно сильно, так что для сделки созрели уже обе стороны — оставалось лишь выбрать два варианта из трех.

Вика, казалось, про него забыла. Звонить ей не было повода, а если позвонить просто так, то он опасался, что это может быть истолковано превратно: типа, я все обдумал и решил снизить — как к чувствам твоим, так и к телу. Дичь, конечно, пол-

ная: она бы так никогда не подумала, но Сергей в последнее время стал как-то особенно щепетил в подобных вопросах, он неосознанно оберегал свои чувства к этой девочке — вполне светлые и чистые, к тому же нарастающие с каждым днем.

Она все же позвонила, но в самый неудачный момент — он уже ехал в аэропорт. Спросила, куда летит, он ответил. Сергею вдруг мучительно захотелось, чтобы она сказала: «Возьми меня с собой», но она этого не сказала. Поговорили о том о сем, наконец он не выдержал:

— А ты не хотела бы поехать со мной?

— Глупый вопрос, ты ответ знаешь.

— Там сейчас холодно и сыро, — предупредил он. — К тому же я еду по делам, тебе будет скучно.

— Сережа, не надо меня мучить, — сказала она. — И дразнить не надо.

Он почувствовал себя полным идиотом и козлом: гордая девочка уже переступила через себя и все главные слова сказала — страдать она готова, но унижаться — никогда.

— Собирайся, через десять минут я за тобой заеду!

Пришлось сделать крюк, и они едва не опоздали, успев купить второй билет, когда регистрация уже заканчивалась. В салоне Вика спала у него на плече: всю ночь она переводила научную статью и выглядела усталой. Дремала она и в такси, уже по дороге из Адлера. У Сергея был заказан номер в «Рэдиссон-Лазурной» — не хотелось торчать в пробках Курортного проспекта, да и объекты его находились ближе к этому месту, — но уже в дороге решил переиграть на «Москву». Он понимал, что уж если Лида настолько увлеклась шпионскими играми, то непременно их вычислит и наверняка сама скоро примчится — вот и пусть постоит у той же арки, у которой он сам стоял почти двадцать лет назад, пусть пострадает, как он тогда страдал. К тому же в этом отеле и примерно в это же время года она зачала свою дочь, здесь же она ее и потеряет, отдав тому, кого так безжалостно бортанула, едва не отправив на тот свет, — ему казалось, что это правильно и справедливо, хотя месть, конечно же, чувство мелкое и осадок от нее на душе нехороший.

«Вам твин или дабл?» — уточнил портье, окинув их взглядом и не сумев определить, кем приходится друг другу этот взрослый мужчина и юная девушка.

Женщин у Сергея было много, палитра испытанных чувств весьма широка, но никогда и ни с кем главным и едва ли не единственным чувством не была нежность. Это было странно. Это было ни на что не похоже. И это было прекрасно, потому что он вдруг ощутил себя совершенно другим человеком — лучше, чище, искреннее, чем он привык о себе думать.

Вечером, как и ожидалось, нагрянула Лидия Николаевна. По обстановке в номере и, главное, лицу дочери она все поняла.

— Эх, ребятки, что же вы наделали?! — сказала она вместо приветствия.

Голос ее был тихим, взгляд опустошенным. Она увидела то, что и предполагала увидеть. И примчалась сюда явно не для того, чтобы помешать, поскольку ясно было, что помешать не успеет. Но тогда зачем? Повисла тягостная и довольно долгая пауза. Сергей позвонил в ресторан, заказал ужин.

— Вика, я неоднократно просила тебя, предупредила, ты меня не послушалась. — Лида начала, наконец, свою заранее заготовленную речь. — И Сергея я просила, даже умоляла...

— Мам, зачем ты приехала? — перебила дочь. — И все эти пустые и нудные разговоры зачем?

— Может, ты все же дашь мне договорить?

— Да знаю я все, что ты скажешь! Наизусть выучила. Мам, ну сколько можно, в самом деле? Хочешь ты того или нет, но смириться тебе придется.

— Нет, дочь, с *этим* смириться невозможно! — У Лиды уже начиналась истерика.

— Мамочка, не надо все усложнять. — Дочь пыталась ее поцеловать, обнять, но та отстранилась. — Я люблю его, он любит меня, а все остальное уже не важно. Все будет хорошо, мама, вот увидишь!

— Ничего у вас не будет! — горько сказала мать. — Ни-че-го!

— Тебя так смущает разница в возрасте? Но ведь у вас с папой тоже...

— Да при чем здесь возраст? — резко перебила Лида. — Это отец твой, дура!

— Что?.. Кто?.. Кто отец? — опешила Вика.

— Дед Пихто... Боже, ну какие же вы оба тупые! Это фамильное у вас, вне всяких сомнений.

В номер принесли чай и бутерброды. На несколько секунд повисла пауза. У Сергея все внутри похолодело и сжалось в один сплошной комок. То, что сказала Лида, было чудовищно: невозможно ни поверить, ни осмыслить, ни принять. Вика свою маму знала лучше (как и то, на что она способна), поэтому не поверила сразу.

— Ты хоть сама понимаешь, что говоришь?! Все доводы исчерпаны, приходится искать уж совсем экзотические?

— Я тебе сказала правду. Мне до последнего не хотелось этого делать, но вы меня вынудили.

— Ну да, — усмехнулась Вика, все еще отказываясь верить в этот бред. — А кто мне раз сто рассказывал, что замуж выходила девственницей? И папа с гордостью ставил мне, развратной и непутевой, тебя в пример — что, скажешь, этого не было?

— Почему же, было, — устало согласилась мама. — Я не обманывала ни тебя, ни папу... Но так уж вышло. Можешь считать, что ты результат непорочного зачатия.

Это становилось уже смешно, но смеяться почему-то не хотелось, да и лицо у Лидии Николаевны было исполнено внутреннего трагизма.

— В детском садике дура-воспитательница нам говорила, что дети рождаются от поцелуев и жарких объятий — ты сейчас очень на нее похожа... Сережа, но почему ты молчишь? Или вы оба не все мне сказали?

Сергей лишь развел руками: мол, что тут скажешь?! Нелепость и абсурдность ситуации была очевидна. И очень уж все шито белыми нитками... Нет, Лида, если бы это было действительно так и если бы ты хотела сохранить тайну, ты никогда бы не окликнула меня в курилке, не потащила бы в мой отель и уж точно сбежала бы оттуда со всем семейством при малейшей опасности и под любым предлогом. Принято считать, что любая женщина, даже самая последняя шлюха, прекрасно знает, от кого у нее ребенок. Возможно, но вот говорить она при этом может все что угодно, и настолько убедительно, что сама начинает в это верить. У одной его знакомой было трое детей, все от разных мужчин, при этом муж был уверен, что все трое его.

— Ты мне скажи одно, — продолжала допытываться Вика. — Хотя бы теоретическая вероятность того, о чем говорит мама, есть?

— Ну разве что чисто теоретическая, — пожал плечами Сергей. — У тебя какая группа крови?

— Первая, а что?

— А у мамы?

— У нее кровь голубая, редкая, — съязвила дочь. — Четвертая, резус отрицательный.

Напряжение тут же спало. Внутренне Сергей уже был готов поверить в то, что эта светлая, нежная, чудная девочка его дочь. Причем поверить с радостью и вопреки тому, что уже произошло между ними. Инцест, тем более неосознанный и невольный, — не пугало и не проклятье. Он начался с детей Адама и Евы и не прерывался никогда, поэтому все мы на этой земле кровные родственники. Грех — это когда знаешь и преступаешь, когда не знаешь — не грех.

— Ты почему улыбаешься? — спросила Вика. — Сережа, я уже ничего не понимаю... Что?

— Ты в принципе не можешь быть моей дочерью, — пояснил он. — У меня вторая.

Вике потребовалась минута, чтобы сопоставить и переварить информацию.

— Мама, зачем ты устроила этот пошлый спектакль? — наконец сказала она.

— Что?.. — Лидия Николаевна пребывала в прострации и, казалось, почти не слышала того, о чем они говорили. — Вы оба мне не верите? Хорошо, тогда мы проведем генетическую экспертизу. Не здесь, естественно, в Москве... А сейчас мы должны ехать. Ты не можешь здесь оставаться, дочь.

— Нет, мама, ты уж договаривай до конца, слишком много вопросов... Ты свою жизнь построила на обмане, я же свою не хочу.

— Да не было никакого обмана, — устало и тихо сказала она. — Я не знала, что беременна, когда замуж выходила. И Арнольда Аскольдовича я не обманывала, он действительно мой первый мужчина. И ребенок, я была уверена, от него... Но потом мне сказали срок, потом он подтвердился, и родилась ты вполне доношенной, а не восьмимесячной, как мне потом записали в карте. За взятку, естественно. У меня выхода другого не было. Потому что я ничего не могла объяснить — ни тогда, ни сейчас... Это расплата за мою девичью глупость. Я не знаю, как это могло произойти, но это произошло. И теперь нам всем надо решить, как жить дальше.

— Я не верю тебе! — твердо сказала Вика.

— Дочь, не требуй от меня невозможного. Ты же знаешь, я в медицине профан. Я не поняла, что вы тут говорили о крови, я вообще мало что сейчас способна понять... Но одно я знаю точно: Сергей твой отец!

Лида говорила с такой убежденностью, такой верой в собственные слова и с такой болью в голосе, что вопреки очевидному и бесспорному снова начали сомневаться оба — и Вика, и Сергей. К тому же Вика наверняка разбиралась в медицине не лучше мамы. И все же чтобы ее сломать, потребовался еще один удар, который Лидия Николаевна и нанесла.

— Дочь, есть вещи, которые при мужчинах говорить неудобно... ну, некоторые физиологические подробности, скажем. Обещаю: я тебе расскажу абсолютно все!.. И потом мы все вместе примем решение. Одевайся!

Ох, как же потом корил себя Сергей, что позволил Лиде реализовать собственный сценарий! Нелзя было этого допустить. Никогда и ни при каких условиях... Надо было выпроводить маму за дверь или самим уехать, но наедине их оставлять было нельзя!

После их ухода он пытался представить себе, что именно сейчас рассказывает Лида, и внутренне содрогнулся. Томление юношеской плоти лишь в книжках выглядит красиво. В реальности же это липкие пятна на теле, мокрые простыни и притворно испускаемое «ой!», хотя там до «ой» — как от Магадана до Парижа. Возможно, у других это иначе, но у него было именно так. «Нет ничего хуже первой женщины и второй рюмки», — говорил один из его

©Дуряева Анна 2012г.

приятелей. Увы, есть: когда твоя первая женщина девушка, а ты сам робок и неумел, как последний лох.

В эту ночь Сергей так и не уснул. Сначала ждал звонка от Вики, потом вообще ждал неизвестно чего, а потом уже нервы были на таком пределе, что и ложиться было глупо, все равно не заснешь. За что же судьба сделала мне эту подлянку, думал он. У каждого третьего мужика есть на стороне дети, о которых они и не подозревают, но ведь не каждому упорно и настойчиво подкладывают в постель собственную дочь. Стоп! Опять он поверил в эти бредни... Ну не бывает так, в принципе не бывает!

И тут вдруг из памяти выплыло еще нечто неприятное и даже пошлое, о чем он и думать забыл. Где-то за пару недель до разрыва Лида призналась ему, что на чьем-то дне рождения, охмелев от шампанского, целовалась с каким-то парнем. Так, может быть, не только целовалась?.. Чужая душа потемки, а женская так вообще глухая воробьиная ночь. Эх, зря он не спросил, какая группа крови у папы, возможно, и Арнольдич здесь совершенно ни при чем.

Когда под утро в дверь его номера тихо постучали, он уже и не надеялся, и не ждал... Правильно не надеялся, это оказалась Лида.

— У тебя ее тоже нет? — спросила она и, не дождавшись ответа, осмотрела не только номер, но и ванную. — Господи, ну куда она могла деться? — потом села прямо в верхней одежде на кровать, попросила коньяка и сигарету. — Сбежала она от меня, уже на вокзале... Я на секунду отвернулась — ее нет. Бросилась искать — как в воду канула.

«Не накаркай, дура», — подумал Сергей, уже предчувствуя неладное.

— Тебе она не звонила? Совсем?.. Мне тоже. И в Москву не звонила... Сначала были длинные гудки, теперь говорят, что абонент недоступен, — она его отключила, что ли?.. Ну, чего ты молчишь?

Он сказал бы ей, чего... Все бы сказал! И еще обязательно скажет, если все обойдется... Вот только бы обошлось. Сейчас Сергей уже был согласен на любую роль — отца, любовника, мужа; согласился бы и вообще из ее жизни уйти навсегда, только бы с ней ничего не случилось... Но он уже чувствовал, сердцем чувствовал, случилось.

Лида продолжала сидеть в полной прострации: коньяк она так и не выпила и сигарету не докурила — пепел падал на ее пальто и на прикроватный коврик.

— Разденься и заставь себя поспать, — предложил Сергей. — Если что-то узнаю, позвоню.

Утро было солнечным, море спокойным, на знаменитом причале сидели с удочками рыбаки. Сергей поймал себя на мысли, что, быть может, он чрезмерно драматизирует ситуацию: это он тогда был

слабый и, как институтка, топиться побежал; Вика же натура цельная, сильная. Ему нечего было терять, ей — есть!

«Девочка моя, солнышко, откликнись, прошу тебя!»

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия».

Позвонила хозяйка квартиры в Кудепсте, она была согласна. Поздно, мадам, слишком поздно: когда исчезает смысл, исчезает и цель. Сергей подумал, что Вика сейчас, может быть, вот так же бесцельно бродит по городу и думает примерно о том же, потому что для того, чтобы осознать происшедшее, нужна только одна вещь — время. Все проходит, что-то забывается, что-то вытесняется, что-то наполняется новым смыслом. Ты не спеши, моя девочка, не спеши, все образуется, утрясется, не спеши... Если ты жива еще, конечно.

Когда он вернулся к себе в номер, Лиды уже не было. На столе лежала записка с одним лишь словом: «Глухо!»

Время остановилось. Как и чем были наполнены эти два дня, Сергей помнил смутно. Приходили и уходили следователи, он, не читая, на чем-то расписывался, снова объявилась Лида, но на сей раз уже с мужем, потом они втроем ходили в городской морг и в больницу, а время все тянулось и тянулось, и ни начала ему не было, ни конца.

Тело обнаружили на третий день, почему-то в районе Мамайки. Их повезли на опознание, но Лида вырубилась еще в машине: просто впала в ступор и ни идти не могла, ни слова сказать.

Утопленницу он не узнал. Точнее, он узнал куртку, шарфик, сапожки, но лицо... Господи, во что же она превратилась!.. И он тут же возненавидел и это коварное море, и лживое солнце, и фальшивые в своей ласке волны. По факту все было верно: ему обещали, что заберут его жизнь, ее и забрали. Во всяком случае, все лучшее, что в этой жизни было. Аскольдич рыдал навзрыд, Сергей рыдал молча. Каждый оплакивал свое, и каждый имел на это право.

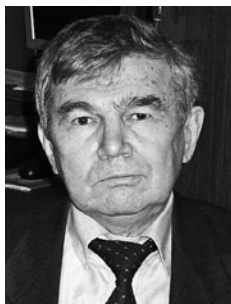
Вернувшись в Москву, Сергей обнаружил в почтовом ящике письмо. Там была лишь одна фотография, на обороте которой красивым, почти детским почерком было написано: «Я все равно буду любить тебя вечно, ты так и знай!»

И вот тут уже он зарыдал в голос — да нет, не зарыдал, завыл... как волк, с которого живьем снимают шкуру.

С фотокарточки улыбалась Вика. И теперь она уже будет улыбаться ему вечно, как и обещала. Это единственное, что осталось у него от прежней жизни. Точнее, шкуры — которую только что сняли и унесли.

Борис РЯБУХИН

Борис Рябухин — поэт, драматург, прозаик, критик. Родился в 1941 году в с. Зимник Фрунзенского района Волгоградской области. Стихи начал писать с ранних лет. В 1959-м опубликовал первое свое литературное произведение — басню в газете «Волга». Активно публиковал стихи и корреспонденции в местной печати.

В 1966 году переехал в Москву, но не прерывал творческую связь с Астраханью. В Москве работал сначала по специальности в институте «Гипрохолод», ЦПКБ «Главтехмонтаж», ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений.

В 1969 году перешел на работу в профессиональную журналистику, работал старшим редактором и ответственным секретарем — членом редколлегии журнала Минмонтажспецстроя СССР «Монтажные и специальные работы в строительстве» (в Стройиздате), научным редактором книжной редакции издательства «Молодая гвардия», разъездным корреспондентом журнала «Смена», литературным консультантом «Москвы», старшим редактором и редактором отдела — членом редколлегии журнала «Молодая гвардия», возглавлял Библиотечку журнала «Молодая гвардия», работал обозревателем отдела русской литературы «Литературной газеты», менеджером и заведующим отделом газеты ИТАР-ТАСС «Двадцать четыре», заведующим отделом и ответственным секретарем — членом редколлегии журнала «Юность», заместителем заведующего книжной редакцией — членом дирекции издательства «Современник», заместителем главного редактора журнала «Мир транспорта», начальником отдела информационно-методических изданий в Московском доме общественных организаций Правительства Москвы, заведующим редакцией издательства «Художественная литература».

В 1979 году окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии по специальности «литературный работник кино и телевидения (кинодраматург)». В 1986-м Борис Рябухин принят в Союз писателей. Он автор шестнадцати книг поэзии, прозы и драматургии.

Его стихи публиковались в газетах «Литературная Россия», «Советская Россия», в «Литературной газете», в журналах «Молодая гвардия», «Сельская молодежь», «Уральский следопыт», «Смена», «Дон», «Юность», «Морской пехотинец», «Жизнь национальностей», «Пограничник», «Поэзия», альманахах «Алтай», «Истоки», «День поэзии», в антологиях, печатались в зарубежной периодике.

Живет в Москве.

ВСЕЛЕНСКАЯ ДЫРА

Мы поедем к станции «Римской»,
Где основан Четвертый Рим.
Время Молоха — время риска.
Только дух наш необорим.

Приходили варяги-немцы
Насаждать чужебесья гнусь,
Но по промыслу стратотерпцев
Все, как в омут, впадали в Русь.

Быть вселенской дырой не тяжко.
Принимаем каждый карат:
Самый русский цветок — ромашка,
Самый русский поэт — арап.

Сколько раз пожары насилья
По дубовым прошли векам!
Сколько раз глотали Россию
Целиком или по кускам!

Смыла варваров беспощадно
Эта прорва пространств и лет.
Память целого возвращала
В берега святой континент.

Мы поедем к станции «Римской»,
Дверь вселенскую отворим.
На престоле души российской
Вознесется Четвертый Рим.

Трясогузка

Бежит пичуга предо мной —
Уводит от гнезда,
Готова жертвовать собой,
Храня птенцов всегда.

К асфальту грудкой припадет —
Притворно умирать.
Но чуть приблизишься — вспорхнет
И вдаль бежит опять.

Артистка-плиска все равно
Не трогает народ,
И что природой ей дано,
Навечно в ней живет.

И сам народ перед стопой
Прогресса так бежит,
И отвечает головой
За норы свой и быт.

* * *

Быть бы, как солнце,
Гореть бы и греть,
Так расслабиться,
Что больно смотреть!

Быть бы, как море,
Бурлить и штормить,
Так расходиться,
Чтоб скалы сломить!

Быть бы, как сопки,
Стоять и молчать,
Чтоб камнепадами
Прогрохотать!

Быть бы грозою
Шальной, проливной!
Быть бы росой
Лесной, ледяной!

Но человек я,
И должен быть всем:
Бурей на море
И солнцем в росе.

* * *

*Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..*

Н. А. Некрасов

Вот и посветлели
за тучей дали.
Все же вязнет в песне
натужный стон.
Видно, плечи небо
носить устали?
Грянем удалую —
возьмем разгон!

Выше подбородок,
моложе взоры!
Перекину лямку —
всем тяжело.
И опять — ургучу,
пашу просторы.
Сейте жизнь и радость —
пока светло!

Следом — моя юность
плугарем в поле.
Буду семижильно
судьбу тянуть.
Вечным стоном песни
весь мир наполнен,
чтобы урожайным
был Млечный Путь.

* * *

Вот осенние думы задули.
Загадай пожелание, чтоб
Миновали дождливые пули,
Миновала бы снежная дробь.

Что для леса — судьба одной ели?
Упадет — чтоб другим не мешать...
Но осенние думы заели.
Но холодные листья шуршат.

Было

Что это было? Было! Было,
На Волге, на полу, на дне:
Баркас волнение знобило
И распласталась ты на мне.

Мне щеки мяла, жадно горбясь,
Пыталась губы уловить,
Но мне мешали страх и гордость
Освоить поцелуй любви.

А кто-то в дверь кричал-ломился
И выгонял нас на причал?..
Как знал, что наш союз разбился,
Когда рождаться начинал.

* * *

Ко мне приходит женщина,
Родная — до морщинок.
Она другим завещана,
Но я — ее мужчина.

Как облако, высокая,
Душистая, как май.
Я с ней взлетаю соколом
В нездешний вешний край.

* * *

Знаешь, что такое — небеса?
Нет беса.
Только волн воздушных бирюза —
Без веса.

Что туг и летает — все слетит
Когда-то.
Молния сметает все следы
С раскатом.

Лишь Всевышний здесь — на высоте
Нам нужен.
Небеса содржим в чистоте,
Как душу.

Так и надо

Как удастся, так и надо,
Идти, пространство теребя.
Туч поседевших анфилада
Идет неспешно сквозь тебя.

Все звуки уличные мелки,
А выдох сумерек могуч.
Лучей серебряные стрелки
Шаг отмеряют из-за туч.

И эта сцена на пленэре —
Движенья ног, дождя, машин —
Запечатлеет на примере
Тебе земную жизнь вершин.

Аз воздам

Жизнь идет, и я иду.
Вместе — веселее.
Встречу радость иль беду —
Все преодолею.

Взять бы, что судьба дает.
Больше — и не надо.
Хорошо, еще поет
Мне душа-отрада.

Ну а цели? Как у всех.
А мечты? Пустое!
Поважнее — не успех,
А не быть в простое.

А не быть, не стыть, не выть,
Словно в поле ветер, —
Всем воздать, всех победить,
Всех простить на свете.

Продолжение.

Начало в № 4, 7–8, 10 за 2010 г., в № 1, 4, 6, 10 за 2011 г.

ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК

10 декабря 1998 г., четверг

И снилось китайцу Лаоцзы, что он бабочка, которой снится, что она Лаоцзы...

Вот и мне приснилось, что я вернулся в Москву, к вам, мои «домашние». Говорю: вот, мол, приехал, как обещал, ровно через два месяца. А проснулся и понял, что как раз сегодня истек этот срок, но до возвращения еще ой как далеко.

Сколько продлится духовное путешествие — это невозможно ни запланировать, ни предсказать. Особенно если отправляешься на Восток...

Пробудились же мы этим утром в Кушинагаре. Здесь два с половиной тысячелетия назад Будда ушел из мира. Попросту говоря — вошел в нирвану, обретя счастье гораздо более полное, чем пребывание в том или этом мире. Еще точнее — не в нирвану, а в махапаринирвану, то есть нирвану великую и окончательную.

В отличие от Бодхгаи — места просветления Будды — здесь весьма пустынно. Паломнических центров совсем немного. Нас приютили монахи из Бирмы. Мы пришли сюда вчера затемно. Прежде чем лечь спать, зашли в храм-«саркофаг», возведенный над огромной статуей лежащего Будды. Нас, участников Широкого марша мира по Евразии, оказалось достаточно, чтобы рассестись вдоль нее и после небольшой церемонии усыпать лепестками все великое тело Просветленного. Правда, табличка от имени главного археолога запрещает делать подношения древней статуе. Предупреждение воткнуто у ног Будды, тогда как возле головы стоит ящик с надписью «Для подношений». В этом есть своя логика. Наверное...

Статуя укрыта оранжевой тканью — подобием монашеской одежды Просветленного. Будда лежит на правом боку, подложив под щеку ладонь правой руки, а левую руку вытянув вдоль тела. Поза спокойного сна после до конца исполненной миссии. Сна, который на самом деле пробуждение.

11 декабря 1998 года, пятница

В Кушинагаре мы решили отдохнуть пару дней. Ведь две недели мы непрерывно шли. Иногда наш путь пролегал по чудесной глуши. Но часто — по автостраде, и тогда мы считали расстояние, лихорадочно дожидаясь следующего километрового столба и быстро уставая от того, что нас постоянно обгоняли машины.

Порой мы грызли стебли тростника, высасывая сладкий сок — основу сахара. Сначала его выжимают из жестких стеблей специальными механизмами, затем вываривают до состояния коричневой патоки. Когда патока застывает, ее продают большими бесформенными кусками. Это и есть нерафинированный сахар. Много есть — не рекомендуется. Сладко очень — до приторности.

В одном месте рядом с нашим привалом неожиданно появилась целая стая обезьян. Тэрасава-сэнсэй сказал, чтобы мы не смотрели им в глаза. Обезьяна воспринимает это как вызов и нападает без предупреждения. Так вот почему я с детства не люблю встречаться взглядом ни с кем...

Кроме вас, мои любимые.

В бирманском центре мы единственные гости. На одну ночь остановились непальцы. Отсюда уже близко до границы с Непалом. Паломников приехал целый автобус. Они направляются из Катманду вглубь Индии. Поразило то, какие дружные эти непальцы — прямо-таки одна семья. На весело раскрашенном автобусе без лишней скромности выведено: «супер де люкс». А внутри — все, что нужно для кочевой жизни: большие кастрюли, запас овощей, топливо для костра, кирпичи для очага. Они тоже прибыли вечером, но, в отличие от нас, не стали дожидаться утра, когда по тхеравадинским канонам только и положено принимать пищу. Непальцы прямо во дворе бирманского центра сложили очаг, развели огонь и быстро приготовили ужин, который, сев в кружок, тут же съели из широких сталь-

Будда, уходящий в нирвану внутри саркофага

ных тарелок с высокими бортами, подходящими для любой еды.

Кстати, в России посуду из нержавейки надо искать, а здесь из нее — все: тарелки, стаканы, ведра.

К нам они отнеслись с большим почтением. Разумеется, пригласили присоединиться к ужину, но мы ограничились только чаем, чтобы не нарушать традиции бирманского монастыря.

Слаженность этой группы всем нам понравилась. Белую зависть вызвали их большие кастрюли «на всех». Ведь мы не запаслись ни одной, чтобы не тащить на себе лишний груз, а, кажется, зря. Если в штате Бихар это было оправданно, поскольку в каждой деревне нас встречали гостеприимные местные жители, то здесь, в Утгар-Прадеше, мы столкнулись с иным отношением. Все чаще приходится самим заботиться о пропитании. Индусы почти перестали нас кормить, но все же в селах еще продолжают предоставлять кастрюлю или ведро, приносят сухие дрова и кирпичи для очага. Впрочем, кто знает: чем дальше от мест, связанных с Буддой, тем больше вероятность, что мы останемся и без этих подношений.

Но не стоит сетовать. Все это — хороший урок. В Бихаре мы слишком расслабились. Теперь же мы учимся сами варить себе суп и кичири (рис вперемешку с овощами). Повара из нас получают не очень, Сэнсэю все время приходится нами руководить, а слаженности, в отличие от непальцев, у нас нет.

За все это время мы не привыкли хотя бы вставать раньше учителя. А ведь, поскольку язык хинди из всех нас знает только он, ему самому приходится обо всем договариваться с индусами — о пище, о ночлеге. В Бихаре это было не так заметно, поскольку местные жители стремились предупредить все наши пожелания. Здесь же все какие-то более «цивилизованные» и вместе с тем заторможенные.

Наверное, пересмотрели телевизор... Никто и не думает прикоснуться кончиками пальцев к стопам гуру-джи (учителя). Тщетными остаются даже призывы Сэнсэя сделать пранам-кара (земной поклон) алтарю.

В конце концов Тэрасава-сэнсэй начал уставать и от них, и от нас.

Как-то полушутливым тоном он заметил, что по индийской традиции ученик должен просыпаться раньше учителя, перед рассветом, чтобы успеть сходить на рисовое поле в туалет, затем омыть свое тело и встретить учителя свежим и бодрым, помочь ему умыться, подать завтрак. У нас же все наоборот. Сэнсэй встает раньше всех, потом долго будит нас, а когда мы наконец просыпаемся, для учителя начинается пытка — донести до каждого из нас, что нужно сделать, чтобы вода была набрана, овощи почищены, костер разведен и завтрак наконец-таки приготовлен. И не через три часа, а до того времени, как начинается жара, превращающая пешее шествие в еще одну пытку.

В каком-то селе нам очень долго не несли сухие дрова. Пришлось топить соломой. Тепла она не давала. Горе-костровые, мы никак не могли догадаться, что пепел от соломы надо выгребать из очага. Пепел перекрывал доступ кислорода к огню. Приходилось постоянно искусственно раздувать пламя и вместе с тем подбрасывать еще и еще соломы, что в итоге требовало еще больше усилий для того, чтобы раздуть пламя. Кроме двух-трех активных поваров, большинство из нас бестолково толпились вокруг костра, как бы участвуя в приготовлении пищи, а на самом деле мешая своими бесполезными советами. Учитель, наблюдая этот маргышкин труд, в конце концов вышел из себя, накричал на нас и отказался от получившейся стряпни, объявив нам бойкот.

Утром он тоже не ел и даже не пил чай, ушел куда-то в сторону от всех, сидел под деревом в одиночестве, пока мы завтракали. Наконец куски встали у нас в горле, и до нас дошло, что надо бы всем вместе подойти к учителю. Это была смешная и одновременно трогательная процессия, возглавляемая старшим учеником — Сергеем — с чашкой чая в руках.

Мы обрадовались, когда Сэнсэй наконец прервал свое многочасовое молчание, и были готовы к его строгим наставлениям, лишь бы только он продолжал с нами общаться. Он сказал, что мы превратились в лицемеров, что учитель у нас на последнем месте, мы не волнуемся о его самочувствии и душевном состоянии. В индийской культуре, сказал Тэрасава-сэнсэй, веками воспитывалось совершенно другое отношение к учителю, когда его безусловно слушаются во всем, но не слепо, безропотно повинуются, как в армии, а именно доверяют из безгранич-

Кушинагар. Ступа и храм-саркофаг над лежащим Буддой

ного почтения. «Вы ничего не поняли из того, что я сказал», — заключил Сэнсэй.

В тот день мы снова (как и в Вайшали) шли три часа без перерыва. Изможденные, остановились в небольшом городке возле колонки, под которой и искупались, и постирались. За три часа на солнце все высыхает мгновенно. Один из нас отправился на базар за едой, но долго не возвращался. Как выяснилось, он заказал омлеты и прождал их целый час. Это вызвало новую бурю негодования у учителя: «Ты накупил всякой всячины, да еще эти омлеты — ты забыл, что мы во время марша едим только вегетарианскую пищу! Теперь индусы станут думать про нас, что мы не настоящие монахи, а переодетые туристы, у которых много денег и которым незачем делать подношение простой деревенской едой!» В общем, омлеты мы съели, но с тяжелым сердцем.

Все эти наставления были нужны, чтобы подготовить нас к Кушинагару — месту самого главного события в жизни Будды — входа в нирвану. Для меня как аспиранта Института востоковедения это вдвойне важное место. Я пишу диссертацию на тему самой последней проповеди Будды, которая называется «Махапаринирвана-сутра». Она была произнесена им именно здесь, в позе полулежачего, перед самым уходом из жизни. Но что все мои научные познания по сравнению с таким простым и вместе с тем глубоким учением, которое дал нам Сэнсэй!

В Кушинагаре мы побывали у самой первой ступы (некоего подобия кургана), в которую положили останки тела Будды после сожжения. Впоследствии восемь царей Индии чуть не передрались из-за права обладания мощами Великого Святого, и тогда было решено извлечь их из этой ступы и разделить на восемь частей. Каждый царь воздвиг в своем княжестве по ступе, куда заключил свою частицу праха

Будды — его шарире, как называют индусы. Через двести лет после ухода Будды царь Ашока объединил Индию, принял буддизм и разделил прах из восьми ступ на еще большее количество частей, чтобы построить еще больше ступ — знаков почтения к ушедшему Учителю. Согласно преданию, он построил их восемьдесят четыре тысячи, и не только в Индии, а и за ее пределами. Ашока посылал в соседние страны послов, которые несли с собой шарире как символ мира. В странах вокруг Индии до сих пор археологи находят древние ступы, воздвигнутые этими посланцами, называвшимися «Дхарма махаматра» — посланцы Дхармы — Учения Будды, поскольку их функция была больше, чем просто политика: они распространяли по всему миру принципы мира и ненасилия.

Есть даже предположение, что имя Мухаммед происходит от слова «махаматра», то есть «посланец», и что ислам был попыткой возродить древнюю традицию времен царя Ашоки... Недаром у самого загадочного мусульманского течения — суфизма с его дервишами, теми же странствующими монахами, — много общего с учением Будды. Отчасти поэтому нас так хорошо принимали в Чечне, хотя об исламе сложилось предвзятое мнение как о религии, нетерпимой к другим верам. Таким сделала ислам современная цивилизация, вся построенная на противостоянии, на противопоставлении одних людей другим.

А еще в Кушинагаре мы увидели слона. Наездник предложил каждому из нас посидеть на нем. Я не стал искушать судьбу после того, как два года назад попал в Индии под автобус. Падать со слона показалось высоко.

12 декабря 1998 г., суббота

Мы решили не продолжать пешее шествие. До границы с Непалом доедем на транспорте и завтра пересечем ее. Индийская часть Широкого марша мира по Евразии завершена. Надо подводить какие-то итоги. Что я вынес из всего этого?

Каких-то фундаментальных выводов на ум не приходит. Но вспоминается, как мы несколько дней на привалах обсуждали с Сергеем, отчего полная луна видна на небе так редко. Все убеждали его, что это из-за тени, которую Земля отбрасывает на Луну. Сергей же тщетно пытался доказать прописную истину: все из-за того, что так падают на Луну лучи Солнца, Земля же отбрасывает на Луну тень совсем нечасто, и называется это лунным затмением. Никто не хотел верить Сергею. Спор начал понемногу всех раздражать, стали переходить на личности. Сергей же не сдавался, он нарисовал подробные схемы,

смотреть на которые, однако, никто не хотел. В конце концов Тэрасаве-сэнсэю надоело наблюдать за этим, и он попросил Сергея не вносить дисгармонию в общину. «Неважно, удастся ли тебе доказать свою правоту. Если ты прав, тебе достаточно просто знать об этом», — мудро заметил учитель. И поведал о том, что буддизм в Индии разрушился именно из-за споров. Китайский паломник Сюаньцзан в своих записках «Путешествие на Запад» в VIII веке с восторгом описывал то, что на самом деле является болезнью. Он восхищался тем, как развит интеллект у индийских монахов и как они искусны в сражениях на поле логики. Перед дворцом царя стоял барабан, ударить в который означало вызвать на спор самого умного монаха. Победившему монаху царь предлагал всевозможные богатства. Поначалу монахи отказывались, а потом стали брать. Благодаря своему интеллекту они становились «элитой», бронзовели и забывали о духовном пути. Простые люди перестали поддерживать таких монахов. «Зачем? — думали они. — Ведь о них заботится царь». Между духовенством и народом росла пропасть, и когда начались религиозные войны, никто не стал защищать хранителей буддийской веры. Так к XIII веку буддизм исчез в Индии.

Все это Сэнсэй рассказывал нам в реденькой рощице на привале, и вдруг на дороге вдалеке показались какие-то люди с плакатами. Их было человек сто, они шли строем, были одеты в одинаковую синюю форму и что-то ритмично выкрикивали. Быстро собравшись, мы двинулись навстречу этой толпе, в общем-то, падиатре, как и у нас, то есть пешему шествию. Мы ведь тоже несем плакаты за ядерное разоружение Индии и Пакистана. А что написано на плакатах у этих людей?

Подойдя поближе, мы увидели, что это школьники, возвращавшиеся после прививки. Они агитировали сельских жителей тоже сделать себе прививки. Кому-то это может показаться смешным, но для Индии, особенно для ее глубинки, это действительно актуально. Каких только уродств я здесь не перевидал! А все потому, что люди даже не знают о возможности сделать те элементарные прививки, которые на Западе «по умолчанию» делают новорожденным.

Другое дело, что такие люди, равно как и психически больные, органично вписываются в деревенское общество, их принимают такими, какие они

Кушинагар. Самая первая ступа с прахом Будды Шакьямуни

есть, им находят какое-нибудь дело, с ними общаются на равных. Впрочем, и в русских деревнях такое было. Когда-то давно. Да и сейчас, наверное. В тех редких местах, где еще сохранилась полноценная сельская жизнь...

В Индии село живо до сих пор, и это великое благо для человеческой души. Что, однако, не отменяет необходимости делать прививки.

Учителя этих повстречавшихся нам детишек, одетых в синюю форму, были исключительно мужчины, и каждый держал в руках здоровенную лакированную дубину.

Много позже здесь, в Кушинагаре, я спросил Сэнсэй: «И что, они правда бьют этими дубинами ребят?» Не успел Сэнсэй ответить, как Коля с Украины горячо подтвердил, что видел, как бьют. Все стали возмущаться, особенно москвичи. А Сэнсэй отреагировал неожиданно «негуманно». Он вспомнил, как в школе его тоже бил за шалости один учитель, которого Сэнсэй тем не менее любил больше всех остальных преподавателей. «Сейчас у нас в Японии учителя сразу выгоняют из школы, стоит тому поднять руку на ребенка, — рассказал Тэрасава-сэнсэй. — Родители все вместе приходят к директору жаловаться, если педагог сделает это хотя бы с одним из учеников. Но это, как ни странно, приводит к тому, что остаются только равнодушные учителя. Если учитель бьет, значит, он ревностен в исправлении ошибок учеников».

Конечно, я хотел бы, сынок, чтобы у тебя, мой будущий школьник, были неравнодушные учителя. Но только не с такими страшными дубинами...

Продолжение следует.

Лейла КАФАРЗАДЕ

Родилась в Москве в 1989 году. Окончила МГИМО, факультет международных экономических отношений. В январе получаю степень магистра экономики британского The University of Warwick.

Всерьез увлекаюсь музыкой (за плечами композиторское отделение средней специальной музыкальной школы), пишу разножанровые музыкальные произведения: камерно-инструментальные, джазовые, случаются и песни.

Мое последнее увлечение — стихи...

* * *

Семнадцатое. Ранний вечер.
Прорезал тишину клаксон.
Смотрел угрюмо в бесконечность
Балкон.

На улице соседней справа
Выстраивались люди в ряд.
Проверка звука. Две октавы
Звучат.

Билеты проданы. Ко входу
Безумцы рвутся напролом.
В душе истерзанной, холодной —
Надлом.

Под вопли жаждущих из зала
Сквозь черную вуаль глаза
Кричали. По щеке сползала
Слеза.

Поток признаний бутафорских,
Фальшивых слов давно утих.
И ветер шарф зеленый, броский
Спустил.

Толпа бесперебойно воеет,
Стирая с безрассудством грань.
Звенит твоя лишь немостою
Гортань.

Игра завершена без боя.
Ближайший выход — по прямой.
Сценарий, слепленный судьбою,
Не твой!

Две остановки до конечной.
Троллейбус едет не спеша.
Мгновение превратилось в вечность.
Сбежать?..

г. Москва

Татьяна ЗЕМСКОВА

Добрый день! Высылаю вам свои стихи и прошу опубликовать их в вашем журнале, если есть такая возможность и вы сочтете это нужным.

Это мой первый опыт. До сих пор нигде не печаталась, кроме областной социальной информационно-аналитической газеты «Сочувствие».

Мне пятьдесят семь лет. Родилась во Владимирском крае в пос. Андреево, где жила до 1971 года. Сейчас живу во Владимире. За плечами Владимирский техникум советской торговли, МИНХ им. Плеханова, годы трудовой деятельности в различных отраслях и сферах народного хозяйства.

Стихи начала писать неожиданно для себя, после сильного потрясения и тяжелой травмы позвоночника, когда в одночасье превратилась из обычного человека в инвалида 2-й группы нетрудоспособности. После периода безысходности и отчаяния пришло понимание, что «не хлебом единым жив человек». И начался духовный поиск, в результате которого появилась потребность выразить пережитое в стихах. Надеюсь, что стихи помогут нам всем взглянуть на жизнь по-другому, увидеть себя со стороны и попытаться что-то изменить в себе в лучшую сторону и во благо всех людей, живущих на планете Земля.

С глубоким уважением, Татьяна Николаевна Земскова

Из цикла «Человечеству. Послание небес»

* * *

Ты все же сетуешь напрасно
На мимолетность бранных дней.
И пусть тебе пока неясно,
Как управлять Вселенной всей,
Ты изучи себя сначала:
Зачем ты здесь и чем живешь.
Земное сбросишь покрывало
Или с собою заберешь,
Когда покинешь эту землю?
Ведь все, что я сейчас приемлю,
Навек останется со мной —
Закон вместиимости такой.

Из цикла «Наше Отечество — все человечество!»

* * *

В нетленный мир вступаем мы
С тем багажом, что скоплен нами
В том мире грешном и святом,
В котором жили мы годами.
О чем тревожилась душа?
И что хотело наше тело?
Куда бежали, все спеша,
По этой жизни оголтело?
Пусть успокоится душа,
Найдя в самой себе опору!
Иди по жизни не спеша —
И не подвергнешься укору!

г. Владимир

Саня Шавалиева родилась в г. Губахе Пермского края. По окончании школы переехала в Набережные Челны, совмещала работу с заочной учебой. Получив диплом Ижевского механического института, работала инженером-технологом в управлении главного технолога КамАЗа. С 2000 года — член Союза писателей России. Автор семи книг и сборников сказок для детей и взрослых.

СКАЗКИ СЕРОЙ МЫШИ

На стульчике сидел Малыш, пухлый, как воздушный шарик. Он был очень маленький и еще не умел разговаривать, и поэтому когда ему хотелось кушать, он плакал. Правда, плакал он всякий раз по-разному: то тихо, то громко.

Сегодня он плакал особенно громко.

Женщина подошла к краю с табличкой «кисель», спросила взглядом.

Малыш забарабанил ладошкой по крышке стола.

«Не хочет», — поняла Няня и пальчиком показала на краник с молоком.

Малыш так замотал головой, что Няня поверила, что она вот-вот оторвется.

— Может, йогурта, сметаны, мороженого, виноградного сока? — перечисляла женщина, переходя от одного золотистого краника к другому.

От обилия разных ярких краников стены кухни напоминали витрину хозяйственного магазина.

Малыш грохнул ложкой по столу и расплакался так громко, что Няня вздрогнула и открыла ближайший вентиль — в тарелку плюхнулась сладкая манная каша.

Теперь Малыш загудел, как двигатель реактивного самолета, каша полетела в стену и расплылась на ней белой кляской.

«И чего ему не хватает?» Задумавшись, женщина положила на голову

ребенка крышку от кастрюли, в соковыжималку запихнула подгузник.

Ребенок бушевал.

Няня вытерла слезы, отжала полотенце в раковине, и вдруг ее осенило. Малыш, наверное, видел, как она утром принесла из магазина сказочную кашу. Няня хотела к ужину сделать сюрприз.

В кухонном шкафу было темно, Няня долго в нем рылась, откуда-то из глубины вытащила яркий пакет. Он ходил ходуном, его бока подрагивали, уголки тянулись в стороны. Пакет норовил сбежать, кувыркнуться со стола. Женщина вздохнула, ласково погладила глянцевого рисунок с алыми буквами «Сказочная каша». Два часа за ней простояла в очереди — хорошо хоть хватило.

«Ну наконец-то!» Ребенок притих, стал терпеливо ждать.

Женщина высыпала крупу в кипящую воду, прибавила огонь, начала помешивать. Главное — не передержать. А то каша получится невкусно тягучей, с приторно сладкими комочками. Над кастрюлей поднялся ароматный дымок и приобрел форму разноцветных лошадок, принцесс, цветов и других диковинных сказочных героев. Няня с Малышом тянули руки, ловили призрачные картинки. Они настолько увлеклись, что не заметили серую Мышь, которая спрыгнула со шкафа, где за круглыми часами находилась ее норка.

Мышь открыла краник с молоком, наполнила чашку, выпила. Потом наслаждалась киселем, йогуртом, сметаной, соками. К моменту, когда картинки стали исчезать, мышка полностью насытилась, живот округлился. Отяжелевшая, она неуклюже полезла обратно на шкаф, и вдруг на нее напозла зловещая картинка: кот прожег взглядом, щелкнул отточенными, как сабли, зубами. Мышка вздрогнула, задрожала, оступилась в кастрюлю. Каша ухнула, и из кастрюли вылетели тысячи сердечек и поцелуев, обычно такие следы оставляют ярко накрашенные губы. Поцелуи и сердечки облепили Няню, Малыша, всю посуду, стены.

Женщина не видела этой картины, в этот момент она завязывала мягкий нагрудник на шее Малыша. Вот она обернулась и от удивления уселась на стул. Кастрюля со сказочной кашей была пуста. Не совсем, конечно, на дне кастрюли сидела напуганная Мышь. Она аппетитно рыгнула и, скрывая следы, слизнула с губ остатки молока.

Не помогло.

Вновь сработала сигнализация, но теперь плакал не Малыш, это взвывала Няня. Она схватила обжору за хвост и стала ее трясти. Она, наверное, хотела, чтобы каша из живота Мышки вывалилась обратно в кастрюлю, но серая плотно зажала рот лапками: каша в желудке удержалась,

зато сердце от страха упало в голову и завибрировало бантиком.

— Ах так! — возмутилась Няня. Она усадила Мышь около ребенка, варварски привязала ее хвост к ручке заварочного чайника, наполнила тарелку перловкой.

Как Мышь не любила эти противные каши! Манная, рисовая, гороховая... бр-р-р! Она судорожно сглотнула, икнула.

Ребенок начал нетерпеливо хныкать. А няня, дабы успокоить Малыша, сунула Мышке ложку и жестом приказывает кормить ребенка.

Мышь брезгливо поморщилась и, пытаясь оторвать ложку каши от основной массы, поковырялась в тарелке. Мышке даже показалось, что каша вытянулась струной и зазвенела от перенапряжения.

Как она понимала Малыша! Она даже сострадала ему. Серая вздохнула и, чтоб как-то сдобрить горькую

пилюлю, вытащила из кармана серого жилета толстую тетрадь своих сказок.

Глазки Малыша заблестели, он улыбнулся.

Мышь открыла первую страницу, прочитала название. Малыш вслушался, от удивления, а может, от удовольствия приоткрыл рот. Мышь воспользовалась — сунула ему в рот щедрую ложку каши. Малыш автоматически проглотил. «Это дом!» — Мышь показала на рисунок избушки Бабы-яги, продолжила читать. Войдя в азарт, она смеялась... плакала... кричала... вскакивала... Она настолько вжилась в роль, что забыла про все на свете, кроме одного: она продолжала кормить ребенка...

И вот когда, казалось, дело сделано и все сыты и довольны, тарелка вновь наполнилась полезным продуктом... Теплые губы коснулись шерстки на макушке. Мышка писк-

нула от ласки, перевернула страницу и вновь зажала с героями новой сказки. Она не замечала времени: она читала и кормила, кормила и читала, иногда кашу проглатывала сама...

Тетрадь закончилась. Мышь захлопнула ее, выскребла из тарелки остатки, протянула ребенку... И здесь произошло то, что обычно случается с героями мультфильмов, которые страшно удивлены, даже поражены. Она онемела, ее глаза выскочили из орбит, челюсть отвалилась, язык ковровой дорожкой покотился по столу...

Последнюю ложку каши доедал здоровый мужчина, отдаленно напоминающий розового пухлого Малыша. На коленях он держал двух ребят-тишек и по очереди кормил каждого кашей. За столом сидело еще много детей и взрослых. А у плиты стояла знакомая Няня, только сильно постаревшая. Все были счастливы...

МЫЛЬНЫЙ ГНОМИК

Старушка усердно разглядывала витрину магазина: она искала белые салфетки с розовыми ромашками, которые обязательно должны быть пропечатаны в правом нижнем углу.

И снова не завезли!

Зато завезли много всякого мыла. Заметив среди нового товара красную бархатную коробку, а в ней мыльного Гнома, старушка моментально забыла о салфетках и застыла на его цене.

Гномик, смутившись от пристального взгляда слезливых глазок, повернулся на другой бок. Старушка пришла в восторг от этого движения. Она подошла ближе, переломилась через прилавок и сунула свой нос прямо в коробочку Гнома. Тот вздрогнул от неожиданности, соскочил с подушки и спрятался за крышку коробки.

Старушка восхитилась ценой и, что-то ворча себе под нос, ушла.

Гномик осторожно ступил на подушку, сел. Опасность миновала, можно спокойно вздохнуть.

Ранние покупатели постепенно заполняли все этажи и отделы. Новая партия товара привлекла внимание людей.

— Посмотрите, какой Гномик!

И так продолжалось целый день, и на следующий день, и еще, и еще.

Гномик не понимал, супился, спорил, молчал, страшно переживал, жаловался соседям, злился на слишком назойливых покупателей, которые теребили его, вытаскивали из корочки, заглядывали под рубашку, обижался на продавщицу, которая без умолку восхваляла его достоинства.

Но, как ни странно, постепенно Гномик стал привыкать. А куда

деваться? Не хочешь — заставят!

Стал Гномик прислушиваться, присматриваться. Теперь он гордо сидел на подушке и понемногу соглашался с покупателями.

«Да, я милый! Естественно, я красивый! Я замечательный! Изумительный! Восхитительный! Дорогой. Я! Я!»

— Вот видите, какой я! Все хотят меня купить. Но не каждому это по карману. Я самый лучший среди вас.

— Ну и что, — парировало Хозяйственное мыло, — пару раз намылят тобой шею, как пить дать облезешь.

— Ты мне завидуешь! — И Гномик гордо выставил ногу перед очередным покупателем, но его не услышали, так как Хозяйственное мыло купили. Продавщица бережно заворачивала его в пакет.

Однажды Гномика решила купить дама.

Гномик вздрогнул от отвращения. Острые коготки перехватили Гномика за талию, приподняли над прилавком.

Гномик взвизгнул, дама испугалась, разжала пальчики. Гномик полетел вниз. Хорошо хоть продавщица оказалась проворной и перехватила Гномика практически у самого пола.

Потекли обычные рабочие часы. Покупатели приходили. Покупатели уходили. Гномик сидел на подушке, царственно закинув ногу на ногу. Он пропустил момент, когда к прилавку подошла старушка.

— Дороговато, конечно, — сказала бабушка, потом по-гусарски махнула рукой, воскликнула: — А, где наша не пропадала! Сделаю внучке подарок на день рождения. Она так не любит мыться, да еще с мылом. Может, Мыльный гномик научит ее быть опрятной, аккуратной, чистенькой. Давай, дочка, заверни мне его.

Продавщица, шлепнув крышкой Гномика по затылку, захлопнула коробку, шустро завернула ее в шуршащую нарядную бумагу и даже добавила пушистый бант.

А Мыльному гномику вдруг стало грустно расставаться со своей полкой, братьями, сестрами. Ему не хотелось учить неизвестную девочку быть опрятной, аккуратной, чистенькой.

«Ну и что, пусть не любит она мыться, а я-то здесь при чем? Я тоже не люблю воду! Неужели нельзя было купить обычное хозяйственное мыло, обвязать его красивой, яркой лентой, принести своей внучке и сказать: “На, милая, возьми, будь опрятной, аккуратной, чистенькой...” Обязательно надо рушить замечательную судьбу...»

Дверной звонок еще выводил музыку Вивальди, а в распахнутую дверь поочередно протискивались все одноклассники Аленки. Говорили разом, поздравляли с днем рождения, пихали в руки открытки, плащи, зонты, портфели, дружно смеялись,

пропадали в зале, наполненной запахом салата оливье.

Мама Аленки суетилась, таскала табуретки, стулья — рассаживала гостей.

Вновь ожил Вивальди — это пришла Аленина бабушка и принесла красивую коробочку.

Девочка развязала бант, сорвала бумагу и заглянула в коробочку.

«Мыльный гномик?! — Алена нахмурилась. — Ну бабуля, даже в день рождения не может без воспитательных моментов».

Девочка отставила бабушки подарок в сторону, побежала к гостям.

Все прошло великолепно. Гости разошлись. Столы убраны, подарки разобраны.

Кран в ванной комнате фыркнул, выдал первую порцию теплой воды. Алена стала осторожно вытаскивать Гномика. То, что произошло дальше, девочка запомнит на всю жизнь.

Гномик заорал. Фу, так неприлично громко он заорал:

— Не трогай!

Девочка вздрогнула, присела на край ванны.

Гномик метнул взгляд в сторону хозяйки, упер кулачки в бока и, жестко дергая головой, осмотрел свои владения.

— Зубная паста, фи-фи-фи, не импортная, зубная щетка — бр-р... стертая, хозяйственное мыло... нет, вы явно издеваетесь надо мной. И это называется новоселье? Это захоlustьеселье!

Девочка огляделась вокруг: все было как обычно, правда, занавеска новая, с большим черными дельфином, парящим над седой волной.

— Я спрашиваю, вы заметили, как я красив? — В голосе создания из красивой коробочки появились жесткие ноты.

Девочка кивнула.

— Руками меня не трогать, не марать, водой не поливать, да еще... убери все это... — брезгливо указал красавец в сторону зубных щеток, паст, мыльниц и шампуней. — Уходи.

Алена ушла и вскоре, забыв о бабушкином подарке, разглядывала красочный парусник. Пазлы на полстены радовали, и вдруг девочка уловила детский плач. Звук шел из ванной. Мама выбежала из кухни, распахнула дверь и тихо поморщилась, потому что на нее налетели муж, а следом и дочь.

Пятилетний сын тер глаза и плакал, да так сильно, что родители долго не могли его успокоить.

— Что случилось? — все время повторяли они.

— Он... он... меня укусил! — наконец сквозь слезы сумел проговорить малыш.

— Кто?

— Вот он. — И малыш указал на Гномика, который, нахмутив брови, гордо восседал на своей атласной красной подушке.

— Сам виноват, нечего было меня хватать.

— Хулиган! Вот это да! — удивился папа, потянул руку к Гномику и получил в глаза струю освежителя воздуха. В маму полетел флакон с шампунем, в Алену — мокрая тряпка.

А потом вообще началось светопреставление.

Гномик, вооружившись зубной щеткой, пробежал по краю ванны и вскочил на плечо женщины.

— Ой, ой, ой! — закричала она, кося глаза на говорящий, прыгающий, кусающийся кусок мыла.

Мужчина попытался успокоить женщину, а она трясла подол платья и, ежесекундно подпрыгивая, пятилась на кухню. Мыльный гномик надежно держался за ее платье, злобно скалясь, он вдруг скакнул на шею женщины. От неприятного ощущения по ее телу пошла судорога. Женщина брезгливо шлепнула гномика по затылку, тот отлетел к стене, срикошетил от половника и вылетел в форточку.

— Мама! — Девочка, прижавшись лбом к окну, попыталась рассмотреть. Бесполезно.

Женщина терла свои плечи, руки и, все время вздыхая, причитала:

— Ну бабуля, ну удружила...

Алена присела за стол и тихонько всхлипнула.

— Бабушка обидится, что выкинули ее дорогой подарок.

— Пошли искать, — предложил папа.

Девочка вскочила,хватила отца за руку, потащила на улицу. Было не слишком темно, ночь только начала укрывать землю своим звездным одеялом.

Осторожно ступая по земле, папа с Аленой внимательно всматривались в траву под окнами. Ожидая подсказки, папа поднял голову. Мама, высунувшись из окна, пальчиком указала на клумбу с синими колокольчиками. Гномик сидел на кирпиче, углом торчащем из земли, и что-то злобно бормотал. От падения часть бока Гномика немного осыпалась, он слюнявил осколок и пытался приклеить на место. Он прилипал, секунду держался и отваливался.

— Вот он! — засветилась девочка от счастья.

Сверкнув глазами, Гномик записал от ярости:

— Люди! — закричал он в ночь. — Посмотрите, что они со мной сделали.

— Извини, мама нечаянно.

Гномик схватил отвалившийся кусок, швырнул в девочку.

— Вернись, — просила девочка, но Гномик удалялся все дальше и дальше, что-то бормоча и сотрясая воздух своими мыльными кулачками.

Алена хотела догнать бабушкин подарок, но папа остановил ее:

— Пусть идет, — грустно сказал он.

Падать из окна было очень больно и обидно.

«Да как они смели так со мной поступить! Просто вышвырнуть, как драную кошку! Ещехватило совести обвинять меня, что я во всем виноват. Не прощу вам своего падения. Вы за это заплатите, ответите», — думал Гномик, шагая по опустевшим улицам ночного города.

В конце концов ноги, устав от бесконечных кругов, привели его обратно во двор дома, где жила Алена.

Он улегся на траве под кустом сирени, спрятал голову под курточку, задумался. В его голове созревали все новые и новые планы мести. Ему все время хотелось сильнее, больше обидеть Алену и ее семейку. Из-за них кончилась его райская жизнь, жизнь, полная восхищения и обожания.

Лежать было крайне неудобно, не хватало мягкого атласного ложа.

Гномик ворочался с боку на бок, бубнил, ворчал, стонал.

И только Гномик начал дремать, как почувствовал, что рядом с ним кто-то дышит. Отрывисто, горячо, с каким-то коротким хрипом в глубине. Открыв глаза, Гномик увидел животное с красной тряпкой меж клыков. Морда вытянулась, наклонилась, черные дыры потянули воздух, обнюхали, затем шершавая тряпка дрогнула, влажно протерла Гномика от подбородка до лба.

«До чего противно!»

Собака раздраженно гавкнула, брезгливо вытерла язык о широкий лист лопуха и скрылась.

Гномик никогда раньше не видел собак, поэтому он сильно испугался, приняв ее за безхозяйственное чудовище.

Он забежал в подъезд и стал плакать. Мыльные слезы скапливались лужицей у ног, а Гномик растирал их пяткой полу. В темноте прошла женщина, поскользнулась на мыльном полу, потом долго и громко радовалась, что не убилась.

Он трудился всю ночь...

Наступило утро. Позавтракав, вся семья отправилась по своим делам: папа с мамой на работу, Алена в школу, братишка Артур в садик. Но только они вышли в коридор, как почувствовали что-то неладное. Первым вниз укатился папа.

— Ско-о-оль... — слышалось его утихающее бормотание.

Мама подивилась, притормозила детей, носком туфли попробовала пол.

Абсолютно гладкий, как лед.

Малыш ступил, ноги разъехались в стороны. Потом долго спускались, посыпая лестницу солью, песком из тазика Мурки. Когда мама с Аленой и Артуром вышли во двор, там уже были соседи. Тетя Зухра ладонью шлепала по траве, пыталась нащупать очки. Их дужка в брызгах стекла валялась недалеко, под крыльцом. Дядя Паша собирал разлетевшиеся документы, чертежи.

Из подъезда вылетел одноклассник Алены Пашка. Как всегда, скатываясь по перилам, под конец первого этажа, он набрал настолько большую скорость, что на последнем завитке подскочил, как на трамплине. Бултыхая ногами, он пролетел метров пять, неплохо приземлился, как кошка на четыре лапы. Удивляясь финту и радуясь, что не сломал себе шею, он стал приставать к Алене.

— Блин, зацени, да?

Папа отделался синяком на локте, у Алены на руке красовалась царапина, Артур просто немного испугался. И тут вдруг раздался хохот. Отвратительно мерзкий хохот.

Все оглянулись на звук. Похудевший, потертый мыльный хулиган сотрясал слабыми кулачками, топал кривыми ножками.

— Я буду мстить! — наконец крикнул он и, болезненно шатаясь из стороны в сторону, побежал со двора на улицу.

Дело сделано! Но на душе у Гнома не стало легче. Почему месть не принесла желаемого удовлетворения? Надо что-то придумать еще, в сто раз страшнее и ужаснее.

Завернув за угол дома, Гномик почувствовал у себя на лбу каплю воды, упавшую сверху. Капля пробежала до кончика носа, чуть повисела и, скопив силы, полетела вниз.

Что это? А это был незнакомый Гномику дождь...

Гномик шагнул, поскользнулся, удержался. Тетенька, уверенно шедшая рядом с Гномиком, вдруг призадумалась, замедлила шаг, глаза ее округлились, забегали. Еще один

шаг — и она почувствовала, как летит вверх тормашками. Во время падения, ища поддержки, она попыталась схватиться за Гномика, но пальцы утонули в скользкой мякоти тела.

Если бы у женщины было время на раздумья, то она обязательно удивилась бы глупости момента. Сейчас все было по-другому, без сценария. Так и не найдя поддержки в соседе, женщина свалилась на асфальт, замерла бесформенной глыбой. Интеллигентный мужчина попытался помочь даме подняться. Он пыхтел, изгибался назад. Дама судорожно перебирала ножками, дергала руками и при этом удивительным образом выскальзывала из рук спасителя. Надо ли говорить, что вскоре он и сам лежал около нее? Недалеко старичок пытался спасти свой торт. Он изворачивался, дергался, подпрыгивал. Крышка коробки соскочила, бисквит с кремом не удержался, вылетел и очень удачно приземлился на голову молодого человека. Тот хотел было возмутиться, но старушка, падая, ударила парня клюкой по спине. Столь бурная атака на миг ослабила внимание молодого человека, да так, что он тут же присоединился к кучке людей, барахтающихся на асфальте. Он попытался встать, дернул ногой, сбил девушку. Она мягко приземлилась на его колени, схватилась за его шею. Ее губы ткнулись в его полуоткрытый рот. Стыдливо ойкнув, девушка залилась румянцем.

Никто не понимал, что происходит. Почему так скользко?

Женщина держалась за фонарный столб, мужчина, прижавшись к стене дома, тихонько то ли шел, то ли перекатывался. Самые осторожные заняли скамейки. Кто не успел, стоял, даже не пытаясь тронуться с места.

Дождь хлестал не переставая, барабанил по затылкам, стекал по лицу, затекал за шиворот: он словно говорил, что у него хмурый день и он еще долго будет лить из облачно-пасмурной лейки.

Веселились только дети. Они прыгали по лужам, кувыркались, барахтались, словно утки. Один мальчик разбежался и, стоя на ногах, как по льду умчался до конца улицы. Радостно гукнув, он, схватившись за водосточную трубу, прокатился по широкой дуге, резко скрылся за поворотом.

«Как интересно!» — подумал Гномик и тоже разбежался. Приятно прокатиться мешали люди. Их было так много, и они вытворяли неизвестно что. Пешеходы лежали, ползали, стояли, ругались, смеялись, охали, плакали.

Гномик соскочил с тротуара на пустую дорогу. Красота! Катиться гораздо удобнее. И не успел Гномик порадоваться, как из арки показалась машина цвета мокрого асфальта.

«Кого нечистая принесла?» — ругнулся Гномик, взгляделся в пассажиров и злорадно усмехнулся.

Папа Алены не сразу понял, что такое мельтешит перед капотом его автомобиля. В унисон работающим дворникам зеленое пятно скакало из стороны в сторону и норовило угодить под колеса. Чтобы не сбить его, папа притормозил. И это было ошибкой.

Словно попав в масляное пятно, машина заскользила, закружила, как пластинка в патефоне. Папа вырулил в сторону заноса. Бесплезно. Так же бесполезно давить на тормоза, дергать рычаги — машина была неуправляема. Папа уткнулся лбом в руль и стал молиться за семью, прохожих.

Ба-бах. Левое крыло всмятку, а колесо, посвистывая, стало терять форму.

Папа оглянулся в салон и облегченно вздохнул. Кажется, все обошлось, все живы, здоровы, если, конечно, не считать пары шокирующих минут.

— Лучше бы они поразбивали лбы! — Гномику сразу надоело кататься, он выскочил на тротуар и направился в сторону арки ближайшего дома.

И вновь грохнуло. Очередная машина, выскочив на дорогу, на

большой скорости начала юлить, крутиться, выделять зигзаги. Каждое ее движение сопровождалось столкновением с машинами, стоявшими у обочины, и скрупулезным подсчетом всех фонарных столбов. Из-за поворота появилась следующее авто. И вновь визг тормозов, грохот металла.

Это уже радовало Мыльного гномика.

Вскоре дождь закончился, потоки воды унесли остатки мыла. Люди понемногу пришли в себя. Постепенно все разошлись, только сломанные зонты, разбитые очки и осколки металла на дороге говорили о том, что здесь произошло что-то серьезное-неприятное.

Прошло много дней со дня рождения Алены. В городе стали поговаривать о хулигане, который осаждал хозяйственные магазины. Очевидцы с подробностями рассказывали о странном человеке, который коробками пожирал куски мыла и запивал всю эту отраву шампунем. «Представляете, — судорожно рассказывал старичок, — не помыв руки, хлоп, прямо из пузырьков, пена изо рта как у Крамарова в “Джентльменах удачи”».

Этому хулигану приписывалось ограбление ювелирного завода в группе с братьями Чистяковыми, отъявленными преступниками века. Хулиганы, словно по волшебству, протиснулись сквозь решетки и унесли тонну золота. Полиция ломала голову, как такое могло произойти.

Полиции пару раз удавалось схватить преступника, но тот выскальзывал из их рук в прямом смысле этого слова.

Оставалось только ждать и надеяться.

По всем приметам Алена узнавала Мыльного гномика. Ей очень хотелось с ним встретиться, но никак не получалось.

Время шло, дни текли, наступило одно из воскресений. В этот

день в городе был праздник — проводы лета, последний день, когда работали летние кафе, танцплощадки. Начиналось закрытие парков, фонтанов, каруселей.

Алена с семьей пошла в парк на праздник. Артур катался на любимой лошадке, Алена с подружками играла в мяч, скакала через веревочку. Мама со своими знакомыми дамами обсуждала новинки моды. Папа сам с собой играл в шахматы. Достойный семейный отдых. Перед уходом домой семья зашла в летнее кафе парка.

— Ну, по мороженому — и домой, — сказал папа.

— А сок? — надул губки Артур.

Папа удалился в буфет выполнять заказ.

Через несколько минут на столе красовались пирожное, мороженое, сок. Дети, предвкушая удовольствие, глотали слюнки, но неожиданно их привлек шум. Семья в полном составе повернулась в сторону. За соседними столиками с мрачными лицами люди отодвигали от себя мороженое, кривились от сока. Они были явно недовольны пирожным с белыми пушистыми башенками.

— Странно, — сказала мама, отпила из высокого стакана гранатовый сок и тут же скривилась.

Папа сплюнул на землю мороженое, брезгливо поморщился.

— Фу, бе... — высунула язык Алена.

— Словно кусок мыла проглотила, — сказала мама, утирая неожиданно набежавшую слезу.

Артур заплакал:

— Я хочу мороженого.

И тут из соседних кустов они услышали подобие смеха. Скорее, это был душераздирающий стон раненой собаки.

Ветки шевельнулись, дрогнули в сторону и освободили путь невзрачному существу с корявыми ногами, тонкими, как нитки, руками.

— Приятного аппетита, — пропищало существо и долго-долго пыталось перешагнуть через крохотную веточку с одиноким листом.

Мыльный Гномик настолько исхудал и изменился, что семья с трудом его узнала.

— Послушай... — только и успела сказать Алена, но было уже поздно.

Мыльный гномик, плюнув на затею перешагнуть веточку, схватился за куст, покачался из стороны в сторону, упал на колени, жалобно взглянул на людей. «Ну же, — требовали его печальные глаза, — помогите!»

Девочка дернулась.

— Пошли отсюда, — сказал папа, ему было очень жаль обмылок.

Гномик застонал, поднатужился, уполз в кусты.

— Можно я погуляю в парке? — попросила Алена.

— Иди, только будь осторожна, — явно намекая на Гномика, предупредил папа.

Алена долго бродила по аллеям парка, ее мысли были заняты бабушкиным подарком. Иногда она звала Гномика, но он не отзывался. Уже ближе к вечеру, сидя на скамейке, Алена услышала тихое всхлипывание. Кто-то, поскуливая, тихонько плакал. Это был Гномик. Он сидел на краю фонтана. Мыльные слезы, оставляя морщинистые борозды, скатывались по щеке и уходили в прозрачную голубую воду.

— Вот ты где, а я тебя ищу по всему парку.

— Зачем? Чтобы посмотреть, каким я стал — уродливым?

Девочка осторожно пальцем тронула мягкую голову.

— Будешь мстить? — чуть отодвинулся от девочки обмылок.

— Хочу помочь.

— Поздно. — И Мыльный гномик заплакал еще сильнее. — Я истратил себя на гадости... Ты, наверное, очень хорошая девочка. Твоя бабушка хотела, чтобы я научил тебя быть опрятной, аккуратной, чистенькой. Алена! Обещай мне, что ты всегда будешь такой, — с тоской и надеждой в глазах проговорил Гномик.

Он опустил голову и надолго задумался. Алена ему не мешала.

Вдруг Гномик посветлел, повеселел, что-то в нем изменилось: он стал как будто выше и красивее.

— Бабушка купит тебе нового мыльного гномика. А я ухажу. — Сказав такие слова, Мыльный гномик протянул девочке соломинку. — Возьми, — улыбнулся он и встал на край фонтана. Еще раз широко улыбнулся, нырнул в воду и стал очень быстро, быстро плавать...

— Алена, пускай пузыри! — весело кричал он, барахтаясь и кувыркаясь в фонтане.

Взяв соломинку, она обмакнула ее в воду, дунула. Сразу вылетело несколько десятков мыльных шариков. Они взлетали в небо, переливались всеми цветами радуги. Люди зачарованно, с улыбкой наблюдали за мыльным сиянием фонтанной музыки. А Алена продолжала посылать в небо все новые подарки Гномика.

Детишки, побросав свои соловочки, машинки, велосипеды, ринулись к фонтану. Неизвестно откуда у всех в руках оказались соломинки. Уже через минуту детвора, отеснив Алену, окружила весь фонтан. Рыжий мальчишка, не найдя места, залез по колено в воду и, не замечая никого, усердно дул в соломинку. Вода забурлила миллионами брызг, заколыхалась радужной пеной.

Девочка с синими бантами оказалась проворнее всех и умудрялась дуть в три соломинки сразу, и у нее вылетало в три раза больше перламутровых пузырей.

Небо заполнилось мыльными красками, которые весело подпрыгивали, переворачивались, ударялись друг об друга, лопались, разлетались тысячами мелких капель...

Поднялась радуга. Очень, очень красивая, чистая и опрятная.

— Спасибо тебе, — услышала Алена с неба голос Гномика, — прощай.

Подняв голову, девочка, не стесняясь слез, махала невидимому другу рукой. Она поняла, что Мыльного гномика не стало... Он лопнул мыльным пузырем.

ЦАРСКИЙ ТРОН

Летний лес. Укромная поляна. Тишина. Утренние лучи солнца, осторожно пробираясь сквозь листву, освещали поляну, затем Трон с царской короной на спинке. Только луч коснулся короны, как та, беззаботно разбросав миллионы звездных отсветов по сторонам, за сверкала всеми огнями радуги.

Трон перевернул страницу и вновь углубился в чтение. Он не заметил, что высоко в небе парил Альбатрос. Зато Альбатрос обратил внимание на Трон. Гордая птица, описав в небе очередной круг, плавно опустилась на поляну перед самым Троном. Трон по известным уже причинам никак не отреагировал.

Альбатрос подошел ближе:

— Читаем?

— Читаем.

— Что читаем?

Трон поднял глаза, захлопнул книгу, посмотрел на обложку, ответил:

— Книгу.

— Какую?

— Хорошую.

— Зачем? — нетерпеливо спросил

Альбатрос.

— Я же царский Трон!

— Ну и что?

— Видишь, я пустую. Ищу хозяина, самого достойного.

Альбатрос сложил крылья за спиной, обошел Трон кругом:

— Вот глупая мебель! Ищет в книгах повелителя. Повелитель я! Ты ищешь меня!

Альбатрос неторопливо устроился на троне, вальяжно вытянул лапы, сложил крылья на животе. Как приятно! Ну чем не повелитель?! Строгий взгляд, надменная улыбка. А гонору-то, гонору, на семерых повелителей хватит.

И тут на поляну высыпали лесные жители: Жираф, Собака, Лиса, Енот, Ежик, Кот. Все галдели и о чем-то восхищенно спорили.

Альбатрос, требуя внимания, прокашлялся и укоризненно сказал:

— Ну чего разгалделись? Э-эх, вам бы только хиханьки да хаханьки! А тут царский Трон пустует! Хозяина своего ждет, самого достойного. Сейчас меня выбирать будем.

На удивление первым отреагировал Жираф:

— Почему тебя?

— Потому что я первый... — нашел этот трон, — ответил Альбатрос и облокотился на ручку кресла.

Трон качнулся, Альбатрос от неожиданности вздрогнул и чуть не слетел.

— Но сначала ответь на мой вопрос. Традиция такая. Демократия, — сказал Трон.

— Мистика какая-то, — укоризненно сказал Альбатрос, но на всякий случай решил не спорить. — Считаю традиции пережитками прошлого. Давай вопрос.

— Почему ты решил, что достоин быть моим хозяином? — был первый вопрос.

Альбатрос призадумался, взглянул в небо.

— Потому что я летаю высоко, вижу далеко и мечтаю сидеть на царском Троном.

— И это все? В книге говорится о подвигах. Подвиги где?

— Что ж! Подвигов желаете? Пожалуйста. — Альбатрос царственно сложил крылья и гордо произнес: — Рассказ о моих подвигах!

Жираф язвительно хмыкнул, обернулся к Лисе, хитро подмигнул:

— Давай, расскажи, как у чаек рыбу воровал.

Альбатрос возмущенно замахал крыльями:

— Неправда, клевета, не было такого!

Жираф не отставал:

— Ты забыл, я смотрю высоко, вижу далеко. Сам видел. — Жираф подошел к Троном и потянул птицу за крыло. — Слетай, ты не достоин этого трона. Царствовать буду я!

Как Альбатрос ни упирался, Жираф был настроен решительно. Альбатрос, вынужденный уступить силе, освободил Трон, спрятался за кустом.

На Трон сел Жираф.

— Ну а ты чем можешь похвастаться? — спросил Трон.

Жираф оглядел толпу, ухмыльнулся:

— У меня самые высокие достижения. Например, я выше всех. С моей длинной шеей я хоть кого достану. А мои пятна? Я спрашиваю, вы где-нибудь еще видели такие милые коричневые пятна?

— Этого недостаточно! — решил Трон. — Следующий!

Лиса хихикнула над незадачливым Жирафом, столкнула его, уселась, да так шустро, что все только подивилась ее проворности.

— Я, я. Я самая хитрая, самая пушистая, самая красивая. — Лиса сняла со спинки Трона корону и стала ее примерять. — Видите, как удачно она гармонирует с моей шубой.

Здесь уже не выдержала Собака:

— Женщина! Уходи! Я гавкать буду. Громче всех, вот! Гав! Гав, га-а-ав-в!!!

Испугалась Лиса, место освободила.

— Я все понял, — сказал Трон, — Может, еще слов послушаем?

Здесь Енот решил. Чем черт не шутит, вдруг повезет! Дрожа от ужаса и страха, он тихим голосом выдал:

— Можно мне? — И только Енот взобрался на Трон, как мгновенно изменился. Голос Енота окреп, огрубел. Заорал Енот на весь мир: — Всю правду скажу: Лиса гоняет Зайцев, Жираф щиплет траву, собака всех облаивает, а я ничего не делаю.

Трон вздохнул:

— Кто еще хочет высказаться?

Чтобы успеть, Ежик разбежался и со всего маху плюхнулся в кресло.

— Ой, какой колючий! — вздрогнул Трон от боли. — Уходи, уходи, будем считать, что ты уже высказался!

Ежик с трудом выкарабкался из бархата, и тут что-то мягкое и теплое коснулось ручки Трона. Это был Кот. Играя хвостом и ласково мурлыча, он терся спиной о Трон.

— Какой дивный Трон!

Трон от удовольствия чуть сам не замурлыкал:

— Какой наблюдательный!

Да, я дивный...

— Мур, мур, мяконецкий... — продолжал Кот свой ласковый обход.

— Да, я мяконецкий... — вторил Трон. Вскоре он все-таки не выдержал, и заурчал: — Мур-мур-мяу...

— Удивительно прекрасный... Обещаю тебе масляную жизнь, сметанную сытность и молочную чистоту отношений. А еще я знаю волшебное слово — «пожалуйста». Пожалуйста, разреши, я стану твоим хозяином?

Трон растрогался:

— Ну что ж. Согла...

Но Трон не договорил, потому что на поляну выскочили Баба-яга и Гном. Широко размахивая кулаками, они дрались меж со-

бой и ругались. «Нет, я! Нет, я!» — слышалось со всех сторон.

Баба-яга, с трудом вырвавшись из цепких объятий Гнома, закричала:

— Отойди! Я править буду! Я первая услышала!

Гном не уступал.

— Нет, я!

— Я!

— Я!

Толкаясь, они оба взгромозились на кресло.

— Уйди, старая! — кричал Гном.

Баба-яга, вцепившись в кресло, парировала:

— Сам уйди! Фулюган! Если я старая, тогда уступи место.

— Мы не в автобусе!

Баба-яга решила поменять тактику. Она улыбнулась и хитро сказала:

— Ну ты же добрый.

Гном не поддался.

— Это я в сказках добрый, а здесь реальность.

Тут он поднатужился и так двинул вбок, что практически вышиб старушку. Та, уцепившись за под-

локотник, повизгивая, повисла, как мешок с удобрением.

Трон не выдержал и грозно сказал:

— А ну слазь!

— Говорят тебе, слазь! — обрадовался Гном.

Баба-яга поднатужилась, подтянулась, пропыхла,

— Это тебе говорят!

Снова началась потасовка, от которой Трон чуть не перевернулся.

— Встать! Оба! — закричал Трон.

Баба-яга с Гномом нехотя послушались, освободили Трон.

— Говорить буду! — громко сказал Трон

Все немного утихло, успокоились. Трон отряхнул бархат, оглянул всех присутствующих и стал говорить:

— Сам бы правил, да голова у меня деревянная, хотя дорогая корона на ней. Но у меня хватит ума выбрать самого достойного и самого умного. Я решил, что править будет книга, — сказал Трон, поставил книгу на почетное место и украсил короной.

ФОРТЕ И ПИАНО

Стояла глубокая предутренняя тишина, переполненная духом свежей краски, сосновой смолы, бетонной пыли. Свет тусклой лампы не дотягивался до дальних углов сцены, и, казалось, там таились образы ушедших спектаклей, аплодисменты зрителей, шуршание пленки старых фильмов. Будто зная, что в другом месте не пригодятся, они нарочно сопротивлялись выселению из кинотеатра.

Сторож, кряхтя, залез на сцену, огляделся. После ремонта все здесь изменилось: нет тяжелого бархата занавеса, дощатого пола, стертого ногами танцующих пар, нет черных колонок — динозавров звука, зато появились трубы органа.

Для послевоенного выпускника музыкальной школы каждый санти-

метр тогда необъятной сцены стал до боли родным и близким. А теперь приходится прощаться. Зажатой в кулаке шапкой старик вытер пот, устало вздохнул, поплелся к старенькому пианино в левом углу сцены. Он откинул черную крышку инструмента, придвинул стул и по-мастерски лихо прошелся по клавишам. Тишину облакали знакомые звуки полонеза Огинского.

На верхней крышке пианино с левой стороны от старика появился толстый человечек с громким именем Форте. Сложив короткие руки на груди, он хмуро наблюдал за пианистом, который будто нарочно не замечал его грязного настроения. От рук музыканта в жизнь продолжали уходить ноты Скрябина, Шопена,

Чайковского. Минут через пятнадцать Форте вдруг сжал маленькие кулачки и что есть силы брякнул ими по крышке. Пианино откликнулось раздраженными звуками струн.

От этого удара на противоположной стороне клавиатуры вздрогнул худенький, словно соломинка, человек, который откликался на тихое имя Пиано. Он сунул пальчики меж коленями, тяжело вздохнул и с сожалением посмотрел на сторожа. Назревал скандал.

Чем Пиано мог помочь своему бывшему хозяину? Да ничем! Разве что сказать тихое ласковое слово на прощание.

Форте спрыгнул на клавиши, отчего по залу пошел тяжелый гул. Полонез смолк. Он, словно запнув-

шись о неведомую преграду, разбился, рассыпался на мелкие затихающие звуки. Форте уверенно пошел по клавишам, по щиколотку проваливаясь на отзывчивых пластинах. Его не заботило, что тяжелая поступь грубо тревожила барабанчики, которые, выполняя фальшивые приказы, жестоко колотили по струнам.

Плевать на сантименты! Человек дошел до середины, расставил ноги, оперся кулаками в колени. Он склонил голову вперед и в упор глянул на пианиста.

— Развлекаемся? — Форте сжал губы до болезненной синевы.

— А что я мог сделать? — Сторож глянул на Пиано, видимо, ища у того поддержки.

Пиано вздохнул, несмело улыбнулся, развел руками и снова спрятал пальчики.

— Что? — продолжил свой натиск Форте. — Да я тебе по нотам расписал! Как надо уронить рояль! Чтобы он разлетелся в пух и прах! К чертовой матери!

— Ты же видел, меня не подпустили к роялю. Фирма сама прислала грузчиков. Сами привезли, сами разгрузили, сами затащили.

Уставившись в потолок, Форте заорал:

— Крещ...ендо!!!

Пиано вздохнул:

— Не надо ругаться.

Естественно, его никто не услышал, потому что сейчас по залу бывшего кинотеатра побежали раскатистые волны напряжения, которые постоянно создавал Форте своими бесконечными криками.

По-человечески Форте можно было понять.

Все изменилось с тех пор, как президент подарил городу орган и выделил огромную сумму денег на реконструкцию кинотеатра. Все встало с ног на голову: быстро поменяли стены, установили мягкие кресла, смонтировали орган. Для Форте и Пиано возникла угроза выселения. Понятно, что им, бессменным хозяевам этого зала и старого

пианино, безумно хотелось остаться жить здесь, в уютном дворце искусств.

«Я докажу им, кто в доме хозяин», — ежедневно орал Форте.

«Может, все уляжется и нам найдут другой дом», — пытался вставить слово Пиано.

— Хочешь, на прощание свою любимую «Шаланды, полные кефали»? — Старик тронул Форте за плечо.

— Кончай балаган! — отмахнулся толстяк. — Ты лучше скажи, что решил совет!

Сторож встал, спустился в зал и сел в кресло первого ряда.

— Пианино решили подарить детскому саду.

— Что-о-о? — Форте даже задохнулся, закашлялся. — Меня в детский садик?! Баю-баюшки-баю, не ложитесь на краю...

— Ну почему только баюшки? — решил возразить Пиано. — В лесу родилась Елочка, в лесу она росла...

— ...зимой и летом страшная, корявая была... — рыча, закончил Форте. — Нет, милые мои, я профессиональный тапермейстер. — И неожиданно он запел: — Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил...

Сторож улыбнулся и подпел Форте:

— ...и все биндюжники вставали, когда в пивную он входил...

Откуда-то сверху раскатистым эхом донесся мощный звук:

— Я вам не скажу за всю Одессу...

Форте, Пиано и сторож вздрогнули разом, словно у них было единое совместное тело. Они глянули вверх. Под потолком на одной из органных труб восседал, судя по телосложению, чемпион бодибилдинга, только в уменьшенном виде.

— ...вся Одесса очень велика, — продолжил весьма удачно подпевать атлет.

Допев куплет до конца, он посмотрел вниз и добавил:

— Хорошая песня, историческая, но, друзья мои, спорить не о чем,

кина не будет, пошли документальные кадры из жизни...

— Форте органа, — тихо пискнул Пиано и спрятался за крышку.

— Я здесь хозяин, — вдруг заорал Форте пианино, — это мой зал!

«...мал... мал... мал...» — пронеслось эхом под потолком зала.

— Я не мал, — разошелся Форте, — вы еще меня услышите...

Он подпрыгнул на клавишах и стал по-дурному стучать, бить, колотить прыгать по ним.

— ...а так... а так... а так... — орал Форте.

Если прислушаться, то в нагромождении звуков можно было уловить отрывки полонеза Огинского, вальса Штрауса, «Осень» Шевича. Одна композиция сменяла другую, вскоре все смешалось в общую кучу, и теперь уже было не разобрать, где добро, где зло, где музыка, а где какофония жестоких ударов.

Вдруг клавиша *до* первой октавы как-то жалостливо пискнула, хрустнула, выгнулась дугой и выскочила из своего гнезда. Шлепнувшись на пол, она переломилась пополам. Форте этого не заметил. Он продолжал стараться доказать всему миру свою значимость, свое совершенство: «Ах, какое блаженство знать, что ты идеал...»

Вскоре рядом с *до* первой октавы лежала клавиша *ре* третьей октавы, *фа* второй, *си* бемоль первой.

Когда Форте изничтожил самую последнюю клавишу и ему стало нечего долбить, он с грохотом откинул верхнюю крышку и стал ожесточенно дергать струны.

Дзинь, дзинь, дзинь... Одна за другой рвались и умирали музыкальные проволочки. Одни, закрутившись в спирали, падали вниз, другие коряво торчали в разные стороны, как металлические арматуры зданий после бомбежки.

Когда все струны лопнули, Форте совсем ополоумел — это походило на экстаз сумасшедшего. Пиано попытался утихомирить друга, но куда там, проще унять разгулявшуюся

стихию. Отпихнув Пиано в сторону, Форте стал колошматить по черным бокам пианино молоточками.

И тут что-то зазвенело, а потом взорвалось. По всему периметру зала раскатисто и протяжно грохнуло, резко щелкнуло и все разом померкло, словно сработал выключатель. Воздух разрушил свист, сначала пронзительный затем затухающий. Обычно с таким звуком выходит воздух из воздушного шара...

Директор огранного зала включила свет.

— Как только установите рояль, пианино вынесите в холл, — давала она бодрые распоряжения кому-то находившемуся за ее спиной. Вдруг она заметила сторожа. — Палыч, чего хмурной да в темноте?

Сторож вздрогнул. Кажется, заснул. Старый он стал, годы дают о себе знать. Палыч попытался подняться, но ноги предательски подогнулись и отказались слушаться. Он махнул рукой, снова сел на место и стал наблюдать, как молодые грузчики, словно пушинку, внесли рояль на сцену.

Ребята отколупнули крышку ящика, директор глубоко вдохнула аромат лака дорогого инструмента, провела рукой по идеально ровной крышке инструмента, улыбнулась.

— Палыч, — позвала она старика, — не хочешь первым прикоснуться, так

сказать, вдохнуть душу в инструмент? Слышала, ты был виртуозом.

От такого предложения Палыч заволновался. Смушенно оглянувшись по сторонам, он выбрался из мягкого сиденья, зашпешил по лестнице на сцену.

Пальцы старика дрожали, словно в каждом жило свое сердце. Старичок подул на кисти рук, прижал ладони, сцепил пальцы, шепнул на них слово, и... заиграл, и... вслушался.

Да! Да! Да!

На рояле полонез Огинского звучал по-другому, по-волшебному. Палыч прикрыл глаза, передал душу царству звука.

— Палыч, а Палыч, — вдруг услышал старик слева от себя, — «Шаланды, полные кефали» сыграем?

Музыкант глубоко вздохнул.

— После того, что ты натворил?

— Палыч, — искренне возмутился Форте, — присмотришься, я хороший, я Форте рояля! Этот Форте пианино от злобы лопнул. Даже если придет время играть «В лесу родилась елочка» — я с удовольствием.

— Форте рояля? — удивился старик.

— Так я это... с роялем, значит, обученный в академиях. У меня все документы при себе. Одна беда, парника нет, не подобралось как-то, не зазвучало...

Палыч оглянулся на директрису, но та уже была занята своими проблемами и совсем не обращала

внимания на старика. Палыч хитро подмигнул Форте рояля и взял первые аккорды песни «Шаланды, полные кефали».

Из-за пианино несмело выглянул Пиано.

— Иди сюда, — ласково позвал его Палыч, постучал по полочке справа от клавиатуры рояля. — У тебя много работы...

Старик обернулся к Форте рояля, добавил:

— Только с одним условием: ты будешь прислушиваться к Пиано.

— О чем разговор, я ж понимаю, что я без него какофония, — сказал Форте рояля, поиграл мышцами культуриста и помахал худенькому, как соломинка, человечку. Пиано, теперь уже рояля, ответил смущенной улыбкой, сунул пальчики меж коленями и впервые за последние годы облегченно вздохнул: и ему дали голос.

Грузчики осторожно взялись за пианино, дернули и... оно рассыпалось, превратившись в безмолвную труху.

Завтра Форте и Пиано рояля вместе с оркестром Ростроповича откроют органнй зал и создадут удивительную песню, понятную всем, а помогать им будут Форте и Пиано органа, Форте и Пиано скрипки, Форте и Пиано всех инструментов мира в унисон с Форте и Пиано человека.

г. Набережные Челны

Сергей Петров родился в 1960 году в Ереване. Отец был военнослужащим, мать — учительницей французского языка. В 1986 году окончил юридический факультет Казанского государственного университета. Издал книгу «Все когда-нибудь заканчивается». Публиковался в журналах «Законность», «Российская литература», литературном альманахе «Спутник» и других.

ГАСТАРБАЙТЕР

РАССКАЗ

Наступил тридцать первый день поиска работы.

Андрей, проснувшись, потянулся в кровати. Матрац был старый, со сбившейся в угловатые твердые комья ватой, которые вздымались буграми, натирали каждую частицу тела, безжалостно оставляя после каждой ночи красные пятна.

Светало. Семь утра. По хриплому кашлю курильщика можно было угадать, что Семен еще не ушел на работу. На его кровати в темноте сугробом белела скомканная подушка, виднелось раскиданное одеяло, облаченное в синий застиранный пододеяльник. До духоты пахло кислым заношенным бельем и дешевым одеколоном. Минут через пять взвизгнула входная дверь и щелкнул замок.

Андрей ворочался на бугристом матрасе и кривил лицо, поглядывая на неубранную Семеном кровать. В отличие от друга Андрей был педантом. Это качество передалось по наследству от отца. У того каждая вещь лежала на определенных местах. Кровать убиралась сразу перед зарядкой. Посуда мылась немедленно после приема пищи. Таким стал и Андрей. Он встал, убрал обе кровати, а затем приступил к физической зарядке. Через полчаса уже принимал освежающий душ. Но на кухне снова поморщился: на столе валялись крошки хлеба, стояли гряз-

ная тарелка и кружка с недопитым чаем. Вымыв посуду и удовлетворенно улыбнувшись, он сел завтракать.

Свое недовольство неряшливостью друга он открыто не высказывал. Да и что скажешь! Семен уже как год работает в Москве и снимает эту квартиру. Хорошо, что согласился приютить на время. Можно сказать, что повезло. Андрей давно хотел податься в Москву, так как в их провинциальном городке толковой работы не найти. Все крупные предприятия, работавшие на оборонную мощь страны, теперь стояли. Народ потихоньку спивался. Остальные или уходил в бандиты, или промышляли кражами. Единицы занимались бизнесом, но это те, у кого деньги есть.

Поэтому уже давно Андрей вынашивал мысль податься в Москву. Особенно утвердился в этом решении при первой встрече с Семеном, когда тот, приодевшийся и посвежевший, приехал на побывку.

— Денег в Москве видимо-невидимо. Столица! — периодически повторял уже подвыпивший новоиспеченный московский житель. Но при этом назидательно повторял, что, мол, устроиться в столице не так просто и нужно ехать уже с деньгами, а не голодранцем.

Запомнив разговор, Андрей стал потихоньку копить деньги. Работал он продавцом на строительном

рынке. Торговал межкомнатными дверьми. Хозяином палатки был азербайджанец по имени Азир. Собственно, и другими палатками владели его земляки: рынок находился под их контролем. На хозяина грех было жаловаться: сколько обещал — столько и платил, хотя порой и с задержкой. Одно было плохо: двери пользовались небольшим спросом.

С того часа, как Андрей окончательно решил ехать в Москву, он внутренне преобразился. Теперь его неотступно будоражила одна мысль — надо скопить деньги. Воровать или бандитствовать он не хотел. Не потому, что боялся. Просто не его это. Но о том, как увеличить продажи товара, придумался. В первую очередь изменил расположение выставленных в палатке дверей. На самое видно место выставил дешевые, и каждый день с утра стал их выставлять перед павильоном, чтобы было видно издали. Уговорил хозяина предоставлять скидки при покупке более одной двери. Вывесил рекламный плакат над павильоном. Не успокоившись, стал в свободное от работы время обходить новостройки. Их было немного, но одно дело, когда человек заходил на рынок и, теряясь от обилия павильонов, торгующих дверьми, не знал, в каком из них купить; другое дело, когда к нему домой приходил представитель

фирмы, профессионально осматривал квартиру и рекомендовал двери, которые были нужны новоселу и делали квартиру комфортной, светлой. Дело потихоньку пошло. Скоро Андрей стал предлагать покупателям одновременно с товаром и услуги по установке дверей. Его брат работал в строительной компании и сразу ухватился за шашку. Сколотить бригаду не представляло труда: деньги всем были нужны. Кроме того, Андрей уговорил хозяина давать рекламные объявления в газете. Увидев, что объемы продаж возросли, хозяин особо и не противился. Так потихоньку Андрей набрал денег на поездку в Москву. За месяц он надеялся найти работу. Ну и еще месяц надо было прожить до получения первой зарплаты.

Хозяин расставался с ним чуть ли не со слезами на глазах, пожелал ему удачи и обещал в случае чего взять обратно. Но в удачу и себя Андрей верил и не рассчитывал вернуться обратно.

«Что я, хуже других? Другие же устраиваются! Хотя бы тот же Семен», — думал он по пути в Москву, трясясь в облезлом, пропахшем грязными носками и потом вагоне.

Однако складывалось все не так, как он предполагал. Уже прошел месяц в поисках трудоустройства. Между тем накопленные деньги неумолимо таяли. Андрей перестал курить. Затем перестал обедать, а ужинал только картошкой, мешок которой он привез из дома. Когда, одетый в поношенный пиджак и истоптанные туфли, он с поезда попал в метро, то кожей чувствовал на себе брезгливые взгляды пассажиров. А какая-то дородная бабка неприязненно громко пропела: — Понаехали тут, спасу нет! Еще и с грязными мешками.

Позавтракав, он пошел к метро. Посмотрев с завистью на куривших у входа мужчин, сглотнул слюну. Стрелять сигареты было не в его правилах, да и раззадоривать себя не хотел. Раз уж не курить — то не

курить совсем. Поэтому спустился в подземный переход, по пути считая купюры. Несмотря на экономию, деньги продолжали неумолимо убывать. Много денег съедал транспорт: метро, трамваи, троллейбусы, маршрутки. В день он проходил по пять, а то и шесть собеседований. Ездить приходилось много. Один раз он добирался до какого-то офиса четырьмя видами транспорта и шел километр пешком. Он остановился перед входом в метро и посмотрел список компаний, которые ему предстояло обойти сегодня. Их было четыре. Все рядом с метро.

Он довольно вздохнул:

— Может, сегодня сэкономлю на транспорте.

Затем, съжившись, шагнул в открытую пасть метро и влился в общую людскую массу. Плотный поток прижавшихся другу к другу людей вынес его к шипящему эскалатору. Рекламные щиты зазывали покупать элитные колготки, лифчики, летать самолетами «Аэрофлота». От стоящего сзади работяги шел запах дешевого одеколona. Слева на поднимающемся вверх эскалаторе хрупкая девочка лет шестнадцати и долговязый паренек, не стесняясь, целовались.

— Нашли место и время, — недовольно сощурил глаза Андрей.

На ступеньку ниже целующейся парочки жирный мужчина в спортивном костюме усердно поглощал беляш. Тесто прилипло ко рту и расплзлось по пухлым щекам. Андрей сморщился, словно кожей почувствовав исходящий от него запах лука и прогорклого масла.

Вдруг во всеобщее движение ворвался строгий микрофонный голос:

— Граждане, не стойте в левом ряду эскалатора, он предназначен для прохода!

Впереди Андрея, на ступеньку ниже, стояла дама в несуразной белой панаме и больших роговых очках. Она вздрогнула и стала вертеть головой, как будто искала нарушителя правил пользования эскалатором, для того чтобы сделать ему

внушение. Даже обернулась и строго посмотрела на Андрея. Он вежливо скривил рот в улыбке.

Между тем людской поток внес его в вагон метро. Освоившись на новом месте, масса зажила своей жизнью: шебуршала, кряхтела, сопела, чихала, кашляла, пахла элитными духами и дешевой туалетной водой....

— Товарищ, уберите локоты! Он мне грудь давит, — вдруг взвизгнул женский голос.

— А я тут при чем? Если хотите как барыня ездить, пользуйтесь услугами такси или покупайте машину, — гаркнул, как отрезал, мужской голос.

Но женщина не успокоилась, и между ними началась словесная перепалка. Но, слава богу, вот и станция, на которой надо выходить, и Андрей с радостью выкарабкался на перрон.

Наземный воздух пахнул прохладой. Рядом с метро стояла палатка с шаурмой. Но Андрей не мог себе позволить проглотить кусок лаваша с кусочками мяса. Все складывалось не так, как планировалось. Прошел месяц, а на работу он так и не устроился. Конечно, как у россиянина у него шансов устроиться на работу больше, чем у многоликого потока безработных украинцев, белорусов, молдаван и иных выходцев из стран бывшего СССР. Но время шло. Больше всего пугала мысль, что можно и не устроиться на работу, и тогда придется возвращаться несолоно хлебавши. В этом случае едких насмешек не избежать. Главное, что тогда он сам в своих силах и возможностях разуверится. Но утром Андрей сжимал зубы и снова упрямо листал газеты с объявлениями о вакансиях и ездил на поиски работы.

Пахло летом, хотя нависшие тучи и спрятали солнце. Деревья и воздух лениво застыли в ожидании дождя. Бросив жадный взгляд на палатку с шаурмой, Андрей сглотнул слюну и стал раздумывать, в каком направлении идти. Офис фирмы

со странным названием «Прометей» находился рядом с метро.

Увидев название улицы и ориентир — шпилем взлетающее в небо двадцатизэтажное здание, сверкающее стеклом и алюминием, — Андрей уверенно пошел в его сторону, поскрипывая поношенными ботинками. По пути на него поглядывали многочисленные киоски и сверкающие витрины магазинов.

В первый день столица вызывала у Андрея чувство испуга и подавленности. Москва представляла собой бесконечное движение многоэтажных зданий, витрин, шума, асфальта, людей и машин. Он сразу себя почувствовал песчинкой.

— И как же я смогу тут жить? — первое время спрашивал себя Андрей.

Хотя Москва и подавила Андрея, но отказаться от знакомства с нею он не мог, тем более знаменитых воспетых поэтами и писателями мест здесь было немало: Арбат, Чистые пруды, Александровский сад, Патриаршие пруды, Поклонная гора... В первые выходные он решил начать осматривать город. Семен компанию составить отказался, лениво пробурчав:

— Лучше я пососу пиво и в телик поглазую.

— Жить в Москве и валяться в кровати, когда вокруг столько интересного? — недоуменно пожал плечами Андрей и пошел один.

В детстве он читал одну книгу о великом марафонце, который объездил весь мир. Запомнилось, что спортсмен старался познать каждый город, в котором был. Каждый город имел свой нрав, характер, свою душу. И, как орденами, он награждал их эпитетами: смурной Лондон, пестрый Бомбей, блистающий Париж, изящная Прага.

Следуя его примеру, Андрей стал в выходные дни совершать прогулки по городу. Чистые пруды встретили памятником Грибоедову, около которого оживленно гоготала толпа то ли панков, то ли метал-

листов. Миновал шумное сборище, он очутился в тенистых аллеях сада, и душа засияла. Загадочно позванивали рельсы трамвая. Выстроившиеся вереницей тополя в порыве озорного ветерка напевали листвою загадочную мелодию. А когда за аллеями возник пруд с горделиво плавающими лебедями, Андрей заворуженно замер. Все кругом настолько было сказочно, радушно, что хотелось думать, что так будет всегда. Покорил и вечерний Арбат. Улица пестрела и искрилась. Это была сказочная феерия бардов, факиров, клоунов, художников, хиромантов. Будто праздник вошел в душу. В другой выходной он свернул с Арбата и очутился в тихом уютном дворике. Посмотрел и обомлел — это именно «Московский дворик» с картины Поленова. Изящный особняк. Дальше храм Спаса Преображения, тот самый, что на картине Поленова. Было такое ощущение, будто оказался в другом мире и в другое время. Поваяло родным и до боли знакомым. Андрей бросал взгляды на черепичные крыши, кирпичные стены и пестрые цветники, и ему так и слышались цокот копыт, скрип колес экипажа... Райский уголок, и только. Это уже иной город. И другая Москва приняла его и ответила взаимностью. Он это почувствовал и каждые выходные познавал ее снова и снова. И сейчас бросал любопытные взгляды по сторонам.

Офис нашел быстро. Полчаса он ждал, когда с ним захотят, наконец, пообщаться. Скрипнула дверь, и вот в кабинет зашел толстый, в замусоленной рубашке детина. Выведав все об Андрее, он позвонил начальнику. Теперь перед ним предстал, наоборот, худосочный, с позолоченными очками на орлином носу господин.

Андрей невольно улыбнулся: «Ни дать ни взять как в рассказе Чехова “Толстый и тонкий”».

— Хватит выбирать! Смысленный мальчишка. Думаю, его и надо взять

менеджером. Справится, — заявил убежденно толстый, показывая пухлым пальцем на Андрея.

Тонкий пристально посмотрел и неожиданно писклявым голосом воскликнул:

— Завтра, как штык, к девяти часам на работу — и не опаздывать!

Когда за Андреем закрылась дверь, толстый и тонкий переглянулись.

— И ему не будем платить? — поллуутвердительно улыбнулся толстый.

— А чем он лучше предыдущих? Такой же гастарбайтер! — пискнул тонкий, и оба, довольные собой, загоготали.

Андрей стоял у входа в метро. Подул легкий приветливый ветерок. Тучи разошлись, освобождая солнце. На душе у него все пело и плясало.

— Наконец свершилось! У меня есть работа! — ликовал он. Хотелось пуститься в пляс.

Бросив взгляд на палатку шаурмы, махнул рукой, не спеша подошел и купил порцию. Вход в метро приветливо блеснул стеклами дверей. Эскалатор добродушно подставил свои ступеньки. Навстречу ему на плывущем эскалаторе молодая парочка нежно целовалась.

— Но как на свете без любви прожить? — звучала в душе песня.

Днем в метро нет такого людского потока, как утром. Он важно прошелся по полупустынному перрону.

Андрей шел по переливающимся гранитным плитам, его окружали пилоны, сверкающие белоснежным мрамором, приветливо улыбались светом хрустальные величественные чаши металлических торшеров. Стройные ряды светильников гордо присоединялись к этому сказочному празднику света и красоты.

«Все-таки у нас самое красивое в мире метро!» — гордо озираясь, думал он.

Поезд ласточкой подлетел к его ногам. Андрей вальяжно вошел, сел на свободное место. Вагон озорно поскрипывал по рельсам свою механическую мелодию. Сидящая напротив девушка читала книгу,

периодически улыбалась и заинтересованно посматривала на него. На душе у него все играло скрипками радости. На следующей станции метро в вагон зашел мужчина, достал баян и запел:

— Виновата ли я, что люблю!

Андрей заулыбался, как будто его маленький провинциальный городок резво ворвался в вагон.

Он, не задумываясь, достал из кармана несколько купюр и благодарно положил в шляпу музыканта. Девушка хихикнула, а Андрей ей весело подмигнул, и оба засмутились. Так он ехал всю дорогу, счастливо улыбаясь, и не ведал, что на выходе из метро его догонит звонок с приглашением выйти на работу в компанию, в которой был

на собеседовании еще во второй день приезда в Москву. А на следующий день московский воздух, облака, листва деревьев и стены монолитных зданий предупредительно не пропустят телефонный звонок от начальника фирмы «Прометей», сигнал которого затеряется в пространстве и времени и не дойдет до телефона Андрея.

г. Москва

Александр ШЕМЕТОВ

Александр Шеметов родился и вырос в Крыму. Служил в Германии. В 1976 году окончил Днепропетровский горный институт по специальности «автоматика и телемеханика». Работал инженером в Харькове. Проектировал тепловые электроцентралы на металлургических комбинатах ближнего и дальнего зарубежья.

РАССКАЗЫ

ЗАКОН ФИЗИКИ

Начальник спасательной станции Водягин собрал подчиненных ему спасателей на планерку.

— У нас самые плохие показатели на побережье, — внушал он собравшимся. — Все отдыхающие, которым в море утонуть суждено, едут почему-то именно к нам. Кто сознательно хочет утопиться — к нам. Кто неосознанно — тоже к нам. В прошлом году двадцать человек выловили и в позапрошлом столько же. О чем это говорит? О том, что ни в какие нормы не вписываемся. Надо снижать процент утопленников. Не на дне моря их прятать в водорослях, как предлагает Семенов, а, наоборот, успевать вытаскивать, по возможности живыми. Отсюда вывод: начнем проводить тренировки. Сейчас апрель, к лету чему-нибудь

научимся. Это водолазов касается. Основная наша проблема.

С водолазами действительно была проблема. Из четырех человек, которые посменно работали, двое к новым аквалангам никак привыкнуть не могли. То им воздуха не хватает, то, наоборот, лишний. Двое других пользоваться хоть и умели, но боялись. Да и что с них возьмешь? В прошлые времена хоть занятия проводились. Старые работники помнят, как в море выходили лодки, с которых бросали манекены, а следом мчался катер с водолазами, которые прыгали в воду и искали эти манекены. Теперь по штату водолазы и катера есть, а бензина нет. За утопающими иной раз шлюпку на веслах посылали. Пока догребешь — уже не

утопающий, а утопленник. А про учения и говорить не приходится. Нет никаких учений. Манекены по прозвищу Мироны валяются в подсобках; катера закрыты в сараях, именуемых эллингами; гидрокомбинезоны, именуемые на станции скафандрами, пылью в шкафах покрылись. Поэтому водолазы и боятся своей работы. Вот Семенова взять. Ему чтоб в открытое море со своим снаряжением спуститься, десяток вопросов решить надо. И чтобы страховка двойная была, и чтобы второй водолаз в катере наготове находился, и медсестра чтобы рядом сидела, и чтобы на берегу скорая помощь стояла.

— В этом году нам наконец-то лимит на бензин добавили, — продолжал говорить начальник спаса-

тельной станции. — А потому я сам сегодня водолазов проверять буду. После обеда и начнем! Заодно катера опробуем и шлюпки. Ну и бдительность всего личного состава.

С начальником не поспоришь. После обеда две шлюпки с Миронами отправились в разные стороны от спасательной станции. С вышки велось пристальное наблюдение, какая из них Мирона сбросит.

— Правая бросила! — закричали наблюдатели, тарашась в стереотрубу и в бинокли.

— Не перепутали?

— Нет!

Перепутать не могли, потому что начальство начальством, а на лодках свои люди, которые на вышку условные сигналы подают.

— Ну, значит, направо! — распорядился старший водолаз Макухин.

В катере уже сидел Водягин и следил за действиями своих подчиненных. На губах его играла ухмылка, дескать, поглядим, как вы Мирона найдете и как вытащите. Вода как раз мутная после шторма. В самый раз учения проводить.

Снаряжение на борт кинули быстро, катер столкнули в воду, моторист Павленко завел мотор, и спасательная бригада помчалась к предполагаемому утопающему. Первым спустился старший водолаз Макухин. Мирона он искал долго. Вода мутная, видимость отвратительная. Но в конце концов нашел, потому что спустили его за два метра от нужного объекта. Мирона отдали в шлюпку, та отплыла, и пока очередной водолаз отвернулся, чтобы не видеть, где утопающий, манекен опять швырнули в воду. За Макухиным по очереди полезли еще два водолаза. Тоже искали долго, но в конце концов нашли.

— Ну вы и возитесь, — недовольно ворчал Водягин. — Мирон в метре от вас, а вы все дно истоптали. Я по пузырькам слежу, как вы бродите там взад-вперед. Если б настоящий утопающий был, давно бы захлебнулся. Давай теперь ты, Семенов!

Семенов надел снаряжение и оглядел окружающих. Медсестра на месте, катер на якоре, страховка закреплена. Мирона со шлюпки, как он успел заметить боковым зрением, бросили рядом.

— Чего тянешь? — буркнул моторист Павленко. — Холодно тут торчать. Прыгай!

Семенова столкнули за борт. Тот кувыркнулся и исчез в воде.

— Этот не найдет, — сказал уверенно Павленко. — Мы с ним прошлым летом студента искали. Я того доходягу с катера вижу, а Семенов сам в водорослях заблудился. Хорошо, рядом пацаны плавали. Они и вытащили пострадавшего. А заодно и Семенова прихватили, чтоб зря воздух в баллонах не расходовал.

— Да-а-а... — вздохнул начальник станции Водягин. — Выучка у вас — как у солдат-первогодков. Ну ничего, я за вас возьмусь. Вы у меня поплаете. Это что такое? Семенов знак подает? Неужели Мирона нашел?

Страховочная веревка дернулась — сигнал того, что наверх тащить надо.

— Нашел, не нашел, — проворчал старший водолаз Макухин, — а вытаскивать придется. Инструкция того требует. Может, и нашел. Дуракам везет.

Стали тянуть, но на поверхности оказалась только веревка.

— Что такое? — удивился Водягин. — А где Семенов?

— Похоже, в воде остался.

— Сам вижу, что в воде. А почему веревка у нас?

— Он, видать, страховку неправильно закрепил, — подсказал моторист Павленко. — На руку ее намотал, вместо того чтоб на пояс. Водолазы иногда так делают, чтоб удобней было дергать.

— Да вы с ума сошли! — закричал Водягин. — Как вы могли инструкцию нарушить? Почему никто мне не доложил, что он на руку веревку надел? Ну-ка смотреть всем в воду! Пузырьки увидим и вытащим этого недоумка. Не хватало мне еще в тюрьму из-за вас сесть.

Все стали смотреть в воду, но пузырьков не было.

— Что за ерунда? — растерялся Водягин. — Быть такого не может.

Может, не может, а пузырьков не было. Морская гладь распространялась во все стороны без всяких внешних воздействий.

— Ну-ка прыгайте в воду! — распорядился Водягин, глядя на остальных водолазов. — Искать надо.

Иначе утонет к чертям собачьим.

— Не с чем прыгать, — ответил старший водолаз Макухин. — У аквалангов воздух выработан. А запасной не взяли.

— Что значит — не взяли? Да вы хоть понимаете, что происходит? Меня ни один суд не оправдает, если не найдем Семенова. Быстро в воду!

Водягин попытался столкнуть Макухина в море, но тот увернулся и ухватился за борт катера.

— Куда я полезу? — огрызнулся он. — Откуда я знаю, где Семенов там ходит? Может, он к берегу пошел, а может, к морской границе? У него всегда все шиворот навыворот.

— Ты мне зубы не заговаривай, — все больше свирепел Водягин. — Твоя обязанность была снаряжение проверить. Я за тебя отвечать не намерен. Какого черта я вообще с вами поехал? Может, Семенов там вовсе и не ходит, а лежит на одном месте. Бульб не видно.

Водягин прекрасно понимал, что если б он не поехал, то за все происходящее отвечал бы старший водолаз. Самому Водягину как начальнику станции вклеили бы выговор — и все. А теперь, если Семенов утонет, тюрьма гарантирована, потому что он как руководитель занятий не обеспечил безопасность людей. И самое ужасное было то, что ничего нельзя сделать. За новыми аквалангами на станцию не съездишь — место нахождения Семенова потеряется. Шлюпка, которая тут на якоре стояла, ушла, примет рядом никаких нет, до берега метров сто пятьдесят. Где потом искать?

Медсестра сидела в катере и тихо плакала. Семенов должен был ей деньги.

— Дурак я старый, — расплылся между тем Водягин. — У меня язва и давление. Мне в тюрьму нельзя. Я до конца срока не доживу.

Он был уже не в себе. Последние часы на свободе проходили в ужасной обстановке среди этих безмозглых водолазов, которые кроме как огрызаться ни на что не способны. Но он числился еще начальником и потому пытался переломить ход событий.

— Ну-ка все в воду!

Не успели два водолаза, кроме Макухина, ухватиться за борта, как Водягин вытолкнул их с катера. Те вывалились в море, но тут же полезли обратно. Фыркая и отплевываясь, они карабкались наверх, однако Водягин отрывал их руки от бортов и кричал:

— Нырять! Вы спасатели или кто? Кто меня от тюрьмы спасет? Тем более человек тонет!

Тонет-то он тонет, но не в апреле же его искать, да еще без аквалангов. Вода мутная, и если, не дай бог, на Семенова напорешься, то там с ним и останешься. У самого Семенова килограммов семьдесят да снаряжение сорок. Как все это вытащишь? Точно там останешься!

Водолазы опять ухватились за борта с разных сторон, и пока Водягин выталкивал одного, другой был уже наполовину в катере. И тут случилось неожиданное. Из моря, с которым Водягин собирался расстаться на несколько лет, вылетел, подобно мячику, раздутый скафандр. Может, он был и не такой раздутый, как показалось спасателям, но воздуха в нем вполне хватило, чтобы вырваться из морской пучины. Эта резиновая оболочка, внутри которой находился Семенов, прыгнула на метр из воды и плюхнулась обратно на поверхность. Оцепеневшие водолазы в первые мгновения не сообразили, что делать, но потом, опомнившись, подхватили драгоценный предмет и втянули его в катер.

— Ох! — вырвался у медсестры вздох облегчения. «Деньги нашлись!»

— Ух! — вырвалось у начальника станции. «Прощай, тюрьма».

— Бр-р-р... — вырвалось у водолазов от холода. Скорей на берег греться и морду Семенову набить.

Когда с Семенова сорвали шлем, он был в обмороке. Ему сунули в нос нашатырь, он открыл глаза, обалделым взглядом обвел окружающих и снова готов был впасть в забытьё.

— Нет уж! — шлепнул его несколько раз по щекам Водягин. — Теперь концы не отдашь. Теперь я тебя до берега дотяну. Еще ему нашатыря! Павленко, заводи мотор!

Уже потом, на берегу, стали разбираться, что же произошло с Семеновым. Сам он объяснить не мог. Когда он нашел Мирона и дал знать, сознание еще не предвещало ему катастрофы, но, когда он увидел исчезающую веревку и внутренний голос сказал ему: «Все! Амба!», организм начал давать сбои. Сначала бросило в пот, потом сбилось дыхание. А дальше ничего не помнил.

— Если б не лепестковый клапан, — сказал Макухин, — труба была бы Семенову.

— Да, — согласились другие водолазы. — Повезло!

Оказывается, у водолазного комбинезона за зиму склеился лепестковый клапан. Через этот клапан стравливают излишки воздуха, находящиеся внутри водолазной одежды, чтобы легче было на дно погружаться и работать на грунте. А у Семенова все излишки оставались при нем. Их потом и хватало, чтобы вытолкнуть тело обратно на поверхность.

— Все равно непонятно, — недоумевали двое молодых спасателей, — откуда там столько воздуха набралось, что на подъем хватило? Из себя Семенов его выпускал, что ли? Каким же, интересно, местом?

В жизни, конечно, всякое бывает, но чтобы Семенов сам себя со дна поднял, никак не верилось. Истории

известен только один случай, когда человек свое туловище за собственные волосы из болота выдернул. Это произошло еще в восемнадцатом веке с немецким бароном Мюнхгаузеном. А для наших широт дело неслыханное.

— Может, когда он в обморок свалился, что-то в снаряжении передал? — продолжали рассуждать сомневающиеся спасатели. — И потому весь воздух из баллонов не в рот ему попадал, а в костюм?!

— Не мелите чепухи! — обрывал эти рассуждения старший водолаз Макухин. — Семенов грузы сбросил, вот и всплыл. Спросите лучше, как ему удалось так быстро свинцовые пластины отстегнуть. На берегу такой прыти не наблюдалось.

Семенов и этого объяснить не мог. Мозги ни в тот момент, ни теперь не работали. Помнил только, как внутренний голос сказал: «Амба!», а вот как отстегивал грузы и как окзался на поверхности, в сознании не отложилось. Если бы не законы физики, внутренний голос сказал бы правду. Но не зря Архимед придумал выталкивающую силу. И хорошо, что направил он ее вверх, а не вниз. Если бы вниз, Семенов не на поверхность бы вылетел, а зарылся головой в песок.

— Утопить бы вас всех за такие дела, — говорил после всего случившегося начальник станции. — Страховку не закрепили, запасной акваланг не взяли, в воду лезть боитесь. И хотите, чтоб народ после этого не тонул? Да все самоубийцы к нам теперь полезут, когда узнают наши способности. И правильно сделают. Мы сами себя спасти не можем. Спасибо, хоть из-за разгильдяйства лепестковый клапан не расклеили. А то бы сидеть кому-то в тюрьме, а кому-то лежать на грунте. Но самое большое спасибо — Архимеду. Без его законов многим была бы крышка. Жаль только, не придумал он теорию от глупости. Хотя дуракам законы все равно не писаны.

СТРАХОВКА

День на спасательной станции протекал скучно. Одного утопленника уже вытащили, других пока не было. Работники слонялись по территории, не зная, куда приткнуться.

— Надо им какое-то занятие придумать, — сказал бывший водолаз Степаныч. — Иначе одуреют.

Петр Степаныч уже два года как вышел на пенсию, но частенько заглядывал на станцию покрутиться среди бывших соратников по спасательной службе. Сейчас он сидел на лавочке и курил. Рядом с ним приютились моторист Ткачук и старший водолаз Макухин.

— Хорошие у тебя советы, Степаныч, — вздохнул Макухин. — Только с занятиями не получится. Это раньше можно было на рыбалку съездить или отдыхающих на прогулку вывести. А с прошлого месяца посторонние дела запрещены.

— Что такое?

— Мэр города вето наложил.

Специально вызывал к себе начальника и сказал, что если на спасательных катерах будем девок катать или в соседние поселки за вином ездить, чтоб пеняли на себя.

— Чего это он так?

— Выборы скоро. Есть указание снизить количество утопленников вдвое. В руководстве города думают этим количество голосов привлечь. Мэр говорит, надо бороться за жизнь граждан, а не водку на работе жрать. Если, говорит, будете использовать катера не по назначению или отвлекаться на посторонние мероприятия, сниму с городского довольствия. Переведу, говорит, на самоокупаемость или вообще разгону к чертовой бабушке. Так что мы на крючке.

— Ну что ж, — развел руками Степаныч. — Против руководства не попрешь. Занимайтесь тогда самообразованием. Изучайте, как правильно делать искусственное дыхание или

как разумно страховкой пользоваться. Страховка в нашем деле — залог успеха.

— Опять ты за свою страховку. Как придешь, так у тебя одна страховка на уме.

— А потому, что предмет серьезный. Я когда на Балтике служил, так у одного водолаза страховочный линь запутался. Он его взял и обрзал. Думал, без него выберется.

— И что?

— До сих пор выбирается. А когда на Дальнем Востоке работал, тоже случай был...

Степанычу не дали договорить. Прибежал запыхавшийся водолаз Семенов.

— Дело есть, — шепнул он Макухину. — На набережной клиенты сидят. Желают мидий попробовать. Пока Водягина нет, можно съездить наловить.

— Еще чего! — отрезал Макухин. — С работы хочешь вылететь?

Старший водолаз Макухин в отсутствие начальника станции Водягина всегда оставался за главного. Раньше он безоговорочно соглашался на подобные мероприятия и даже сам в них участвовал, но теперь ситуация изменилась. Рисковать было нельзя.

— Водягин не узнает, — продолжал Семенов. — Пока он приедет, мы управимся. С Ткачуком резервный катер возьмем и съездим. Знаешь, сколько клиенты платят?

— Сколько?

Макухин спросил это машинально по старой привычке, но, когда услышал ответ, решительность его наполовину угасла.

— Ты не переживай, — продолжал Семенов. — Мы в Козью бухту махнем — и назад. Где еще такие деньги заработаешь?

— Эта бухта с дороги просматривается, — неуверенно сказал Макухин. — Водягин как раз оттуда ехать будет.

— Ну, можно и в другую сторону. К Тихому мысу, например. Пока клиенты не передумали, надо ловить момент. Я уже и задаток получил.

Он показал задаток, и Макухин, глядя на него, почесал мохнатую грудь. Волосной покров на его теле зашевелился вместе с мыслями в голове. Мидий надрать — дело нехитрое. Но если всплывет, хлопот не оберешься.

— Время теряем, — не отставал Семенов. — Если боишься одного водолаза отправлять, то можно Степаныча в подмогу взять. Он свои навыки еще не забыл.

— А что, — сказал Степаныч. — Я не против. На страховке посижу. Тем более у Тихого мыса давно не был.

— До Тихого далеко, — буркнул Макухин. — Есть места ближе.

Метров за двести от него бухточка имеется. Там под водой два камня торчат. Все мидиями облеплены.

— Ну так поехали, покажешь!

— А если Водягин явится?

— Его до вечера не жди.

— Ладно. Спускаем резервный катер. Эй, Козлов, остаешься за меня!

Через несколько минут бригада из четырех человек мчалась к месту добычи мидий. Моторист Ткачук гнал свою посудину во всю прыть. На борту кроме него сидели старший водолаз Макухин, пенсионер Степаныч и водолаз Семенов. У Семенова было прозвище Бемоль. Это слово прилипло к нему, когда он однажды приволок на станцию баян своего племянника и стал наигрывать китайские мелодии. «Надо же! — удивлялись спасатели. — Когда ты выучился?» — «А тут ума большого не надо, — отвечал Семенов. — Нажимаешь черные кнопки — вот и китайская музыка. Кнопки называются бемолями». Так и стал он Бемолем. Сейчас этот исполнитель китайских песен сидел рядом со Степанычем и пересчитывал задаток.

— Если б мэр не мешал, — говорил он, — мы бы озолотились. Нельзя его на второй срок выбирать.

— Твои бы слова до бога! — согласился Макухин. — Приехали!

Перед Тихим мысом была бухта без названия. Макухин показал, где бросить якорь.

— Давай, — сказал он Семенову. — Только поживее! Времени в обрез.

— И одевайся как положено, — добавил Степаныч. — А то, вижу, с одним аквалангом собираешься лезть. Костюм с грузами бери. И страховку обязательно. Без нее не пушу.

— Да тут метра три всего.

Я бы и так.

— Не рассуждай! Мало тебе апрельского случая, когда чуть на дне не остался. Забыл, как страховку на руку намотал и она соскочила? Закрепляй лить как положено!

Семенов не стал спорить. Он надел гидрокомбинезон, нацепил акваланг, опоясался страховочным канатом и прыгнул в воду.

— Ленивый народ стал, — покачал головой Степаныч. — Все норовит как легче, а потом боком выходит. Думают, страховка для украшения. Помню, у меня случай был, когда я на Енисее работал. Мы баржу затопленную обследовали. Я не рассказывал?

— Вроде нет, — ответил Ткачук.

— Затонувшие суда обследовать — это не мидии дергать. Я когда первый раз с этим столкнулся, дрожь была в обе коленки. Боялся с мертвецами столкнуться. К той барже тоже плыл с волнением. Экипировка у нас была не такая, как здесь. Тут акваланги с масками, а там водолазное снаряжение классического типа. Костюм — трехболтовка, шлем с иллюминаторами, воздух по шлангам подавался. Если кто с такой амуницией работал, знает, что нюансов там считать не пересчитать.

При этих словах Степаныч достал сигарету, закурил и, выпустив изо рта аккуратные колечки дыма, продолжил:

— Так вот, привез нас буксир к месту, где баржа лежала. Напарник мой

Васька Терехин опытный водолаз был. Раньше он охотой занимался, соболей добывал, а потом в водолазы переквалифицировался. И полез этот охотник по трюмам разузнать, что там и как. Меня же в резерве на буксире оставили. А надо сказать, что снаряжение наше было выдавшее виды. Его давно собирались списать, но не могли новое получить. И что самое неприятное: в нем переговорное устройство через пень-колоду работало. Не слова получались, а кваканье. Ну, шарит Терехин по трюмам, что-то квакает. Поняли лишь, что баржа под наклоном лежит. А потом через время вдруг страховка задержалась. Сигнал: помощь требуется. Меня тут же снарядили — и я вниз. А мое переговорное устройство еще хуже терехинского. Пробрался я к Ваське. Баржа лежит под углом тридцать градусов, в трюме воздушная подушка. Терехин по пояс в воде, иллюминатора на шлеме нету. Рядом ящик с какими-то бутылками. Ну, думаю, классическая история. Мы когда в водолазной школе учились, нам пример приводили из жизни. Где-то на Западе одного водолаза спускали в трюм трезвого, а поднимали в стельку пьяного. Сперва понять не могли, а после выяснилось, что он там виски нашел, снимал иллюминатор и прикладывался к бутылкам. Воздушная подушка позволяла это сделать. Неужели, думаю, Васька тоже трапезу решил устроить? Открутил я свое стекло и сразу заявляю: меня к этому не привлекай! Если, говорю, пить собрался, так пей сам, а у меня нет привычки под водой алкоголь глотать. Еще говорю, что если он меня для компании позвал, то зря старался, я технику безопасности нарушать не буду. Терехин только руками замахал: «Какой там пить? — говорит. — В бутылках ацетон! Я вообще на волосок от смерти. У меня иллюминатор пропал». Смотрю, у него и правда в руках ничего нету. «Как пропал? — спрашиваю. — Куда пропал?» Васька руками в угол

тычет, а сам от волнения голос теряет. Без иллюминатора крышка. Это козлу понятно. Непонятно другое: зачем он его снял? Спрашиваю его, а он в ответ: «Оглянись по сторонам! Соболей видишь? Полный трюм пушнины!» Я развернулся — и правда, трюм соболиными шкурками увешан. Часть над водой, часть в воде. Я, говорит Терехин, иллюминатор снял, чтобы шкурки обнюхать. Неизвестно, сколько они тут пробыли и в каком состоянии их везли. Если, говорит, выделанные, то могли сохраниться, а если нет, то пропали. Ему, как соболиному охотнику, эти шкурки в душу запали. Только пока он носом в них тыкал, ноги его поскользнулись, и иллюминатор из рук выскочил. На наклонной барже поскользнуться — раз плюнуть. Вот его смотровое окошко и укатилось в нижнюю часть трюма, где воды до верха. С открытым скафандром не достать. Тут меня самого в дрожь бросило. Если не найти, думаю, точно Терехину крышка. Останется тут вместе с соболиными шкурками. Привинтил я свое стекло и полез искать. Хоть бы, думаю, не наступить и не повредить. А то такого стекла не то что на буксире, в порту не сразу найдешь. За это время затонувшая баржа может угол положения сменить, и тогда заказывай музыку. Но иллюминатор нашелся. Выбрался я к Терехину, отдал находку и спрашиваю: «Что делать будем?» Думал, он тут же наверх полезет после пережитого. А он в себя пришел и говорит: «Соболей поднимать будем. По запаху вроде нормальные». В тот день подняли мы чуть ли не целое состояние. Миллионерами, конечно, не стали, но банкет устроили славный. Неделю всем буксиром гуляли с цыганами и с артистами областной филармонии. А если б не было у Терехина страховки, не было бы ни банкета, ни цыган, ни самого Терехина.

— Да, — сказал Макухин. — Не зря ее придумали. Давай-ка дергай ве-

ревку! Пусть Бемоль вылезает. Хватит нам мидий. Объедятся клиенты.

Степаньч дернул канат три раза. Сигнал к подъему. Семенов ответил, что команду понял. Его стали поднимать.

— А ты заводи мотор, — дал распоряжение Ткачуку Макухин. — А то эта старая рухлядь вечно заедает и глохнет.

Ткачук сунулся в мотор, тот чихнул и вместо того чтобы, как обычно, заглухнуть, вдруг загудел и завелся. С ним такое редко случалось, но тут случилось. Все его лошадиные силы напряглись и толкнули дряхлую посудину, которая прыгнула вперед, будто ей дали вожжой. Кто был на борту, от неожиданности повалились с ног. Ткачук с Макухиным кувыркнулись через сиденье, Семенов, который еще полностью не вылез наверх, вывалился вместе с мидиями обратно в море, а Степаньч, тыкаясь носом в днище, выпустил из рук страховку. Оплешность старого водолаза тут же дала себя знать. Канат сначала взвился вверх, а потом описал дугу и попал на винт мотора. Влипнуть в историю на воде — секундное дело. В этот раз влип Бемоль. И не куда-нибудь, а в винт катера. Страховочный конец, попав на вращающуюся конструкцию, тут же закрутился и притянул его к лопастям. Неизвестно, как бы окончил свои дни водолаз Семенов, если бы мотор работал как часы. Семенова могло крошить на куски, могло убить головой о днище, но мог бы он и в психушке оказаться. После стольких ударов мозгами о железную обшивку дорога никуда не заказана. Однако мотор как завелся, так и заглох. Это спасло Бемоля. Только вот его, привязанного, притянуло к судну вверх ногами. Голова в воде, ноги в воздухе.

— Ах ты язви его в душу! — всплеснул руками очухавшийся Степаньч. — Это как же так?

Они с Ткачуком попытались крутануть винт, чтобы перевернуть Семенова головой вверх, но винт

не поддавался. То ли натянутый линь не позволил это сделать, то ли мотор заклинило по другой причине. Бемоль как торчал ногами к солнцу, так и продолжал торчать. Выход был один — резать канат. Однако по странному стечению обстоятельств в катере не оказалось ножа.

— Как нету ножа? — рассвирепел Макухин. — А где все инструменты? — Похоже, Шурка Козлов утащил, — догадался Ткачук. — Утром там шнырял.

— Что за глупости? Кто позволил?

— Ему Водягин поручил баркас подправить, вот и брал все подряд. Может, у Бемоля нож есть?

Облапили Семенова, но у того тоже ножа не было.

— Ну, это вообще ни в какие рамки не лезет, — ругался Степаньч. — У водолаза должен быть нож. Может, он его уронил?

Ситуация складывалась так, что Семенову приходил конец. Торчать длительное время вверх ногами не каждому организму под силу. Прилив крови к голове ничего хорошего не сулил.

— Все из-за тебя! — кипятился Степаньч, глядя на Ткачука. — Надо было инструменты проверить перед отплытием!

— А тебе надо было страховочный конец крепче держать!

— А какого черта ты мотор запустил раньше времени?

— А какого лешего ты вообще страховку ему напялил? Тут три метра всего. Вон теперь ногами дрыгает.

Семенов изредка дергал ногами, то ли пытаясь принять более удобное положение, то ли бился в конвульсиях.

— Надо подмогу вызывать! — решил Макухин. — Долго он так не протянет.

— А как вызывать? На станцию бесполезно звонить — не успеют. — У Степаньча от волнения срывался голос. — Если бы в Козью бухту поехали, там хоть дорога рядом. Можно проезжие машины остановить. Наверняка у кого-то нож есть.

— Вот Водягина и остановил бы. Он бы тебе припомнил слова мэра.

Помощь пришла неожиданно. Из-за скалы вынырнул катер, который на полном ходу мчался мимо спасателей. Криками и взмахами рук удалось привлечь его внимание и развернуть в свою сторону.

— Это Яшка Рябов, — узнал Ткачук. — Катер из санатория. У него точно нож есть!

Катер был большой. На нем имелась каюта, рулевая рубка, на корме располагались скамейки для пассажиров. Нож там действительно был. И не только нож. На борту кроме режущих инструментов было еще много чего интересного. В каюте сидели корреспонденты местной газеты, на корме разместились руководители городских служб, а в рулевой рубке рядом с Яшкой находился сам мэр города. От такой неожиданной встречи у Макухина перехватило дыхание. Все мысли, которые были в его голове, тут же перепутались, а рот заклинило, будто туда сунули кляп. У него потребовали разъяснить ситуацию, но он ничего внятного произнести не смог. Благо торчащие из воды ноги больших объяснений не требовали. Достаточно было показать пальцем в их сторону.

Освобождал Семенова лично мэр. Всех остальных отогнали подальше, чтобы не путались под ногами. Главный руководитель города с особым рвением резал ножом канат, а его в разных ракурсах фотографировали корреспонденты.

— Алексей Федорович, голову чуть выше! Алексей Федорович, отверните лицо от солнца!

Мэр поднимал голову, как было велено, поворачивал лицо, куда было указано.

— Алексей Федорович, закройте рот! Алексей Федорович, спрячьте язык!

Во время этой церемонии Ткачук спросил Яшку:

— Откуда вы плывете?

— В Максимовке предвыборную агитацию проводили.

Когда Семенова достали, он весь дрожал от страха и физического перенапряжения. Губы тряслись, глаза налились кровью. К нему прицепились корреспонденты:

— Что вы ощутили, когда Алексей Федорович вас освободил?

— М-м-м, — мычал Бемоль.

— Наверное, большую благодарность?

— М-м-м.

Этот содержательный диалог сопровождался икотой и заиканием пострадавшего. Немногочисленные звуки, выскакивавшие из его рта, были бессвязными или проглатывались, не долетая до окружающих.

— Вы бы отстали от него, — посоветовал Степаныч. — Он чуток переутомился. И вообще он у нас немногословный.

На реплику Степаныча корреспонденты не отреагировали. Мало ли что переутомился и мало ли что немногословный. Они тоже уставшие, и им, может, тоже разговаривать не охота. Но такая у них работа.

— Как вы относитесь к деятельности мэра? — лезли они с вопросами. — Как вообще оцениваете сложившуюся ситуацию? И как себя чувствуете?

— М-м... ми-ми...

— Чего?

— М-мидий жалко.

— Каких мидий?

— Не слушайте его, — сказал

Степаныч. — Видите, он не в себе. Напишите, что он благодарит мэра за спасение. На выборах будет голосовать только за него.

Совет старого водолаза снова был проигнорирован. Работники прессы собирали материал для своей статьи, и нужны были личные ощущения пострадавшего.

— Алексей Федорович самостоятельно перерезал веревку, из-за которой вы чуть не погибли. Хотите ему что-нибудь сказать? Или, наоборот, спросить?

— Откуда у него нож?

— Это сейчас не главное. Главное, что нож вовремя оказался в твердых

руках. И эти руки его умело использовали. Ну так какой вопрос вас интересует?

— Он всегда с ножами ходит?

Семенов явно пересидел в воде головой вниз. Все мысли перебрались в другую часть тела, которая оставалась наверху. Но корреспонденты все равно не отставали. Они видели, что икота с заиканием отступают, и пытались выудить у спасенного человека хоть что-нибудь вразумительное.

— Нож был на катере, — объяснили они. — Если б не этот нож и не действия Алексея Федоровича, до сих пор торчали бы головой вниз. Какие у вас есть просьбы или пожелания?

— Мне бы такой нож.

— Тьфу!

Больше к Семенову не приставали. Его перевели со спасательного катера на санаторский и усадили на корме. Сюда же перебрались и остальные участники похода за мидиями. Спасательный катер не завелся. Его брали на буксир.

Когда, наконец, Яшкино судно взяло курс к городской бухте, Макухин сказал Степанычу:

— Уволят нас теперь. И все из-за твоей страховки. Может, где-то она и помогает, но не у нас. Если б не она, давно бы уже на станции сидели.

— Тихо! — шепнул Ткачук. — Про нас говорят.

Шум мотора Яшкиного катера заглушал слова, доносившиеся из каюты, но кое-что было слышно.

— Неплохо бы поощрить спасателей, — говорил кто-то из помощников мэра. — Они нам здорово помогли. Такую ситуацию создали, что вы, Алексей Федорович, в глазах избирателей герой. Завтра в газетах появится ваша фотография, как вы спасаете человека. Нам для выборной кампании лучше не придумай. И самое главное, все натурально. Никаких подтасовок.

— Премию им, что ли, выписать?

Следующие слова заглушил звук мотора. Спасатели напрягли слух, но разобрать ничего не смогли.

— Похоже, вам премия будет, — сказал Степаныч. — И все благодаря моей страховке.

Шум мотора стал приглушеннее. Голоса из каюты снова стали доноситься отчетливее.

— Не нравится мне это, — говорил мэр. — Я не против фотографии в газете, но уж больно гладко все получается. Человек в беде — и я тут как тут. Вроде как рояль в кустах. Конкуренты подумают, что специально подстроили. Может, лучше уволить спасателей?

— За что?

— За то, что на работе черт-те чем занимаются. Думаете, что они в той бухте делали? Наверняка крабов ловили. Вот написать все как есть. И особенно о принятых мерах против разгильдяйства. Вот это будет реальность. Это населению понравится.

Дальше слова опять потонули в шуме мотора.

— Уволят все-таки, — сказал Макухин. — Как пить дать уволят. А все страховка.

— Да, — поддакнул Ткачук. — Картина невеселая. Заварил Семенов кашу со своими мидиями, а нам расхлебывать. Ему что? У него ум за разум заскочил, и ему трава не расти. Сидит, глазами крутит. А нам как быть?

Из каюты послышались голоса.

— Нельзя их сейчас увольнять, — говорили помощники. — На выборах многих голосов лишимся. У них братья, сватья, кумовья. Обидятся. До выборов никого трогать нельзя.

— А руководителя города дурить можно? — сказал мэр. — Я их предупреждал, чтобы обязанности свои выполняли как положено. Так и ухом не повели. Мы вот как поступим. Сегодня к концу дня предоставьте мне сводки о происшествиях на море. Если за это время кто-нибудь утонул или кому-то оказали некавалифицированную помощь, меры приму самые крутые. Нельзя допускать, чтобы рекомендации руководства не выполнялись.

Разгоню всю эту братию к чертовой бабушке, чтобы другим неповадно было. Новых людей наберу. Сводку мне к вечеру на стол.

— Господи! — прошептал Ткачук. — Помоги чем можешь! Застрахуй нас от мэра. Дай здоровья всем пловцам. Пусть никто не утонет! Убереги их от

соблазнов глубоко нырять. Застрахуй всех курортников от бед и невзгод.

— Только не страховкой Степаныча, — добавил Макухин.

Крым

Олег ЛЕБЕДЕВ

Продолжение. Начало в № 11, 12 за 2011 г.

РИЖСКИЙ НОКТЮРН МЕЧТЫ

ПОВЕСТЬ

Спасение

Он заносит руку, пальцы которой сжимают копьё. Но не успевает нанести удар. Прямо на лицо его бросается невесть откуда взявшаяся птица. Она бьет его крыльями, клювом пытается ударить в глаза.

Воин продолжает держать копьё одной рукой, а другой старается отбросить от себя петуха. Да это Петух! Петух с кирхи! Золотистый, впитавший в себя силу солнца.

Схватка продолжается считанные секунды. Я не успеваю сдвинуться с места. Моему, вернее, нашему, противнику удается отбросить Петуха в сторону. Воин вытирает кровь на лице, а упавший на мостовую Петух, кажется, чувствует себя неважно, у него висит одно крыло. Несмотря на это он удивительно громко кукарекает, делает это настойчиво, будто призывает кого-то.

Я делаю стремительный выпад, пытаюсь сильно ударить воина. Нет, не ножом, не могу сделать это, я сломил его, держу в кулаке, так стукну сильнее. Но Аполлон Яковлевич в его нынешнем виде обладает отменной

реакцией, струящаяся по лицу кровь не мешает ему увидеть мой рывок. К счастью, копьём он воспользоваться как полагается не успевает, просто бьет им меня как палкой, сбивая с ног. Я отлетаю в сторону, плашмя скольжу по льду.

Петух продолжает кукарекать.

Воин уже настроен не только на бой со мной, как прежде. Похоже, противник догадывается, кого именно зовет Петух, потому что он настроенно оглядывается по сторонам. Про меня, правда, не забывает, то и дело посматривает в мою сторону. Но и удар не наносит, опасается отвлечь все внимание на меня.

Наконец, видимо, решая, что действовать надо, ведь его ненависть никуда не делась, снова поднимает копьё. Он сам только что отбросил меня в сторону, и теперь ему нужно метнуть оружие, чтобы достать до меня.

В тот самый момент, когда копьё вот-вот будет брошено, огромный черный кот выныривает из темноты, оббивается вокруг ноги Аполлона

Яковлевича. Благодаря этому он не смог метнуть копьё как следует. Оно не попадает в меня.

Аполлон Яковлевич кричит, даже визжит от боли, пытаюсь оторвать черного кота от ноги. Нет, не простого уличного черного кота, а Черного Кота с крыши знаменитого дома на улице Мейстару. Я узнаю его, ведь столько раз смотрел на него — он такой игривый, забавный!

Я не успеваю даже удивиться этому, как слышу сквозь крик воина новый звук. Звук лая. К нам мчится огромный пес. И он знаком мне — эта фигура собаки установлена на фасаде дома на улице Шкюню. Строгий, важный пес, настоящий охранник дома. Про себя называю его Строгим Псом, для меня он один из многих символов Риги.

Пес стремительно пробегает возле меня, устремляется к Аполлону Яковлевичу. Тот только что смог, наконец, оторвать Черного Кота от ноги. Последний, однако, злобно шипит, наступая на воина.

Наш противник принимает столь

же верное, сколь и банальное решение. Спасается бегством.

Похоже, он и правда обрел сегодня какую-то особую силу, ибо делает это столь стремительно, что Строгий Пес и устремившийся вслед за ним Черный Кот не могут догнать его. По крайней мере, пока я могу наблюдать за погоней: воин скоро сворачивает в переулок. Я слышу лишь слабеющие звуки лая. Оправившийся после падения Петух стремительно взлетает. Он следует за Псом и Котом.

Я остаюсь один.

Спасен...

Неподалеку валяется перо для письма, которое искусствовед так важно нес в начале встречи, — единственный след произошедшего. И телефон разбит.

Но боже, что это за город! Я влюбляюсь в женщину, принадлежащую к неизвестной религиозной общине, благословить наш союз может только живший восемьсот лет назад епископ, которого почитают в этой общине. Меня чуть не убивает интеллигентный искусствовед, неожиданно приобретающий облик древнего воина-балта. А спасают меня Петух со шпильки кирхи Святого Петра, а также Черный Кот и Строгий Пес с крыш рижских домов.

Я нервно смеюсь, мне было бы совсем весело, если бы я мог более или менее сносно передвигаться.

Улица по-прежнему безлюдна. Возбуждение последних событий проходит. То ли поэтому, то ли оттого, что кончило действовать обезболивающее, ко мне возвращается боль в руке. Она сильнее, намного сильнее, чем в гостинице. Поврежденная рука и растяжение в щиколотке бьют меня с двух сторон.

А мне надо идти. Я встаю. Становится так больно, что закрываю глаза. Ничего, постою так, может, опустит. Но вдруг чувствую чье-то присутствие. Черный Кот и Строгий Пес вернулись. Петуха с ними нет. Вернулся, верно, на пост — на шпильку.

Они здесь, внимательно, с заботой на меня смотрят.

Иду в ту сторону, где должна быть улица Вольдемара. Животные следуют рядом, будто охраняя.

Путник из меня сейчас никуда не годный, коленка дергает болью, да еще и скользко. Я опускаюсь на колени и чувствую холод все еще покрывающего мостовую льда. Мне хочется лечь, прижаться к его холоду — может быть, будет легче.

В отчаянии я смотрю на своих спутников, перед глазами пелена, и я вижу их как сквозь сильный, серый туман. Пес и Кот подходят совсем близко. Пес глядит мне прямо в глаза. Неожиданно я понимаю, что нужно сейчас сделать.

С трудом встаю. Руку кладу на голову Пса, опираюсь на нее. Так и идем втроем — Кот с важным видом шествует рядом. Мы очень часто делаем передышки. На ногу все равно больно наступать. Животные терпеливо ждут, пока я соберусь с силами.

Я знаю лишь, что очень благодарен им, и если бы были силы — поцеловал бы Кота в его красивые черные усы, а Пса — прямо в нос.

Перед дверями сначала гостиницы, а затем моего номера ненадолго останавливаемся. Строгий Пес слегка рычит, и они сами открываются перед нами. Вот я и в своем номере. Аниты нет...

Зато здесь, в тумбочке возле кровати, — второй телефон! Беру его и, будь что будет, звоню ей.

Она, слава богу, почти сразу отвечает:

— Это ты, милый, как хорошо... Как ты? Потерпи еще, я уже еду, скоро буду.

Я отвечаю, что почти в норме. Мне теперь и правда несказанно легче, чем до звонка.

— Я звонила тебе несколько раз. Ты не отвечал, я волнуюсь.

Она знает только номер моего сломанного телефона.

Как же я мог ответить, когда его разбил Аполлон Яковлевич.

— Упал телефон случайно, не работает. А номер второго я, болван, тебе не сказал, — извиняюсь я.

— Не сердись на себя, главное — все хорошо.

Каждое слово успокаивает, от каждого — легче.

А еще... Раньше я не обращал такого внимания на ее голос. Как же красиво звучит он, как волнует меня.

Не знал прежде, что можно быть таким счастливым, когда так больно. Животные не сводят с меня глаз.

Они устроились рядышком, возле холодильника. Видимо, хотят передохнуть и за мной присмотреть. Мне и самому неплохо бы прилечь. Что я и пытаюсь сделать. Неуспешно. На радостях забылся и наступил на больную ногу. Упал бы, если бы Пес сразу не подскочил и я не вцепился бы в него. На ногах удержался, а вот клок шерсти у Пса вырвал.

Он сердито, но незло рычит. Благодаря ему я добираюсь до кровати, ложусь. Пью обезболивающее.

— Прости меня, мой хороший, — говорю я, глажу его большую голову.

Он величественно смотрит на меня, давая понять, что сентиментальные объяснения совершенно ни к чему, возвращается к Коту, который так и сидит у холодильника. У него большие глаза, они успокаивают.

А потом... Я будто сквозь сон — может, снотворное вместо пенталгина выпил? — слышу их диалог.

— Изрядно поработали, есть хочу, сил нет терпеть. — Грубоватый голос, судя по всему, принадлежит Строгому Псу.

— Да уж, и его прогнали, и этого человека домой вернули. — Голос Кота тоньше, он слегка растягивает слова.

— Он у меня клок шерсти выдрал! — жалуется Пес. Затем фыркает, принюхивается. — Неплохо бы нам вознаградить себя.

— Ты прав, мой старый товарищ, в своем суждении! — восклицает Кот. — И ты прав дважды, потому что смотришь в сторону холодильника. Чую всем сердцем, там есть нечто интересное.

Больше я ничего не слышал. Мое забытье переходит в глубокий сон.

Просыпаюсь от звона будильника. Сколько всего произошло за эти два часа!

Я по-прежнему один в номере. Поднимаюсь с кровати. На ногу наступать больно. На полу беспорядок — клочья шерсти, то ли кошачьей, то ли собачьей. Неужели это ее я случайно выдрал у Пса? В холодильнике нет купленного два дня тому назад куска буженины. В кармане пальто — разбитый телефон. Значит, все это было на самом деле? Но этого же просто не может быть.

Нет, это был сон. Да, кошмарный сон. Действительно, я вел себя удивительно нелогично, выйдя на улицу вместо того, чтобы просто позвонить. Город был сам на себя не похож. А чего стоит история с Аполлоном Яковлевичем, приключение с Илзе, появление Петуха, Черного Кота и Строгого Пса? А вот что волнует меня больше всего — звонил ли я все-таки Аните или нет? Логика говорит — произошедшее было сном. Но тогда что произошло с ногой? Как оказалась на полу шерсть?

Я снова и снова пытаюсь убедить себя, что у меня был кошмарный сон. Шерсть где-то в городе прилипла к ботинку. А буженину мы с Анитой просто куда-нибудь засунули. Откуда растяжение — ногу во сне судорогой свело. Почему не помню, как? Напились обезболивающего и снотворного. Вроде все сходится. Но что случилось с телефоном?

Кстати, таблетки уже кончили действовать. Во всяком случае, рука болит, как прежде. Впрочем, довольно рассуждать, вслушиваться в свою боль. Потом все обдумаю.

Снова звоню Аните. Она не отвечает. По одной единственной причине. Она уже входит в номер. На клок шерсти, лежащий на полу, она не обращает внимания. Анита занята мной.

— Я принесла деньги, прости, что так долго, пришлось за город съез-

дить. Собирайся, пойдём в больницу. Я ее хорошо знаю, проходила практику. Травматологическим отделением в ней заведует профессор Бауманис — врач от бога. Он преподаёт в моем институте.

Я отмечаю про себя, что ей очень идет быть и без шарфика, люблю ее обнаженной шеей. Балдею от Аниты даже сейчас, когда боль в руке не просто пульсирует, но и какой-то горячей становится.

— Скажи, где ты была?

— Все вопросы потом, надо торопиться. — Анита смотрит на мою руку, распухшую и с большим синяком.

Из-за растяжения пришлось ехать на такси.

Больничка

В больнице Анита сразу договорилась об оплате, мы сдали одежду и поднялись в травматологическое отделение. Я присел на диванчик, а Анита подошла к дежурной медсестре. Они разговаривали по-латышски. В их диалоге я сначала несколько раз услышал фамилию Бауманис, затем она перестала звучать, ее сменили другие — Бресис и Долгополовс. В конце разговора отсекся и Бресис. Остался один Долгополовс. Кажется, я знаю фамилию своего будущего лечащего врача.

Дежурная стала куда-то звонить, Анита подошла ко мне, села на корточках рядом, взяла мою больную руку в свои.

— Профессор Бауманис, к сожалению, заболел гриппом. Сейчас в отделении два врача — доктор Бресис и доктор Долгополов. Я не хотела, чтобы тобой занимался Бресис, он такой зануда. Замучает ненужными исследованиями. А Долгополов — лучший ученик Бауманиса. Учился на три курса старше меня.

Анита слегка замялась:

— Он немного своеобразный, но думаю, все будет хорошо.

По коридору к нам уже шел мой врач. Молодой человек маленького

роста, с живыми, любознательными глазами, небольшой аккуратной бородкой.

За ним следовала девушка. Худенькая, высокая, в очках. Взгляд ее был похож на взгляд врача.

— Петр Долгополов, ваш доктор, — почему-то радостно сказал он, протягивая мне руку. Затем подмигнул Аните. Мне это не очень понравилось. Но он снова подмигнул. Теперь уже мне, кивнув в сторону девушки: — Вельта, моя ассистентка. Нита, — он взял Аниту за руку, — иди домой, я тебе позвоню потом, расскажу, как дела. — А вы, почтеннейший, — доктор Долгополов уже обращался ко мне, — сейчас подниметесь вместе с нами.

Он с любопытством исследователя посмотрел на мою распухшую руку.

Меня раздражает все. И фамильярное обращение «Нита», и подмигивание с совершенно ненужным рукопожатием, а больше всего обращение «почтеннейший».

— Петя, я никуда не пойду, побуду возле операционной. — Анита забрала свою руку у доктора, и мы четвером направились наверх.

Скоро я остался в обществе доктора и его ассистентки.

Рентгеновский кабинет рядом с операционной. Сперва дежурный врач делает снимок, потом вместе с ним передает меня Долгополову и его помощнице.

Вельта вымыла мне руку, сделала обезболивающий укол. Боль в руке постепенно проходила, и, подумав, что не так все, собственно говоря, плохо, я лег на операционный стол.

Доктор и его помощница приступили к делу. Мне уже делали операции под местным наркозом, и я привык к характерным звукам хирургических инструментов, но в этом случае их почти заглушил оживленный диалог Долгополова и Вельты.

С растяжением они разбираются быстро. Инструменты не задействованы. Доктор просто смазывает ши-

колотку чем-то. Он выглядит слегка расстроенным.

— Ничего интересного, — еле скрывая разочарование, говорит он Вельте.

Потом они занимаются раной на руке и всем остальным.

— Веля, ты только посмотри, какая гематома, какой цвет, вот это гамма, а размеры! — Казалось вид моего огромного синяка приводил доктора в восторг. — Быстренько сфотографируй ее для своей диссертации.

Она щелкает фотоаппаратом.

— Ранка дала нарывчик, вот он, снимай и его, пока не вскрыл, — продолжает рассматривать руку Долгополов.

Еще один щелчок.

— Кажется, хорошо вышла. — Вельта, судя по всему, очень довольна.

Долгополов тем временем уже вскрыл нарыв, продвигается дальше.

— У него поврежден сустав, выглядит любопытно, — с радостью человека, нашедшего небольшой бриллиант, шепчет он.

— Да, да, — взволнованно отвечает ассистентка.

— Сейчас мы им займемся.

Я невольно открываю глаза и тут же их закрываю, потому что Долгополов ловит мой взгляд.

— Не желаете ли посмотреть сами?

Нет, вот этого мне точно не хочется.

Они продолжают колдовать над моей рукой, обсуждая увиденное с радостью первооткрывателей.

— Глянь, небольшая трещинка в кости, как интересно прошла, — говорит доктор, вздыхает и чуть ли не с сожалением продолжает: — Еще бы чуть побольше — и серьезный перелом, можно было бы делать серьезную операцию.

Говорить-то говорит, но и работает быстро. Не проходит и получаса, как я с забинтованной и почти вылеченной рукой в сопровождении доктора покидаю операционную.

Я уже меньше раздражен на доктора, это чувство совсем проходит,

когда он по-дружески машет рукой Аните, которая устремилась навстречу нам, провожает в палату и быстро уходит.

Палата одноместная, Анита просит у Вельты раскладушку и остается со мной.

Она со мной и все четыре дня, которые пришлось пробыть после операции в больнице. Сначала ухаживает, будто за ребенком, хотя необходимости особой нет. А потом, когда я почти поправляюсь, уже и не ухаживает, просто находится рядом.

Аните про историю, в которой фигурируют Аполлон Яковлевич, Черный Кот и Строгий Пес, я не говорю. Тем более про мое неожиданно вспыхнувшее, а затем так же быстро пропавшее чувство к Илзе, с которой творилось нечто странное.

Я думал раньше, что, возможно, ее стремление получить благословение епископа Альберта — признак душевной болезни, придумала она все это. Но теперь считаю эту версию маловероятной. Проанализировав все, что было в ту ночь, я все больше склоняюсь к тому, что мне не приснился кошмарный сон, я действительно выходил из дома в ту ночь... Искусствовед, разбивающий телефон, превращающийся в разъяренного, ненавидящего меня воина. Появление Петуха, спасающие меня Пес и Кот — ожившие символы города! Скорее всего, в мире больше необычного, чем я полагал.

Если же все это было на самом деле, то почему я не должен верить Аните? Я обязательно сразу после того, как поправлюсь, снова пойду вместе с ней собору. Я почти верю ей.

Я видел, что Аните хорошо со мной, но вместе с тем она была чем-то расстроена все эти дни. Я чувствовал, что дело не только в так и не полученном благословении епископа Альберта, и не в моей болезни, здесь-то как раз дела шли на поправку. Когда я спросил, откуда она взяла деньги, Анита ничего не ответила, лишь стала выглядеть еще более огорченной. Я оставил эту тему.

В палате громадное окно с широким подоконником. Частенько мы садимся с ногами на его разные стороны. То разговариваем, то просто смотрим друг на друга или в окно. Наши голые ноги соприкасаются. Тонкое эротическое общение. В этих прикосновениях, взглядах и разговорах все больше и больше впитываем друг друга. Нас теперь очень трудно разделить. Я лучше понимаю ее молчание, его оттенки, грани. Мы еще ближе друг к другу. Оба стараемся не думать о преграде, которую предстоит преодолеть.

— Я боялся, что ты ушла навсегда, когда остался в гостинце один, — признаюсь я, когда она перестилает мою кровать. Уверена, что сделает это лучше меня.

Анита было снова загрустила, но теперь печаль в ее глазах мгновенно исчезает.

— Как же уйду навсегда без своего шарфика? — Анита хитро смотрит на меня.

Я подхожу к ней, шутя шлепаю ее, чуть-чуть, будто глажу, она прижимается бедрами ко мне, давая понять, что не против продолжения такой игры. Ей мы и занимаемся, слегка опасаясь, однако, визита Долгополова, затем довольные и уставшие снова забираемся на подоконник.

Из окна видим небольшой больничный сад. Сейчас поздняя осень, ветви деревьев оголены. В саду — пруд, крошечный канал, через который перекинут деревянный мостик. Он чем-то похож на мостик возле Бастионной горки.

За парком в окружении одно- и двухэтажных деревянных домов стоят две церкви. Одна лютеранская, на ее шпилье, правда, не петух, а крест, другая — наша, православная, маленькая пятиглавка.

Одни из милых уголков Риги... Двадцатый век прошел мимо таких мест. Кажется, вот-вот — и по улице проедет извозчик или пройдут барышни в старинных пальто и модных шляпках. А может, деловито протопают рабочие в фуражках и ко-

ротких пиджаках, торопящиеся на свою смену на Русско-балтийском заводе.

Рука быстро заживала, Долгополов со своей постоянной спутницей приходил к нам несколько раз в день. Рассматривал руку, с энтузиазмом смазывал чем-то самое больное место, делал уколы, перед уходом держал в своих руках, будто не мог расстаться. Вельта, казалось, полностью, разделяла его эмоции.

Я поделился своими наблюдениями с Анитой.

— Я дольше тебя знаю его, очень увлеченный человек, фанатик, — улыбнулась она.

В день выписки Долгополов долго разглядывал мою руку, затем с сожалением отпустил. Он был похож на ребенка, у которого забирают любимую игрушку.

Вздохнув, доктор попрощался со мной, сообщив, что все в порядке, могу быть резкие боли, но скоро они пройдут. Если начнутся, надо просто выпить болеутоляющую таблетку.

Вельта снабдила меня ими, затем неожиданно сделала легкий реверанс. Я хотел было расшаркаться в ответ, но тут же отказался от этой идеи, поймав яростный взгляд Аниты. Долгополов не менее свирепо посмотрел на Вельту.

Немного отойдя, я обернулся, чтобы помахать доктору и его симпатичной ассистентке вылеченной ими рукой. Похоже, меня не видят. Стоящая сзади Долгополова Вельта положила ему руки на плечи и ласково гладила своего начальника, который закрыл глаза от удовольствия.

— Они собираются пожениться, — говорит Анита.

Скоро мы были уже в гостинице.

— Завтра пойдем к собору.

— Нет, пока рано, ты после больницы, подожди еще пару дней.

Я настаиваю на своем, мы пререкаемся. Анита сердится.

— Если ты еще раз упадешь, подумай, что с тобой будет, рука едва зажила. — Она с негодованием дела-

ет ударение на каждом слоге в этом предложении.

Я слушаю и одновременно нахожу ее по-особенному привлекательной в своем гневе. Сурово смотрит на меня. А у самой на рубашке в клеточку пуговички расстегнуты, я вижу сосок ее груди.

Обнимаю за талию, тяну к себе.

— Подожди ты, не напрягай руку. — Она еще сердится и поэтому сопротивляется, но не сильно...

А потом и вовсе перехватывает инициативу. Кончается тем, что я все-таки уговариваю ее утром идти к собору.

— Ну что с тобой поделаешь, — говорит она, устало прижимаясь всем телом ко мне.

Потом мы пошли в гостиничный ресторан ужинать, и я потратил почти все оставшиеся латы. Впрочем, за гостиницу я заплатил, праздники в Москве закончились. Роман уже вернулся в город со своей дачи, позвоню и попрошу перевести деньги на карточку.

Любовью этой ночью мы не занимались. Дневные ласки отняли все силы.

Episcopus¹

Еще вечером на Ригу налетел сильный северный ветер. Он принес с собой мокрый ноябрьский снег, который продолжал падать на мостовые и утром, когда мы покинули гостиницу.

В этом летящем и тут же таящем снеге темные очертания домов казались мне мрачными. С трудом — ветер дул нам навстречу — мы добрались до старого города. Путь, к сожалению, нам слишком хорошо знаком. Который уже раз...

Мы шли мимо ярких витрин, уже закрывшихся ночных баров, не встречая почти никого на своем пути. Вдруг впереди я вижу ряд ярких ламп. Они освещают забор, перегородивающий улицу. За несколько

дней, что мы не были здесь, реставраторы начали работы на большом участке улицы, усложнив тем самым наш и без того непростой в эту непогоду путь.

Мы обходим этот квартал. В темноте и сильном снеге я не очень ориентируюсь в, казалось бы, хорошо известных улицах. С Анитой, кажется, происходит то же самое. Ориентиром, маяком на нашем пути служит шпиль собора, его подсвечивают ночью, к нему мы и идем.

Я держу Аниту под руку. Вдруг она замедляет шаг. Я сначала пугаюсь, что ей стало плохо. Я вообще в последнее время тревожусь за нее, она стала такой худенькой. С волнением смотрю на нее. Слава богу, ошибся. Выглядит не хуже, чем в последние дни. Но она тем не менее останавливается, потом делает несколько шагов в сторону.

Я смотрю, куда она направляется. Статуя Эльзы! К ней она идет. Я не видел ее с тех пор, как снова встретил Аниту. Белые черты небольшой мраморной статуи едва различимы в темноте. Анита подходит к ней совсем близко, почти вплотную, смотрит на нее.

Эта картина завораживает, они так похожи друг на друга и стоят так близко. Будто общаются. Но Анита живая, а Эльза... Сейчас они обе в одном и том же падающем снеге. Анита гладит мраморную руку и возвращается ко мне. Мы идем дальше.

Но скоро снова останавливаемся. На этот раз из-за меня. Мою руку начинает дергать резкая боль, я с трудом терплю ее. Вот он, обещанный рецидив! Ищу в карманах пальто обезболивающие таблетки, которые дала Вельта. Черт возьми, забыл в гостинице. Помню, они лежали на столике, когда Анита отговаривала меня идти к собору, а я злился. Видно, там и остались.

Наконец выходим на площадь. Не стовариваясь, снова, как и прежде, направляемся к тому месту, где собор соседствует с галереей мона-

¹ Episcopus — епископ (лат.).

стыря. Долго стоим здесь. Анита снова молится. Затем вдруг делает несколько шагов вперед и встает на колени.

Я хочу было поднять ее, простудится ведь, но чья-то рука ложится на мое плечо, останавливая меня. Оборачиваюсь. Это Эльза, она очень бледна, она в длинном белом платье, и главное — она живая! Но все равно, она не такая, как мы, — кажется, ей совсем не холодно в этом мокром снегу.

В то, что Эльза здесь, сейчас стоит рядом с нами, невозможно поверить, но я знаю, да, я точно знаю, что это она — нет в мире еще одной женщины, столь похожей на Аниту. И потому, я столько глядел на эту статую, мечтая найти девушку, которая, казалось, была потеряна навсегда. Тогда я запомнил, впитал в душу каждую черточку этой статуи. Теперь женщина, запечатленная в ней, пришла к нам.

Не знаю, что сказать, что делать. Она же, Эльза, кажется, совершенно точно знает, что делает.

— Не мешайте нам, — произносит она, успокаивающе проводя рукой по моему лицу. Ее рука не холодная. Мне становится легче, напряжение, которое испытываю всякий раз, когда мы ждем благословения, проходит.

Эльза подходит к Аните, встает рядом с ней на колени, дотрагивается до ее плеча. Гладит его. Анита вздрагивает. Но, кажется, она поражена много меньше, чем я. Эльза что-то говорит ей, я не слышу слов из-за шума ветра... И вот они уже молятся вместе. Молятся вслух, поют.

Происходит нечто необычное... Ветер затихает. И снег почти прекращается. И я слышу латинские слова их молитвы, я чувствую ее силу, забываю обо всем на свете, кроме любви к Аните. И еще во мне рождается и крепнет ощущение скорой встречи.

Кажущейся издали темной, фигура возникает будто из самого тела собора, будто оживает и отделяется

часть его каменной плоти. Человек приближается к Аните и Эльзе.

Я знаю, что это епископ. Он не в пастырском облачении, в длинном коричневом плаще, с непокрытой головой. И я знаю этого человека, я уже видел его прежде. Это было один раз, но я помню каждое мгновение той встречи, хотя и был пьян. Это священник-иностранец, который показал мне дорогу к гостинице. Дорогу, ведущую через улицу Альберта. Именно на ней, на улице Альберта, я снова встретил Аниту. Только теперь я до конца осознаю это мистическое совпадение имен. Он показал нам путь друг к другу, привел меня к ней через свой город. Позволил нам снова видеть друг друга.

Но почему, почему же тогда мы оба видим его только сейчас? Сколько раз до этого мы напрасно приходили к собору...

Епископ Альберт подходит к Аните и Эльзе. Он смотрит на Эльзу. Затем нежно целует склоненную перед ним голову Аниты. Берет ее за руку, помогает подняться, подводит ко мне. Мы стоим рядом перед ним.

— Это он, епископ Альберт. — Анита судорожно хватается за руку, ее голос дрожит. — Мама описывала, как он выглядит, приводила к Domus Dei моего отца. Наконец...

— Вы дошли до меня, Бог да благословит вас, — произносит епископ Альберт.

Анита закрывает лицо руками, кажется, она плачет от счастья. Я счастлив не меньше ее, я испытываю почтение к епископу, но я слишком много перенес и хочу задать ему вопрос.

В конце концов, он хоть епископ, пусть даже необычный, незримый никому, кроме нас и Benedictus, но он человек, такой же человек, как и я. И я имею право спросить у него:

— Episcopus, почему вы не благословили нас раньше?

Анита с негодованием глядит на меня. Что ж, я отличие от нее, не

принадлежу к Benedictus. Епископ Альберт едва заметно улыбается.

— Я видел, Анита, всю твою жизнь в этом городе. А с самого начала вашего знакомства стал наблюдать уже за вами обоими. Да, я не благословил вас в первый ваш день. Так сразу захотеть быть вместе навсегда? Я был уверен тогда, что вы очень торопитесь. — Епископ делает паузу, затем говорит с жесткостью в голосе: — Церковь и жизнь не любят спешки. Я был спокоен, когда Анита решила уйти от тебя, полагая, что вспыхнувшие случайно чувства в скором времени найдут свое успокоение. Этого, однако, не произошло, — продолжает епископ Альберт после небольшой паузы. — Я видел вас обоих страдающими. Разлука и время не смягчили переживания. Я подумал, что Анита поспешила уйти в сторону, и решил помочь вам встретиться. Что я и сделал, когда вы, молодой человек, были так пьяны, что потерялись в городе, который, как вы наивно полагаете, отлично знаете.

Епископ улыбнулся. Теперь уже широко и весело.

— Не так уж и пьян, а если и выпил, то отчасти по вашей же милости, намучался из-за порядка, который установился в общине, почитающей вас, — ответил я запальчиво.

Не сдержался. Сердит на него — почему он заставил нас так долго идти к себе?

Анита грозно посмотрела на меня и очень чувствительно толкнула локтем. Не в больную руку, а во вполне здоровый бок.

— Знаете, — как будто не заметив проявленной мной ершистости, продолжал епископ, — в свое время мы тоже были не чужды этому пороку. Но дорогу домой я, к примеру, никогда не забывал. А вы... вы, молодой человек, на улице Альберта стали похожи на пьяного разъяренного викинга. В свое время я на них насмотрелся. — Он улыбнулся краешками губ.

Улыбка у него очень разная. Она не может не нравиться.

— Откуда вы знаете, как я вел себя на улице Альберта? — с недоумением спрашиваю я. Он игнорирует вопрос.

— Мы отвлеклись, — в голосе епископа снова стальная нотка. — Итак, я направил вас, молодой человек, к Аните, вы встретились. Я увидел, что ваше взаимное чувство сделалось глубже и сильнее от разлуки. Тем не менее я все еще не был вполне уверен, что имею право соединить вас навсегда. Мое сочувствие к вам не могло заслонить тревоги за ваше будущее в том случае, если я приму неверное решение. Однако потом вы, молодой человек, на перекрестке спасли жизнь Аниты, рискуя своей, а Анита, в свою очередь, продала самое ценное свое сокровище, чтобы заплатить за ваше лечение.

— Что же ты продала, любимая? — бесцеремонно прервал я епископ. Он посмотрел на меня. Так смотрит почтенный лев на львенка, который, несмотря на юное бесцеремонное любопытство, все-таки нравится ему.

Затем епископ Альберт перевел взгляд на Аниту:

— Значит, ты не рассказала ему. Ради вас, молодой человек, Анита продала единственную оставшуюся ей от Артура Цандера вещь — его перстень. Это реликвия рода Benedictus, к которому она принадлежит.

Господи, как же она меня любит!

— Да, тогда я понял, что вы все-таки любите друг друга, — будто прочитал мои мысли епископ. — Тем не менее я слишком долго знаю этот мир и оттого еще не принял решение благословить ваш союз, хотя был уже близок к нему. Мне казалось, что я прав до сегодняшнего дня. Однако сегодня я изменил свое решение. Вы снова пришли ко мне. Но не только вы. Вместе с вами пришла и она. Пришла просить за вас.

Епископ Альберт с состраданием посмотрел на Эльзу. Она поднялась с колен. Осталась в стороне. Безмолвно смотрела на нас.

— Она очень просила за вас. Лишь Господь знает, сколько я пережил из-за своей ошибки, ставшей причиной многолетних ее страданий. Когда она со своим офицером приходила ко мне к Domus Dei, я полагал, что их чувства легкомысленны. Когда же убедился в обратном, почувствовал их страдания — было поздно. Офицер навсегда уехал из города, а бедная Эльза всю жизнь напрасно ждала его. Как ждал и я, чтобы благословить их. Ждал до тех пор, пока не узнал о его кончине. — Он сжимает кулаки на руках. Переживает, злится на себя до сих пор. — Ее страдания — на моей совести. И второй мой грех — я не воспрепятствовал его самоубийству, хотя это было в моей власти. Я могу влиять на поступки Benedictus и близких им людей, где бы они ни находились. Я просто... Просто не подумал о том, что это может произойти. — Последние слова он говорил с трудом. Помолчав, пристально посмотрел на нас. — Я не привык ошибаться. Не люблю делать ошибки. Тем более повторять их. Они слишком дорого стоят. — Заметная нотка горечи вошла в его властный, хорошо поставленный голос священнослужителя. Епископ опустил голову. Затем взглянул на меня. — Но уж вашего самоубийства, молодой человек, я не допустил бы. Хотя крайне маловероятно, что у вас даже мысль такая возникла. Вы не такой, как тот офицер... Увидев Эльзу сегодня, я снова вспомнил о том, какое зло причинил ей. Я не сделаю чего-либо подобного в отношении вас. Тем более почти убежден, что вы действительно любите друг друга.

«Не слишком ли высоковата планка», — думаю я. Задело слово «почти».

— Итак, вы будете вместе, — произносит епископ. Он вынимает из кармана плаща небольшой кожаный мешочек, протягивает его Аните.

— Возьми, Анита, отдай своей маме. Здесь перстень, который ты, взяв у нее, отнесла в ломбард, чтобы

помочь ему. Я представляю, сколько сил тебе стоило уговорить ее продать перстень ради человека, о котором она даже не слышала и о твоей любви к которому узнала только в тот день. Вообще-то я удивляюсь, как ты смогла убедить свою маму в том, что полюбила наконец по-настоящему. — Епископ Альберт неожиданно подмигивает Аните. Сейчас он больше похож на веселого рыцаря, чем на священнослужителя. — Ведь она лучше, чем кто-либо, знает про твои прежние романы. Ты всегда откровенна с ней. Что ж, — священник в его лице одолевает рыцаря, — я нашел способ вернуть их. Они никогда не попадут в чужие руки, пока я в городе.

Анита берет мешочек, прячет его в карман пальто.

— И не сердись на него за те вопросы, которые он задавал мне. Он не Benedictus и, вполне естественно, ведет себя со мной не так, как вы. Он говорит то, что хочет сказать, и даже, я знаю это, злился на меня. Особенно за то, что я консервативен, не привык быстро формировать окончательное суждение. Я видел выражение вашего лица, молодой человек, после моего «почти».

Епископ Альберт внимательно смотрит на меня. После его признания в тех страданиях, которые доставила ему история Эльзы, я уже почти не злюсь. В душе стою на своем — епископ, и правда, уж очень не торопился выносить, как он выразился, «окончательное суждение» в нашем случае.

Я думаю обо всем этом и одновременно стараюсь забыть о боли в руке. И еще. Еще я знаю, что он позволит мне поговорить с собой. Мне интересно с ним.

— Простите, епископ, почему же до нас все те, кто не получал вашего благословения сразу, обычно не получали его и потом?

— Таковы люди... Те пары, которые по-настоящему любили

друг друга, давали время созреть своим чувствам, убеждались в их серьезности и лишь затем приходили навестить меня к Domus Dei. Я без колебаний благословлял их. Те же, в чьих сердцах не было настоящей любви, а была лишь преходящая страсть, — напротив, почему-то всегда спешили соединить свои жизни. Я не появлялся перед ними. Они, однако, приходили сюда снова и снова. Лишь в двух из них я увидел зарождение из страсти настоящего чувства. Остальные же шли к Domus Dei, ослепленные страстью. Ей сопутствует упрямство... Если бы я и благословил их, они не были бы счастливы. Вы очень не похожи на все те пары.

Я вспоминаю, сколько нам пришлось пережить до сегодняшнего дня. Еще слегка сержусь на епископа Альберта. В основном за его «почти». Рассказываю ему, а заодно и Аните, все про Аполлона Яковлевича, Черного Кота и Строгого Пса. Теперь, когда я увидел епископа, увидел стоящую перед ним на коленях Эльзу, я верю, что тогда у меня не было галлюцинаций. Но вот мотивы действий искусствоведа, все его поведение, как и многое другое, мне неясны.

Анита внимательно, слегка склонив голову, слушает мою историю. Она смотрит на меня с любовью, когда узнает, как я, больной, пошел искать ее, затем в ее глазах вспыхивает негодование. Это происходит тогда, когда она узнает, как меня тянуло к Илзе. Хорошо, что епископ здесь, иначе мне бы не поздоровилось! Негодование сходит на нет, когда Анита узнает, чем завершилась наша встреча. Затем по мере того, как я продолжаю рассказывать, в глазах ее — все больше нежности и восхищения. Но что самое интересное — сам рассказ про Аполлона Яковлевича Аниту почти не удивляет! Как будто ничего необычного не произошло.

— Если бы я знал, сколько вы натерпелись, я бы сразу, еще до

прихода Эльзы, благословил вас. — Мне кажется, что епископ Альберт чувствует себе неловко. — Теперь я признаю вашу правоту, молодой человек, в дискуссии вокруг слова «почти».

Легкий, с изяществом, поклон в мою сторону. Не пойму — кто он больше в своих манерах: священник или рыцарь?

Епископ грустно улыбается: — Какие интересные создания... Эти Пес, Кот, Петухи. Я общаюсь с ними столетиями, а они как жили, так и живут своей жизнью — ничего мне об этом не рассказали. Почему? Что ж, верно говорят русские, кошка гуляет сама по себе... — Он долго молчит. — То существо, которое представилось вам искусствоведом Аполлоном Яковлевичем, намного древнее города, может, оно жило здесь еще до появления балтов. Я долго размышлял о его природе — он дух этого места. Vietas Gars, так это будет по-латышски. Не вполне естественное для христианского епископа объяснение, не правда ли? — Episcopus улыбается своими глазами священника-рыцаря. — Этот дух встретил пришедших на берега залива язычников-балтов. Почему-то они приглянулись ему. Vietas Gars стал у них хранителем святилища бога грома Перконса. Оно было здесь, неподалеку. Там сейчас улица Алксная, дух до сих пор привязан к ней. Балты почитали своего главного идола, а вместе с ним и духа, охранника святилища. — Епископ говорит тихо, будто вспоминает, каким предстал когда-то перед ним этот край. — Во главе меченосцев я создавал новый город, мы разрушили все святилища языческих богов. Крестом и мечом была уничтожена вера в них. Балты забыли своих кумиров — Перконса, бога неба Диеваса, богиню Солнца Сауле и ее дочерей, богиню счастья Лайму. Принесенная нами Истина помогла нам сделать их христианами. Демоны, которых они почитали, как богов, исчезли раз и навсег-

да. В этом была моя миссия, — епископ Альберт гордо выпрямился. — С духом, которого вы имели несчастье встретить, произошло иначе... Он сохранился, выжил, я чувствовал его незримое присутствие все столетия Риги, чувствовал его ненависть к истинной вере, потому что она положила конец почитанию его людьми. Он ненавидит веру и христиан, особенно Benedictus, хранящих старые молитвы и почитающих меня. Эти древние молитвы ему наиболее ненавистны, мои рыцари читали их, когда разрушали капища. Ну а я в его представлении, — епископ разводит руками, — главный источник зла. Впрочем, долгое время он был практически безопасен. Он, правда, пытался отвращать людей от церкви, но священники, как правило, сводили его труды на нет. Витая вокруг людей, он старался заронить зло в души самых благочестивых, но они были воспитаны не так, как сейчас, и легко понимали, что это лишь соблазняющий шепот злого духа. Сила его неожиданно возросла два века тому назад. Vietas Gars постарался, чтобы одни пылкий, талантливый и небогобоязненный скульптор-лютеранин увидел его лицо во сне. Оно по-своему восхитило юного мастера. Он вложил увиденные черты в статую одного из заказчиков — почтенного, хотя и не очень умного философа. Также лютеранина.

Недолюбливает лютеран епископ Альберт, отмечаю я про себя. Немудрено, после того как они когда-то почти все церкви в Риге у католиков отняли.

— Вы, молодой человек, и ты, Анита, несомненно, видели эту статую, — между тем продолжает епископ.

Конечно же, я помню, как поразило меня сходство костюма Аполлона Яковлевича с одеянием этой фигуры. Лицо статуи философа я толком не разглядел — быстро прошел возле нее. Она неинтересная.

Тут меня отвлекает шум. По Домской площади идут туристы.

Несколько молодых финнов засиделись в ночном клубе, в гостиницу возвращаются. Здоровенные блондины оживленно галдят, глазают по сторонам — любят центр Риги в предрассветные часы. Я гляжу на них. Они приближаются, проходят буквально в нескольких шагах от нас. Присутствия здесь не только епископа и Эльзы, но и нашего с Анитой не замечают. Просто не видят нас. Мы сейчас и рядом с ними, и одновременно далеко от них, не видимы ими.

Я ловлю на себе взгляд епископа. Он красноречив. Это совет молодому человеку, как он меня называет, не обращать внимания на ерунду.

— Как я понимаю, вы вспомнили эту статую? — интересуется епископ Альберт.

Я киваю головой, он продолжает свой рассказ.

— Со временем Vietas Gars подчинил себе статую философа, полностью завладел ей, вдохнул в нее жизнь, в чем вы сами могли убедиться. Он стал сильнее. Зло, приносимое им, стало множиться. Если раньше люди слышали лишь шепот некоего невидимого существа, то теперь перед ними предстал солидный человек с душой этого существа, который умел убеждать, обманывать. Накопившуюся за века ненависть против христианства и меня Vietas Gars обратил на Benedictus и близких им людей. На остальных он перестал обращать внимание. Benedictus он теперь не убеждает отречься от веры, зная, что это бесполезно, просто делает все, чтобы сломать их судьбы, сделать их несчастными. Как это было с вами, молодой человек, и с Анитой, как это происходило и происходит со многими другими людьми. — Епископ повышает голос. Он негодует на Vietas Gars. — Я принял меры, с тех пор как обнаружил это. Нередко я прихожу в Дому Черноголовых, спускаюсь в подвал, где стоит эта статуя, отдыхая от своих козней. Я приказываю Vietas Gars оставаться на месте и читаю молит-

вы, лишаящие дух силы. К сожалению, молитвы помогают лишь на время, и читать их приходится все чаще и чаще. Дух подпитывается ненавистью к Христу, которой все больше в мире, и мой город не исключение. Всплески этой ненависти помогает ему освободиться от силы молитвы, статуя, ведомая духом, приходит в движение. Он выходит в город и снова делает свое дело. И я никогда не знаю, когда впитываемая постоянно Vietas Gars ненависть в очередной раз наполнит его силой и он снова примется за свое. Впрочем, — говорит епископ, — каждый ребенок общины Benedictus с малых лет, каждый человек, который становится близким им, знает об этом духе и знает, к чему надо прибегнуть в случае встречи ним.

— Анита наказывала мне: если угрожает опасность — надо подумать о вас, episcopus, или о петухе на шпиле кирхи.

— Более точно нельзя сформулировать, — с легкой иронией замечает епископ Альберт, — Я видел, как вы посмотрели на Аниту во время своего рассказа о духе. Надеюсь, вы понимаете, что она просто не решилась рассказать вам о Vietas Gars? Вы ведь и так ей не вполне верили. Не так ли?

— Что верно, то верно, — признаюсь я.

— Она сделала главное — научила вас, как себя вести в случае опасности, которой он и является.

Я согласен и с этим.

— Я сам не всегда могу прийти на помощь, ибо порой занят неотложными делами, которые неведомы даже Benedictus. А иногда моя молитва, поверьте, она очень нужна людям и городу, требует столь сильного сосредоточения, что я просто не слышу ничего, в том числе и зов попавшего в беду, — епископ с сожалением пожимает плечами. — Что ж, в городе есть Петухи, Черный Кот и Строгий Пес. Вспомните петушиный крик во время вашей первой, молодой человек, встречи с Vietas

Gars. Он умеет внушать людям все, что ему требуется. Вы уже почти готовы были поверить, что Анита для вас — всего лишь временное увлечение. Ваш искусствовед был близок к своей цели — заставить вас забыть Аниту. Как же страдала бы она тогда! Да и вы бы спустя годы поняли, кого потеряли. К счастью, Петух на кирхе Святого Петра заметил это. Пробуждающим криком он сумел разрушить наведенные духом чары. Во второй раз, — епископ внимательно посмотрел на меня, — Vietas Gars сумел внушить этой девушке из массажного салона страсть к вам и почти смог добиться того же от вас. Он снова хотел навсегда разлучить вас с Анитой. Она осталась бы одна, а вы бы с этой девушкой жили пусть в страсти, но без любви. Рано или поздно внушенная духом страсть прошла бы, и ваше сердце было бы так же разбито, как сердце Аниты. Vietas Gars был бы вполне доволен. Впрочем, вы оказались сильнее, чем он предполагал, смогли сами, силой своей воли и любви к Аните отбросить его чары. Больше того, вы освободили Илзе от наваждения. Когда же он разъярился, увидев то, что вы сильнее его, и был готов убить вас, вы вспомнили о Петухе. Эти удивительное создание пришло помочь вам, позвало Пса и Кота. — Епископ качает головой. — Они пришли вовремя. Не припоминаю случая, когда Vietas Gars приходил в такую ярость, что желал убить... Наверное, дело в вашей силе. Хотя я не уверен, что только в ней... Есть что-то другое, чего я не знаю. — Епископ помолчал, затем произнес с грустью, переводя разговор на другое: — Обо мне вы вспоминать тогда не хотели, что ж, я вас понимаю.

Мне очень неудобно сейчас стоять перед ним. Я до конца не верил рассказам Аниты. Но теперь верю свято. Мне неловко спрашивать у него еще чего-нибудь. Но я все-таки не удерживаюсь. Ведь до сих пор episcopus почти ничего не сказал нам, вернее,

мне. Анита и так почти все знает — о Петухах на кирхах, Черном Коте и Строгом Псе.

— А Кот, Пес и Петухи, какая у них природа? — Я хочу во всем разобраться, все понять.

— Надеюсь, вы не думаете, что это я их создал, оживив статуи, а они, такие непослушные, даже не говорят мне о том, чем занимаются, как в случае с вашим спасением? — лукаво интересуется епископ. — Я не колдун, не забывайте о моем сане. Он остается при мне, хотя столетия и сделали меня в определенной степени вольнодумцем. Древнее волшебство этих мест, верно, вдохнуло в них жизнь, — продолжает episcopus уже серьезно. — Это волшебство не связано ни с язычеством, ни с христианством. Может быть, оно в соснах, дюнах, во всей природе этого края. Я не могу понять до конца его природу, — он пожимает плечами. — Я видел, как они обретали жизнь. Сначала думал, что столкнулся с кознями дьявола. Время и общение с Петухами, Псом и Котом показали, что это не так. Я убедился, что природа их не несет в себе зло. Они от Бога. Вы, кажется, со мной согласны?

Вспоминая крик Петуха, помощь Кота и Пса, я согласно киваю.

— Я принимаю их такими, какие они есть. У нас нет особой дружбы, хотя Строгий Пес может иногда ласково ткнуться носом мне в ногу, а Черный Кот, подняв хвост, торжественно обойти вокруг меня. Они и животные, чей облик имеют, и одновременно намного больше этого. Чем же они живут, каково их назначение, я, как и вы, не ведаю.

Мне кажется, он стесняется этого признания. В его взгляде неловкость.

— Но вот к злу в виде Vietas Gars они непримиримы со времени своего появления. Ему лучше не попадаться им на глаза. В отношении его мы союзники. Поэтому я благословил Benedictus вспоминать не только меня, но и Петухов кирх в случае

его появления. Петухи видят все, они оповещают Пса и Кота. А там уже кто быстрее доберется до Vietas Gars, помешает ему: ваш покорный слуга... — епископ слегка, но очень элегантно поклонился нам. — ...или, что не суть важно в данном случае, они, — следует кивок в сторону Петуха на шпиле собора. Мы обычно видим и чувствуем все, что происходит в Риге — и зримое, и незримое для людей. Если же что и ускользает от нас, но мы получаем призыв о помощи, то незамедлительно откликаемся. К сожалению, — грустно вздохнул епископ, — иногда мы что-то пропускаем. А люди зачастую сами не распознают грозящее им зло, дух может принимать разные облики, вы это видели. Бывает и так, что человек, казалось бы, опытный, из общины, наивно думает, что справится с Vietas Gars сам. Тогда дух торжествует, калечит судьбы ненавидимых им Benedictus и их близких.

Епископ Альберт выглядит сейчас очень печальным.

— А Белый всадник, которого я встретил на Даугаве? Какую роль играет он? — Я рассказываю епископу о призраке.

— Вот он уж точно никому зла не приносит. — Епископ, разумеется, прекрасно знает, кого я тогда встретил. — Своими переживаниями два века занят, его почти ничего не интересует.

Настрой episcopus заметно меняется. Если о Vietas Gars он говорил как о враге, то призрак всадника воспринимает как соседа со странностями.

— Но кто это такой?

— Один из тех, кто стоял во главе города после меня. Губернатор Магнус Густав фон Эссен. Когда вы, русские, воевали с французами в 1812 году и последние, как ему казалось, угрожали Риге, он приказал сжечь предместья города. В том числе Московское, где вы повстречались. Как потом выяснилось, напрасно, французы до Риги не дошли. Он очень страдал от того, что напрасно

уничтожил предместья. Вскоре покончил с собой. До сих пор не может успокоиться его душа, я много раз пытался облегчить его страдания. Фон Эссен не принимает помощь, считает себя недостойным ее. Так и живет страданием. Здесь уже ничего не поделаешь, — с грустью заключает епископ.

— А что он делал тогда на Даугаве?

— Объезжал вверенный ему императором город. — Episcopus смотрит на меня как на маленького, но терпеливо все объясняет. — Ему становится ненадолго легче, когда видит, что предместья отстроили заново. Но потом фон Эссен снова все вспоминает... Иногда мы с ним играем в шахматы: здесь, в галерее монастыря, много уютных мест. Это слегка отвлекает его. Если встретите снова, скажите, что партнер по игре ждет его и готов уступить белые фигуры. Он любит делать первый ход. Привык атаковать.

Мои мысли снова возвращаются к Vietas Gars.

— Episcopus, неужели вы не можете уничтожить его раз и навсегда? — спрашиваю я.

Епископ Альберт смотрит на меня оценивающее, будто думает, пойму ли я, что он собирается сказать.

— Конечно же, молодой человек, я могу это сделать. Но мой жизненный опыт, который, сам не знаю, к счастью или к сожалению, очень велик, говорит мне, что этот дух, Vietas Gars, не должен оставаться на этой земле. Но тот же опыт подсказывает, что, как правило, на смену одному злу приходит еще большее зло. Закон баланса... Допустим, я изгоню его отсюда. Но кто или что сменит его? Мир становится хуже и злее из века в век. Я не хочу ставить эксперименты над своим городом. С духом я все-таки справляюсь. И помощники у меня есть.

Он поднимает глаза вверх. Смотрит на Петуха Домского собора, затем оборачивается, взгляд устремлен также к шпилю церкви Святого

Петра, на котором тоже сидит Петух. Потом переводит взгляд в сторону квартала, крыши двух домов в котором украшают Черный Кот и Строгий Пес.

— Есть и еще одно обстоятельство. — Епископ снова улыбается. Какие все-таки разные у него улыбки. Я не устаю удивляться этому... Нынешняя — прямо как у веселого молодого человека. — Я не стану уничтожать этого духа по еще одной причине. Мы ненавидим друг друга. Но у нас есть общее — Рига. Дух ненавидит христианство, но многое из того, что заключено в городе, дорого ему. Вспомните вашу первую встречу с ним. Он действительно любовался старинными амбарами на улице Алксная. Когда-то я велел для строительства самых древних из них использовать камни разрушенного святилища Перконса. В 1944 году советские пушки стреляли по городу. Я молился, чтобы не было кровопролития, разрушений. И я знаю, я видел — дух в это время бормотал заклинания на языке древних балтов. Я понимаю этот язык, он похож на латышский. Так вот — дух просил у Перконса защитить Ригу. Так что это не только мой город, здесь и дом Vietas Gars, — разводит руками епископ.

У меня создается впечатление, что не только ненависть определяет отношение епископа к Vietas Gars. За века он привык к нему, даже старается найти что-то хорошее в этом создании.

— Он далеко не самое большое зло в этом городе, — тем временем говорит епископ. — Я не сразу постиг природу этого места. Господь наделил его мощной силой. Она есть от века в каждой песчинке дюн, в каждой молекуле воздуха, в каждой капле воды Даугавы. Эта сила помогла создать особую красоту этого города, его добрую энергетику. Она же вызывала и вызывает к жизни множество удивительных созданий, которых люди видят крайне редко, но которые не-

зримо для них самим присутствием созидают светлую, притягивающую людей сущность Риги. К их числу принадлежат Петухи, Пес и Кот. Но, к сожалению, к добру в неизбежном стремлении уничтожить его обязательно стремится зло. Злые силы возникали и возникают здесь. Многие из них канули в небытие, но некоторые по-прежнему здесь. И им надо противостоять. — Епископ смотрит куда-то вдаль. Он будто не видит нас. Я верю всем сердцем в каждое его слово. Основатель Риги несет очень большой груз. — Моей душе пришлось задержаться в Риге, — продолжает он свою исповедь. — Ведь я несу ответственность за нее. Я делаю, что могу. За века мне не единожды пришлось вынимать из ножен меч, но главное мое дело — молитва. Я молюсь. И Benedictus молятся вместе со мной. — Епископ Альберт с нежностью смотрит на Аниту, потом переводит взгляд на Эльзу. — Сейчас злые силы набирают мощь, как происходит это с тем же Vietas Gars. Сдерживать их все труднее. Меня очень тревожит судьба города. Ведь Benedictus становится все меньше и меньше. В семьях рождается мало детей...

При этих словах мне становится не по себе. Неужели епископу Альберту ведомо то, что я так и не открыл Аните о себе. Нет, тут я ошибаюсь, он не может читать мысли, чувствует и видит многое, но мысли не читает. Он же узнал о моей схватке с Vietas Gars от меня, это совершенно точно.

Впрочем, епископ Альберт не замечает моего замешательства:

— Особые, созданные мной молитвы за город, сберегающие его, читаю лишь я и Benedictus. Достаточно ли будет моей силы, если их не станет? Что будет с городом?

Да, в Риге, этом древнем городе-корабле, много тайн древних, возникают и новые. Многие несут зло.

Он долго молчал, провел взглядом по площади.

— Дома, в отличие от людей, не изменились. Люди же стали жить быстрее. Особенно в последние десятилетия... Мне кажется, что это не очень хорошо. Впрочем, в отношении вас двоих я спокоен. Что ж, живите в любви и помните о Боге. — Епископ Альберт перекрестил меня и Аниту. Затем улыбнулся доброй улыбкой пастыря. — Мне бы хотелось дольше поговорить с вами обоими. Вы мне очень нравитесь, ибо полны искренними, тонкими чувствами. Но мне скоро следует вернуться в Domus Dei. Уже близится час, когда я, незримый всем, должен прочитать в его алтаре свою ежедневную молитву за город. Я делаю это уже восемьсот лет, делал, когда жил, как вы живете сейчас. Делаю и сейчас. А вечером пойду в подвал Дома Черноголовых. Уже другую молитву читать. Пора снова успокоить вашего искусствоведа.

Он долго, очень долго смотрит на нас. Жаль, что он скоро уйдет. Но я задаю еще один вопрос. Не только потому, что важен ответ, но и оттого, что хочу хоть немного продлить беседу.

— Анита говорила, что вас видят только Benedictus. Почему же вы тогда показали мне дорогу?

— Просто сделал исключение из правила, — пожимает епископ плечами. — Во-первых, хотел помочь вам, молодой человек. Но это не главное. Мог бы попросить того же Петуха показать вам дорогу. Вы бы потом подумали, что он вам спяну приснился. А во-вторых... — Епископ долго молчит. — У меня, естественно, не было детей. Был лишь племянник — Ульрих. Он последовал за мной среди рыцарей, которые приплыли когда-то к устью Даугавы. Его убили язычники. Я до сих пор помню его. А вы чем-то похожи внешне на него. Наверное, я был очень сентиментален в тот вечер. Поверьте на слово, я не только епископ этого города, но и очень старый сентиментальный немец. — Епископ Альберт снова улыбается.

Теперь уже только мне. — Молодой человек своей настойчивостью напоминает мне еще одного рыцаря. Русский князь Вячко... Он много лет пытался захватить город, который я основал, считая эту землю своей. Сильный князь, сильный и настойчивый. Я хорошо помню тебя. — Последние слова, казалось, обращены уже не к нам. Епископ Альберт покачал головой, будто стараясь отвлечься от воспоминаний. — Вам это слушать вряд ли так интересно, как мне рассказывать. — Опять уже знакомая нотка властности в голосе, во взгляде.

Но эта властность пропадает и сменяется чем-то другим, добрым и одновременно грустным. Он тщетно делает над собой усилие, стараясь скрыть это, будто стесняется своих эмоций.

— Прощай, дочь моя, — произносит епископ, прерывая молчание. Он с нежностью смотрит на Аниту. Затем смотрит в мою сторону: — И ты прощай, сын мой, — он неожиданно весело улыбается. — Не сердись на Аниту за то, что не рассказала тебе всего, что ты узнал от меня. Она сделала все, что бы вы были вместе, сказала намного больше, чем позволяют правила Benedictus, когда объяснила, зачем надо идти к собору. Так что не гневайся на нее!

Он шутливо грозит мне пальцем. Я обращаю внимание на его руку. Кажется, что она принадлежит не священнику, а воину.

До этого он подчеркнуто называл меня «молодой человек». Теперь точки над *i* были расставлены. И сделал это, как водится, человек более мудрый. Человек, создавший свой город, во многом создававший и создающий его людей. Я чувствую, меня изменил этот разговор. Пока не знаю, как. Но когда-нибудь обязательно пойму это.

Он скоро уйдет. На протяжении долгого разговора мое отношение к нему менялось. Вначале был сердит. Теперь испытываю трепетное уважение. Неожиданно для себя прошу:

— Благословите, владыка, — я не собиравшись говорить это, слова вырываются из глубины души. Я осознаю, что мне совершенно неважно, что он католик, а я православный.

Он понял меня. Я вижу это в его серых мудрых глазах.

— Бог благословит, — отвечает он старинной формулой нашей общей веры. А потом... Потом гладит по волосам. Как ребенка. Снова улыбается и оборачивается к Аните: — И ты, Анита, повторю снова, не будь слишком строга к нему за многочисленные вопросы ко мне. Это проявление настойчивости. Как знать, сохранилась бы ваша любовь без нее. И береги его.

Он берет одной рукой руку Аниты, другой — мою, затем соединяет наши руки, отходит в сторону.

Его фигура удивительно органично смотрелась на площади, будто

составляя единое целое с храмом, домами.

Вся Рига и ее сердце, Домская площадь, могут быть разными. Это зависит от времени года, от погоды, наконец, от настроения человека. Сегодня я ощущаю здесь силу, защищающую вековую красоту. Domus Dei силуэтом своим больше, чем когда-либо, напоминает воина. По левую и правую руки от него — храмы святых Петра и Екаба. Застывшие в камне рыцари епископа Альберта. Еще одна добрая сила города.

Епископ Альберт подошел к Эльзе. Она будто замерла во время нашего разговора.

— Прости меня за то, что он не смог ждать. Я не предвидел этого.

Они вместе пошли к Domus Dei. Два отдаляющихся от нас человека. Мужчина в коричневом плаще. У него легкая походка. И грациозная женщина в старинного покроя белом платье.

Епископ и Эльза приблизились вплотную к храму. Он ласково, будто глядя древнюю кладку, прикоснулся к стене. Спустя мгновение они слились с ней. Епископ Альберт и Эльза исчезли, и мы видели теперь лишь темный камень собора.

На площадь снова начал падать превращающийся в воду на мостовой снег. Вот только злого северного ветра уже не было.

Продолжение следует.

ПОХОЖДЕНИЯ «ПОДМИГИВАЮЩЕГО ПРИЗРАКА»

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА VIII. Роковой просчет

Заполучив бриллиант, Пашка направился в сторону Арбата. Из подъезда ближайшего четырехэтажного дома его осторожно окликнул Фиксу:

— Ну что, принесла?

— Да куда она денется? Теперь камушек у меня в кармане. Похоже, мы с тобою опять у судьбы в фаворе. Завтра с утра поедем к знакомому ювелиру. Предъявим товар и попросим назначить цену.

— Не обманет?

— Нет, он меня боится. К тому же я его постоянный поставщик. Не захочет терять барыга такого выгодного клиента. Сейчас надо подумать о ночлеге.

— У меня есть маруха в Толстопальцево. По Киевской железной дороге надо ехать. На сегодня приютит, а там видно будет.

— А чего так далеко тащиться? Мы и здесь, в Москве, баб найти можем.

— Да, но все блатхаты на учете у мусоров. Ты хочешь с дорогим камушком к ним в лапы при облове попасть?

— Ну что же, поехали к твоей марухе. Тут до вокзала всего пару остановок на троллейбусе.

— Ну вот и лады. Я знал, что ты согласишься.

Глаза у Фиксы обрадованно сверкнули. Это насторожило Пашку: «Что-то я раньше не слышал ни о какой зазнобе у Фиксы в Толстопальцево. Темнит, похоже, парень. Неужели от жадности задумал камушек у меня с мертвого тела забрать? Надо держать ухо востро».

С этого момента Пашка старался не поворачиваться к Фиксе спиной. Сидя в качающемся вагоне, исподволь следил за приятелем. Пашка просто ощущал нарастающее напряжение в поведении Фиксы. Наконец тот решился и как можно непринужденнее предложил:

— Выйдем в тамбур, покурим.

И по сдавленному от волнения голосу приятеля Пашка понял: «Решился все-таки, сявка. Сейчас все и произойдет. Бить будет финкой, чтобы без шума. Главное, не упустить момент нападения».

Медленно прошли по вагону. Пашка благоразумно шел сзади. Уже в тамбуре Фиксы, крепко зажав мундштук папиросы «Беломорканал» желтыми редкими зубами, начал хлопать себя по карманам, словно в поисках спичек. И Пашка понял, что все произойдет в следующее мгновение. Он на секунду опередил противника, успев от-

прянуть в сторону и подставить под лезвие, направленное ему в горло, предплечье. Резкая боль пронзила руку. Но Пашка тут же сильным ударом в челюсть свалил худощавого Фиксу и, подхватив выпавший нож, вонзил в грудь напротив сердца. Распахнув дверь вагона, выбросил труп под откос. И наступившая темнота поглотила никчемного блатнягу, калеча уже мертвое тело о железнодорожную насыпь.

Минут через пять электричка замедлила ход и остановилась у платформы. Пашка вышел из вагона. «Возвращаться нельзя. Пассажиры видели: выходили двое, а вернулся один. Подозрительно! А так — сошли попутчики на нужной остановке».

Жадно глотнув идущий от сосен пряный смоляной запах, Пашка спустился вниз. Убедившись, что он один, быстро снял пиджак и перевязал носовым платком ноющую от боли раненую руку: «Пальцы двигаются. Значит, не задел крысенок важной жилы. Никогда не думал, что Фикса на меня руку поднимет: сколько раз я в зоне за него марку держал. Блеск бриллианта и больших денег сбил его с толку. Надо от этого камушка побыстрее избавиться: смерть с ним на пару ходит».

Торговаться с ювелиром не стану. Сколько даст, то и возьму. И уберусь из Москвы подальше: здесь огонь уже пятки лижет. С первой утренней электричкой в Москву вернусь. А за ночь прямо тут, в лесу. Накидаю еловый лапник на землю и покемарю до рассвета. Я и в заснеженной тайге во время побега не пропал. А тут и подавно. Хоть и без удобств, да зато безопасно».

И Пашка отправился вглубь леса, чтобы скоротать наступившее ночное время.

Утром, приехав в Москву, Пашка сразу направился к ювелиру. Тот, увидев бриллиант, подозрительно уставился на опасного посетителя:

— Слушай, Паша, я тебя знаю с довоенных времен, когда ты в первый раз еще юным пацаном мне с десяток чернобурок приволок. Я тогда взял товар, хоть он мне и не с руки был. А потом во время денежной реформы 1947 года не стал тебя надувать, а заплатил за золотые украшения уже новыми деньгами. Я всегда с тобой поступал честно. Ведь так?

— К чему, Михаил Григорьевич, клонишь? Не юли, говори прямо. Если думаешь, что камушек с мокрого дела ко мне приплыл, то ошибаешься. Бриллиантом одна баба со мной рассчиталась за оказанную услугу. Это их фамильный дворянский камень.

— Даже если ты не врешь, все равно есть сложности. Дело ведь не в происхождении камня, а в его стоимости. Все находящееся в моей квартире вместе с мебелью не окупит цены бриллианта. Нет у меня сейчас таких денег. А назвать низкую сумму не рискую. Ты потом с меня спросишь.

— Я все понял. Не беспокойся. Сам не раз мне говорил: «Воровство дело дешевое: как пришло богатство без труда, так и легко ушло. Много за товар не дам». Я эту истину усвоил. А потому собери все деньги, которые есть у тебя в наличии, и отдай мне. Будем считать, что ты бриллиант не купил, а взял на хранение под залог. Если в течение пяти лет не

появлюсь и не выкуплю — вещь твоя. Только не скупись, хотя мне не до больших сумм. Слить из Москвы надо спешно. Мусора на пятки наступают. Да не пугайся: с камушком это не связано. Пойми: я же не заинтересован, чтобы тебя МУР за задницу взял из-за моих серьезных дел. Ведь если на тебя выйдут, ты мигом меня заложишь. Не возражай! Я сам бы за чужое дело зону топтать не пошел. Ну все, хватит болтать. Неси деньги. Как говорится, бери больше, кидай дальше.

— Ладно, жди здесь. Я быстро управляюсь.

Войдя в соседнюю комнату, ювелир благоразумно закрыл за собой дверь на задвижку. Быстро передвигаясь между тесно расставленной мебелью, он сноровисто извлекал пачки запрятанных на черный день денег из буфета, тумбочки, платяного шкафа, с книжных полок. Вскоре кожаный коричневый портфель наполнился доверху. Немного подумав, Михаил Григорьевич отделил две пачки купюр и благоразумно спрятал под подушку. Затем вышел из комнаты и передал портфель Пашке. Тот деловито поинтересовался:

— Сколько здесь?

— Не знаю, не считал. Но тара забита полностью под завязку. Иди, потом посчитаешь.

— Ладно, Михаил, как говорят в твоей Одессе-маме, не суетись под клиентом. Если за пять лет не объявлюсь, брюлик твой. Как договаривались.

Пашка на лестничной клетке вытащил из портфеля несколько толстых пачек денежных купюр и рассовал по карманам: «Так надежнее. Если придется делать ноги по-быстрому, уходя от погони, то портфель придется бросать: будет не до наживы, лишь бы остаться живу. Ну все, можно отправляться навстречу новой счастливой жизни».

И тут Пашка допустил ошибку. Вместо того, чтобы сразу ехать на вокзал и сесть на ближайшей поезд, он решил напоследок гульнуть в сто-

лице с размахом, соря деньгами. День прошел сумбурно. Пашка мотался по магазинам, стремясь поприличнее прибахлиться: «С таким солидным кожаным портфелем, как у меня, в задрипанном дешевом костюмчике не пощеголяешь. Опытные сыскари сразу заподозрят неладное. Шляпу надо приобрести непременно, волосы еще не отрасли достаточно после освобождения. Очки темные тоже не помешают».

Совершив покупки, Пашка переоделся и, стоя перед зеркалом, довольно подумал: «Теперь я точно смахиваю под командированного фраерка — гостя столицы. Вот и поведу себя соответственно. Теперь только надо подумать, где удачно приземлиться. Идти к дешевым марухам не хочется. Да и опохить могут, ободрав до нитки. Пойду-ка я в хороший ресторан: там наверняка бабы почище водятся».

Уже начало темнеть, и Пашка, увидев в центре города приличный ресторан, направился к ярко освещенному входу. Протянул небрежно преградившему ему путь швейцару пару крупных купюр. Мгновенно перекочевавшие в карман деньги послужили надежным пропуском. Войдя в зал, Пашка слегка оробел: свободных столиков не было. Но в этот момент ему приветственно замахала рукой худенькая миловидная блондинка, сидевшая рядом с черненькой толстушкой за крайним столиком. Не раздумывая, Пашка направился к девушкам. Блондиночка встретила его радушно:

— Молодой человек, извините нас великодушно. У меня сегодня день рождения. А все сложилось неудачно. Так называемый жених укатил в командировку, а сотрудников на работе начальник засадил в конце месяца отчет писать. Хорошо, хоть подруга детства пришла меня поздравить. Поддержите в такой знаменательный день одинокую несчастную женщину с неразделенной любовью, составьте компанию. А то тоска зеленая, хоть застрелись. Меня

зовут Люсей, а подругу Антониной.

«На дешевых проституток вроде не похожи: одеты не простенько и со вкусом. Да мне и наплевать, кто они. Скоротаю время. А если повезет, то и на ночлег устроюсь. Намекнула же блондиночка на свое одиночество. Хотя по габаритам я бы предпочел черненькую с пышным бюстом».

И Пашка, отбросив колебания, присел за столик. Он не знал, что путаны подкинули ему свою обычную, хорошо проверенную легенду. Он заказал двести граммов водки, шашлык и салат. Выпили за знакомство и день рождения. Заиграла музыка, и Пашка галантно пригласил Люську танцевать. Призывно прижимаясь худеньким тельцем к мужчине, Люська уперлась в заткнутый за пояс твердый предмет и, заподозрив неладное, осторожно прощупала его очертания. «Надо же, этот простоватый с виду тип носит с собой оружие. Надо быть настороже, а то нарвешься на психопата-убийцу».

А Пашка, разочарованный костлявой фигурой блондинки, пригласил на следующий танец Антонину. Та, чутко уловив его интерес, небрежно заметила:

— Люська — девка добрая. Но с мужиками у нее напряг. Как переночуют, так тут же сбегают. Никто долго не задерживается. А у меня сегодня как раз хата свободная. Муж в отпуске в деревне, а соседка баба Таня не в счет: она меня понимает — сама молодая была. Жаль такой шанс упускать. Если свободен, то поедем со мной прямо сейчас. Чего время терять?

Вернувшись за столик, Антонина не стала юлить и откровенно объявила:

— Не обижайся, подруга. Но мы с Пашей отваливаем. Извини, но он сам так решил. Сейчас поедем в гости к бабе Тане.

Люська недовольно поджала губы:

— Ну и ладно. Только запомни, я в долгу не останусь.

Щедро расплатившись, Пашка в сопровождении Тони направилась к выходу: «Надо же, удача от меня

не отвернулась: ночлегом я обеспечен».

А обиженная Люська вышла следом и, зайдя в будку телефона-автомата, набрала номер оперуполномоченного Петрова, которому регулярно поставляла сведения в обмен на защиту от неприятностей со стороны закона:

— Слушай, Тонька только что подцепила в ресторане подозрительного типа. У него пистолет за поясом и денег куры не клюют. Повезла его на хату к бабе Тане. Не прозевай!

И, удовлетворенная мстью, отключилась.

Петров кивнул напарнику:

— Срочно едем, есть шанс выловить крупную рыбу.

Сыщики выехали по знакомому адресу и стали ждать. Вскоре появилась Антонина с клиентом. Не дав им войти в подъезд, опера схватили мужика с двух сторон за руки и отобрали оружие. Шифруя свою агентессу, Петров с искренним удовольствием объявил:

— Ну что, Хворост, набегался? Мы тебя уже полгода по всесоюзному розыску, объявленному милицией Казахстана, вычисляем. Не надоело скрываться?

— Это ошибка: я никогда не был в Казахстане. И кликуху Хворост впервые слышу.

— Ладно, поедем в отдел. Там разберемся. Но по приметам ты точно подойдишь.

В дежурной части, оформляя в присутствии понятых изъятие оружия, сыщик насмешливо заметил:

— Даже если ты не Хворост, хотя на него здорово смахиваешь, срок тебе обеспечен. Небось за стволом след кровавый стелется?

— Нет, волына чистая: победитель с войны трофей привез. Не успело оружие еще наследить.

— Ну что же, проверим. А кроме справки об освобождении на имя Павла Сизова других документов у тебя нет? Ну ладно, позвоним сейчас в учетную группу и узнаем, кто ты есть таков на самом деле. —

Услышав ответ, сыщик радостно присвистнул: — Ну и дела! Ловили Хвороста, а взяли Пахана. По тебе опера в Ростове жутко соскучились. Твои дружки, с которыми по амнистии освободились, в раскол пошли: рассказали в подробностях, как богатую семью в Ростове вы всю под корень вырезали за несколько отрезков драпа и шубу меховую. Ну, что скажешь?

— Я лучше промолчу. Ростов не Москва, и не вам то дело раскручивать. Да и послушать хочу сначала дружков на очных ставках.

— Ну что же, хозяин барин. Поедешь в Ростов по этапу. Откуда оружие, тоже не скажешь?

— Нашел сегодня утром: у помойки во дворе лежало.

— В обмен на хорошее обращение и курево пару нераскрытых краженок у нас на территории не возьмешь? Все равно ведь тебе крупный срок мотать за мокрое дело.

— Нет, погожу пока. Мне и по ростовскому делу срок не светит. Так, одна болтовня. А за изъятый пистолет много не дадут.

— И то верно. Но жаль, что не договорились. Прощай, Пахан, похоже, мы теперь долго не увидимся.

Глядя вслед уводимому в камеру матерому уголовнику, оперуполномоченный Петров даже не предполагал, насколько он близок к истине в своем предположении о судьбе Пашки Сизова по кличке Пахан.

По ростовскому мокрому делу Пашка отделался сравнительно легко. На очных ставках запугал подельников, те изменили показания, и суд определил ему как второстепенному участнику налета двенадцать лет лишения свободы. Больше всего Пашка жалел, что не успел как следует погулять на щедро выплаченные ювелиром деньги. И, находясь в неволе, Пашка не раз возвращался мысленно к маленькому прозрачному кусочку холодного камня, способному обеспечить ему долгую безбедную жизнь. Пашка уже твердо

знал, что сразу после освобождения нанесет визит к ювелиру. «Сам к нему не полез. Дам наводку на богатую хату лихим парням. Они из представителя Одессы быстро золотишко и камушек выбьют. Если брюлик уже уплыл от ювелира, то под прессом наверняка назовет имя нового владельца. Вещица целого состояния стоит, не всякому по карману. Так что камушек далеко уйти никак не мог. От силы сменил двух-трех хозяев. При таких шансах банковать можно. Только вот одна заковыка: где найти верных людей для налета? На воле за прошедшие годы многое изменилось: иных уж нет, а те далече. Придется искать исполнителей здесь, в зоне. Пока ничего подходящего. Вокруг одни мелкие кусочки. Разве только дерзкий Купорос способен на кровь: жестокий и злой парень. Ненавидит весь мир. Я и то опасуюсь оставлять его за спиной, хотя Купорос тянет срок за обычную кражу из продуктового магазина. Только, похоже, темнит парень: нарочно завалился, якобы по пьяни, на легком деле, чтобы скрыть более серьезное преступление. Он освобождается почти в одно время со мной. Но прежде чем довериться этому типу, надо будет его прощупать».

И за три месяца до окончания срока заключения Пашка отозвал Купороса в сторону. Темнить не стал, сразу обозначил намерения:

— Мне нужен человек для серьезного дела. Ты освобождаешься на две недели позже меня. Я тебя подожду в ближайшем поселке. Сниму там комнату.

— Ты говоришь так, словно я уже подписался под твое дело.

— Речь идет о куше, которого хватит тебе и мне на две жизни.

— Мочилово будет?

— Как мазь ляжет.

— Почему ко мне обратился?

— Думаю, ты скрываешься в зоне от более серьезного криминала, чем кража продуктов из сельского магазина. Но меня это не касает-

ся. Главное, ты освобождаешься одновременно со мной. Я к тебе пригляделся. Ты мужик серьезный. Тебя на зоне уважают. К тому же ты не из Москвы, а из Воронежа. Наверняка на воле остались связи среди земляков. Для дела нужно еще пару хлопцев. И не столичных урок, а залетных: приехали, куш сорвали — и уехали с концами.

Пусть московские сыскари ищут ветра в поле. Есть у тебя такие ребята?

— Имеются, как не быть. Значит, мочилово в Москве намечается? Я там никогда не появлялся и местных обычаев не знаю.

— А я на что? Встречу, провожу на адресок и подскажу, о чем у хозяина-ювелира надо будет поинтересоваться.

— А как делиться будем?

— Пятьдесят на пятьдесят.

— Гонишь, Пахан. Тебе одну половину, а нам на троих та же доля?

— Так, замысел и наводка мои. К тому же личное знакомство с хозяином повышает мой риск вернуться в зону.

— Если ты с ювелиром дело имел, то зачем темнишь? Ясно, что мочить терпилу придется, как ни крути. А на вышак подписываться за половину добычи на троих мне не с руки. Делить будем честно по четверти на брата. Иначе ищи других поделщиков.

Пахан недовольно поморщился: «Этот злобный и жадный парень не понимает, что делить украшения придется на глазок. Он же стоимости драгоценных цацек не знает. А мне главное — мой брюлик при дележе заполучить. За все остальное поспорю только для виду».

Приняв решение, Пашка дальше спорить не стал:

— Ладно, ты прав, Купорос. Там на хате золота немерено. На всех хватит. Торговаться не будем.

— А как в хату проникнем?

— Там у ювелира одна моя вещь в залоге осталась. Скажу, что выкупать пришел. Вас со мной рядом быть не должно. Войду туда

один. А затем изловчусь и дверь изнутри открою. Вы будете ждать наготове снаружи. Все понятно?

— А кто терпила? Может быть, уважаемый среди блатных барыга? Помимо мусоров наживешь себе могущественных врагов.

— Об этом не беспокойся. Работает он на Арбате в ювелирной мастерской. Скупает у фартовых понемногу рыжье да переделывает, чтобы опознать невозможно было.

— Живет там же?

— Нет, в районе Самотеки. Да тебе-то это зачем, если Москвы не знаешь? К тому же без меня в хату не войдете.

— Просто подумал, что можно взять у терпилы ключи от мастерской и еще там пошукать.

— Сам знаешь: фраера жадность губит. Нам хватит и того, что на хате возьмем.

— Ладно, считай, договорились. Как освобожусь, заедем в Воронеж. Возьмем двух моих знакомых, дерзких братьев. Они в деле проверены и кровью повязаны. Не подведут. И рванем в Москву.

Пашка был удовлетворен результатом переговоров. Он рассчитывал при дележе имущества ограбленного ювелира обмануть простодушных парней из провинции и вернуть себе дорогостоящий бриллиант. Пашке было невдомек, что Купорос, предоставив ему сыграть лишь роль отмычки для проникновения в квартиру жертвы, не собирался оставлять его в живых.

Хитрый уголовник действительно укрылся в зоне, совершив для видимости кражу из магазина. На самом деле он был активным участником нескольких разбойных нападений на квартиры неправедно разбогатевших торгашей, два из которых закончились убийством. А когда ему пришлось проломить голову сотруднику ГАИ, остановившему для проверки их машину на загородном шоссе, то, боясь быть расстрелянным по приговору суда, Купорос сделал хитрый ход, сев за мелкое преступление

всего на четыре года. Купорос все рассчитал правильно: за это время интерес следствия к совершенным им тяжким преступлениям притупился, и производство по уголовным делам было приостановлено.

Купорос не сомневался, что оставшиеся на воле его соучастники братья Козловы, державшие в страхе целую окраину Воронежа, не задумываясь, по его указанию безжалостно прирежут Пахана, задумавшего заграбастать себе значительную часть похищенных драгоценностей. Оставалось только ждать освобождения из колонии.

Но случайное стечение обстоятельств внесло коррективы в планы Купороса. За две недели до освобождения Пахана его отправили вместе с другими зэками на складировку бревен для подготовки к сплаву вниз по реке. В предвкушении освобождения Пашка позволил себе расслабиться. Немного потаскав тяжелый кругляк, он спустился вниз к воде и свернул толстую сигарку из крепкой махры. Ярко светило солнце, после суровых морозов теплые лучи приятно ласкали обросшее щетиной лицо. Легкая дремота заставила прикрыть веки. Сквозь затуманенное сознание к нему издалека долетели встревоженные крики. Но не хотелось отказываться от приятной истомы отдыхающего после тяжелой физической работы тела. Крики приближались, становясь все грознее. Наконец до его ушей донесся приближающийся грохот. Пашка в испуге обернулся, увидев катящиеся вниз из плохо закрепленного и рассыпавшегося штабеля бревна, хотел отскочить, но не успел. До бежавших к нему на помощь зэков донеслись треск безжалостно разламываемых костей и невольный крик боли смертельно искалеченного человека. Последним, кого увидел Пашка в окружающей толпе, был Купорос. В его жестоких немигающих глазах не было сочувствия к чужой боли.

Отвернувшись от наполовину погребенного под огромными

кругляками переломанного тела несостоявшегося подельника, Купорос отошел в сторону и уставился на непрерывно струящееся течение быстрой таежной реки. Гибель Пашки не внесла серьезных изменений в его планы. «Жаль, конечно, что Пахан откинулся раньше времени. Но вычислить ювелира в Москве я смогу и без него. Обронил же Пахан, что тот работает в ювелирной мастерской на Арбате, а живет на Самотечной улице. Этого вполне достаточно. Вот только проникнуть в хату без Пахана будет труднее. Но ничего, что-нибудь придумаем».

Прозвучала резкая команда построиться для переклички: охрана боялась возможного побега во время переполоха, возникшего при гибели зэка. Убедившись, что все на месте, охранники повели осужденных к лагерным баракам. Вышагивая в строю, Купорос расчетливо прикинул: «Заеду за Козлами в Воронеж, и, не заходя домой, отправимся в Москву. У братьев там тетка где-то живет. Будет где остановиться».

До освобождения Купороса оставалось менее месяца.

ГЛАВА IX. Двойное убийство

Домашний адрес ювелира бандиты вычислили легко. Михаил Григорьевич и через двенадцать лет продолжал успешно трудиться в этой мастерской. Проследить за ним оказалось делом несложным. Теперь, когда Купорос и его подручные определили, где он живет, за его квартирой установили наблюдение: надо было узнать, с кем живет намеченная жертва и когда ювелир бывает дома.

Узнав, что Михаил Григорьевич проживает только вдвоем с женой, Купорос понял: «Хлопоты предстоят нетрудные: двоих немолодых людей завалить несложно. Вот только как проникнуть без шума внутрь хаты? Мои костоломы Козлы способны только кулаками махать, а не замки открывать».

Купорос не знал, на что решиться. Но на третий день наблюдения проблема решилась сама собой. Купорос сидел на скамеечке во дворе дома ювелира и вел наблюдение за подъездом. Внезапно дверь открылась, и на улицу вышла эффектная стройная блондинка, одетая по последней моде. Молодая женщина шла плавно, без всякого напряжения, ловко передвигаясь на высоких каблуках. Вся ее манера держаться невольно дразнила провожающих взглядами красивую женскую фигуру мужчин. Нечто неумолимо знакомое промелькнуло в памяти Купороса: «Неужели это моя землячка Зинка по прозвищу Актриса? Тогда, в последний год войны, подседа с нами за кражу из заводской столовой и пошла на реальный срок в зону. По физиономии точно она, а по фигуре и манере одеваться не скажешь. Нет, все-таки это Зинка! Надо с ней переговорить. Я ведь ничего не теряю».

Купорос догнал женщину и крепко взял за локоть:

— Привет, Зинуля! Давно не виделись. Лет уж двадцать пролетело. Как живется-может быть в Москве?

Глаза женщины недовольно сузились, но она умела владеть собой и потому произнесла намеренно спокойно, словно только вчера рассталась с прежним своим подельником:

— А, это ты, Купорос? Откуда такой удалец в столице нарисовался? Да, главное, зачем?

— Чего базар разводить посреди улицы, давай пойдем в какую-нибудь забегаловку и перетрем наши дела.

— Я, Купорос, давно в забегаловку не заглядываю. Меня мои кавалеры в шикарные кабаки приглашают.

— Путаной, что ли, в Москве заделалась?

— Нет, бери выше. Я теперь, считай, дама из высшего общества. Ладно, пойдем вон в ту дешевую столовую. Там меньше шансов засветить знакомство с тобой перед моими нынешними знакомыми.

— Ишь ты, стесняешься и брезгуешь прежними друзьями? За-

была, как я на суде тебя отмазал от грабежа приезжего командированного? В итоге ты тогда всего три года по малолетке огребла за кражу продуктов и посуды из столовой.

— Хватит гнать пургу, Купорос. Вспомни лучше, кто нас, подростков, подбил лезть по пожарной лестнице через окно в ту тошниловку. Не ты ли?

— Нашла чем попрекать. Сама там хоть хлеба наелась досыта. На все три года колонии, небось, обожралась.

— Не напоминай мне, Купорос, о жизни за решеткой. Если сейчас вновь под суд идти, то лучше повешусь в камере, распустив собственные панталоны. Тем более в моем нынешнем положении.

— Давай излагай поподробнее.
— Да рассказывать особенно нечего. Освободилась в семнадцать лет. Возвращаться некуда: мать умерла, комнату заняли соседи. Вместе со мной освобождалась одна москвичка. Сидела за хозяйственные дела. Пригласила ехать с нею. Я согласилась. Она меня объявила своей родственницей, прописала временно на год и устроила продавщицей в продуктовый магазин в центре Москвы. Директорствовал там пожилой армянин. Положил на меня глаз. Стала я с ним жить в его квартире. Ему под пятьдесят было. У него и раньше подобные истории бывали. Возьмет молодую девчонку, попользуется с годик и дает расчет. Правда, выплачивал солидные чаевые. А вот ко мне прикипел. Года два прожили. Он и говорит: «Ты девчонка не наглая, с меня денег зазря не тянула. Много не болтаешь. Готовишь вкусно. В постели с тобой сладко. Чего еще нужно мужчине в моем возрасте? Пойдем в ЗАГС и распишемся. Родственников близких у меня нет. Завещание писать не на кого. Соглашайся». Я, не будь душой, выскочила замуж. Фамилия у меня теперь другая. Знать тебе ее ни к чему. Да и имя я изменила на более благозвучное — Жанна.

— Ну а дальше как жизнь сложилась?

— Снял Ашот меня с работы, поставил школу окончить, в институт поступить. Аккордеон для занятий музыкой купил. Ты помнишь, как я в художественной самодеятельности участвовала?

— Только ты на стареньком баяне наяривала.

— Теперь я на аккордеоне выучилась. Это мне потом здорово пригодилось. Ввел меня Ашот в свой круг знакомых. А там не только торгаши, но и писатели, режиссеры, артисты. Все вкусно жрать хотят. Только вот умер мой благодетель от сердечного приступа пять лет назад.

— Значит, ты теперь богатая вдовушка?

— Если бы! Накопления, конечно, у мужа были. Только годика через два закончились.

— Пришлось идти работать?

— Ну уж нет. Я к этому делу из-за любящего мужа не приспособлена. Но не пропала. Научилась выкручиваться на дефиците.

— Объясни, в чем фишка?

— Все очень просто. Стала я своей среди всей этой московской знатной публики. Но, главное, связи после Ашота среди торгашей остались солидные. А одни знаменитости нуждались в заграничных модных шмотках, другие желали изысканных деликатесов, а третьи стремились сходить в театр на премьерный спектакль, чтобы подтвердить свою принадлежность к культурной элите. И все это им начала поставлять я. За определенный процент, естественно.

— Навар солидный?

— Да где там! Накладные расходы большие. Мне задарма товар никто не дает. Единственный пока солидный источник — баба из магазина «Березка». Возомнила себя заядлой театралкой. Любит тереться вокруг певцов и актеров.

— Значит, с деньгами у тебя туго?

— Не совсем так. Кое-что, конечно, перепадает. Но у меня расходы солидные на шмотки. Я должна иметь мод-

ный прикид, чтобы соответствовать своему положению в обществе.

— Тебя часто приглашают на их вечеринки?

— Главным образом из-за аккордеона. Им нравится, как я музицирую. Эти на вид солидные интеллигенты, когда выпьют, любят слезу пролить над блатными песнями. И чтобы нужные связи не потерять, приходится им угождать. Самое удивительное, что я из-за блатняка — желанная гостья в домах писателей, артистов, директоров заводов, партийных деятелей и важных министерских чиновников.

— Вон ты как высоко взлетела: и из рогатки не достанешь!

— Одна видимость, Купорос. Я для них не больше чем поставщица дефицита и исполнительница песен урок на их интимных вечеринках. Благо что у нас во дворе, а потом и на зоне нахваталась. Ты, Купорос, не поверишь, но все эти солидные господа внутри себя ощущают больше уголовной шпаной, чем благородными отцами семейства. Но мне наплевать. Главное, не голодаю, как в детстве, во время войны. Ну а ты как? Зачем в Москву явился?

— Сначала скажи: хочешь зарезать огромного куша и больше в этой жизни о башлях не заботиться?

— Связано с криминалом?

— Не задавай глупых вопросов. Никто задаром ничего тебе не даст.

— Говори, в чем дело.

— Отвечу, как в Одессе, вопросом на вопрос. К кому ты в тот подъезд на Самотеке заглядывала?

— К ювелиру Мишке, вернее, к его жене Соньке.

— Я так и думал: раз среди богатеньких вешься, то, скорее всего, и с Михаилом Григорьевичем знаешься.

— А ты откуда его отчество знаешь? Говори прямо, что замыслил. А я уж потом дам согласие или откажусь.

— Дура ты, Зинка, хотя и Жанной теперь представляешься. Раз я тебе сказал, к кому интерес проявляю,

значит, ты уже со мною в деле и отвертеться никак не удастся. Рано или поздно узнаешь, что хата ювелира подломлена, и сразу поймешь, чьих рук дело. И мне после этого нельзя тебя в живых оставлять, если сама в деле не примешь участия. Да и роль у тебя будет не тяжелая.

— А улов действительно ожидается богатый?

— Сейчас все поймешь. Слушай сюда. В зоне со мной парился некто Пахан из местных московских урок. Мы должны были освобождаться одновременно. Он искал подельников и поведал мне по секрету, что этому Мишке-ювелиру отдал перед своим арестом на хранение какую-то баснословно дорогущую вещицу. Хотел после освобождения вернуть ее себе, да погиб под завалом бревен. Вот я и приехал вместо него должок взыскать.

— А что это за вещица?

— Понятия не имею. Но только он намекал, что там, в квартире ювелира, таких вещей много.

— Так Михаил Григорьевич наверх драгоценности в тайнике хранит. Я могу хозяев из дома выманить. Ты хату подломишь, а клад не найдешь. И все: напрасные хлопоты.

— А у меня, Жанна, другой план задуман. Мы их захватим врасплох и развяжем язык. Сам Михаил Григорьевич нам тайничок добровольно укажет.

— А потом ты его с женой на тот свет отправишь? Не хочу я в мокром деле под расстрел попадать.

— А как быть прикажешь? Если ты нам дверь откроешь и перед хозяевами засветишься?

— Могу и в стороне остаться при ином варианте. Разыграю спектакль. Я позвоню в дверь, они откроют, а ты с подельниками, как будто этот момент подкараулив на лестничной клетке, ворветесь, что называется, на моих плечах в квартиру. Свяжете их и меня. Михаил свою молодую жену обожает. Ради ее спасения укажет тайник. Вы за-

берете драгоценности и смаетесь. Со мной расчет позже на следующий день произведете. При таком раскладе и ювелира с Сонькой валить не надо, и я вне подозрений.

— План принимается. Я сам лишней крови проливать не хочу. Точную дату налета назвать можешь?

— Сонька заказала сапоги итальянские на высоком каблуке. После-завтра в субботу с утра мне встречу назначила. Михаил Григорьевич при сделке тоже присутствовать будет обязательно. Он свою благоверную транжиркой считает и самолично деньги на покупки выдает. Другого такого удобного случая ждать долго.

— Все, заметано! Часиков в десять утра послезавтра мы займем позиции на лестничной клетке. Ты подойдешь чуть позже, чтобы нас вместе не видели, и позвонишь в дверь. Тебе откроют — и дальше все по плану.

— Я знаю тех, кого с собой на дело возьмешь?

— Нет. Это два брата-разбойника. Появились в Воронеже после войны, вернувшись из эвакуации. Здоровые хлопцы. Они больше по части морду кому-нибудь расквасить и деньги отобрать. Скорее голодные, чем блатные. О них беспокойство не проявляй. О тебе они ничего знать не будут. Ну, если уже договорились, то разбегаемся. Везет же тебе, Зинка-Жанка: за один обычный прозвон в квартиру золота и бриллиантов огребешь — по гроб жизни хватит. Я пошел, а ты расплатись за еду: все-таки я у тебя в гостях, раз ты теперь москвичка.

Купорос поднялся и быстро вышел из столовой. Жанна задумчиво посмотрела ему вслед. Ей очень не понравилась фраза о крупной добыче, достающейся ей лишь за одно нажатие на кнопку дверного звонка: «Он словно предупредил, чтобы я на многое не рассчитывала. И вообще, ему проще после завладения драгоценностями меня пришить вместе с супругами: и лишнего свидетеля нет, и делиться ни с кем не надо. Может быть, не связывать-

ся с бандитами, а сдать их капитану Гвоздеву? Пусть опасных мазуриков повяжет спецслужба».

Жанна уже более двух лет состояла в агентурной сети Комитета государственной безопасности. Капитан Гвоздев, специализирующийся на выявлении диссидентских настроений среди творческой интеллигенции, давно заприметил часто мелькающую в секретных донесениях одинокую молодую красавицу. Ее многочисленные связи и посещения полусветских раутов и вечеринок предоставляли широкие возможности для получения нужных сведений о настроениях среди писателей, режиссеров, актеров. Вербовка Жанны не представляла труда: тесные завязки на сотрудников валютной фирмы «Березка» давали основание привлечь ее к уголовной ответственности за спекуляцию. Будучи задержанной при выходе из фирменного магазина с дюжиной пар женских чулок, Жанна при допросе правильно оценила ситуацию и дала подписку о секретном сотрудничестве. Ее не мучили угрызения совести, когда она сообщала капитану о критических высказываниях своих знакомых о политике и властях. Она недолюбливала всех этих прощелыг, внешне уважаемых, внешне уважаемых, ведущих себя распущенно и неприглядно в гостиницах богатых домов. И Жанна не раз ловила себя на крамольной мысли, что все эти считающие себя высшим обществом подонки ничем не лучше сидящих в зоне или разгуливающих на свободе блатняг. Только, пожалуй, их развратные увлечения и пресыщенные забавы еще более омерзительны. Урки хоть искренне думают, что именно так и надо жить — в пьянстве и случайных связях. А эти, обученные в вузах, университетах, консерваториях люди прекрасно знают, что творят несправедные дела, но продолжают, наслаждаясь ощущением своей сладкой греховности.

И Жанна принялась с безудержным рвением выполнять свою тайную миссию. Капитан КГБ Гвоз-

дев высоко ценил свою секретную сотрудницу и постоянно оказывал ей значительную помощь, помогая доставать дефицит для снабжения разрабатываемых. В этих целях нередко использовался конфискованный контрабандный товар. Спекулируя им, Жанна пользовалась авторитетом ловкой пронырливой фарцовщицы. Жанка знала: одно ее слово Гвоздеву — и Купорос со своими подельниками загремит за колючую проволоку. Но ее останавливал страх перед мстостью Купороса, вполне способного прирезать доносчицу. Но, главное, ее воображение поражала реальная возможность огрести разом кучу золотых украшений на огромную сумму. «Прав этот подонок Купорос: я могу разбогатеть от одного только нажатия кнопки звонка. Вот только соблазн у бандита будет велик завалить меня вместе с хозяевами. Надо будет подстраховаться: малейшая оплошность — и мне каюк. Но я буду душой, если упущу такой шанс. Гвоздева информировать не стану. Да и уголовники не по его ведомству. Он пусть за инакомыслящей интеллигенцией гоняется».

Приняв окончательное решение, Жанка успокоилась. Ее изощренный ум уже начал продумывать детали плана, чтобы обеспечить собственную безопасность и сохранить при налете свою жизнь.

В назначенный день Жанка встретила с бандитами в сквере рядом с домом, где жил ювелир. В руках у нее был пакет с фирменным знаком «Березки», в котором лежал заготовленный для Софьи товар: все должно было соответствовать легенде и подтверждать ее непричастность к ограблению. Купорос встретил ее радостно:

— Привет, Жанна-Зина. Я опасался, что ты передумаешь и не появишься. Не будем терять время. Пойдем на хату.

— Обожди маленько. Надо один вопросик важный обговорить. Я ведь не вчера на свет родилась. И в зоне училки были умные. Так что сразу

предупреждаю: я на всякий случай подстраховалась — письмецо подружке накатала с подробным описанием твоего предложения. Указала конкретно детали плана ограбления и твои анкетные данные. В конце приписала: «Если ты читаешь это письмо, значит, меня нет в живых. Сообщи обо всем в милицию». У нее, кстати, милый друг в уголовном розыске работает. Так что забудь шальную задумку, если она у тебя появилась, от меня избавиться и добычей не делиться.

— Зря ты так! Мне и в голову такое бы не пришло. Только не опасно такое послание почте доверять?

— Ничуть. Подруга из отпуска только через пять дней возвращается. Мне ключ от почтового ящика оставила, чтобы письма и газеты раз в неделю доставать. Так что если со мной сегодня ничего не случится, я успею свое послание перехватить! Ну а теперь, когда ты знаешь, что твоя безопасность зависит от сохранения моей жизни, можно идти в квартиру. Если готовы, то приступим к делу.

Поднимаясь по лестнице на третий этаж, Купорос мысленно злобно матерился: «Вот сволочь подзаборная. Связала по рукам и ногам. Придется оставить ее в живых. Но много ей не перепадет. Да и потом, когда шум утихнет, найду способ посчитаться. Не позволю подлой бабенке верх надо мной взять».

Подойдя к двери, бандиты встали по ее краям, и Жанка нажала на звонок. Ладони вспотели от волнения, и ей пришлось усилием воли заставить свой голос звучать уверенно и спокойно. С нетерпением ожидающая дефицитных обновок Софья сразу открыла дверь. Налетчики грубо втолкнули Жанку в переднюю и, приставив нож к горлу хозяйки, ворвались в комнату, где сидел ювелир. Тот безропотно подчинился приказу лечь лицом вниз на пол. Вслед за ним такой же участи подверглись и женщины. Отметая от себя подозрения, лежащая ничком у самого дивана Жанка натурально жалобно запричитала:

— Мужики, меня-то отпустите. Я здесь ни при чем. Только в гости случайно зашла. У меня с собой и денег нет. Если хотите, возьмите принесенный мной товар, только жизнь сохраните. Обещаю, я никому ни о чем не расскажу. Дайте уйти живой.

Нервночающий Купорос злобно пнул ногой Жанку:

— Заткнись, сука! Не мельтеши. И твоя поганая жизнь, и здоровье хозяев зависят от поведения Михаила Григорьевича. Поведет себя разумно — расстанемся по хорошему, довольные друг другом. Ну так что скажешь, ювелир?

— А что от меня требуется?

— Всего-то пустячок. Тебе Пашка Пахан из зоны приветик передает. Просит через нас вернуть вещицу, сданную тебе под залог двенадцать лет назад перед тем, как он приземлился на копчик в зону. Все очень просто: ты нам эту вещицу, дорогую сердцу Пахана, мы исчезаем, и ты нас больше не увидишь. Ну что скажешь?

В голове у Михаила Григорьевича бешено закружились мысли: «Прислал все-таки Пахан своих подручных за бриллиантом. Я все эти годы чувял, что добром присутствие ценного камня в моем доме не кончится. Беда в том, что камушек хранится в схроне вместе с другими украшениями. Показав тайник, я вынужден буду выдать им не только бриллиант. Но с другой стороны, у меня в квартире оборудованы еще два места, где спрятаны золотишко и брюлики. Пожертвовав одним тайником, я еще кое-что утаю. Пожалуй, укажу, где хранится бриллиант, но не сразу, чтобы не вызвать лишних подозрений».

Потерявший терпение Купорос, взяв в руку нож, схватил Софью за волосы и, приподняв ее голову над полом, приставил орудие к горлу жертвы:

— Слушай, ювелир, не доводи до греха. Я страсть не люблю мокруху. Неужели тебе богатство дороже жиз-

ни любимой женушки? Жду всего пару секунд. Не слышу ответа!

И испуганный реальностью угрозы Михаил Григорьевич поспешно кивнул на толстую ножку круглого старинного стола, стоящего посреди комнаты:

— Переверните стол и отвинтите дальнюю от меня ножку. Она внутри полая. В ней хранится мой запас на черный день.

По сигналу Купороса братья быстро выкрутили толстую ножку и перевернули ее широкой частью вниз. На пол беспорядочно, с глухим стуком начали падать золотые цепочки, серьги, кольца и рассыпаться по паркету. Лежащая лицом вниз Жанка почувствовала, как небольшой граненый, похожий на обтесанное стекло прозрачный камушек подкатился и коснулся ее руки, словно слезно прося укрыть его от бандитов. Жанка поворотовому быстро спрятала крупный бриллиант в манжет на рукаве кофты: «От Купороса не убудет: все равно обделит при разделе. А ведь, похоже, именно о нем говорил Пахан на зоне. Но Купорос, к счастью, об этом не знает и об отсутствии камушка даже не догадается. Я в любом случае уже не внакладе. Скорее бы все закончилось!»

Словно услышав ее мысленный призыв, Купорос сильным ударом по голове оглушил хозяина, а затем, резко взмахнув рукой, нанес удар ножом в грудь женщины. Повернувшись, жестко приказал братьям:

— Возьмите поясok с халата бабы и подвесьте ювелира за шею к батарее, да так, чтобы не дышал.

— Зачем тебе эти примочки?

— Пусть подумают, что Михаил Григорьевич свою жену из ревности угробил, а потом удушился с горя.

Купорос взял двумя пальцами окровавленный нож, вытер носовым платком рукоятку и приложил к ней ладонь и пальцы ювелира. Затем властно кивнул братьям:

— Действуйте! А потом поставьте ножку стола на место. Поделите ценности и разбежимся.

После того, как тело несчастного ювелира безжизненно повисло, повешенное на батарее, Купорос разрешил Жанке подняться:

— Вставай, помоги собрать цацки. Возьмешь вот эти две цепочки, кулон, браслет и три кольца. Это тебе за глаза хватит.

— Ну нет, Купорос, я еще хочу вот этот массивный золотой перстень с большим камнем. Похоже, тебе о нем Пахан на зоне и толковал.

— Еще чего захотела! Возьми что-нибудь поменьше и заткни хавло. Не то наплюю на твое письмецо и поставлю навсегда умолкнуть!

Жанка как бы нехотя взяла из груды собранных драгоценностей маленькие сережки, украшенные россыпью мелких сапфиров, и демонстративно отступила в сторону, не претендуя на увеличение своей доли. Она вполне была довольна: «Этот дуралей считает, чем больше по размеру побрякушка и ярче блестит, тем дороже. Главное, я отвела его подозрения, и он даже подумать не может, что главная добыча у меня в манжете запрятана. Пора отсюда убираться».

Но Купорос ее остановил:

— Подожди, не суетись. Покинем квартиру все разом и разбежимся в разные стороны.

Уже выйдя на улицу, Купорос, перед тем как расстаться, не удержался и спросил:

— Теперь скажи честно: письмецо, подруге посланное, — выдумка?

— Нет, Купорос, и не надейся, что соврала. Я это письмо для страховки еще пять лет в надежном месте сохраню со строгим наказом вскрыть в случае моей безвременной гибели. Так что моли Бога, чтобы мне долгих лет даровал.

Купорос в бессильной злобе плюнул Жанке под ноги и, не оглядываясь, вместе с соучастниками отправился прочь. В этой ситуации ему оставалось лишь надеяться на удачную судьбу подруги детства. По крайней мере в ближайшие годы.

Но самому Купоросу не повезло. До Жанки запоздало дошло сообще-

ние, что он погиб в автомобильной катастрофе через три года после налета.

А кошмарное преступление, в котором она приняла участие, осталось безнаказанным. К изумлению Жанки, сотрудники уголовного розыска, не желая вешать на себя нераскрытое двойное убийство, сделали вид, что поверили в маловероятную версию об убийстве из ревности хозяйки и самоубийстве ювелира. Так что преступников никто и не искал.

Доставшихся Жанке драгоценностей хватило на несколько лет спокойной жизни. В конце концов остался лишь крупный бриллиант, заначенный ею от бандитов во время жестокого налета. С ним она решила расстаться в крайнем случае. И обстоятельства вынудили ее к продаже бриллианта лишь через многие годы, уже в самом начале восьмидесятых. К этому времени Жанна Степановна уже значительно растеряла источники своих доходов. У ее клиентуры появились собственные возможности восполнения дефицита. Вся ее надежда теперь была на хранящийся на антресолях среди клубков шерсти бриллиант. Жанна долгие годы не решалась его продать, боясь, что ее элементарно кинут, не дав реальной цены.

Но в тот день ей позвонила стародавняя клиентка Маргарита Семеновна и попросила приехать по срочному делу. Встретив, после долгих предисловий приступила к деликатному делу:

— Жанночка, мы с тобой имеем дела не один год. Тут подвернулась возможность сделать крупный гешефт. И такую возможность упустить никак нельзя: и я, и, конечно, ты не будем обижены. И даже очень.

— Рита, не надо многословия. Изложи, в чем проблема и сколько я от этого буду иметь.

— Один очень, я подчеркиваю слово «очень», богатый человек наконец получил-таки разрешение на выезд на постоянное место жительства в одну, скажем так, экзотическую страну. Он

добивался так называемого воссоединения семьи много лет. Вступил для этого в фиктивный брак с иностранной подданной. Но, по моим сведениям, они даже не видели друг друга.

— Рита, ты опять отвлекаешься.

Скажи, наконец, что нужно от меня!

— Я и пытаюсь рассказать, а ты перебиваешь. Короче, подпольный миллионер хочет свои бумажные купюры в советских рублях превратить в драгоценности.

— А как он их перевезет за границу?

— Это не наши заботы. Подумай, нет ли среди твоих хороших знакомых людей, согласных обменять фамильные ценности на деньги. Ведь те, у кого нет перспективы покинуть эту страну, нуждаются в деньгах, а не в лежащих мертвым грузом золотых изделиях и брюликах. А мы с тобой на посреднических операциях получим щедрый навар. Ну что скажешь?

— А какой процент мой?

— Какой бы ни был, поделим прибыль пополам. К тому же покупателя и продавца знакомить не будем. Да они и сами не захотят лишний раз светиться друг перед другом. Так что к сумме, запрошенной продавцом, будем слегка добавлять, соблюдая свой интерес. Ну а процент вознаграждения за сделку пусть богатенький покупатель нам отстегнет. Ну, есть у тебя что-нибудь подходящее?

И Жанна поняла: «Вот и настал подходящий момент. Продав бриллиант, взятый в квартире ювелира, я сразу стану госпожой миллионершей и поживу наконец-то в покое, не обременяя себя излишними хлопотами о хлебе насущном. Но Рита не должна догадаться, что камушек принадлежит мне. Придется разыграть театр одного актера».

И Жанна ответила неопределенно:

— Предложение заманчивое, но неожиданное. Надо подумать. Есть, конечно, интересные людишки. Но их надо прошупать и уговорить расстаться с милыми сердцу побрякушками. Сколько у меня времени?

— От силы неделя. Цеховик уже завершает оформление документов. Мы с этим типом лично встречаться не будем: за ним наверняка топтуны из КГБ по пятам шастают. Желают подловить «изменника родины», чтобы он не сытую жизнь за рубежом получил, а отсидку в зоне за нарушение валютных операций. Поэтому он и действует через посредников. Один из них вышел на меня. Вот мы и будем иметь дело только с ним, а не с цеховиком. Ты-то справишься?

— Постараюсь: здесь действительно можно бабок настрогать немерено. Как только появится конкретика, так тут же отзвонюсь.

По дороге домой Жанна обдумывала ситуацию: «Конечно, мой куратор из КГБ подполковник Гвоздев обрадуется сообщению об участии отъезжающего за кордон цеховика в незаконных операциях по скупке золота и валюты. Да и чистой контрабандой тут пахнет. Но это счастливый для меня шанс продать крупный бриллиант за хорошие деньги. Упускать такую возможность нельзя, и потому пусть Гвоздев вылавливает другую ценную рыбку в мутной воде. А в этом деле без его участия обойдемся».

В этот день на стол Гвоздева легло агентурное сообщение, полученное его подчиненным Овсовым. Секретный источник информировал, что в Москве действует банда из четырех человек, среди которых имеется бывший сотрудник КГБ. Эта преступная группа специализируется на грабежах квартир состоятельных граждан. Берут только золотые украшения и драгоценные камушки. Жертвы свои находят, представляясь посредниками, скупающими ценности для лиц, выезжающих на постоянное место жительства за рубеж. Для правдоподобности легенды действуют от имени людей, действительно получивших разрешение на выезд. Хотя те даже не подозревают, что делается за их спиной.

Гвоздев устало отложил сообщение в сторону: «Речь идет о чистой уголовщине, которой должна заниматься милиция. Но смущает участие в банде сотрудника КГБ, пусть и бывшего. Если милиция на него выйдет, будет скандал, дискредитирующий нашу контору. А этого допустить нельзя. Наша организация должна быть вне подозрений, как английская королева. Так что пока милицию информировать подождем. Похоже, источник Овсова находится в контакте именно с нашим бывшим коллегой. Сначала сами установим его личность и посмотрим, что с ним делать. Если не сильно погряз в криминале, попробуем отмазать».

Гвоздев поднял трубку и вызвал Овсова:

— Послушай, капитан. «Народных мстителей», которые подпольных буржуинов раскулачивают, пусть уголовный розыск раскручивает. Пока подождем их подключать. Меня беспокоит участие в банде нашего бывшего сотрудника. Дай задание своему источнику установить его адрес и данные. Попробуем его прошупать. Если не сильно наследил, вербанем мужика и через него накроём бандгруппу. Все, иди, и держи меня в курсе дела.

В этот момент Гвоздев и предположить не мог, что данное сообщение имеет непосредственное отношение к его давней и проверенной агентессе.

Жанна, соблюдая осторожность, позвонила Рите лишь на третий день:

— Ритуля, есть хорошие новости. Нашла я вдове генерала. Муж был старше ее на тридцать лет. Недавно умер. Хранится у нее в доме крупный бриллиант редкой красоты, вывезенный из Германии после войны. Ее муж нашел бриллиант в разбомбленном замке. Она согласилась его продать. Но сумму заломила несусветную. Будем связываться с таким хлопотным делом?

— Обязательно. Заказчик мне дал карт-бланш на определение сумм закупки. Давай подъезжай ко мне. Обсудим детали. Не по телефону же болтать.

Собираясь к сообщнице, Жанна достала фотоаппарат, положила драгоценный камень на черный бархатный лоскут, рядом — обычную ученическую линейку и сфотографировала его с разных сторон: «По крайней мере, у покупателя будет представление о размере и красоте драгоценности».

Если бы она знала, что именно так, с помощью линейки, криминалисты фиксируют вещественные доказательства на месте происшествия, то суеверно бы поостереглась делать подобные снимки. Но она, не подозревая об опасной примете, отправилась к сообщнице.

Рита с интересом повертела фотографии в руках и вынесла приговор:

— Конечно, хорошо бы увидеть брюлик живьем. Сама знаешь: берешь в руки — маешь вещь. Но, судя по фото, украшение стоящее. Заказчик будет доволен. Сколько хозяйка за него просит?

— Баба она простая, из провинции. И, прожив десятилетия рядом с генералом, ума особого не приобрела. Ее фантазия далеко не простирается: просит миллион. Просто и тупо настаивает на этой сумме.

— Ничего, заказчик такими деньгами располагает. Теперь подумаем, какую цену назначим ему мы с тобой, чтобы сделать свой гешефт и не отпугнуть покупателя. Я думаю, назову заказчику полтора лимона, но торг будет уместен.

— Не много? Не отпугнем? Но тебе виднее. Когда назначить сделку?

— Все зависит от того, когда у тебя на руках окажется сам камень, а не фотография. Хозяйка согласится доверить тебе ценность?

— Только в обмен на долговую расписку, и еще потребовала оставить у нее мои личные украшения, аккордеон и старинную картину. Все это дешево, но так ей спокойнее.

Обещает все вернуть, когда привезу ей деньги.

— Резонно. Как только камушек окажется у тебя, отзвонись.

Придерживаясь легенды, Жанна позвонила Рите лишь через день и сообщила, что камень у нее в руках. Договорились встретиться на следующее утро в десять часов.

Предвкушая баснословную прибыль, Рита тут же перезвонила представителю заказчика. Тот обещал прибыть на квартиру Риты без опоздания.

В тот же день Овсов пришел в кабинет к Гвоздеву с докладом:

— Есть новости. Одна хорошая, а другая плохая. Начну с хорошей: наш фигурант, входящий в банду, служил не опером и не следователем. Он — прапор из спецназа. Уволен за махинации с обмундированием. Прошел по делу свидетелем, хотя у самого рыльце явно в пушку. Так что в случае ареста прапора особого несмываемого пятна на нашем ведомстве не будет.

— А что тогда является плохой новостью?

— Он болтанул моему источнику, что завтра утром крупно разбогатеет и уйдет надолго в завязку. Значит, готовится опасное преступление. Но где и кто намечен в жертву, не знаем. Значит, и предотвратить не сможем.

— А нам это очень надо? Ну, станет меньше одним или двумя подлецами, забывшими, чем они обязаны советской Родине. Воздух только станет чище. Мы же не можем возле квартиры каждого бегущего из страны охрану поставить. А ты что предлагаешь?

— На данный момент нам известен домашний адрес бывшего спецназовца. Устроим засаду и возьмем его в момент возвращения с награбленными ценностями.

— Никудышный план: если он скинет по дороге добычу на неизвестной нам явке, то вытянем пустышку. Сейчас ограничимся установлением за его квартирой наблюдения и прослушкой телефона. На неделю начальство

санкцию на данные мероприятия мне даст. За это время будем отслеживать все милицейские сводки о происшествиях и вычислим, где банда успела наследить в этот раз. В зависимости от полученных результатов примем решение о задержании бывшего коллеги. Ну, все, иди и подготовь необходимые материалы.

Оставшись один, Гвоздев, не торопясь, закурил. Ему все больше не нравилась информация о готовящемся где-то в Москве ограблении. Он, в отличие от подчиненных, знал о том, кому могли предназначаться отбираемые силой у подпольных богачей драгоценности. И очень не хотел ненароком залезть в сферу интересов высокого начальства из когорты «неприкасаемых». Ему только оставалось ждать дальнейшего развития событий.

Стараясь унять колотящееся от волнения сердце, Жанна позвонила в дверь, которая сразу распахнулась. Рита, стоя на пороге, ее огорошила:

— А мы тебя уже заждались. Володя, представитель заказчика, уже здесь. Пришел заранее, чтобы убедиться, что все спокойно и его не ждет засада. Деньги он доставил.

Настороженная Жанна прошла в комнату, бережно прижимая к груди сумочку, в который лежал дорогой товар. Но, увидев, высокого, добродушно улыбающегося блондина, сразу успокоилась: «У человека с таким красивым и открытым лицом не может быть дурных намерений. Теперь я уверена, что сделка пройдет гладко».

Володя приветственно кивнул и, подняв с пола объемистую спортивную сумку, поставил ее на стул, расстегнул молнию. Внутри лежали аккуратно сложенные пачки крупных купюр.

— Вот мой взнос. А теперь позвольте убедиться в качестве вашего товара.

Жанна вытащила из сумочки черную бархатную тряпочку и, развернув ее, торжественно во-

друзила на стол бриллиант. Володя взял в руки и неумело повертел перед глазами сверкающий ровными гранями драгоценный камень. Жан не сразу стало ясно, что этот человек ничего не смыслит в драгоценностях. Это поняла и Рита, поспешившая успокоить покупателя:

— Не сомневайся, Володя. Я знаю толк в брюликах. В лучшие времена через мои руки их прошло немало. В молодости я была красавицей, и мужчины не жалели на меня денег. Поверь моему слову: эта вещичка стоит целого состояния.

— Ладно, Рита, в случае обмана лично ты будешь нести ответственность. За мной стоят серьезные люди, так что сто раз подумай. И если уверена, то забирайте деньги. Но только сначала пересчитайте, чтобы ко мне потом никаких претензий не было.

Женщины склонились над лежащей на стуле сумкой, начав пересчитывать пачки денежных купюр. Занятые столь важным делом, они не заметили, как Владимир достал небольшой пистолет и прицельно наставил на затылок Риты. Прервавший тишину выстрел заставил Жанну испуганно вскрикнуть и отскочить в сторону от свалившегося рядом тела убитой подруги. И тут же ствол оружия в руке профессионала уставился ей в лицо. Глаза палача смотрели на нее с беспощадным равнодушием. И Жанна покорно зажмурилась, словно отгоняя от себя беспощадный ночной кошмар. Звук выстрела она уже не услышала: пуля пробила лобную кость, мгновенно исключив свою жертву из списка живых.

Владимир деловито подобрал гильзы, закинул в сумку рассыпавшиеся купюры и заботливо прощупал положенный во внутренний карман пиджака бриллиант: «Вроде ничего не упустил. За мебель я руками не брался, так что отпечатков не оставил. Пора уходить. Дом старый, капитальный, стены толстые и звуки гасят. Осложнений быть не должно».

Выйдя на улицу, бывший спецназовец поспешил удалиться прочь от дома, где оставил два безжизненных

трупа одиноких, попытавшихся пожить на широкую ногу женщин. Запутывая следы, отошел подальше от места происшествия и только потом поймал такси. Назвав адрес, умиротворенно прикрыл глаза: «Я все сделал четко и грамотно. Выйти на мой след практически невозможно. Сейчас закину с кровью добытый товар и верну деньги шефу. Интересно, какое вознаграждение он мне выделит? Обещал не обидеть. Я думаю, так и будет. Я ему еще понадобится. Где он еще найдет специалиста столь высокой квалификации?»

Самоуверенно посчитав себя уже в зоне безопасности, Владимир покинул такси и направился к подъезду высотного здания, где его уже ждали.

Сразу после полудня в кабинете Гвоздева зазвонил телефон. Руководитель группы наружного наблюдения кратко доложил:

— Объект прибыл по месту своего жительства. Приехал один, с пустыми руками. Похоже, при нем ничего нет. Жду указаний.

— Продолжайте наблюдение. В случае выхода с ним на связь новых людей устанавливайте их личности и отслеживайте характер отношений. В общем, действуйте как всегда, но поостерегитесь: объект знаком с нашими методами работы. Все, до связи.

Приближалось время обеда, и Гвоздев решил, что вряд ли скоро поступит новая информация. Но только он собрался спуститься в столовую, его остановила трель звонка. Руководитель опергруппы наблюдения взволнованно сообщил:

— Все, амба объекту. Выпал из окна восьмого этажа прямо на асфальт.

— Жив?

— Какое там! Кости все переломаны. Лежит, как мешок с мукой. Руки и ноги вывернуты в обратную сторону. Толпа собралась, медики и менты вокруг суетятся.

— Пьян?

— Я близко подходил. Запаха алкоголя не чувствуется. Мои

ребята успели полазить по подъезду. Никого подозрительного не обнаружили. У соседки ключ от его квартиры имеется запасной. Заходили. Никого. И никаких нарушений обстановки. Кто-то профессионально сработал. Скорее всего, спишут на несчастный случай.

— Все ясно. Полазай там со своими ребятами еще пару часиков. Разговоры и сплетни послушайте. Так, для очистки совести. И возвращайтесь. Делать там особо нечего. Все, отбой.

На следующий день, изучая сводки-ориентировки по городу, Гвоздев наткнулся на сообщение о двойном убийстве женщин в центре Москвы. Узнав о гибели своей агентессы, ненадолго опечалился:

«Жанку уже и так надо было списывать в архив как выработавшую свой ресурс. В последние годы она свои связи изрядно порастеряла, и толку от нее было мало. Да и в этом деле Жанка повела себя по-сволочному, скрыв от меня важную информацию. Вот сама себя и наказала, нарвавшись на пулю. Интересно, что они с хозяйкой квартиры всучили этому погибшему вслед за ними спецназовцу? Возможно, тоже свою игру в обход хозяев затеял. И поплатился. А может, просто концы рубят. А впрочем, это уже не мое дело. Никаких реальных перспектив к раскрытию преступления на данный момент нет. Пожалуй, это к лучшему: не ровен час, выйдешь на важных персон — заказчиков бриллиантов. И тогда головы не сносить. Мне до пенсии еще года три продержаться надо. Так что пусть менты лишней глухой висяк на себя возьмут. И, как говорится, концы в воду. А пока, скорее всего, драгоценная побрякушка надолго осела в коллекции какого-нибудь высшего чинуши из верховной власти».

Опытный сотрудник КГБ был прав: бриллиант «Подмигивающий призрак» по воле судьбы всплыл лишь через двадцать лет, в начале XXI века, продолжив свой обильно политый кровью путь.

Продолжение следует.

Валерий АНТОНОВ

Валерий Антонов родился и живет в Челябинске. В 1983 году окончил исторический факультет Челябинского государственного университета, сегодня трудится в коммерческом банке.

В настоящее время — автор таких изданий, как «Фонтан» (Одесса), «Литературная газета», «Юность», «Аргументы недели», «Кайф по выходным», «Новый Крокодил» (Москва), «Чаян» (Казань), «Вокруг смеха» (Санкт-Петербург), «Веселуха» (Смоленск), «Нескучная жизнь» (Минск) и других. Неоднократно публиковался в Израиле, США, Канаде.

В 2006–2008 годах в тележурнале «Фитиль» вышли семь сюжетов, снятых по его оригинальным сценариям, а многие афоризмы звучали в телепрограммах «Блеф-клуб» и «Губерния» (ВГРТК — Южный Урал).

В ближайшее время в столичном издательстве «Зебра Е» выходит книга афоризмов и миниатюр «Антоновка с перчиком».

ВОСЕМНАДЦАТЬ ПРИЗНАКОВ ТОГО, ЧТО ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА НЕ ЗА ГОРАМИ:

1. Вы перестали завидовать соседу, спешащему с утра на работу.
2. Когда вы смотрите телевизор, вас больше волнует прогноз погоды, а не цена за баррель нефти.
3. Вы снова можете позволить себе оставлять на «чай». То есть заваривать свой пакетик повторно. И не прошлогодний, а вчерашний.
4. Пособие по безработице сравнялось с суммой коммунальных услуг. И это еще не вечер!
5. Надбавка к пенсии дает вам надежду, что у стариков-родителей теперь будет проще перехватить сотню до зарплаты.
6. Снижение процентов по ипотеке доставляет вам и вашим близким чисто эстетическое удовольствие.
7. Вы уверены, что за нанотехнологиями — будущее. По крайней мере, будущее Чубайса.
8. Вы снова стали активно посещать спортивные мероприятия: забываете «козла» во дворе практически ежедневно.
9. Благодаря предвыборным обещаниям ваша потребительская корзина стремительно тяжелеет, но нести ее в руках все легче и легче.
10. Вы уже планируете отдых в горах: там, особенно в горных тоннелях, лучше виден выход из кризиса.
11. Ценники в магазинах и на бензоколонках переписываются не каждый день, а всего лишь каждую ночь.
12. На сексуальные услуги — большие скидки! Пока, правда, только со стороны жены.
13. Вы уже осмеливаетесь просить надбавку к окладу. И что поразительно: изображение в зеркале не перебивает и даже с пониманием кивает вам в ответ!
14. Криминогенная обстановка не пугает, а вызывает уважение.
15. Вас переполняет чувство гордости за количество олигархов на душу населения.
16. А патриотизм-то вырос в цене — ого-го-го! Хотя до коррупции ему ой как далеко...
17. На работе вы горячо обсуждаете шансы Медведева и Путина, но на выборы идти не собираетесь.
18. То, что конец света совпадает с датой выхода из кризиса, озвученной правительством, внушает неподдельный оптимизм.

БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ. НАШИ ДНИ

Следователь Подберезовиков закончил снимать показания и протянул протокол задержанному:

— Прочитайте и распишитесь!

Правонарушитель пробежал глазами оба испи-санных листа, вздохнул и поставил закорючки со всех сторон протокола.

— И все-таки объясните мне, Деточкин, ну зачем вы угоняли машины? Да еще в одиночку, без прикрытия... Ведь рано или поздно вас бы все равно поймали! Объясните мне без протокола — зачем?

— Так ведь... воруют, гражданин следователь! — По-детски наивные глаза угонщика, чуть подрагивая от набегающих слез, смотрели на следователя.

— Кто ворует? — с нажимом уточнил сидевший напротив Подберезовиков. — Давайте разберемся! Второго числа этого месяца вы угнали «девятку» у сторожа Егорова. «Ладу-Калину», которая, как вы сами отметили, по дороге у вас развалилась и до гаража не доехала, увели из-под окон участкового врача Татьяны Ивановны Чудиловой. Случилось это шестого марта, не так ли? А не далее как вчера, гражданин Деточкин, вы попытались увезти прямо со стоянки автосалона бежевую «Приору», за рулем которой мы вас и задержали. Причем действовали с особым цинизмом, потому как ее будущий владелец, заслуженный учитель Саночкин, в это время оформлял документы на ее покупку. Да еще, между прочим, в кредит. Все перечисленные — уважаемые люди, работяги, отлично характеризуются с места работы. Мы и по своей картотеке их проверили — все чисто!

— Вы меня не совсем правильно поняли, гражданин начальник, — взволновался разоблаченный преступник. — Все не так! Не они воруют!

— Не понял! — поднял брови следователь и выразительно посмотрел на подписанные показания. — Решили поменять показания? С чего бы вдруг?

— Нет, записано у вас правильно, только... — попытался оправдаться злоумышленник, но вдруг чего-то испугался и замер на полуслове.

— Только — что? — выжидательно облокотился Подберезовиков на край стола.

— Воруют те, кто выпускает такие автомашины! — перешел на шепот Деточкин, словно выдавал важный государственный секрет. — Я собрал данные, я провел многочисленные экспертизы, у меня есть неопровержимые факты! Это преступное сообщество и имя его — «АвтоВАЗ»! И все те, кто на нем работает...

— Как это? — опешил следователь, решив, что угонщик начал косить под сумасшедшего.

— Очень просто! А вы возьмите и подсчитайте, сколько они уже вытянули бюджетных денег. А сколько потратили и еще потратят авто-владельцы на ремонт? Покупая их же запчасти по бешеным ценам?..

— Тут вы правы, — с горечью согласился его визи-ви, вспомнив то недалекое время, когда сам мучился со своим «жигуленком». — Но и вы тоже хороши! — попытался пристыдить Подберезовиков не в меру распаленного собеседника. — Отправились бы, в конце концов, на завод и взорвали бы их конвейер к чертовой матери!..

— Ну вы даете! — восхищенно произнес Деточкин, проникаясь к оппоненту все большим уважением.

— Это я, конечно, хватил... — смущенно добавил тот. — А вот что касается угнанных машин, вопросы остаются!

— Какие?

— Что вы собирались с ними делать? Только правду.

— А что с ними еще можно сделать? — переспросил Деточкин, приподняв брови. — Только одно — утилизировать. А владельцы — получают страховку. Я ведь, гражданин следователь, не забывайте, по профессии — страховой агент. Их всех заранее застраховал. И Егорова, и Чудилову, и тем более Саночкина. Могу и полисы показать...

Почувствовав комок в горле, служитель закона встал, подошел к окну и достал сигарету. Под окнами его кабинета стояла недавно купленная «десятка», красиво отражаясь в свете уличных фонарей. На выходные Подберезовиков собирался поставить ее в автосервис, чтобы устранить непонятный стук в коробке передач. Постояв пару минут, он вернулся к столу и протянул Деточкину пачку:

— Закуривайте...

— Спасибо, я бросил, — извиняющимся тоном от-казался тот.

— А страховать вы, надеюсь, пока что не броси-ли? — полюбопытствовал следователь.

— Пока еще нет.

— Тогда вот вам пропуск — и до завтрашнего дня можете быть свободны. А завтра, ровно в девять ноль ноль, я жду вас в своем кабинете. С вещами и... с чистым страховым полисом.

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»

(СОВСЕМ НЕ ПО И. С. ТУРГЕНЕВУ)

Понедельник. С утра что-то потянуло меня на охоту. Этим «что-то» оказался егерь Кузьмич. Тянул он меня долго — километра два. Сначала за воротник, потом за ноги. И что обидно — тянул, паразит, не по ровной дороге, а прямо через лес... По всем сучкам и муравейникам. Потом Кузьмич устал и повернул обратно. И у меня сразу охота пропала. Не приходя в сознание...

Вторник. Завтракали. После третьего стакана Кузьмич вспомнил, что больше закуски не осталось. Я-то березовым соком запивал. Вернее, с коры слизывал. Вот с него меня, видно, и развезло. А Кузьмичу хорошо — он закусывает всегда тем, что под руку попадет. Мухоморчик бросил в рот — и как огурчик! Весь зеленый, в пупырышках и скрюченный пополам. Взяли мы с Кузьмичом бинокль — один на двоих — пошли по грибы. Но все мухоморы вдруг превратились в Красных Шапочек и дружно убежали к бабушке! Придется завтра искать дорогу к этой бабушке...

Среда. Наутро я долго пытался объяснить Кузьмичу смысл сказки про Красную Шапочку, которая вырастила репку, вскочила на Конька-Горбунка и покатила колобком в теремок своей бабушки. Кузьмич долго не врубался, но как только услышал слово «охотники», тотчас протрезвел, собрал охотничье снаряжение и отправился на охоту. Но дальше бани не ушел. В ней и заночевал...

Ночь на четверг. Кузьмич разбудил меня среди ночи, вспомнив о том, что на следующей неделе, у самой опушки, он выкопал яму-ловушку. Для слона, который проглотил и бабушку, и Красную Шапочку. Оптимист Кузьмич уверял, что сейчас в темноте мы его мигом найдем. По белым бивням. Я возражал, что если слон упал в яму бивнями вниз, то ориентироваться надо на то, что у слона между ног снизу. То есть теперь сверху. Но найти это мы сможем только на ощупь...

Утро четверга. Всю ночь искали на ощупь. К утру я нашупал самого Кузьмича, прижавшего к груди последнюю канистру домашнего «зверобоя». Прове-

рено: этот фирменный напиток Кузьмича бьет любого зверя наповал. Кроме самого Кузьмича. Его он просто согревает. Вот он и грелся в обнимку с ним до рассвета.

Пятница. Приняли пару стаканов «зверобоя» на каждого, потом внутрь. Согрелись. Встали и на четвереньках пошли дальше. По дороге Кузьмич стал целиться в дичь. Думал — из ружья. Но когда нажал на курок, оказалось, что из змеевика. Ошибку свою осознал, но с трудом. Но допить три литра «зверобоя» для него никакого труда не составило.

Суббота. Смотрели по всем карманам, но ружье Кузьмича так и не нашли. Зато нашли яму! Но не со слонем. С кенгуру. Прыгает, гад, и матом на нас ругается. Пригляделись — а это в яме почтальон наш деревенский Захарыч. Сам весь от страха в говне, но с толстой сумкой на ремне. Вытащили мы Захарыча. Спрашиваем: «На хрена ты, Захарыч, тут по лесу шастаешь?» Про то, чья это яма, не говорим. Чтоб не расстраивать. А он отвечает: «Мечта у меня есть заветная с детства. Хочу, понимаешь, найти то пушкинское дупло, через которое Маша с Дубровским сношались. Потому и в почтальоны пошел работать». Мы ему намекнули: мол, долг налоговым платежом красен. Захарыч намек понял, за свое спасение из сумки пол-литру достал. Домашний магарыч назывался, «Троекуровский». Сваренный по старинному рецепту няни Арины Родионовны. Выпили за исполнение мечты Захарыча, потом его раздели и засунули в нору. Чтобы не вонял.

Воскресенье. Сидим втроем и решаем глобальную проблему человечества — чем опохмелиться. Кузьмич не выдержал, поднялся: «Я вам, мужики, скажу не по Гегелю! Мы с вами охотники или кто?» Мы бы с Захарычем и рады бы ему ответить, но уже не помним, на каком языке ему отвечать — на великом или на могучем? На всякий случай кивнули. Кузьмич сразу подобрел, сказал, чтобы разводили костер, а сам отправился на разведку. Мы хотели пойти в разведку вместе с ним, но он нас остановил: «Не обижайтесь, мужики! За линию фронта я бы с вами в разведку пошел, а вот за самогоном на дальний ху-

тор бабки Лукерьи — только в одиночку». Никому не доверяет!

Опять воскресенье. Костер разжигали из писем почтальона Захарыча. Пока я разжигал, Захарыч сидел и горько плакал, заливая слезами угольки. Кончились спички, кончились письма — и Захарыч вмиг перестал плакать. Кузьмича все еще нет, а есть хочется. Захарыч предложил перейти на подножный корм. Я посмотрел на то, что у Захарыча под ногами, и аппетит сразу пропал...

Почему-то суббота. Кузьмича все нет и нет. Я предложил охотиться с помощью стрел. Соорудил лук со стрелами, говорю Захарычу: «Стреляй!» Он стрельнул у меня последнюю сигарету и тут же уснул. Решил стрелять сам — попал в спящего Захарыча. Тот вскочил и с криками убежал куда-то в чащу. Не вернулся...

Не помню, который уже вторник. Хотел пробиться домой, к своим. Долго вспоминал, кто такие свои. Звери вокруг как родные стали. С зайчиками в пятнашки поиграл. На сосну залез — у белочек орешки погрыз. С бабочками по полянке полетал. Одним словом, полюбил нашу природу-мать всей душой! К вечеру случайно наткнулся на дупло. Думал — Дубровского. Оказалось — диких пчел. Хотел приручить — не вышло. Зато опух, как Винни-Пух...

Ночью с четверга на среду. Всю ночь слышал вой волков. Кажется, начинается охота на меня. Сделал на себе огрызком карандаша татуировку «Несъедобный». Может, прочитают и раздумают есть? Из охотничьего снаряжения остались только портянки. Буду настаивать в котелке и пить...

Дня не помню. Помню только одно: из лесной чащи вышел Кузьмич, ведя на веревке лающего, раздетого догола Захарыча. Перегар от Кузьмича такой, что заглушает мои портянки напрочь. Но соображает хорошо, хотя и странно. Бабку Лукерью не помнит, меня зовет Маугли. Категорически не соглашается с тем, что он Кузьмич. Уверяет, что сам он Робинзон, а Захарыч — его Пятница. Я не против — пусть будет Пятница. Значит, завтра суббота — выходной день.

Понедельник начинается в субботу. Чудом вышли из леса. Этим чудом для нас явился Захарыч, у которого за время пребывания в лесу нюх стал лучше, чем у собаки. Дома выдавили из себя рабов до последней капли — и все это выпили! Потом бросили. Охоту тоже бросаем и с завтрашнего дня открываем магазин для тех, кто бросил. Название уже есть — «Рога без копыт». Жены, спасибо, подсказали. Так что — милости просим!

Галка ГАЛКИНА

Так и хочется писать и писать, выкладывая свои бурлящие мысли на бумагу, передавая их кому-то на далекое расстояние. Я вообще люблю писать письма, и не только письма, просто люблю писать... Я ведь тоже учился на филологическом факультете в Саратовском государственном университете имени Чернышевского. Только вот четыре курса осилил... Вот и пишу везде и обо всем...

Идеал Бикбулатов, Саратовская область, Дергачевский район, поселок Восточный

Галка ГАЛКИНА:

А не махнуть ли и нам «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов»?

Почему в Саратов? А потому что, господа, жизнь прожита не зря, если повстречался с идеалом! Вот оно что.

Замечательно, что встреча произошла в начале нового года. Замечательно, что вообще произошла. С идеалами нынче негусто.

А интеллигенция теперь может наконец расслабиться, глубоко вздохнуть, перестать беспокоиться и выпить водички. У нее есть Идеал! Да еще с большой буквы.

Это ничего, что идеал, как и чичиковский Петрушка, охвачен страстью к чтению, хотя его больше привлекает не то, что он читает, а сам процесс чтения, как это из букв «вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что значит».

И неважно, что он не дотянул до пятого курса Саратовского университета имени Чернышевского. Важно, что тянулся к знаниям и, главное, писать любит, бурля мыслями, как заправский пароход возле набережной Саратова.

Важно, что он вообще есть!

А если задуматься, так где ж, как не в Саратове, и быть идеалу?!

Не в Москве и не в Питере, где деньги. Где деньги — там не до идеалов. Там и не пишут. А если и пишут, то не про идеалы.

А идеалы все в Саратове. В сердечной заботе у Идеала Бикбулатова. Обо всем и далее везде!

Более того, наш читатель Идеал Бикбулатов размышляет и о прочи-

танном в нашем журнале. Вот и захотелось мне, чтобы и вы, дорогие наши друзья, в разных уголках Земли познакомились с этим откликом да и сами высказались. Давайте обсуждать прочитанное, ведь это гораздо интереснее, чем на смутных митингах дурью маяться. Вот письмо, как и обещала:

Здравствуй, дорогой друг мой, журнал «Юность»!

Получил очередной, третий номер, немного почитал, так как журнал принесли вчера, а сегодня я решил ответить, вернее, написать в очередной раз под впечатлением от прочитанного.

Снова вчера открыл для себя хорошего поэта, вернее, мне открыла «Юность». Евгений Лесин. Волнуюсь. А почему не волноваться, Евгений. И хотя мы здесь в далекой глуши, у черта на куличках, далеко «от вашей, не вашей» Москвы, и нам свойственно это чувство. То завьюжит, занесет в зиму, то оторвет бурным разливом по весне от «внешнего мира», и вот живешь в волнении и в долгих ожиданиях «конца света», которым то и дело пугают по телевизору, то еще чего...

У нас, конечно, не Москва, но многие из наших вот уже который год там, в «вашей, не вашей» столице на заработках. Так что высказывание «Москва-то не резиновая» получает неверным. Еще как резиновая, да.

И стихи без волнения не рождаются. Стихи, поэзия — это море, волны слов, а может, даже и океан.

Да, океан. И без этой стихии нельзя никак.

В Москве я был всего лишь раз, очень давно, в 1986-м, с ребятами, по турпутевке. Возил учеников, большую группу. Тогда Москва мне очень понравилась. Сейчас — не знаю.

Да, Россия — это уже не великая держава, нет. И Москва, думаю, не та уж.

И башни и у Кремля, и вообще у большинства церквей посъезжали давно, еще с 1917-го. Бескультурье и хамство уже повсеместны.

Вот хотя бы сравнение моей деревни тобой с хлебом. В чем-то ты и прав, да. И село умирает тихо, пусть не так, как Москва, громко, «твоя и не твоя».

И еще стихи красивые, складные, но при чем тут расизм, национализм, русофобия?! Вера — верой, а где культура? Нет, извини, порой сплошная мультикультура. А так — ничего, молодец!

Далее о рассказах. И у Варвары Заречной, в ее исповеди одного года, и у Надежды Горловой все здорово. Особенно у Надежды! Так проникновенно жить в природе и писать о ней, о животных. Спасибо за минуты удовольствия!

Ну вот пока и все. Дальше напишу в процессе дальнейшего знакомства. Дошел до зарисовки Л. Аннинского.

За окном уже сумерки. Посмотрю новости и пойду почитаю на сон грядущий.

С уважением, Идеал Бикбулатов

Начало

- ☺ Начни с нуля, получи три рубля!
- ☺ Начни сначала, пойдя в Ла Скала!
- ☺ Начни с себя, носки тебе!
- ☺ Начни с друга, приехав с юга!
- ☺ Начни с порога про носорога!
- ☺ Начни слушать Штрауса, откусав страуса!
- ☺ Начни с конфеткой, получи табуреткой!
- ☺ Начни с подруги, прослушав фугу!
- ☺ Начни с гейши экзерсис бодрейший!
- ☺ Начни Новый год задом наперед!

**ФАЗА МЕСЯЦА:
Хорал харь!**

Зимняя вишня

- ☼ Какую тему ни поднимай, все равно наступит май!
- ☼ Написал вчерась роман и нашел в себе изъян!
- ☼ Вчера взял старт и настал март!
- ☼ А сегодня вдруг — апрель, от капли я взопрел!
- ☼ А когда придет июнь, высунь паспорт и засунь!
- ☼ А когда пришел февраль — оказалось много Галь!
- ☼ Написал сегодня пьесу — гонорар вложил в Инессу!
- ☼ На дворе стоит январь — не отвяжешься от Варь!
- ☼ Новый год — не новый год: водка, бабы, пароход!
- ☼ Я открыл вчерась «Шампань», приголубил много Ань!

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

**SMS'КА, ОТПРАВЛЕННАЯ СНОВА ПРОХОРУ:
Хамит Карзай?**

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Журнал «ЮНОСТЬ» для жителей РФ, дальнего и ближнего зарубежья распространяется только по подписке!

Наши подписные индексы: **71120** (карточная), **83124** (адресная), **42835** (годовая), **42886** (для пенсионеров и библиотек) — в каталоге «Пресса России» (зеленый); **10152** (карточная) — в каталоге «МАП»; **83802** (карточная), **83801** (адресная) — в каталоге «Роспечать».

Также вы сможете подписаться на журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию. Нужно только заполнить и оплатить квитанцию, а ее копию передать нам любым из этих способов:

- по электронной почте: **unost-reklama@mail.ru**
- по факсу: 8 (499) 250-40-60/74
- продиктовать по телефону! 8 (499) 250-83-98

Квитанции можно вырезать из журнала или скачать на нашем сайте: **<http://unost.org>**

Москвичи могут приобрести журнал:

- в киоске «Экспресс-хроника» по адресу: г. Москва, Страстной бульвар, д. 4
- в редакции журнала «ЮНОСТЬ» по адресу: г. Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1
- в редакции журнала «Знамя» по адресу: г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 2/46

ВЫБОР ЕСТЬ!

ВАША «ЮНОСТЬ» ВСЕГДА С ВАМИ!

Годовая подписка на литературный журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию возможна с любого месяца. Нужно только оплатить квитанцию и отправить копию нам! Будем рады встрече с новыми читателями!

Подписка на год

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала «Юность»		
	Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва		
	ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О.: _____		
	Адрес: _____		

	Телефон: _____		
E-mail: _____			
Вид платежа:		Дата	Сумма
Годовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.			2220,00
Платательщик:			

Подписка на полгода

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала «Юность»		
	Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва		
	ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О.: _____		
	Адрес: _____		

	Телефон: _____		
E-mail: _____			
Вид платежа:		Дата	Сумма
Полугодовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.			1200,00
Платательщик:			

Копию оплаченной квитанции можно отправить в редакцию журнала «ЮНОСТЬ» по факсу: 8(499) 250-40-60, 8(499) 250-40-74, по электронной почте: unost-reklama@mail.ru. Телефон для справок: 8(499) 250-40-72/74.